

И.О. АБРАМОВА

НАСЕЛЕНИЕ АФРИКИ В НОВОЙ ГЛОБАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКЕ

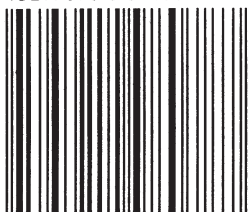
АБРАМОВА Ирина Олеговна – заместитель директора Института Африки РАН по науке, кандидат экономических наук, доцент. В 1984 г. окончила Институт стран Азии и Африки при Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова, в 1987 г. – аспирантуру Института Африки РАН и защитила кандидатскую диссертацию на тему «Социально-экономические проблемы урбанизации в АРЕ».

Абрамова И.О. – ведущий специалист Отделения глобальных проблем и международных отношений РАН по проблемам экономики и народонаселения Африки. Автор более 110 научных работ, изданных в России и за рубежом, в том числе монографий

«Интернет и Африка: параллельные реальности» (2001 г., в соавт.), «Арабский город на рубеже тысячелетий» (2005 г.), «Возникающие» и «несостоявшиеся» государства в мировой экономике и политике» (2007 г., в соавт.), «Африканская миграция: опыт системного анализа» (2009 г.), «Germany in Africa: Reconciling Business and Development» (2009 г., в соавт.) Член Научного Совета РАН по проблемам Африки. Участница более 80 международных конференций и семинаров, проведенных в России и за рубежом. С 1994 по 1997 гг. – приглашенный лектор в университетах Тюбингена, Бохума, Гейдельберга (Германия) и в университете Сан-Галлен (Швейцария). В качестве эксперта Совета Европы в 2004 и 2005 гг. принимала участие в конференциях и семинарах в России и за рубежом в рамках Международной программы борьбы с отмыванием денег и финансированием терроризма.

Абрамова И.О. с 2004 г. постоянный докладчик Международного симпозиума по борьбе с экономическими преступлениями, проводимого ежегодно в г. Кембридж (Великобритания). Совместно с учеными из России и зарубежных стран в 2005–2010 гг. организовывала и проводила полевые исследования в ряде европейских и африканских стран по проблемам народонаселения и международной трудовой миграции.

ISBN 978-5-91298-078-7

9 785912 980787

И.О. Абрамова НАСЕЛЕНИЕ АФРИКИ В НОВОЙ ГЛОБАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКЕ

УЧРЕЖДЕНИЕ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ИНСТИТУТ АФРИКИ РАН

И.О. Абрамова

**НАСЕЛЕНИЕ АФРИКИ
В НОВОЙ ГЛОБАЛЬНОЙ
ЭКОНОМИКЕ**

Москва
2010

Ответственный редактор
проф., д.э.н. Л.Л. Фитуни

Абрамова И.О.

Население Африки в новой глобальной экономике. – М. : Ин-т Африки РАН, 2010. – 496 с.

В монографии показано влияние фундаментальных процессов в мировой экономике начала XXI века на трансформацию глобальной модели общественного развития, анализируются причины кризиса существующей модели, дана характеристика обновленной архитектуры мирохозяйственных связей и новых правил экономического миропорядка.

Впервые в российской научной литературе показано воздействие демографических изменений в мире в целом и на Африканском континенте в частности на трансформацию экономической модели мира. В работе анализируется меняющаяся роль Африки в мировых демографических процессах, проблемы африканской урбанизации и трансграничной миграции, динамика и структура занятости африканского населения, а также количественные и качественные характеристики человеческого капитала Африки в условиях глобализации.

ISBN 978-5-91298-078-7

© Институт Африки РАН, 2010.

© Абрамова И.О., 2010.

© Абишева Г.М., оформление, 2010.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	7
ГЛАВА 1. Влияние фундаментальных процессов в мировой экономике начала XXI века на трансформацию глобальной модели экономического развития	
1.1. Закономерности смены моделей развития мировой экономики и кризис существующей модели глобального развития	11
1.2. Вызревание обновленной архитектуры мирохозяйственных связей и новых правил экономического миропорядка	40
1.3. Переход к новой экономической модели мира и страны Африки	64
ГЛАВА 2. Основные тенденции демографического развития мира	
2.1. Народонаселение как составная часть общественного воспроизводства	95
2.2. Трансформация глобальных моделей народонаселения ...	112
2.3. Рождение новой демографической модели в рамках трансформации мировой экономики	139
ГЛАВА 3. Новая роль Африки в мировых демографических процессах	
3.1. Современные демографические показатели развития африканских государств	154
3.2. Население Африки в XXI веке: основные тенденции развития	175
3.3. Влияние социально-демографических изменений на экономический рост африканских государств	212
ГЛАВА 4. Процесс урбанизации в Африке: закономерности, противоречия и перспективы	
4.1. Современный этап урбанизации: мировой и региональный аспекты	237
4.2. Африканская урбанизация как специфическая составляющая мирового урбанизационного процесса	257

4.3. Социально-экономические особенности процесса урбанизации в Африке на примере конкретной страны (Египет)	279
ГЛАВА 5. Миграция африканского населения как элемент формирования новой экономической модели мира	
5.1. Роль миграций в современной экономике: опыт системного анализа	303
5.2. Африканская миграция: региональный вопрос или глобальная проблема?	322
5.3. Африканские беженцы и нелегальные мигранты	347
5.4. Роль денежных переводов в социально-экономическом развитии африканских государств	364
ГЛАВА 6. Трудовые ресурсы Африки: динамика и качественные сдвиги	
6.1. Современное состояние мирового рынка трудовых ресурсов	390
6.2. Интеграция мирового рынка труда в условиях глобализации: вопросы теории	402
6.3. Рынок труда и занятость в странах Африки	415
6.4. Безработица и неполная занятость в Африке: подходы к решению проблемы	428
6.5. Человеческий капитал Африки в условиях глобализации	442
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	459
SUMMARY	471
БИБЛИОГРАФИЯ	484

CONTENTS

INTRODUCTION	7
CHAPTER 1. The Impact on Fundamental Processes in the World Economy of the 21st Century upon the Transformation of the Global Model of Economic Development	
1.1. Regularities in the changes of models of development of the world economy and the crisis of the existing model of global development	11
1.2. The evolvement of the renovated architecture of global relations and new rules of the world order	40
1.3. Transition to the new global economic model and the countries of Africa	64
CHAPTER 2. Main Trends of the Demographic Development of the World	
2.1. Population dynamics as a part of social and economic development	95
2.2. Transformation of global population models	112
2.3. The birth of a new demographic model within the framework of transformation of the world economy	139
CHAPTER 3. Africa's New Role in the Global Demographic Processes	
3.1. Contemporary demographic indicators of development of African states	154
3.2. Africa's population in the 21 st century – main trends and tendencies	175
3.3. Influence of social and demographic parameters upon the economic growth of African countries	212
CHAPTER 4. Process of Urbanization in Africa: Regularities, Contradictions and Prospects	
4.1. The current stage of urbanization – global and regional aspects	237
4.2. The specifics of African urbanization as a part of the global urbanization process	257

4.3. Social and economic aspects of the African urbanization in the case of Egypt.....	279
CHAPTER 5. Migration of the African Population as an Element of the Evolving New Model of the Global Economic Development	
5.1. The role of migrations in the contemporary economy: A systemic analysis	303
5.2. African migration – a regional issue or a global problem?	322
5.3. African refugees and illegal migrants	347
5.4. The role of remittances in social and economic development of African countries	364
CHAPTER 6. Africa’s Labor Resources: Dynamics and Qualitative changes	
6.1. Contemporary state of the global market of labor resources ...	390
6.2. Integration of the world labor market under the influence of globalization: the questions of theory	402
6.3. The labor market and employment in African countries	415
6.4. Unemployment and underemployment in Africa – approaches to the solution of the problem	428
6.5. Globalisation and the human capital of Africa	442
CONCLUSIONS	459
SUMMARY	471
BIBLIOGRAPHY	484

ВВЕДЕНИЕ

Современный этап развития мировой экономики и международных отношений характеризуется завершением перехода от моноцентричной к полицентричной модели мира.

Последовательный распад на протяжении второй половины XX века устоявшихся экономических систем (колониальная система, мировая система социализма, однополярная неоконсервативная модель Вашингтонского консенсуса, воцарившаяся после распада СССР) сопровождалась чередой локальных и крупных региональных войн, вооруженных конфликтов и экономических потрясений. Апогеем последних стал глобальный финансово-экономический кризис 2008–2010 гг.

Хотя в работах экономистов дается различная интерпретация причин и последствий происходящих перемен, абсолютное большинство склонно видеть в происходящем назревающую смену модели мирового экономического развития.

Как показывает опыт, диалектикой развития мировой экономики предопределена регулярность смены моделей глобального экономического развития. Когда мы говорим о глобальных моделях, то имеем в виду, прежде всего, устойчивые и повторяющиеся парадигмы построения международных общественных отношений, связанные с производством, обменом, распределением в мировом хозяйстве, сложившиеся на определенном историческом этапе развития человечества и в целом отражающие установившееся в мировой экономике соотношение сил при данном уровне и характере технологического и хозяйственного развития.

Смена модели мирового экономического развития проявляется, прежде всего, в том, что в условиях относительного снижения веса и значимости традиционных экономических и силовых центров на авансцену глобального развития выдвигаются новые игроки, формирующие вокруг себя новые центры притяжения. Речь идет как о новых локомотивах мирового экономического роста, силах, задающих и формирующих направления цивилизационного развития, так и о крупных глобальных «проблемных» зонах, под воздействием которых «искривляются» векторы регионального и межрегионального силового притяжения и развития.

К числу таких «кумулятивных» центров относится и Африканский континент. Уже в силу того, что это регион, население которого превышает 1 миллиард человек и который занимает примерно 1/5 часть обитаемой суши, невозможно создать научно достоверную картину полицентричного мира без полноценного учета особенностей и характеристик этого элемента общей глобальной системы. По прогнозам к 2050 г. треть населения планеты будет проживать в Африке. И уже сегодня при определении тенденций мирового развития, касающихся роста и формирования глобальной армии труда, трансграничной трудовой миграции, мировой структуры потребления, нам необходимо учитывать африканскую составляющую.

Настоящая работа представляет собой первую в российской литературе попытку комплексного анализа формирующейся новой экономической модели мира и роли африканского населения как составной части (субмодели) современной мирохозяйственной структуры. Работа носит междисциплинарный характер, так как затрагивает как экономические, так и демографические аспекты развития мира в целом и Африканского континента в частности. При этом автор поставил перед собой задачу сконцентрировать свое внимание на тех аспектах исследуемой темы, которые не были разработаны в достаточной мере в российской и зарубежной литературе. Это относится, в частности, к роли Африки в формировании новой экономической модели развития, к анализу трансформации глобальных моделей наро-

донаселения и места африканской составляющей в этих процессах, к расчету основных демографических показателей африканских стран в XXI веке, к комплексному анализу трудовых ресурсов Африки и миграционных потоков с Африканского континента, к выявлению закономерностей африканской урбанизации.

При подготовке данной работы главный упор был сделан на изучение первоисточников, в том числе данных национальной статистики африканских государств, всеобщих переписей населения, проведенными как специализированными службами ООН, МОТ и ОЭСР, так и африканскими статистическими ведомствами. В ходе работы над монографией автором привлекались также материалы, содержащиеся в изданиях международных организаций: ООН, Всемирного банка, Международной организации труда (МОТ), Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), ФАО, ЮНЕСКО и др.

В монографии теоретически обобщены итоги полевых исследований автора в ряде африканских и европейских государств в 1999–2010 гг., включающие интервью с рядом российских и зарубежных экспертов, а также материалы, собранные в научных центрах, правительственных учреждениях и иных организациях в соответствующих странах.

В первой главе монографии показано влияние фундаментальных процессов в мировой экономике начала XXI века на трансформацию глобальной модели общественного развития, анализируются причины кризиса существующей модели, дана характеристика обновленной архитектуры мирохозяйственных связей и новых правил экономического миропорядка.

Вторая глава работы посвящена основным тенденциям демографического развития мира, а также формированию новой модели народонаселения в рамках трансформации мировой экономики.

В третьей главе анализируется меняющаяся роль Африки в мировых демографических процессах, сделан расчет основных демографических показателей африканских государств за последние 20 лет и на перспективу до 2050 г., а также показано

влияние социально-демографических изменений на экономический рост африканских государств.

Четвертая глава отражает основные закономерности африканской урбанизации как специфической составляющей количественного и качественного роста городского населения мира. Отдельное внимание уделено социально-экономическим особенностям процесса урбанизации в Африке на примере конкретной страны – Египта.

Пятая глава посвящена анализу трансграничной миграции африканского населения как составной части мирового рынка труда. В ней рассматриваются проблемы экономической активности африканских мигрантов, влияния денежных переводов на состояние платежных балансов стран-доноров и стран-реципиентов, а также вопросам регулирования трудовой и ограничения нелегальной миграции связанной с ней криминальной и теневой экономики.

В шестой главе анализируется рынок труда африканских государств. Основное внимание в главе уделено динамике и структуре занятости африканского населения, проблемам безработицы и неполной занятости, а также количественной и качественной характеристике человеческого капитала Африки в условиях глобализации.

Пятая и шестая главы монографии были подготовлены при финансовой поддержке гранта РГНФ 09-02-00551 а/р “Роль человеческого капитала в формировании образа страны в многополярном мире: сравнение российских и африканских реалий”.

ГЛАВА 1

ВЛИЯНИЕ ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ В МИРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ НАЧАЛА XXI ВЕКА НА ТРАНСФОРМАЦИЮ ГЛОБАЛЬНОЙ МОДЕЛИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

1. 1. Закономерности смены моделей развития мировой экономики и кризис существующей модели глобального развития

Развитие мировой экономики в начале XXI века ознаменовалось тектоническими подвижками в соотношении сил ведущих экономических центров силы. Отдельные страны, ранее относимые к Мировой периферии, стали обретать не характерную для них прежде экономическую мощь и геополитическое значение, в то время как традиционный Центр глобализированной экономики начал медленно утрачивать, по крайней мере, некоторые из рычагов управления мировым хозяйством, до сих пор безоговорочно находившихся в его распоряжении. Указанный процесс сопровождался обострением нерешенных внутренних проблем Центра и нарастанием противоречий созданного им экономического мироустройства. Последовательный распад на протяжении второй половины XX века устоявшихся экономических систем (колониальная система, мировая система социализма, однополярная неоконсервативная модель Вашингтонского консенсуса, воцарившаяся после распада СССР) сопровождалась чередой локальных и крупных региональных войн, вооруженных конфликтов и экономических потрясений. Апогеем последних стал глобальный финансово-экономический кризис 2008–2010 гг.

Многочисленные исследователи глобальных процессов, принадлежащие к разным научным школам и исповедующие

различные методологические подходы почти безоговорочно согласны в том, что происходящие процессы означают смену эпох. Хотя в работах экономистов дается различная интерпретация причин и последствий происходящих перемен, абсолютное большинство склонно видеть в происходящем назревающую смену модели мирового экономического развития.

При этом часть исследователей склонна интерпретировать такую смену как естественную осмысленную адаптацию ведущих экономик мира к меняющимся технологическим, природно-ресурсным и «народонаселенческим» (подразумевая под этим термином более широкую, чем чисто демографическую проблематику) сдвигам в развитии человечества. Другая часть склонна видеть в происходящем объективные стихийные изменения «скачкообразного», революционного (в философском смысле) характера, что означает большую, чем в первом случае вероятность непредвиденного развития событий, драматизм и остроту конфликтов и непредсказуемость результатов перемен. В любом случае, происходящие процессы изучаются в контексте общего процесса глобализации, который доминирует и определяет направления развития мировой экономики в последние несколько десятилетий.

Современная экономическая наука исходит из того, что определяющими чертами развития мировой экономики конца XX – начала XXI вв. стали такие системные процессы, как интернационализация, глобализация и интеграция. В своей основе эти процессы генерируются объективными потребностями саморазвития мировой хозяйственной системы. Протекающие в рамках глобализации объединительные экономические процессы уже определяют практически всю хозяйственную деятельность развитых стран. Процессы глобализации трансформируют мировую экономику в таком направлении, чтобы последняя преодолела бы внутренние разделительные мембраны государственных границ и в идеале (в реальном мире такое все-таки, думается, не достижимо) превратилась бы в интегрированное единое целое – огромную экономическую макроклетку с мощным ядром Центра, окруженным протоплазмой Мировой периферии.

Роль последней – питать ядро, обеспечивать его дальнейшее развитие и рост, а также защищать от неблагоприятных внешних воздействий и способствовать заживлению внутренних патологий.

Как показывает опыт, диалектикой развития мировой экономики предопределена регулярность смены моделей глобального экономического развития. Когда мы говорим о глобальных моделях, то имеем в виду прежде всего устойчивые и повторяющиеся парадигмы построения международных общественных отношений, связанные с производством, обменом, распределением в мировом хозяйстве, сложившиеся на определенном историческом этапе развития человечества и в целом отражающие установившееся в мировой экономике соотношение сил при данном уровне и характере технологического и хозяйственного развития.

В каждый конкретный исторический период действующая модель глобальных экономических отношений отражает уровень современного развития мировой экономики, соотношения сил в ней, характер отношений сотрудничества, соперничества и эксплуатации. При принципиальном изменении баланса этих составляющих происходит полная или частичная смена глобальной экономической модели. Обычно такие перемены носят эволюционный, а не революционный характер. Они вызревают на протяжении десятилетий за счет длительного накопления качественных характеристик будущей модели взаимоотношений, более соответствующей складывающимся новым мировым реалиям и, как следствие, более эффективной.

Важно подчеркнуть, однако, что смену моделей развития мировой экономики ни в коем случае не следует отождествлять с марксистским положением о смене общественных формаций. При смене моделей экономического развития не происходит принципиального изменения сущности отношений собственности и характера присвоения вновь создаваемой стоимости. Речь идет лишь о преодолении накопившихся, хотя и, бесспорно, весьма глубоких проблем, дисбалансов и несоответствий в мировой экономике, а также об изменении баланса сил уже дейст-

вующих игроков. В ходе этого процесса происходят перемены институционального характера, однако «правила игры» кардинально не перекраиваются, а лишь корректируются.

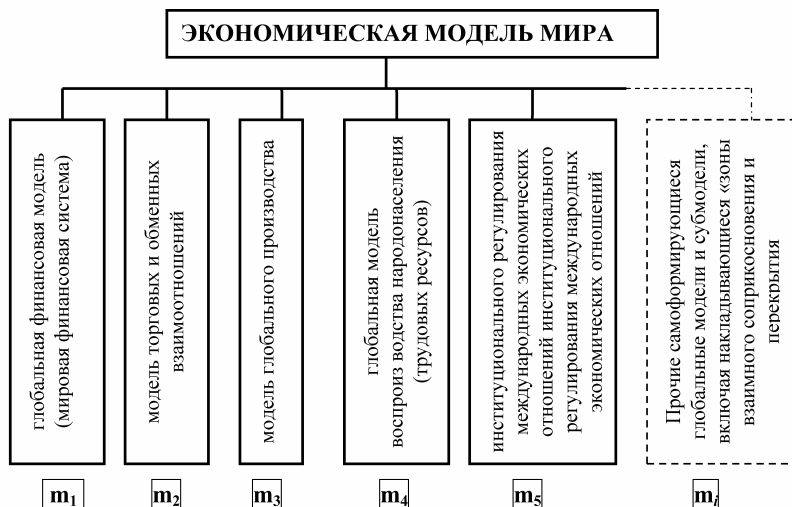
При выявлении закономерностей смены моделей мирового экономического развития обращает на себя внимание тот факт, что последняя происходит достаточно регулярно через относительно короткие (несколько десятилетий) исторические периоды. Такие повторяющиеся смены являются легко фиксируемым проявлением волнового характера развития мировой экономики. Их регулярность на длительных временных отрезках согласуется с важнейшими экономическими теориями циклического и волнообразного развития мирового хозяйства – ван Гельдерна, Кондратьева, Китчина и, в особенности Саймона Кузнеца¹, хотя и не подтверждает их в деталях.

Правда, теория длинных волн (Кондратьевских циклов) акцентирует внимание на изучении лишь одного типа циклической динамики – долгосрочных квазипериодических колебаний социально-экономического и научно-технического развития. Наряду с Кондратьевскими экономистам хорошо известны конъюнктурные циклы меньшей продолжительности, носящие имена ученых XIX–XX вв., впервые их зафиксировавших или внесших решающий вклад в их эмпирическое исследование. Среди них краткосрочные – 3–4 года – циклы Китчина («циклы запасов»), возникающие вследствие неизбежной при рыночном хозяйстве неравномерности инвестиций в сырье, материалы и товарный капитал. Известны среднесрочные – 7–11 лет – торгово-промышленные циклы Жугляра и так называемые интерциклы Лабруса, соответствующие полутора циклам Жугляра. Сюда же могут быть отнесены и четвертьвековые – 20–25 лет – «строительные циклы» Саймона Кузнеца, связанные с периодическим обновлением жилищ и некоторых типов производственных объектов. С другой стороны, Р. Камероном были обоснованы, а впоследствии Г. Эмбером, Ф. Броделем и другими экономистами и историками исследованы еще более длительные волны экономической конъюнктуры, укладывающиеся в периоды 150–300 лет. Такие сверхдолгие циклы, динамика которых опи-

сывается Р. Камероном с помощью логистической кривой, известны под названием вековых трендов.

В задачи нашего исследования не входит идентификация конкретной фазы текущей кондратьевской волны или привязка к ним определенных сменявших друг друга в последние полстолетия моделей мирового экономического развития. Наличие таких взаимосвязей требует отдельного углубленно изучения и однозначного подтверждения. О последнем, по нашему мнению, безоговорочно пока что говорить рано.

С точки зрения системного анализа, модель мирового (глобального) экономического развития можно рассматривать как сложную систему, которая включает ряд относительно самостоятельных элементов-подсистем. Последние в свою очередь также имеют комплексную структуру, распадающуюся на еще более «мелкие» элементы. Другими словами, общая экономическая модель мира (глобальная экономическая модель) в каждый конкретный период времени состоит из ряда относительно самостоятельных, но взаимосвязанных и взаимозависимых отраслевых, секторальных и региональных моделей-подсистем. Важнейшими из них являются: глобальная финансовая модель (чаще именуемая мировой финансовой системой), глобальная модель торговых и обменных взаимоотношений, модель глобального производства, глобальная модель воспроизводства народонаселения (трудовых ресурсов), модель институционального регулирования международных экономических отношений и проч. Указанные подсистемы не изолированы друг от друга. Более того, они не просто взаимосвязаны, а частично «накладываются» друг на друга, создавая своеобразные «зоны взаимного соприкосновения и совместного перекрытия».

Эти взаимно перекрывающиеся зоны в некоторых случаях приобретают характеристики нового качества и, как следствие, сами могут рассматриваться как новые подсистемы (характерный пример – так называемые новые индустриальные страны – продукт взаимодействия специфической региональной, финансовой, демографической и производственно-обменной моделей, породивших новое относительно самостоятельное качество). Другими примерами подобных «синтетических» моделей являются глобальная и региональные интеграционные модели, глобальная модель транснационального управления хозяйственными процессами, глобальная модель мобильности трудовых ресурсов и др. Таким образом, с точки зрения иерархической организации системы речь идет о множестве субмоделей единой обшей глобальной экономической модели.

Или, если попытаться формализовать сказанное, то сумма множества субмоделей, действуя в рамках единой мировой экономики планетарного (это естественный внешний ограничитель рамок системы) масштаба неизменно образуют новое качество – действующую модель мирового экономического развития.

$$\{ \mathbf{m}_1 + \mathbf{m}_2 + \mathbf{m}_3 + \mathbf{m}_4 + \mathbf{m}_5 + \dots + \mathbf{m}_i \} = \mathbf{M}_{glob} : \Leftrightarrow \mathbf{Q}_{nova}$$

где $\mathbf{m}_{1...i}$ – отдельные самостоятельные элементы глобальной модели (субмодели),

\mathbf{M}_{glob} – глобальная экономическая модель-система

\mathbf{Q}_{nova} – возникающее самостоятельное новое качество
или

$$\sum_{n=1}^i m_n = \mathbf{M}_{glob} : \Leftrightarrow \mathbf{Q}_{nova}$$

при этом всегда любая $m \in \mathbf{M}_{glob}$,

а количество $\mathbf{m} > \mathbf{1}$.

Важнейшей характеристикой любой из моделей (включая субмодели) является то, что они включают как пребывающую в определенном состоянии и находящуюся на определенном уровне развития *объективную сущность, формирующую модель* (например, финансы, производственные мощности, людские ресурсы, технологии и т.п.) так и *субъективную институционально-управленческую составляющую* (регулирующие институты, «правила игры» в данном секторе и т.п.). Возникновение, развитие и смена моделей подчиняются поэтому общим законам диалектики взаимосвязи объективного и субъективного.

Другими словами развитие моделей детерминировано действующими экономическими законами и естественным ходом поступательного развития и усложнения структуры мировой экономики. Однако, как показывает опыт послевоенных десятилетий, влияние субъективного фактора, выражающегося в жесткой и целеустремленной линии политических и экономических элит западных обществ на концентрацию в своих руках рычагов управления мировой экономикой и формирование наднациональных институтов и механизмов глобального управления, не менее важно. Оно ускоряет и углубляет объективные процессы, в целом гармонируя с ними.

Говоря о внутренней динамике общих моделей развития мировой экономики, следует отметить, что смена глобальной мо-

дели экономического развития не предполагает синхронной и одномоментной замены всех входящих в нее субмоделей-подсистем. Более того, некоторые из них продолжают сохраняться в старом виде в течение длительного времени, не только после полного вызревания остальных элементов новой модели, но даже после того, как последняя уже обрела доминирующие позиции в мировом масштабе.

В силу внутренних особенностей или особых внешних условий некоторые субмодели более консервативны, чем другие. Весьма подвижны и даже волатильны глобальные валютная и торговая подсистемы. Модели мировой финансовой системы, как показывает опыт XX века, также достаточно подвижны и меняются чаще и быстрее, чем, например, глобальная производственная модель. Замечено, что на протяжении XIX–XX вв. смена моделей международной финансовой системы (золотой стандарт, золото-девизный стандарт, классическая Бреттон-вудская система, Ямайская система и т.д.) выступала в качестве провозвестника скорой смены глобальной экономической модели (реже) и/или наступления глобального кризиса (чаще).

В этом смысле, видимо, можно утверждать, что смена модели мировой финансовой системы является составной частью и, как правило, одним из более ранних по времени сигналов наступления завершающей стадии этапа смены текущих моделей мирового экономического развития.

Модели глобального воспроизводства и мобильности народонаселения (трудовых ресурсов) – одни из самых консервативных. Это объясняется тем, что составляющие элементы системы сильно зависят от «поколенческих» стереотипов поведения, а сама смена моделей – прямая функция от смены поколений. На протяжении XX века они менялись довольно медленно, редко, а при смене сохраняли большую часть ключевых черт предыдущей модели. Для чистоты описания поведения указанных моделей необходимо, правда, констатировать, что к концу XX – началу XXI века наметилась отчетливая тенденция к ускорению их трансформации. Это, по-видимому, объясняется разворачивающимися и углубляющимися процессами глобализации, ин-

теграции и интернационализации, ликвидацией или снижением барьеров для трансграничного движения людских ресурсов.

Увязка смены мировых моделей экономического развития с кондратьевскими волнами выглядит весьма соблазнительной и даже лежащей на поверхности. Если бы связь смены моделей с динамикой кондратьевских волн (К-волн) была бы доказана, то несомненным плюсом такой ситуации явилась бы возможность с достаточной степенью достоверности прогнозировать время подобных экономических катаклизмов. Однако мы сознательно воздерживаемся от привлекательного, но все еще не выверенного на практике вывода. В основе нашей позиции – два соображения, лежащие в плоскости фундаментальных теоретических основ описанной гипотезы.

Дело в том, что, во-первых, среди специалистов по экономической теории до сих пор нет единства относительно четкой периодизации кондратьевских волн. Если с датированием первых трех из них, описанными самим Кондратьевым в своих трудах, вопросов не возникает, то, начиная с 4-й, мнения ученых расходятся. Многие маститые российские ученые считают, что переход от 4-й волны к 5-й уже состоялся. С.Ю. Глазьев, Д.С. Львов, Г.Г. Фетисов считают, что этот перелом произошел в конце 1980-х – начале 1990-х гг.² Х.-Д. Хауштайн и Нойвирт утверждают, что это событие произошло в 1980-м³. Й. Коган считает годом перелома к повышательной фазе 1970-й, основываясь на данных о взрыве микропроцессорных технологий в это время.⁴

А.Б. Берри, считает точкой максимума 4-й длинной волны 1981 г.⁵ С ним соглашается С.Ю. Румянцева, которая считает, что сложности с адекватной характеристикой современного этапа развития мировой экономики как той или иной фазы длинной волны возникают из-за существенных искажений длинноволнового механизма в XX веке и утверждает, что пока никаких индикаторов начала 5-й кондратьевской волны в динамике экономических показателей не обнаруживается⁶.

С последним утверждением не согласен и.о. директора Института региональной экономики Федерального агентства по

образованию Министерства образования и науки РФ, доктор экономических наук Н.В. Бекетов, который подчеркивает, что «как бы там ни было, мировая экономика уже вступила в пятую К-волну сначала с медленным неустановившимся подъемом, который на основе новой технологической парадигмы перейдет к ускоренному возрастанию, как это было в 1950–1960-е годы XX столетия»⁷.

А талантливый российский финансовый аналитик К.В. Тремасов наоборот дает периодизацию волн с точностью до конкретного года: 3-я понижательная волна, начавшаяся в 1914–1920 гг. завершилась фондовым крахом в США (1929) и последовавшей за этим продолжительной вплоть до 1933 г. депрессией (это ещё одна из закономерностей циклов Кондратьева – конечная фаза понижательной волны характеризуется наиболее тяжёлым кризисом, каковых в течение столетия бывает не более двух). Временные рамки четвертого Кондратьевского цикла: 1929/1933 – 1974/1981; при этом окончание восходящей фазы цикла приходится ориентировочно на начало 1950-х гг. Завершился этот цикл, как и предыдущий, тяжёлым кризисом, на сей раз, связанным с рынком нефти (нефтяные кризисы 1973 г. 1979 г.).⁸

Как бы то ни было мировому общеэкономическому кризису, согласно теории Н.Д. Кондратьева, предшествует финансовый, и в последние 30 лет XX в. между ними наблюдался приблизительно трехлетний интервал (после финансового кризиса 1970–1971 гг. состоялась рецессия 1973–1974 гг., кризиса 1980–1981 гг. – рецессия 1982 г, кризиса 1987–1988 гг. – рецессия 1990–1991 гг., кризиса 1997–1998 гг. – рецессия 2000–2001 гг.).

Второй причиной, по которой мы считаем не целесообразным напрямую увязывать изучение закономерностей смены моделей мирового экономического развития с динамикой колебаний К-волн, заключается в том, что содержательно речь все-таки идет о разных явлениях. Во главе угла кондратьевских циклов – вопросы регулярной смены рыночной конъюнктуры. Анализ смены мировых экономических моделей развития и связанных с ними субмоделей посвящен изучению содержательного

компонента происходящих перемен и выявлению их возможных последствий для мировой экономики в целом или для региональных и национальных экономик, в частности.

Самое главное, исходной посылкой нашего научного видения является то, что смена моделей – процесс более глубокий и менее подвижный, чем простая конъюнктурная перемена состояния рынка, даже происходящая на длительных временных промежутках. Они знаменуют некие необратимые изменения, новые мирохозяйственные реалии, фиксируемые в новом контексте отношений между участниками международного разделения труда. Что важно, последние вносят коррективы и в существующие в мировой экономике отношения господства и эксплуатации, в направления потоков прибылей от эксплуатации материальных, финансовых, трудовых и интеллектуальных ресурсов мира.

Какие же перемены грядут или уже материализуются в связи появлением новой мировой экономической модели в начале XXI века? О части из них можно слышать довольно часто. Так, например, о «новой мировой финансовой архитектуре» говорят представители правительств практически всех стран мира, как тех, которых винят в разразившемся в 2008 г. мировом финансовом кризисе, так и тех, которые стали его невольными жертвами. Другая зримая черта новой модели – изменившийся баланс сил в мировой экономике, появление новых игроков, еще недавно считавшихся отставшими в развитии государствами, которых теперь с различной степенью обоснованности прочат в экономические лидеры XXI века, способные заменить старых ведущих игроков. Наконец, третья, менее очевидная, но от этого не менее важная характерная черта – переход лидеров мировой экономики на постиндустриальные рельсы развития. Некоторые исследователи увязывают ее технологическое начало с созданием первого в мире микропроцессора (1971 г.), положившим начало эре современных компьютеров.

Представляется обоснованным сравнение этого технологического прорыва с изобретением в XVIII веке «самолетного» челнока Кея и «прялки Дженни» Харгривса. Тогда за счет легкой промышленности доходы английской казны увеличивались

на 6–8% в год при ежегодном росте населения в 1%. Вместе с доходами росли и привилегии ткачей: им единственным среди рабочих позволялось создавать профессиональные союзы, зарплата в отрасли в три–четыре раза превышала средние заработки для рабочих других отраслей и была почти в 15 раз выше, чем у английских фермеров. Массовое внедрение «самолетного» челнока, а затем и механического привода вызвало массовое сокращение рабочих мест в отрасли. В Англии началась промышленная революция, которая в скором времени завершилась сменой существовавшей тогда модели мирового экономического развития.

В последней четверти XX века полупроводниковая техника создала абсолютно новые рынки – персональные компьютеры, программное обеспечение. Она дала толчок автоматизации производств и развитию отрасли связи, появлению Интернета и наступлению эры информационных технологий. Тем самым технологически смена модели мирового экономического развития была подготовлена.

Однако одних только технологических перемен для этого было недостаточно. Необходимы были, как мы описали выше, перемены в глобальном балансе сил в мировой экономике и изменения в отношениях между основными игроками на мировом рынке. В этом плане в мире в относительно короткий по историческим меркам промежуток времени, примерно в течение двух десятилетий, произошли поистине разительные перемены. Мировая экономическая система социализма, находившаяся в основном вне пределов мирового капиталистического рынка (полной взаимной изоляции не существовало никогда, поскольку между двумя системами осуществлялся достаточно интенсивный экономический обмен) прекратила свое существование. Составлявшие ее страны достаточно быстро оказались включенными в мировой рынок на условиях, продиктованных лидерами последнего.

Произошло краткосрочное усиление позиций «старых» лидеров – глобального экономического Центра, в первую очередь США, стран ЕС и Японии. Расчленение СССР, открытие рынков

Восточной Европы и бывшего Советского Союза, удешевление дефицитного сырья, вливание триллионов долларов за счет дармового перемещения некогда недоступных технологий и интеллектуального капитала из стран бывшего социалистического лагеря позволили «старым лидерам» относительно быстро преодолеть обостряющиеся кризисные явления в своих хозяйствах (фондовый крах в США в октябре 1987 г., когда индексы за один день упали на 20%; валютный кризис и последовавшая в 1991–1993 гг. серия девальваций европейских валют и т.д.)

В последнее десятилетие XX века наступила эра бесконкурентного господства в мировой экономике США, ЕС и Японии, при безоговорочном лидерстве Соединенных Штатов. Сложилась ситуация во многом схожая с послевоенным положением в Европе. Создалась иллюзия воцарения незыблемого монополярного мира и «конца истории», всерьез обсуждавшимися обществоведами и политиками.⁹

С точки зрения взаимоотношений Центр–Периферия в рамках складывавшейся глобальной модели экономического развития утвердились отношения признания безоговорочного подчинения последней экономическим нуждам первого. Условием интеграции в глобализированную мировую экономику стало принятие странами периферии условий так называемого Вашингтонского консенсуса – списка из 10 рекомендаций, адресованного именно к странам Периферии и выдававшегося основными институциональными проводниками монополярной глобальной экономики (МВФ, Всемирным банком, Федеральным казначейством США) за единственно возможное в новых экономических реалиях средство преодоления кризиса национальных хозяйств и вхождения в мировой рынок. От стран, удостоенных наименования возникающих, или формирующихся рынков (*emerging markets*), требовалось обязательное выполнение стандартного набора реформ, включавших¹⁰:

- строгую фискальную дисциплину;
- отказ от государственных субсидий и ориентацию госрасходов на базовые нужды (начальное образование, базовый уровень здравоохранения, инвестиции в инфраструктуру);

- налоговую реформу – расширение налоговой базы и введение умеренных предельных ставок налогообложения;
- либерализацию финансовых рынков и поддержание реальной ставки по кредитам на невысоком, но всё же положительном уровне;
- либерализацию внешней торговли (в основном за счет снятия количественных ограничений, включая лицензирование импорта) введение низких и единообразных таможенных пошлин;
- свободный, формируемый рынком обменный курс национальной валюты;
- либерализацию режима притока прямых иностранных инвестиций;
- приватизацию госсобственности;
- дерегулирование экономики – отказ от регулирования, затрудняющего вход на данный рынок и ограничивающий конкуренцию, разумный надзор за финансовыми институтами;
- защиту прав собственности.

Такой подход, получивший у его противников наименование «рыночного фундаментализма», активно навязывался большей части государств мира, но не дал устойчивых положительных результатов. В вышедшем в 2005 г. докладе Всемирного банка «Уроки десятилетия реформ» признается, что скромный прогресс, который принесли реформы в отдельные бывшие социалистические страны Восточной Европы, объясняется их включением в ЕС, в то время как большинство стран бывшего СССР даже не восстановили уровня производства 1990 г. Страны Субсахарской Африки, несмотря на проведенные политические и экономические реформы, так и не смогли обеспечить устойчивый рост экономики и по-прежнему целиком зависят от притока внешней помощи.

Было бы неправильным не отметить, что некоторые компоненты «пакета реформ» Вашингтонского консенсуса (например, стремление к снижению бюджетных дефицитов, поддержание обоснованных валютных курсов) в некоторых случаях сыграли

свою положительную роль и, в сочетании с другими факторами, способствовали улучшению ситуации в таких странах как Чили и, отчасти, Бразилия. Отдельные исключения имелись и в Африке. Уганда, Танзания, Мозамбик в начале 2000-х гг. демонстрировали высокие темпы прироста ВВП, обусловленные низкими стартовыми показателями, но рост этот был весьма неустойчив (что и подтвердил мировой кризис в 2008–2009 гг.), а самое главное реальных сдвигов в положении этих стран не наблюдалось. Реформы не смогли предотвратить колоссальные финансовые кризисы в Латинской Америке, Юго-Восточной Азии, России и Турции.

К концу 1990-х гг. поддерживающий эффект трофеев «холодной войны» начал ослабевать. Первые трещины нового неустоявшегося миропорядка проявились более отчетливо на Мировой периферии. В конце XX века произошла цепь кризисов в развивающихся странах и на так называемых «возникающих» рынках (к последним относят и Россию). Благодаря скоординированным сверхусилиям США и Европы удалось предотвратить глубокую экономическую депрессию в Мексике, которая виделась практически неизбежной в начале 1995 г. (падение ВВП достигло почти что 10%, но благодаря финансовой поддержке МВФ, оказалось краткосрочным). Ситуация повторилась уже через два с половиной года в другой части света – валютный кризис в странах ЮВА, и опять потребовалось экстренное вмешательство МВФ, чтобы избежать глубокого экономического спада. Российский кризис 1998 г. означал временное существенное ослабление внешнеторговых связей нашей страны с мировым рынком (по сути, наш рынок оказался временно закрытым для мировых производителей).

В самом начале 1999 г., когда произошла девальвация бразильского реала, резкое выпадение бразильского рынка из сферы мировой торговли могло бы иметь куда более драматичные последствия для развитых стран, чем потеря ещё не успевшей к тому времени полностью вписаться в мировую экономику России. Неудивительно поэтому, что спасение Бразилии продолжалось на протяжении почти семи лет. Чего стоит, к примеру, бес-

прецедентная кредитная линия МВФ в размере 40,5 млрд долл. США, открытая в 1999 г. Бразилии. Не менее масштабные кредиты МВФ потребовались и для спасения Турции (порядка 17 млрд долл.).

К этому времени ресурсы монополярной экономической модели мира были перенапряжены. В очередной точке прорыва – Аргентине, несмотря на все усилия ведущих экономик мира и международных финансовых институтов, наступила затяжная рецессия. Рынок, который должен был по логике глобализации быстро и достаточно гармонично вписываться в транснациональные экономические механизмы, погрузился в длительную стагнацию, была девальвирована национальная валюта, объявлен дефолт, а ТНК позорно бежали с поля боя.

Крах однополярного мира, а с ним и Вашингтонского консенсуса окончательно подтвердил глобальный финансово-экономический кризис 2007–2010 гг. Начавшись в финансовом секторе Соединенных Штатов, он затронул другие страны глобального Центра, а потом перекинулся и на мировую Периферию. По сути он стал кризисом существующей модели мирового экономического развития. Постоянное с 1970-х годов снижение темпов прироста ВВП в странах глобального центра создавало растущий избыток капитала, для которого в реальном секторе не находилось достаточно возможностей для прибыльного вложения. Альтернативой было вложение средств в финансовые рынки, которые в условиях непрерывной либерализации оказывались более доходными, чем реальный сектор. Результатом стала череда последовательно сменявших друг друга «финансовых пузырей» – глубинных причин кризиса 2007–2010 гг.

Некоторые страны с быстро растущим реальным сектором (Китай, Индия, Бразилия) оказались в меньшей степени затронуты кризисом. В апреле 2009 г. в Лондоне состоялся саммит Большой двадцатки, который можно рассматривать как разворот к построению новой экономической модели мира. По окончании саммита премьер-министр Великобритании Гордон Браун заявил: «Старый Вашингтонский консенсус прекратил свое существование»¹¹.

Хотя черты новой модели пока еще только оформляются, многие склонны увязывать ее с новой ролью Китая и других быстро растущих экономик в мире и, как следствие, с определенной сдачей позиций старым глобальным центром. В 2004 г. Британский Центр внешней политики опубликовал доклад бывшего внешнеполитического редактора журнала «Тайм» и партнера в консалтинговой фирме «Киссинджер Ассошиэйтс» Джошуа Купера Рамо, озаглавленный «Пекинский консенсус», в котором излагается альтернативная концепция развития стран Мировой периферии в глобализированном мире. За модель развития в ней взят пример Китая¹². В основу модели положены три основополагающие принципа. Первый из них заключается в «приверженности инновации и постоянному поиску». В этом принципе, по мнению автора, заложено диаметральное отличие от старой модели Вашингтонского консенсуса. Последняя пропитана догматизмом и отсутствием гибкости. К самым разным реальным ситуациям он предлагает применять один и тот же жестко фиксированный набор средств, лишая страны реального динамизма и возможности учитывать собственную специфику.

Второе положение сводится к тому, что макроэкономический индикатор дохода на душу населения не может выступать в качестве единственного мерила прогресса. Наряду с ним важнейшими показателями прогресса являются устойчивость экономики и справедливое распределение богатства.

Третий столп Пекинского консенсуса – принцип самоопределения, с помощью которого менее развитые страны могут сдерживать сверхдержавы и обеспечивать свой финансовый суверенитет. Речь при этом идет не только о самоопределении в области финансов, но и поворот к наиболее эффективной военной стратегии. Рамо считает, что это будет асимметричная военная стратегия, а не стратегия прямого противостояния. В отличие от Вашингтонского консенсуса, который ничего не говорит о вопросах геополитики, Пекинский консенсус включает также вопросы геополитики и геоэкономики.

Следует обратить внимание, что концепция Пекинского консенсуса как основы нового мирового экономического поряд-

ка, хотя и служит обобщенным выражением китайского подхода к новому состоянию и балансу сил в мировой экономике, формально не является китайским документом. Она вышла из-под пера сотрудника консультационной фирмы, бывшего государственного секретаря, известного помимо прочего тем, что именно он «открыл» КНР для США и мировой экономики в ходе «пинг-понговой дипломатии» во времена президента Никсона.

Пекинский консенсус не столь конкретен и прямолинеен как вашингтонский. Его формулы также далеки от идеала, а некоторые послышки не вполне отработаны. Профессор турецкого происхождения Ариф Дирлик, до недавнего времени работавший в Орегонском университете (США), назвал разработанный Рамо программный документ «моделью развития от Силиконовой Долины». Он указывает, что Рамо проигнорировал тот факт, что в основе успеха китайской модели развития лежала эксплуатация другими странами китайской рабочей силы. Впрочем, А. Дирлик в целом позитивно относится к его основной идее. Давая ему общую оценку, он пишет: «Самой важной чертой Пекинского консенсуса является его подход к международным отношениям, который через многосторонние отношения пытается установить новый порядок, основанный на экономических взаимоотношениях, но, в то же время, признает политическую и культурную специфику, а также различный региональный и национальный опыт в рамках глобальной общности»¹³.

До сегодняшнего дня внутренние механизмы смены глобальных экономических моделей и субмоделей-подсистем были исследованы российской (да и международной) экономической наукой в разной степени. Наиболее изучены механизмы эволюции и последовательной смены международных валютных и финансовых систем, в наименьшей степени – изменения глобальных моделей трансграничного движения и экономической эксплуатации человеческих ресурсов в условиях глобализации.

В последние годы появляются работы российских экономистов по более широкой проблематике глобализации, которые так же попутно затрагивают вопросы рассмотрения в отдельно-

сти и совокупности различных аспектов соразмерности и соотношения происходящих при этом процессов. В целом, можно только приветствовать внимание российских ученых к рассматриваемой проблематике, однако, к сожалению, продуктом подобного «попутного рассмотрения» является весьма спорная интерпретация «попутно рассматриваемых» проблем. Так, российские исследователи А. Зуев и Л. Мясникова верно отмечают, что процессы глобализации, будучи неравномерными и асимметричными, «содержат, с одной стороны, элементы самоорганизации, а с другой – элементы перестройки, имеющей целью минимизацию трансформационных и транзакционных издержек»¹⁴. Вкупе с инновационной экономикой знаний все это, по мнению авторов, «направлено на преодоление кризиса мировой системы капитализма, состоящего в непрерывном сближении цен производства и продаж, что объективно должно сужать возможности развития предпринимательства в сфере посредничества»¹⁵.

Вряд ли можно в полной мере согласиться с этим утверждением авторов. Нам видится, что практикой оно не подтверждается. В развитом мире доля отраслей материального производства в формировании ВВП неуклонно снижается. При этом материальное производство, как показано в многочисленных трудах советских и российских экономистов, настойчиво «выдавливается» за пределы центров глобализации на Мировую периферию.

Учитывая изложенное выше, тяжелейший после Второй мировой войны финансово-экономический кризис 2007–2010 гг., возможно, следовало бы рассматривать как один из естественных механизмов такой глобально осуществляемой перестройки и реформ. А практическим следствием и будет смена существовавшей до кризиса модели глобального экономического развития.

Еще в первой половине 1990-х гг., зачинатель уникального направления глобальных исследований в нашей стране – изучения внутренней структурной эволюции и стадийности процесса глобализации – профессор Л.Л. Фитуни предостерегал,

что «объединительный эффект» глобализации (который в тот период повсеместно пропагандировался исключительно как прогрессивный) при неоспоримых преимуществах и плюсах, таит в себе «беспрецедентный взрывоопасный потенциал, поскольку до планетарных масштабов расширяет и углубляет деструктивные последствия кризисных явлений, ведь последние – неизбежны и естественны для рыночной экономики». При этом, писал он, «человечество окажется в полной растерянности перед этим видом угроз, ибо ни с чем подобным в своей истории пока не сталкивалось»¹⁶. Далее автор делал вывод о неизбежности грядущего реформирования существовавшей структуры мировой экономики. Знаменательно, что делая подобный прогноз исследователь подчеркивал, что возникающая после крушения двухполюсного мира новая мировая модель «будет, скорее всего, результатом реформирования, а не естественной внутренней эволюции, поскольку как управляемый процесс сама по себе глобализация проявляется, помимо всего прочего, в массовом создании наднациональных институтов и делегировании им функций, ранее принадлежавших суверенному государству, росте тенденций к мировому правительству»¹⁷.

Интересна парадигма трансформации и постепенной смены действующей глобальной модели перераспределения (движения) трудовых ресурсов. Ряд исследователей считает, что в условиях старой глобальной экономической модели страны и народы Мировой периферии не могут предложить Западу свои товары (помимо сырьевых), капиталы или технологические достижения. Единственным их достоянием осталась самобытная культура, которая переносится в чуждые ей условия только вместе с миграционными потоками населения таких стран в западном (северном) направлении. Так возникает новый миграционный феномен, названный «обратной глобализацией»¹⁸.

Г. Киссинджер высказал мнение, что глобализация – просто иное название продвижения интересов США в мире¹⁹. Многие исследователи политики и общественные деятели в России и за рубежом разделяют такое мнение. Однако это утверждение можно поставить под сомнение. Сдвиги в мировой экономике,

общемировые хозяйственные тенденции последних лет, и в особенности кризис 2007–2009 гг. показали, что сужение глобальных экономических позиций США ускорилось в силу самой же глобализации. Конечно, правильность последнего утверждения будет зависеть от того, что понимается под «интересами США». Если их идентифицировать с интересами транснациональных монополий, реальные хозяева которых имеют американские паспорта, то утверждение Киссинджера по-прежнему верно. Судя по фактам, такая точка зрения оправдана в геополитическом плане. В данном аспекте глобализация представляется как исторически переходный период от биполярного к однополярному миру. Период этот начался в 1991 г. с развала СССР и завершился в 2001 г. терактами в США.

В принципе в мировой экономической литературе сегодня царит консенсус относительно того, что современная мировая экономика полна дисбалансов. Однако понимание сущности этих дисбалансов и противоречий далеко не одинаково. На Западе в отличие от изложенного нами выше видения дисбалансов распространено исследование сдвигов и тенденций в мировой экономике в контексте так называемых вызовов, ожидающих адекватных ответов.

При этом следует отметить, что не только ученые, но правительства придают этой смене большое значение и пытаются выработать адекватные ответы на вызовы времени, сообразуясь как с мнениями теоретиков, так и с геополитическими задачами практического плана.

Так, выступая 8 октября 2008 г. на Конференции по мировой политике во французском городе Эвиане президент России Д.А. Медведев отметил: «Еще в 90-е годы проявилась неэффективность однополярной экономической модели. Её опорные позиции – и в МВФ, и в ВТО – тогда серьёзно себя дискредитировали. А в последнюю эпоху, в последний период целую цепь проблем создало и ослабление доллара. Сейчас, буквально на наших глазах, идёт фрагментация международной финансовой системы»²⁰. Таким образом, была сформулирована и задана официальная позиция российского руководства по вопросам

оценки происходящих процессов и отношения к вопросам выхода из сложившейся ситуации.

Лидеры США и Англии, признавая необходимость реформ и корректировок действия глобальных экономических механизмов, ориентируют мировое сообщество на сохранение ключевых основ экономического миропорядка в рамках существующей системы. В целом с ними солидаризируются и лидеры стран ЕС, хотя последние и готовы к несколько более глубоким переменам.

Позиции развивающихся стран, от лица которых (во многом самовольно) выступает Пекин, наоборот, более радикальны и требуют глубоких перемен. Впрочем, говорить о единой позиции развивающихся стран невозможно. Они едины, пожалуй, только в том, что не приемлют позиции Запада и требуют глубоких реформ существующего экономического миропорядка. В содержательном же плане ими нередко формулируются взаимоисключающие позиции, а на многосторонних глобальных экономических форумах их позиции легко меняются под воздействием огромного числа внешних факторов.

При всем разнообразии подходов, все же существует согласие относительно необходимости концентрации усилий мирового сообщества на преодолении ряда трудноразрешимых проблем, нараставших десятилетиями и приобретшими характер угроз катастрофического порядка. Следующая десятка явлений фундаментальной значимости фигурирует при любом серьезном анализе критических изменений, характеризующих современную экономическую модель мира и вносящих в нее элемент нестабильности.

1. Проблема «финансового пузыря», необеспеченных сложных финансовых инструментов и плохих долгов. В институциональном плане в качестве главных виновников нестабильности мировой экономики в целом, и мировых финансов в частности, выделяют хеджевые фонды, т.е. инвестиционные фонды с закрытой подпиской, инвестирующие средства своих привилегированных вкладчиков на рынке ценных бумаг. Накуну начала глобального финансового кризиса 2008 г. такие

структуры аккумулировали около 500 млрд долларов. Это привело к активному развитию различных фондовых инструментов, в том числе и производных ценных бумаг (деривативов) вроде опционов и фьючерсов, то есть бумаг, в отличие, например от акций, не имеющих под собой вещной ценности, а обеспеченных лишь другими бумагами – теми же акциями или контрактами на поставку. Обилие производных ценных бумаг не добавляет фондовому рынку стабильности, а ответственность менеджеров хеджевых фондов минимальна. Они участвуют в прибылях фондов, но не несут никакой ответственности за убытки. Это приводит к тому, что даже если фонд обанкротится, его создатель может организовать новый и собирать деньги для новых спекуляций.

2. Обеспеченность мировой экономики топливно-энергетическим сырьем, в первую очередь нефтью и газом. Эксперты прогнозируют, что в перспективе цены на нефть будут лишь расти. В отличие от прежних нефтяных кризисов, недавний беспрецедентный рост цен на нефть (пик был пройден в начале лета 2008 г.) не был вызван чрезвычайными событиями, которые бы приводили к резкому сокращению поставок на мировой рынок. Мировой спрос постепенно вырос до таких размеров, что удовлетворять его все сложнее и сложнее. И, значит, рост цен – долговременная тенденция. Учитывая, что большинство развитых стран импортируют дорожающую с каждым днем нефть, эта тенденция негативная для Запада.

Впрочем, для целого ряда мировых поставщиков нефти и газа (включая Россию) рост мировых цен на них нельзя однозначно рассматривать как благо. Благоприятная конъюнктура мировых рынков углеводородов приводит к торможению процесса реструктуризации и модернизации экономики, консервирует сырьевую зависимость. Национальная экономика теряет стимулы к диверсификации, Возникает известный феномен «ресурсного проклятия». По прогнозу многих специалистов по мировому рынку нефти, не исключено, что в течение ближайших лет цена барреля этого вида сырья вновь достигнет 100 долларов.

3. Проблема глобального распределения богатства и экономического роста развивающихся стран. Несмотря на длительные усилия большинству развивающимся стран так и не удалось достичь темпов экономического роста, достаточных для сколько-нибудь значительно улучшения благосостояния в целом по стране. Даже если рост и наблюдается, выгоду от него ощущает лишь узкая прослойка наиболее богатых людей. Международная помощь, за увеличение которой постоянно ратует ООН и другие международные организации, в этих случаях зачастую оказывается не в состоянии обеспечить нужное качество роста. Немалая доля поступающих средств разворовывается коррумпированными чиновниками.

4. Многие аналитики Запада в качестве самостоятельной проблемы выделяют «китайский вызов». Понятно, что такая формулировка отражает прежде всего западный взгляд на глубинные процессы в мировой экономике. Сами китайцы рассматриваемый вызов глобальной проблемой не считают, хотя и подтверждают наличие связанных с ним сдвигов в мировой экономике. Вне зависимости от того, насколько справедливы или несправедливы высказываемые в отношении «китайского вызова» опасения, объективно возвышения Китая, конечно же, не может не означать слом старой модели глобальных экономических отношений, а главное, – баланса сил в мировой экономике.

Хотя укрепление позиций КНР в мировой экономике прогнозировалось международными исследователями довольно давно, а Китай не первый год считается страной с самой быстро растущей экономикой в мире, темпы укрепления глобальных экономических позиций Пекина для Запада оказались неожиданно высокими. Особенно существенным является переход Поднебесной от субсидиарной роли поставщика на мировой рынок дешевых массовых потребительских товаров к роли генератора мирового спроса, по сути локомотива роста мировой экономики, от которого зависит, насколько быстро последняя будет восстанавливаться от генерированного США глобального кризиса 2008–2010 гг.

Эта качественная трансформация и есть первооснова неизбежного пересмотра баланса сил в мировой экономике. В общем-то, ничего сверхъестественного в бурном экономическом прорыве КНР вперед нет. Добросовестный исследователь не может не отметить сходства ускоренного роста Китая и его выхода на вторые (после США) позиции в мировой экономике с мощным ростом экономического потенциала СССР в сталинско-хрущевский период. Этот рост связан с ускоренной целенаправленной экономической модернизацией, умелым использованием имеющихся ресурсов и мобилизационных возможностей. Он является еще одним проявлением действия закона неравномерности экономического развития.

В принципе нет даже ясности относительно того, сколь долго продлится такой впечатляющий рост. Пессимисты указывают, что страна может не справиться с таким бурным прогрессом в экономике. Проблема им видится в том, что по сравнению со старыми ведущими экономиками мира в КНР велика доля сбережений. Согласно господствующим теориям рыночного хозяйства, это ведет к перегреву фондового рынка. Эксперты нередко приводят аналогию с Японией, где надувшийся на фондовом рынке и рынке недвижимости «пузырь» лопнул и надолго вогнал экономику страны в депрессию.

Оптимисты соглашаются, что перегрев экономики представляет определенную опасность, но считают, что ее масштабы слишком преувеличены. Соглашаясь с тем, что банковская система Китая развита крайне слабо, они подчеркивают, что, тем не менее, все банки страны ликвидны, а золотовалютные резервы в 2010 г. достигли 2,5 трлн долл., что позволяет смотреть в будущее с обоснованным оптимизмом.

В то же время фактом остается и то, что, несмотря на то, что по некоторым параметрам китайский рост не вписывается в прописи и идет вразрез с либерально-демократическими рецептами управления развитием, он реален и более устойчив, чем в любой другой части света. Кроме того, он ведет едва ли не к самым заметным изменениям в действующей экономической модели мира.

5. К пятой группе вызовов, толкающих к изменению действующей мировой экономической модели можно отнести противоречие лозунгов и реалий либерализации международных экономических отношений и мировой торговли, в частности. Развитие международного экономического сотрудничества и взаимной торговли всегда способствовали мирному сосуществованию государств и стимулировали экономический рост. Однако сейчас эта сфера ожидает давно назревших трансформаций, которые никак не удается осуществить в силу противоречия интересов, обострения мирового экономического кризиса и стремления старого мирового экономического центра гарантировать сохранение своих особых преимущественных позиций, которым объективно состояние их экономик уже не соответствует.

Провальный раунд переговоров ВТО в Дохе показал, что стремление к взаимной открытости экономик развитыми и развивающимися странами трактуется по-разному. Многие страны считают, что их права ущемляют в угоду экспансии производителей из лидирующих стран.

К несомненным плюсам процесса ВТО следует отнести готовность стран-членов оставаться внутри договорно-правового поля. Несмотря на тяжелые и долгие разбирательства, члены организации придерживаются вынесенных судебных решений. Прежде всего, это касается США, которых Всемирная торговая организация не однажды карала за применение противозаконных протекционистских мер.

6. Проблемы, связанные с курсом доллара, дефицитами торгового и платежного балансов США также свидетельствуют о том, что назрела необходимость обновления мировой экономической модели. Дисбалансы мировой экономики постоянно усугубляются вследствие колоссальных нестыковок в государственных финансах США: дефицита бюджета и дефицита платежного баланса, то есть преобладание импорта над экспортом.

Традиционно этот дефицит возмещался за счет зарубежных инвестиций, обеспечивавших приток капитала в страну. Одна-

ко, как отмечают эксперты, в последнее время частные инвесторы компенсируют от силы половину гигантского дефицита, а остальное США вынуждены занимать у государственных банков и суверенных фондов других стран.

Директор Института международной экономики Фред Бергштайн опасается, что Федеральная резервная система не сможет надежно контролировать процесс ослабления доллара. Ведь как только американская валюта начнет неуклонно дешеветь, инвесторы в попытках спасти свои сбережения, номинированные в долларах, переключатся на другие валюты. Объем «долларовых» вложений Бергштайн оценил в 16 трлн долларов.

Китай является обладателем американских казначейских обязательств на 1 трлн долларов. С сентября 2008 г. правительство США выделило на поддержку ипотечного рынка более 1,5 трлн долл. Тогда же Freddie Mac и другой флагман ипотечного рынка США Fannie Mae были переведены под управление государства. Правительство США признало, что крах любой из этих компаний вызвал бы огромные потрясения на финансовом рынке по всему миру. На начало кризиса Freddie Mac и Fannie Mae несли на себе почти половину обязательств всего американского ипотечного рынка, а их долговые обязательства составляли в сентябре около 5 трлн долларов.

На начало 2010 г. чистый убыток Fannie Mae за последние 9 кварталов составил \$120,5 млрд, Freddie Mac – \$67,9 млрд. В декабре 2009 г. власти США решили, что в течение следующих трех лет будут предоставлять компаниям неограниченную помощь. Россия же успела вовремя расстаться с «кризисными» облигациями. В 2009 г. Банк России с выгодой для себя полностью продал имевшиеся на балансе облигации Fannie Mae и Freddie Mac.

Управление Freddie Mac и Fannie Mae перешло к федеральному агентству по финансированию жилья, которое входит в структуру правительства США. Власти страны пошли на это, опасаясь, что банкротство крупнейших в стране ипотечных агентств вызовет сильные волнения на внутреннем и зарубежном финансовых рынках.

Напомним, национализация корпораций Fannie Mae и Freddie Mac в сентябре 2008 г. и крах инвестиционного банка Lehman Brothers ознаменовали начало мирового финансового кризиса.

Оптимисты согласны с постановкой вопроса, но считают, что США в ближайшей перспективе смогут успешно привлекать достаточно инвестиций, чтобы компенсировать возникающий дефицит. Прежде всего, речь идет об инвестициях из стран-экспортеров с профицитом платежного баланса. Таким образом, в масштабах мировой экономики некий баланс будет соблюден.

7. Экология и глобальное потепление. Экономисты разошлись в оценке последствий глобального потепления. Для США с цифрами в руках можно доказать позитивную сторону явления: снижение транспортных издержек, лучшие условия для туризма и сельского хозяйства, небольшое снижение смертности.

В то же время потепление климата может повредить многим развивающимся странам, а кроме того привести к загрязнению воздуха в некоторых регионах, повышению уровня мирового океана, а также увеличению числа ураганов.

По общему мнению, Киотский протокол, призванный бороться с этой тенденцией, вышел настолько политизированным документом, что научному сообществу еще лишь предстоит объективно разобраться, дадут ли принятые соглашения эффект.

8. Геополитические конфликты. Принимая во внимание глобализацию мировой экономики, эксперты постановили, что частные геополитические конфликты все чаще сказываются на мировой экономике в целом. В числе горячих точек: Ирак, противостояние Израиля и Палестинской автономии, Кашмир.

С экономической точки зрения наибольшие опасения вызывает ситуация на Ближнем Востоке в связи с тем, что этот регион поставляет на мировой рынок значительное количество нефти.

Эксперты не исключают, что в будущем геополитические конфликты будут возникать чаще на почве того, что беднейшие

страны все больше чувствуют себя ущемленными в правах. Учитывая, что ядерное оружие получает все большее распространение, они могут быть крайне опасны. Главная «горячая точка» в будущем – Китай. Он вызывает все больше опасений у других стран в связи с бурным прогрессом экономики, который косвенно отбирает рабочие места в прочих государствах.

9. Мировой терроризм. «Глобальная террористическая война» была названа рядом экспертов первой в ряду значительных рисков мировой экономики. Атака 11 сентября 2001 г. привела к появлению терроризма нового масштаба – «катастрофического терроризма».

Бороться с таким терроризмом исключительно полицейскими средствами невозможно. Эксперты подчеркивают, что в основе идеологии разрушения лежит глубоко укоренившееся сознание несправедливости мирового устройства. Оно и обеспечивает террористам широкую поддержку в определенных регионах.

Политикам надо прилагать к решению этой проблемы не меньше усилий, чем спецслужбам и военным. Многие специалисты по международным отношениям считают контрпродуктивными усилия США по насаждению демократии за рубежом. Они указывают, что демократия в этом случае вызывает отторжение, так как представляется насильственно насаждаемой системой государственного устройства.

10. Глобальные проблемы гуманитарного характера (роста населения, нехватки продовольствия, здравоохранения, расширения масштабов бедности и т.д.). В долевого отношении численность населения Земли, являющегося «сторонником» ценностей и установок старой экономической модели мира неуклонно сокращается. Сужаются возможности последней гарантировать выгодное для себя направление глобального развития (характерные примеры этого – невозможность навязать большинству свои установки в рамках ВТО, на Глобальном экологическом саммите и т.п.).

По нашему мнению, именно эти дисбалансы в мировой экономике станут тем катализатором, который в обозримом буду-

щем будет стимулировать смену архитектуры мирохозяйственных связей и, в конечном счете, приведет к формированию новой экономической модели мира, где решающую роль станут бывшие аутсайдеры мировой экономики, а ведущие игроки, весьма вероятно, будут постепенно сдавать свои позиции.

1.2. Вызревание обновленной архитектуры мирохозяйственных связей и новых правил экономического миропорядка

Мировой финансово-экономический кризис 2007–2010 гг. наглядно продемонстрировал, что начинают сбываться или, по крайней мере, кажутся уже весьма вероятными некоторые из пессимистических прогнозных сценариев, обобщенно именуемых «пределами роста». Мировая экономика до нынешнего глобального кризиса развивалась весьма динамично, при этом именно потребление демонстрировало самые высокие темпы прироста. В течение ближайших двух десятилетий этот ускоренный рост натолкнется на естественный ограничитель – последствия глобального прироста населения и масштабов его потребления, а также связанный с ними ущерб, наносимый окружающей среде. Особенно заметными кризисные явления будут в контексте взаимосвязи трех компонентов: изменения климата, энергобезопасности и продовольственной безопасности.

Повышение уровня жизни в трех наиболее населенных развивающихся странах (КНР, Индии, Бразилии) уже привело к драматическому росту потребления мяса и молокопродуктов. Когда к 2025 г. к нынешним 6,7 миллиардам жителей Земли прибавятся еще, как ожидается, 1,3 миллиардов ртов, указанный тренд будет оказывать чрезмерное давление на возможности глобального производства продукции мясомолочной промышленности.

Поворот в сторону биотоплива и перенаправления на технические нужды значительной части производимых на планете биоресурсов (включая продукцию отраслей сельского хозяйства, изначально ориентировавшихся на производство продоволь-

ствия), в сочетании с ростом удельных затрат на производство единицы продовольствия (в силу ухудшающихся погодноклиматических условий на планете, таких как удлинение и учащение периодов засух, наводнений и прочих природных катаклизмов) приведет к серьезному повышению цен на продовольствие, что повлечет за собой социальные конфликты и даже столкновения.

Наконец, подходит к концу нынешний исторический цикл промышленного развития, основывавшийся на использовании углеводородов. Во многих странах пик нефтедобычи уже пройден несколько лет назад. В других районах (Мексика, Китай) добыча достигла определенного уровня плато и перестала расти. Число стран, которые все еще в состоянии существенно увеличивать нефтедобычу неуклонно снижается. Перед мировой экономикой маячит настоятельная необходимость перейти от использования ископаемого сырья к его альтернативным источникам. Однако если верить докладу Национального совета по разведке США, «ни одна из современных технологий не в состоянии в широких масштабах заменить традиционную энергетическую архитектуру и нет уверенности в том, что новые технологии в области энергетики будут коммерчески оправданны и получат в 2025 широкое распространение».

Климатические факторы также окажут сильное воздействие на характер и направления трансформации мировой экономики. Жители Индии и Китая, а также других развивающихся стран, уровень жизни которых, несомненно, повышается, не смогут быть такими же расточительными как американцы и европейцы. Их дальнейшее развитие будет происходить совсем в других условиях и определяться новыми правилами. Иными словами, мир движется к новой архитектуре глобальной экономики.

Одним из дисбалансов современной мировой экономики, проистекающим из характера текущих процессов глобализации, является отмеченная академиком Н.А. Симония неравномерность глобального развития, как отраслевая, так и региональная. Мы уже кратко отмечали в предыдущем параграфе стреми-

тельный рост глобальной значимости экономик Китая, Бразилии, Индии и ряда других стран в переходе от старой к новой экономической модели мира. Однако структурные перемены в мировой экономике не сводятся лишь к изменению мирового экономического баланса сил в пользу именно этих государств. Можно без преувеличения утверждать, что изменилось общее соотношение сил в мировой экономике между развитыми и развивающимися государствами, другими словами, между Глобальным Центром и Мировой Периферией.

При этом все возрастающую роль в мире будут играть не только такие гиганты, как Китай, Индия и другие крупные развивающиеся страны, но и весь развивающийся мир в целом, включая и африканские государства, о чем свидетельствует целый ряд экономических показателей и, в первую очередь, среднегодовые темпы прироста ВВП.

Таблица 1.2.1

Рост мирового производства, 1990–2009 гг. (в %)*

Регион	1990–2000	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009
Все страны мира	2,7	2,9	4,0	1,3	2,4	2,5	3,8	3,3	3,7	3,4	2,2	-1,9
Развитые страны	2,4	2,6	3,5	1,0	1,3	1,7	3,0	2,3	3,0	2,3	0,9	-3,5
Развивающиеся страны	4,8	3,5	5,4	2,4	3,5	4,7	6,4	5,4	6,0	7	5,5	2,5
Развивающиеся страны, исключая Китай	4,0	3,0	5,0	1,5	2,7	3,9	5,7	4,6	5,2	5,4	4,4	0,6

* Расчеты на основе данных о ВВП в неизменных рыночных ценах к доллару по курсу 1995 г.

Источник: UNCTAD. Handbook of Statistics 2005. N.Y. and Geneva, 2005; World Economic Outlook 2006. Statistical Appendix. 2006 UNCTAD. Handbook of Statistics 2010. N.Y. and Geneva, 2010. P. 434–444. <http://www.imford/external/pubs/ft/weo/2006>; БИКИ. 2008. 24 июня (рассчитано ВТО на базе постоянных цен 2007 г.).

Как видно из табл. 1.2.1, среднегодовые темпы прироста ВВП развивающихся стран в период двух последних десятилетий были выше аналогичных показателей за предыдущие годы, а кроме того, выше темпов прироста ВВП развитых стран по меньшей мере в 2 раза. В период мирового финансово-экономического кризиса лишь развивающиеся страны показали положительную динамику прироста ВВП, в то время как соответствующий показатель в развитых странах в 2009 г. был отрицательным. Самым большим падение было в Японии – минус 5,2% в 2009 г., а также в Европе – минус 4,1% в 2009 г., в то время как в США в том же году отрицательный прирост ВВП составил 2,4%²¹.

В результате доля развивающихся стран в мировой экономике возросла с 21,8% в 1980 г. до 30% в 2009 г.²² Согласно прогнозам ИМЭМО, уже к 2010 г. совокупный ВВП развивающихся стран, рассчитанный по паритету покупательной способности (ППС), превысит аналогичный показатель по развитым государствам²³. Как прогнозирует экономист С. Понсе, в 2025 г. ВВП развивающегося мира составит 68 трлн долл. (в ценах и по ППС 2000 г.), в то время как развитых – 54,3 трлн долл., а в 2050 г. ВВП развивающихся стран превысит ВВП развитых стран на 85%, составив соответственно 160 и 86,6 трлн долл.²⁴

В начале XXI в. под влиянием динамично развивающихся Китая и Индии регион Восточной и Южной Азии превратился в новый полюс роста мировой экономики. Как отмечали авторы прогноза ИМЭМО, именно эти страны станут новыми лидерами глобализации, внося основной вклад в высокую мировую динамику, что ставит под вопрос безусловное доминирование прежнего лидера.²⁵

В целом в первом десятилетии XXI в. азиатский регион явился самым экономически быстро растущим в мире. Темпы роста его ВВП, по данным ООН, составили в 2000–2009 гг. – 7%, в том числе в 2006 г. – 8,2%, в 2007 г. – 8,6% и лишь в кризисные годы эти темпы сократились до 5,7 и 3,8% соответственно, но все равно оставались самыми высокими в мире. Экономический рост этого региона обеспечивался, прежде всего, за счет КНР (темпы роста ВВП в 2000–2009 гг. – 10,13%, в 2006 г. –

11,6%, в 2007 г. – 13,0%, в 2008 г. – 9,0% и в 2009 г. – 8,7%) и Индии (2000–2009 гг. – 7,9%, 2006 г. – 9,7%, 2007 г. 9,1%, 2008 г. – 7,3% и 2009 г. – 5,7%).²⁶

Наряду с Индией и Китаем, достаточно динамично развивалась экономика Индонезии, Малайзии, Гонконга, Сингапура, Филиппин, Пакистана и Республики Кореи. Высокую динамику развития обеспечивал рекордный уровень притока частного капитала как в форме прямых, так и портфельных инвестиций, а также высокий внешний спрос на продукцию данного региона в сочетании с активным спросом на внутреннем рынке данных государств.

Заметное улучшение, начиная приблизительно с 2004 г., было отмечено в экономике латиноамериканских стран, где после 5 лет стагнации и кризиса был зарегистрирован рост на 5,7%. Факторами экономической активности явились расширение экспорта и улучшение условий торговли, а также ужесточение денежно-кредитной политики в двух крупнейших странах – Бразилии и Мексике.

Что касается Африканского континента, то в новом тысячелетии в большинстве его стран наблюдался самый длительный период устойчивого экономического роста за весь период независимости. Согласно данным ООН в 2000–2009 гг. среднегодовые темпы прироста ВВП в Африке составили 5,7%, в том числе в 2004 г. достигли рекордной величины – 8,4%, а в последующие 2005–2008 гг. были на уровне 6% в год, упав лишь в кризисном 2009 г. до величины 2,5%. Однако уже в 2010 г. по предварительным оценкам показатель прироста ВВП в Африке вновь превысит 5%.²⁷ При этом самые высокие показатели роста ВВП были отмечены для африканских стран-экспортеров нефти, которые составляли в 2000–2007 гг. 7–8%.²⁸

Примечательно, что в докризисный период высокие показатели роста экономики были характерны в целом для традиционно наиболее отсталой части континента – Африки южнее Сахары, где рост ВВП был выше общеафриканского показателя, составив 6,8%. Экономический подъем в регионе стимулировался, прежде всего, устойчивым глобальным спросом на сырье, а так-

же во многом поддерживался внутренним спросом (особенно на инвестиционный капитал), успешными результатами реализации мер, направленных на обеспечение макроэкономической стабильности и осуществление структурных реформ, что способствовало улучшению условий для бизнеса и притоку частного капитала, который в 2007 г. достиг рекордного уровня: объем ПИИ составил 53 млрд долл. (в 2006 г. – 39 млрд долл.), что составило 3% от общемирового притока.²⁹

Для экономического роста большинства развивающихся стран существенное значение всегда имели внешние факторы, а в условиях глобализации мирового хозяйства их роль еще более возросла. Процесс накопления и воспроизводства развивающихся стран продолжает в значительной степени зависеть от условий торговли, притока капиталов, привлечения извне технологий.

За исключением нескольких стран Латинской Америки и ЮВА, располагающих высокоразвитой промышленностью, а также успешно осуществляющих индустриализацию Китая и Индии, экспорт развивающихся стран «все еще опирается главным образом на эксплуатацию природных ресурсов и использование неквалифицированного труда». Этот фактор, по мнению авторов Доклада ЮНКТАД, сокращает их возможности укрепиться на мировых рынках и повышать производительность труда.³⁰

В последнее десятилетия усиливающиеся позиции развивающихся стран в мировой экономике обусловили увеличение темпов роста их внешнеторгового обмена и роли на мировых рынках. Доля экспорта развивающегося мира в международной товарной торговле в 1980 г. составляла 29,4%, к 1990 г. она сократилась до 24,3%, а затем все время росла и составила 31,9% в 2000 г., 37,8% в 2007 г., 39% в 2008 г. и 39,5% в 2009 г.³¹ Удельный вес развивающихся стран в мировом импорте также обнаружил сходную динамику. В 1980 г. он составил 23,9%, в 1990 г. несколько сократился и не превышал 22,4%, однако уже в 2000 г. увеличился до 28,8%, а в 2007 г. – до 33,3%. В кризисные годы данный показатель увеличился до 35% в 2008 г. и до 36,7% в 2009 г.³² Все эти данные свидетельствуют о постоянном увеличении роли развивающихся стран в мировой торговле, в том числе,

и в условиях кризиса. В то же время рост данного показателя не носил непрерывного характера и был дифференцированным в различных странах и отдельных регионах. Так, развивающиеся страны Азии увеличили свою долю в мировом товарном экспорте с 17,9% в 1980 г. до 30,8% в 2009 г., в т.ч. Восточная Азия – с 3,7% до 16,8%; а Китай – с 0,8% до 9,7% соответственно. Что касается мирового импорта, то доля азиатских стран в целом увеличилась с 1980 по 2009 г. с 13 до 27,9%, в том числе стран Восточной Азии – с 4,1 до 14,7%, а Китая – с 0,96% до 7,97%. Страны Латинской Америки и Карибского бассейна практически сохранили свои позиции по экспорту и импорту на уровне 5,6-5,8%, а страны Африки сократили показатели по экспорту с 5,9% в 1980 г. до 3,5% в 2008 г., а по импорту – с 4,7 до 3% соответственно. В то же время в 2000 г. удельный вес африканских стран в мировой торговле был еще меньше и не превышал по экспорту 2,3%, а по импорту 1,9%, так что в 2000-е годы роль Африки в мировой торговле все-таки увеличилась.³³

Для оценки реальных позиций того или иного государства или группы государств в мировом разделении труда (МРТ) важен также такой показатель как экспортная квота, фиксирующая ту долю ВВП, которая приходится на сферу международного экономического обмена.

Таблица 1.2.2

Динамика экспортной квоты различных групп стран (в %)

	1960	1970	1980	1990	2000	2008
Развитые страны	11	14	20	18	22	24
Развивающиеся страны	16	13	26	26	34	37,2
Африка	21	19	29	29	32	38,4*
Латинская Америка	14	12	15	18	23	24,4

* Ближний Восток, Северная Африка, Африка к югу от Сахары.

Источники: UNCTAD. Handbook of Trade and Development Statistics. N.Y., 1989, 1994. Tables 6, 3; UNCTAD Handbook of Statistics 2010. N.J. and Geneva. 2010. Table 7, 3; World Development Indicator. 2008. Table 4, 4a. Wash., 2008. P. 213.

Как видно из таблицы 1.2.2, за последние десятилетия данная квота повысилась практически у всех развивающихся стран, включая страны Африки, что означало все большую вовлеченность данных государств в мировую экономику.

Одним из важнейших показателей изменения роли развивающихся стран в мировой торговле являются быстро расширяющиеся торговые потоки Юг-Юг, т.е. между самими участниками всей этой группы государств. Доля экспорта Юг-Юг в совокупном экспорте развивающихся стран почти удвоилась – с приблизительно 25% в 1980-е годы прошлого века до свыше 40% в 2000–2009 гг.³⁴ Кроме того, доля экспорта Юг-Юг в процентах от экспорта из развивающихся в развитые страны (торговля Юг-Север) также возросла более чем в два раза, достигнув уровня приблизительно 75% в среднем в период 2000–2009 гг.

Существенное увеличение масштабов торговых потоков Юг-Юг, особенно в последние два десятилетия, было обусловлено влиянием ряда факторов. Большое значение для активизации внешнеторгового обмена развивающихся стран имела либерализация торговли – процесс, который получил широкое развитие под влиянием политики международных институтов – МВФ, МБРР и ГАТТ-ВТО, направленной на либерализацию экономики всех трех регионов. В результате проведения торговых реформ, заключения региональных торговых соглашений средний уровень тарифов в развивающихся странах в целом снизился приблизительно до трети от уровня середины 80-х годов, кроме того, произошло значительное снижение нетарифных барьеров и завышенных обменных курсов. Эти меры, а также переход к стратегии развития с большей ориентацией на внешние рынки способствовали росту взаимной торговли развивающегося мира.

Другой причиной быстрого увеличения объемов торгового обмена Юг-Юг в последние два десятилетия стал процесс индустриализации, особенно интенсивно проходивший в странах Восточной и Юго-Восточной Азии, а несколько ранее – в Ла-

тинской Америке, что оживило спрос на сырьевые товары и экспорт продукции обрабатывающей промышленности стран, осуществлявших модернизацию своей экономики.

В 1980–1990-е гг. глобализация оказала неоднозначное, в значительной степени негативное воздействие на промышленное развитие мирохозяйственной периферии. Так, существенно пострадали страны Латинской Америки, одними из первых приступившие к проведению индустриализации в развивающемся мире. Обрабатывающая промышленность этих стран не выдержала резко обострившейся конкуренции с импортом продукции и, в конечном счете, настолько деградировала, что встал вопрос о возможности завершения в них индустриализации.³⁵

Крайне осложнилось развитие обрабатывающих отраслей в наиболее экономически отсталой части мирохозяйственной периферии – Тропической Африке. Экономические реформы, проводимые под эгидой МВФ и ВБ без учета страновой специфики, форсированная либерализация способствовали процессу деиндустриализации во многих странах Африки южнее Сахары.

Однако в последние 20 лет развитие обрабатывающей промышленности в развивающихся странах во многом стимулировалось воздействием развитых государств, заинтересованных в обеспечении доступа к новым выгодным сферам приложения капитала и закреплении на развивающихся рынках. Повышение технологического уровня экономики и промышленности Центра сопровождалось «сбросом» в менее развитые страны некоторых материало- и энергоемких, а также так называемых «грязных» производств, вредных для окружающей среды. «Перемещение» этих, а кроме того, некоторой части производств, уже прошедших в условиях Центра период своего выгодного функционирования, в страны периферии создавало определенные предпосылки для более быстрого продвижения по пути индустриализации некоторых из них, а других – по пути «сервисизации» и «софтизации» экономики, что, в конечном счете, способствовало интеграции развивающихся стран в мировое хозяйство.

В целом, несмотря на определенные трудности в развитии обрабатывающей промышленности, доля развивающихся стран

в мировом промышленном производстве за последнюю четверть века заметно выросла, укрепились их позиции на внешнем рынке.

При этом прирост промышленной продукции приблизительно в 12 развивающихся странах (НИС, Китай, Индия, Бразилия, Мексика, Таиланд, Турция, Филиппины, Пакистан, Шри Ланка) предопределил в 2000-е гг. их долю в размере свыше 3/4 совокупного экспорта развивающегося мира, причем четверть экспорта всех развивающихся стран приходится сегодня на долю Китая. Именно за счет роста экспорта данных государств и произошло основное увеличение общего веса развивающихся стран в мировой торговле.

Одновременно, в результате роста промышленного производства в развивающихся странах заметно изменилась товарная структура их экспорта. Так, доля экспортируемой промышленной продукции выросла с 12% в 1960 г. до 70% общей стоимости экспорта в первое десятилетие XXI в., а участие развивающихся стран в промышленном экспорте мира выросло с 6% в 1950 г. до 30–35% в 2007 г.; при этом распределение этой доли по регионам было неравномерным (см. табл. 1.2.3).

Таблица 1.2.3

**Структура товарного экспорта развивающихся стран,
по регионам мира в 2007 г. (в%)**

Страны и регионы	Промышленная продукция	Топливо	Металлы
Восточная Азия и Тихоокеанский регион	80	15	3
Латинская Америка и Карибский бассейн	53	13	9
Ближний Восток и Северная Африка	15	32	2
Южная Азия	72	15	6
Африка южнее Сахары	23	15	7

Источник: World Development Indicator. N.Y. and Geneva, 2009. Table 4, 4a. P. 217.

При имеющихся место позитивных тенденциях роста промышленного экспорта развивающийся мир все еще продолжает выступать на мировом рынке как крупнейший поставщик сырьевых товаров: топливных, минеральных, продуктов тропического и субтропического земледелия, ценной тропической древесины, разнообразных морепродуктов. Эти товары обеспечивают большинству развивающихся стран до 70% всей их экспортной выручки, а некоторым государствам Тропической Африки – до 95%.

Постепенное, но неуклонное истощение наиболее крупных, богатых и легкодоступных месторождений полезных ископаемых, ухудшение горно-геологических условий их разработки существенно сказываются на издержках производства природных ресурсов, стимулируя активный процесс геологического поиска, разведки и вовлечения в эксплуатацию новых месторождений. Повышение спроса на сырье способствовало более интенсивному вовлечению в мировую экономику развивающихся стран, на территории которых и сосредоточены основные центры добычи топливного и минерального сырья, потребляемого, большей частью, индустриально развитыми государствами. Высокий спрос на сырье связан и с определенным изменением структуры мировой экономики, а именно, утверждением в ней быстрорастущих азиатских стран-гигантов – Китая и Индии, чья потребность в сырьевых товарах постоянно растет. В отличие от развитых стран (США, Японии и Западной Европы), отдающих приоритет наукоемким и ресурсосберегающим секторам экономики (электроника, биоинженерия и т.п.), Китай и Индия развивают материалоемкие отрасли, такие как выплавка стали и алюминия, автомобилестроение и др.

Первостепенное значение для растущей мировой экономики все еще имеет обеспеченность углеводородным сырьем – нефтью и газом, по запасам и экспорту которых лидерами являются страны Ближнего и Среднего Востока – Саудовская Аравия (около 18% мирового экспорта), Иран (5,4% мирового экспорта), Кувейт (4%) и др. В последние годы отмечен рост экспорта нефти и газа из стран Африки – Нигерии, Ливии, Алжира, Ан-

голы, Экваториальной Гвинеи, Габона, Египта и Судана (запасы нефти и газа выявлены в 19 странах континента, в том числе в Восточной Африке). Увеличился также экспорт нефти из Бразилии и Эквадора.

Развивающиеся страны на сегодняшний день являются главными производителями нефти и газа в мире. По прогнозам западных экспертов, в 2020 г. пять стран Ближнего Востока (Саудовская Аравия, ОАЕ, Кувейт, Иран, Ирак) будут обеспечивать 45% мировой добычи нефти. На Саудовскую Аравию, Иран, Ирак, Кувейт, Венесуэлу и Россию приходится примерно 70% доказанных запасов нефти, а 60% доказанных запасов газа приходится на 4 страны: Россию (26,3% от мировых запасов), Иран, Катар и Саудовскую Аравию.³⁶

Неравномерность в размещении, производстве и потреблении природного сырья обуславливает все возрастающую роль мирового рынка. Так, через каналы международной торговли в последние годы реализуется около 54% мирового экспорта нефти, 33% газа, более 80% молибдена, урана, тантала, редкоземельных металлов, золота, платины. Велика доля экспорта в отношении к мировому производству железной руды (46%), медной руды (43%), вольфрамовых (44%), марганцевых руд (38%), а также алюминиевого, хромового, свинцового и др. сырья. В условиях глобализации сырьевая база приобретает особо важное значение, становится одним из эффективных средств в конкурентной борьбе за укрепление позиций на мировом рынке.

Помимо ископаемого сырья развивающиеся страны выступают монополистами на мировом рынке многих продуктов тропического и субтропического земледелия – кофе, какао, чая, ананасов, авокадо, папайи, манго и многих других.

Определенные позитивные сдвиги, происшедшие в экономике развивающихся стран в последние десятилетия, возросшее значение их как важнейших источников топливного, минерального и сельскохозяйственного сырья способствовали повышению их роли в движении прямых и портфельных инвестиций. В современных условиях в страны Азии, Африки и Латинской Америки поступает ежегодно свыше 30% от мирового объема

прямых инвестиций. В 2008 г. объем прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в развивающиеся страны вырос до рекордно высокого уровня – 630 млрд долл. (35,6% общемировых ПИИ), в то время как в 2007 докризисном году данная цифра равнялась 564 млрд долл., что составляло 26,8% мировых ПИИ³⁷. Весьма примечательно, что в 2009 г., на который пришелся пик кризиса, доля развивающихся стран в общемировых ПИИ еще более увеличилась и достигла величины в 43%, хотя, в абсолютных величинах приток прямых инвестиций в развивающиеся страны сократился в 1,3 раза (в мире – в 1,6 раза) и составил 478 млрд долл. Таким образом в период мирового кризиса именно рынки развивающихся стран были наиболее привлекательными для иностранного капитала, что, в конечном счете, также свидетельствует о повышении их роли в мировой экономике.

Поток прямых инвестиций распределяется среди стран неравномерно, концентрируясь в основном в десяти государствах Южной и Восточной Азии и Латинской Америки, на которые приходится до 80% совокупных ПИИ. Вплоть до начала кризиса 2008–2010 гг. перечень крупнейших получателей ПИИ оставался стабильным; лидерами были Китай и Гонконг, а также Сингапур, Мексика и Бразилия. Страны Южной, Восточной и Юго-Восточной Азии получили 59% совокупного объема ПИИ развивающихся стран в 2008 г., что составило 372 млрд долл. и 63% всех ПИИ в 2009 г. (301 млрд долл.). При этом главными получателями ПИИ были Китай (108 млрд в 2008 г. и 95 млрд в 2009 г.), Гонконг (59 и 48 млрд соответственно) и Индия (45 и 26 млрд). Государства Латинской Америки в 2008 г. получили 183 млрд долл., что было на 20 млрд долл. больше, чем в докризисном 2007 г. и составило 29% всех ПИИ в РС, и 116 млрд долл. в 2009 г. (24,2%)³⁸. Примерно четверть всех ПИИ в Латинскую Америку приходится на Бразилию (45 млрд долл. в 2008 г. и 26 млрд долл. в 2009 г.). Приток ПИИ в Африку достиг рекордного для континента показателя – 63 млрд долл. в 2007 г. и 72 млрд долл. в 2008 г., однако его удельный вес в совокупном объеме ПИИ оставался низким и не превышал 3% и 4% соот-

ветственно. В 2009 г. совокупный объем ПИИ сократился до 58,5 млрд долл., что составило 12% всех ПИИ в РС и 5,2% общемировых инвестиций – самый высокий показатель для Африки за последние 30 лет!³⁹ Основными лидерами в получении ПИИ на Африканском континенте в 2009 г. были Ангола (13 млрд), Египет (6,7 млрд), Нигерия (5,8 млрд), ЮАР (5,7 млрд) и Судан (3 млрд).

В последние десятилетия растет роль развивающихся стран в качестве экспортеров капитала. При ничтожно малых или небольших уровнях до середины 80-х годов (немногим более 3 млрд долл. или 6% общемирового оттока ПИИ) отток капитала из РС в 2007 г. достиг 292 млрд долл. (12,8% мирового оттока ПИИ), 296 млрд в 2008 г. (уже 15,3%) и 229 млрд в 2009 г., что соответствует 21% от общемирового показателя.

Наиболее значимые позиции в экспорте ПИИ среди развивающихся стран занимают азиатские государства, обеспечивая свыше 75% от общего объема ПИИ из развивающихся стран, при этом абсолютным лидером по экспорту капитала вплоть до 2008 г. был Гонконг, экспортирующий ежегодно капитал на сумму от 30 до 60 млрд долларов. Однако уже в 2008 г. Китай вывез 52 млрд долл., что было на 2 млрд больше, чем у Гонконга. Однако в 2009 г. наблюдалась противоположная ситуация: из Китая было вывезено 48 млрд долл., а из Гонконга – 52 млрд. Индия также с 2006 г. выступает крупным экспортером капитала: в 2007 г. отток ПИИ из этой страны составил 17,2 млрд долл., в 2008 г. он достиг рекордной величины – 18,5 млрд, а в 2009 г. снизился до 14,9 млрд долл. Доля стран Латинской Америки и Карибского бассейна снизилась с 67% в 1980 г. до 20% в 2009 г. Отток ПИИ из этого региона составил 55 млрд в 2007 г., 82 млрд в 2008 г. и 47 млрд в 2009 г. Основные экспортеры ПИИ из стран Латинской Америки – Бразилия и Чили. При этом в 2009 г. оттока капитала из Бразилии не было вообще. Что касается Африки, то в 2007 г. отток ПИИ с Африканского континента был 10,6 млрд долл., в 2008 г. – 9,9 млрд, а в 2009 г. – всего 4,9 млрд долл. Основные экспортеры ПИИ – ЮАР и Ливия, в меньшей степени – Египет, Алжир и Марокко.⁴⁰

Еще одна новая тенденция, характерная для 2000-х гг., – быстрый рост инвестиционных потоков между самими развивающимися странами. Так, например, ПИИ между Китаем и странами АСЕАН увеличились с 2,9 млрд в 2000 г. до 7,8 млрд в 2008 г. Страны Африки получили в период с 2006 по 2008 гг. более 6,2 млрд ПИИ из развивающихся стран, в том числе из ЮАР – 2,6 млрд долл., из Китая – 2,5 млрд долл., из Малайзии – 611 млн долл., из Индии – 332 млн долл., из Тайваня – 48 млн долл., из Южной Кореи – 45 млн долл., из Чили – 44 млн долл., из Турции – 35 млн долл., из Бразилии – 14 млн долл.⁴¹

В современных условиях в наиболее крупных динамично развивающихся странах ускорился процесс формирования фондовых рынков, а именно в Бразилии, Мексике, Индии и Китае.

Еще одним ярким свидетельством глубоких перемен в странах Азии, Африки и Латинской Америки является появление там транснациональных корпораций, которые все активнее и решительнее выступают на мировых рынках, влияют на деятельность международных организаций в сфере регулирования мирохозяйственных отношений. Их число пока невелико, но их роль в мировой экономике неуклонно возрастает. Так в 1995 г. лишь 1,1% внешних активов из 2,5 тыс. крупнейших ТНК мира приходился на развивающиеся страны, в том числе 1% – на азиатские, а в 2008 г. данные показатели увеличились до 8,0 и 6,6% соответственно. Из ста крупнейших ТНК развивающихся стран и стран с переходной экономикой 47 были из Восточной Азии, 15 – из стран ЮВА, 9 – из Африки (в основном, из ЮАР и АРЕ), 9 – из Латинской Америки, 7 – из Западной Азии и 5 – из Южной Азии.⁴²

Азиатские ТНК ведут агрессивную экспансию на рынках развитых стран. Известная индийская группа Лакшми Миттал уже в октябре 2006 г. после упорной борьбы приобрела металлургическую компанию, занимающую 380-е место среди 500 крупнейших корпораций мира. Возникшая «Арселор Миттал» производит 116 млн т стали в год, занимая первое место в мире.⁴³

Новые ТНК активно используют свои преимущества в том, что касается доступа на динамично развивающиеся рынки

стран «третьего мира». Они опираются не только на дешевизну рабочей силы и природных ресурсов, но и на такие факторы, как развитие инновационной деятельности, использование новейших технологий, интернет-ресурсы, изобретательность в конкурентной борьбе с западными партнерами и др.

Еще одним важным свидетельством повышения роли развивающихся стран в мировой экономике служит их представительство в международных торговых организациях. В 1947 г. из 23 стран-членов ГАТТ 11 были развивающимися (Бразилия, Бирма, Цейлон, Чили, Китай, Куба, Индия, Пакистан, Сирия, Ливан, Родезия). При этом в тот период вообще отсутствовало само понятие – «развивающаяся страна», отсутствовало и их объединение в отдельную группу, возникшую уже в 50-е гг. XX века. Именно тогда развивающиеся страны начали заявлять о своих, только им присущих проблемах, связанных с международным обменом. Уже к 60-м годам XX в. развивающиеся страны стали численно преобладать в ГАТТ. Рост их участия в международной торговле в 70-е годы и неравноправное положение в ней способствовали их более активному сплочению и объединению в отдельное формирование в целях отстаивания собственных интересов.

Неудовлетворенность развивающихся стран своим положением в рамках ГАТТ в первую очередь была связана с ситуацией, сложившейся вокруг аграрного сектора, оказавшегося с самого начала вступления в силу Соглашения ГАТТ (благодаря усилиям западных стран) за его рамками, что наносило ущерб экономически менее развитым странам. Интересы последних остро затрагивал вопрос либерализации торговли текстильными товарами, который в силу позиций большинства развитых государств, практически отказавшихся от либерализации этой товарной группы, был «заморожен» в течение более 40 лет. Кроме того, интересы развивающихся стран-членов ГАТТ ущемлялись в результате использования западными странами различного рода рычагов давления таких, например, как «добровольные ограничения» экспорта, угрозы лишения финансовой помощи, нетарифные протекционистские инструменты и др. И лишь в ре-

зультате учреждения ВТО в 1995 г. отмеченные выше вопросы, в том числе под влиянием энергично выступавших развивающихся стран, были включены в повестку дня обсуждений этой организацией. Активная позиция развивающихся стран на переговорах Уругвайского, а затем Дохийского раундов, создание объединений и отдельных групп, сплотившихся на основе их наиболее острых проблем («Группа 20», «Четверка африканских стран», НРС, АКТ), и коллективные выступления позволили им добиться определенных, хотя и ограниченных, результатов в отстаивании собственных интересов, что было зафиксировано в нижеперечисленных документах ВТО:

1. «Соглашение по защитным мерам» предусматривает, что при определенных условиях к экспорту развивающейся страны не могут быть применены ограничения импорта и не могут быть повышены импортные пошлины.

2. «Соглашение по субсидиям и компенсационным мерам» устанавливает порядок: а) прекращения расследований против развивающейся страны при выявлении фактов субсидий; б) прав развивающихся стран на отказ от субсидий не сразу, а в течение 8 лет.

3. «Соглашение по процедурам импортного лицензирования» позволяет развивающейся стране в течение 2-х лет после вступления в ВТО продолжать использовать процедуру выдачи импортных лицензий.

4. «Соглашение по применению ст. VI ГАТТ» предусматривает, что при проведении антидемпинговых расследований развитыми странами в отношении экспорта развивающихся стран-членов ВТО первым следует проявлять особый подход и, используя настоящее соглашение, принимать конструктивные меры по содействию РС.

5. «Соглашение по услугам (ГАТС)» предоставляет развивающимся странам право открывать свой рынок услуг поэтапно и посекторно в течение переходного периода.

6. «Договоренность о правилах и процедурах разрешения споров» предусматривает, что в случае рассмотрения спора между развивающейся и развитой странами, инициированного

развивающейся страной, последняя должна быть представлена в разрешительной комиссии как минимум одним экспертом.

7. В перечне уступок, являющихся приложением к заключительному акту Уругвайского раунда, развивающиеся страны добились для себя специального дифференцированного режима, а именно: в отношении них предусматривался «меньший объем обязательств, а наименее развитые страны (НРС) полностью освобождались от них».⁴⁴

Одной из наиболее проблемных сфер, особенно важных для развивающихся стран, являлась торговля сельскохозяйственными товарами. В ходе Уругвайского раунда благодаря усилиям развивающихся стран вопрос о либерализации аграрной сферы занял центральное место. Согласно Соглашению по сельскому хозяйству, страны-члены ВТО обязались снижать тарифы, установленные в процессе «тарификации», т.е. трансформирования всех мер нетарифного регулирования импорта (квоты, лицензии и т.д.) в таможенные тарифы по особым формулам перерасчета.⁴⁵ При этом снижение тарифных ставок для развитых стран было предусмотрено в среднем на 36% (минимум на 15%) в течение 6 лет с момента вступления в действие данного документа, т.е. с 1995 г.; для развивающихся стран – в размере 24% в течение 10 лет; НРС полностью освобождались от обязательств по снижению тарифов.⁴⁶

В отношении внутренней поддержки сельского хозяйства для развитых стран-членов ВТО было принято решение сократить общий объем финансовой поддержки на 20% в течение шести лет, начиная с 1995 г., развивающихся стран – на 13% в течение 10 лет, НРС не должны были сокращать объем финансовой поддержки сельского хозяйства. Одновременно Соглашением было предусмотрено сократить в течение шести лет, начиная с 1995 г., объем субсидий при базисном уровне средних показателей 1986–1990 гг. для развитых стран на 36% в стоимостном выражении и на 21% объем субсидируемого экспорта, а для развивающихся стран в 10-летний период соответственно на 24% и 14%; НРС освобождались от сокращения экспортных субсидий. Однако принятое Соглашение не выполнялось из-за

позиции развитых стран, по-прежнему использующих огромные средства как на внутреннюю поддержку своих сельхозпроизводителей, так и на субсидирование сельскохозяйственного экспорта (по 1 млрд долл. в день, что в 5–6 раз превышает, например, размеры западной помощи субсахарской Африке и препятствует реализации конкурентных преимуществ развивающихся стран).

В результате острой борьбы последних за достижение равенства в международной торговле против дискриминационной политики западных держав, неоднократно приводившей к крайней напряженности, почти к срыву переговоров на конференциях ВТО (например, в Канкуне, в Гонконге, где аграрная проблематика явилась главным вопросом) было принято решение, зафиксированное в заключительном документе этой конференции ВТО, об отмене сельскохозяйственных экспортных субсидий к 2013 г. (африканские страны настаивали на 2010 г.). Благодаря активной позиции четырех африканских стран (Бенин, Буркина-Фасо, Мали и Чад, где существование 10 млн человек зависят от хлопководства) особое место в Гонконге занял вопрос о поддержке хлопкоробов в развитых странах, прежде всего США; было принято решение об отмене всех видов субсидий по хлопку до конца 2009 г.⁴⁷

При определенных уступках в пользу развивающихся стран западные державы, тем не менее, проводят таможенную политику, надежно защищающую их внутренний рынок, зачастую используя меры и приемы, несовместимые с нормами ВТО – принципами наибольшего благоприятствования и справедливой конкуренции. Так, нарушая правила ВТО о субсидировании, используя другие односторонние меры, развитые страны фактически закрывают доступ на свои рынки товарам именно тех отраслей экономики развивающихся стран, в которых они имеют определенные конкурентные преимущества, – сельское хозяйство, текстильная, швейная, обувная промышленность.⁴⁸ В случае выполнения требований ВТО о снижении тарифов развитые страны стремятся компенсировать их путем различного рода условий и оговорок в отношении развивающихся стран, приме-

няя в том числе чисто дискриминационные меры протекционистского характера, например, принцип тарифной эскалации, согласно которому импортные пошлины в развитых странах возрастают в соответствии со степенью обработки товаров, а также так называемые «тарифные пики» («пиковым» считается уровень, превышающий 12% стоимости товаров), входящих, например, в США до 350%, в странах ЕС до 506%.⁴⁹

В свое время развивающиеся страны с созданием ГАТТ получили так называемый дифференцированный льготный режим. Однако в результате Уругвайского раунда этот режим почти исчез из правовых документов, составляющих основу ВТО. Главная особенность соглашений о членстве в этой организации состоит в том, что, в отличие от ГАТТ, стать ее членом можно, лишь подписав единый пакет правовых документов, принятие которого обязательно для всех стран-членов без каких-либо особых условий. В результате сузились возможности получения развивающимися странами дифференцированного налогообложения, различных льгот и преференций, повышенной поддержки государства для экономически менее развитых государств. Практически с созданием ВТО льготный режим в рамках ГАТТ для развивающихся стран трансформировался в предоставление им более продолжительных сроков перехода на общие для всех членов правовые нормы этой организации.

Таким образом, при определенных преимуществах системы ВТО в плане формальной защиты ее членов от дискриминации на внешних рынках и обеспечения свободной конкуренции, фактически ее правила ставят экономически слабые развивающиеся государства и сильные ТНК развитых стран в равные условия в конкурентной борьбе на мировом рынке. Совершенно очевидно, что при изначально неравных позициях в рамках ВТО выигрывают индустриально развитые государства в ущерб развивающимся странам.

По нашему мнению, развитые страны, обладая руководящими позициями в мировых институтах, всеми силами будут стремиться сохранить свои привилегированные позиции в мировой экономике с помощью именно институциональных рычагов.

Несмотря на изменения в мировой экономике, особенно ускорившиеся в ходе последнего кризиса, западный мир стремится сохранить в максимальной степени старые международные институты, обеспечивающие бесперебойное функционирование, в первую очередь, экономик развитых стран. Создание новых институтов потребует определенного времени, хотя этот процесс уже начался сегодня (вспомним хотя бы появление Большой двадцатки). Видимо, в ближайшее десятилетие мы станем свидетелями возникновения новых международных объединений, однако процесс их создания и дальнейшего функционирования будет неоднозначным и достаточно противоречивым.

Появление и стремительное утверждение на мировом экономическом пространстве новых центров силы в лице, прежде всего, так называемых «новых экономических вершин» – Китая, Индии, Бразилии и др. – вносит глубокие изменения в поведение основных игроков на мировых рынках, в направление и содержание движения товаров, финансовых, миграционных потоков, вынуждает мировых лидеров вносить существенные коррективы во внешнеэкономическую стратегию, чтобы не упустить новые возможности и предотвратить возможные угрозы.

В последние годы ткань экономических взаимосвязей и взаимозависимостей между традиционными и народившимися мировыми экономическими полюсами существенно уплотнилась и продолжает достаточно быстрыми темпами уплотняться. На развитие этого процесса глубокое влияние оказывают как углубление глобальной экономической интеграции, так и обострение конкурентной борьбы за рынки сырья, технологий, капиталов, которая, при отсутствии международного регулирования, рискует принять деструктивные формы с глобальными последствиями.

В целом, несмотря на очевидные убедительные успехи многих развивающихся стран, развитие мировой экономики в условиях глобализации весьма слабо сказалось на преодолении социально-экономической отсталости, устранении бедности, решении продовольственной проблемы в обширном ареале развивающихся экономик. В XXI в. за чертой бедности все еще пре-

бывает 3 млрд человек, или 53% совокупного населения развивающегося мира, и более 1,1 млрд человек (21,1%) находятся ниже порога нищеты.⁵⁰

Кроме того, глобализация, усилив взаимосвязанность субъектов мировой экономики, поставила развивающийся мир в более зависимое положение от конъюнктуры мировых рынков; тем самым их развитие оказалось под влиянием возросших тенденций неустойчивости.

При этом мы являемся свидетелями интереснейшего экономического парадокса, существование которого все еще ждет своего объяснения. С одной стороны, растет роль развивающихся государств в мировой экономике, укрепляются их позиции в ней, а с другой – разрыв между развитыми странами, большинство из которых вступили в постиндустриальную стадию развития и Мировой периферией, большая часть которой только вступает в индустриальную стадию, все еще продолжает расти.

Детальное исследование данного явления мировой экономики лежит за границами темы нашей монографии. Однако представляется, что описанный экономический парадокс объясняется двумя группами причин. С одной стороны, конечно же, понятие развивающиеся страны – не вполне строгий термин, его границы размыты, разные международные организации понимают под ним не всегда стопроцентно одинаковый набор государств. Экономический вес различных государств этой категории несоизмерим (сравним, например, КНР и тихоокеанское государство Тувалу, с населением 1,5 млрд и 12 тыс человек и ВВП по ППС – 7 трлн и 15 млн долл. соответственно). Внутри группы стран, традиционно относимых к развивающимся, есть такие, которые весьма близко подошли к развитым по многим макроэкономическим показателям. В то же время, с точки зрения этапов процесса модернизации, они пока еще не вышли даже на подступы постиндустриальной стадии.

С другой стороны, процессы глобализации распространяются на мировую периферию не равномерно и повсеместно, а избирательно и точно. К мировому рынку «подключаются» не

страны целиком, а отдельные отрасли, ресурсы, производства. Поэтому нередко возникает ситуация, когда одна-две отрасли или даже конкретные предприятия какой-либо развивающейся страны оказываются глубоко интегрированы в мировой рынок и вплетены в системы международного разделения труда, обмена, выпуска в конечном итоге весьма высокотехнологичной продукции, а страна в целом продолжает оставаться слаборазвитой и ее отставание все более усугубляется.

Подобные достаточно распространенные в мировой экономике предприятия даже менее интегрированы в национальные экономики, чем пресловутые «анклавные производства» 1960–70-х годов. Последние в силу все еще общих индустриальных начал экономики вносили хотя бы ограниченный вклад в развитие материального производства освободившихся стран. Ныне, многие аутсорсинговые фирмы и так называемые «курортные офисы» на экзотических островах, откуда, пользуясь современными средствами связи, руководят работой своих фирм европейские и американские менеджеры, никак не связаны со страной пребывания кроме своих географических координат.

Сказанное, однако, не отменяет общепризнанного положения – последние десятилетия XX века были отмечены важными структурными сдвигами в мировом сообществе, которые позволили некоторым авторам говорить о наступлении эпохи «Возрождения Востока».⁵¹

Самым важным изменением в существовавшей экономической модели мира стало возвышение крупных развивающихся государств. При этом рост генерируемый их ускоренным развитием уже стал создавать мультипликативный эффект для мировой экономики в целом. Кризис 2007–2010 гг. годов показал, что внутренний спрос в Китае становится фактором подъема мировой экономики в целом. Это качественный поворот от ситуации, когда рост китайской экономики в основном базировался на зарубежном спросе на продукцию этой страны. Для осознания всей глубины перемен следует изучить долгосрочные тренды в воздействии крупных развивающихся экономик на мировое хозяйство и формирование соответствующих моделей

глобального развития. Особенно значимым является исследование проекций будущих мировых демографических процессов в сравнении с прогнозируемыми тенденциями физического накопления капитала, роста производительности труда. Исследование этих вопросов позволяет в определенной степени прогнозировать основные направления эволюции и новой только возникающей модели мирового экономического развития.

Методологическими основами подобных разработок могут служить синтетические подходы, включающие элементы неоклассических, некейнсианских, неомарксистских и институционалистских теорий. В основе такого синтетического подхода будет оставаться посылка, что экономический рост является продуктом плодотворного взаимодействия трех доминирующих сегодня факторов производства – рабочей силы, накопления капитала и природных ресурсов. Таким образом, с точки зрения отправных точек наших теоретических подходов, человеческий фактор развития в различных его проявлениях оказывается в XXI веке одним из главнейших. Как будет в дальнейшем показано в работе, человеческий капитал ныне играет главную роль в определении темпов роста совокупной производительности факторов производства, поскольку непосредственно влияет на догоняющую и собственную инновационную активность. Воздействие этих факторов далее выходит за рамки собственно «человеческой составляющей» и включает такие, казалось бы, независимые сферы как финансы и, конкретно, движение валютных курсов. В соответствии с так называемым эффектом Баласса-Самуэльсона, если в экономике какой-либо страны темпы роста производительности труда начинают превышать американские, то обменный курс ее валюты по отношению к доллару должен повышаться. На этой основе возможны прогнозы общего направления движения в первой четверти XXI века валютных курсов прежде всего крупных экономик Азии и Латинской Америки и, с меньшей вероятностью, Африки. В соответствии с имеющимися прогнозами западноевропейских экономистов⁵² к 2050 г. на КНР будет приходиться около 22% мирового ВВП (в текущих ценах). ВВП Китая и Индии к этому времени

увеличится соответственно в 13 и 10 раз. ВВП таких развитых стран как Франция, ФРГ и Япония вырастет примерно вдвое, а США втрое. Все это дает основание полагать, что список первой десятки крупнейших экономик мира существенно обновится. Правда, по всей видимости, США сохранят за собой 1-е место в этом списке, хотя разрыв в величине ВВП с Китаем сильно сократится (в 2050 г ожидается 38 и 31 трлн долл. соответственно). Нет ясности относительно того, удастся ли Японии сохранить в этом рейтинге за собой 3-е место. В любом случае Южной Корее предрекают 4-ю позицию (в настоящее время она находится на 10-м месте). Индия может подняться с нынешнего 13-го места на 5-е, обойдя по объему ВВП Францию в районе 2025 г. и ФРГ в 2039 г. Согласно цитируемым прогнозам, в 2050 г. индийский ВВП будет составлять только 18% американского. Очень важно учесть, что, в соответствии с прогнозами, к середине XXI века суммарная доля КНР и Индии в мировом валовом продукте будет равна доле США. И здесь наступает важнейший качественный сдвиг в экономической модели мира. В ближайшие тридцать лет может случиться так, что впервые в новой и новейшей истории крупнейшие экономики мира не будут одновременно и самыми богатыми (с точки зрения подушевых показателей). Отсюда проистекают два ключевых императива времени. Первое – мировому бизнесу придется во многом менять господствующие деловые стратегии и адаптироваться к потребностям менее зажиточных, но более многочисленных потребителей. Второе – в мировой политике и дипломатии может наступить эра преобладания позиций в целом более бедных стран и народов.

1.3. Переход к новой экономической модели мира и страны Африки

Как было показано в предыдущих параграфах, мировая экономика в настоящее время переживает период перехода к иной, содержащей качественно новые характеристики модели глобального экономического развития. Главная внешняя характе-

ристика перемен – изменение в балансе глобальных экономических сил, их смещение с Запада на Восток. Международная система, установившаяся в мире после 1945 г., видоизменяется под воздействием процессов глобализации и переоценки системы старых ценностей. Особое внимание придается росту экономического могущества в первую очередь Китая, но также Индии и Бразилии, которые, по мнению ряда исследователей, к середине XXI века окажутся в десятке лидирующих экономик мира. Но целый ряд исследователей⁵³ предрекают также быстрое наращивание экономической силы Россией, Мексикой, Индонезией, Турцией.

Африка, однако, как правило, не фигурирует в числе фаворитов подобных прогнозных сценариев. Большинство прогнозов на 21 век касаются африканских проблем и роли континента в развитии глобальных экономических сценариев лишь походя.⁵⁴ Глазами западных исследователей, Африка представляет собой не более чем источник сырья и объект для гуманитарных миссий и интервенций, которые также следует предпринимать лишь для того, чтобы не допустить распространения эффекта нестабильности в другие стратегически важные районы мира, особенно в Западную Европу и на более значимый для США и ЕС Ближний Восток. В принципе такой позиции есть вполне научное объяснение. Доля Африки в мировом валовом продукте сегодня не превышает двух процентов, то есть с 1960-х годов она последовательно снижалась на 1% каждые 12 лет. Единственным исключением, пожалуй, является ЮАР – самая развитая на Африканском континенте и одновременно единственная страна, которую не относят к Третьему миру. ВВП ЮАР на 2008 г. составил 491 млрд долл. (26-е место в мире). ЮАР обладает огромным запасом природных ресурсов. Широко развиты телекоммуникации, электроэнергетика, финансовая сфера. Фондовая биржа Йоханнесбурга JSE находится в первой двадцатке по капитализации – примерно на уровне ММВБ. ЮАР занимает 39-е место в рейтинге Forbes стран по удобству ведения бизнеса (Россия – на 86-м месте). По инициативе КНР, в ноябре 2010 г. ЮАР официально приглашена в

организацию Бразилия, Россия, Индия, Китай /БРИК/, которая теперь будет называться БРИКС. Председатель КНР Ху Цзиньтао направил приглашение президенту ЮАР Джейкобу Зуме принять участие в саммите БРИКС в Китае в начале апреля 2011 года. По мнению самой ЮАР, БРИКС сможет сыграть решающую роль в усилении влияния развивающихся стран на меняющуюся глобальную политическую, экономическую и финансовую архитектуру. БРИКС объединяет самые энергично развивающиеся государства планеты на фоне экономического упадка в Америке и Европе.⁵⁵

Однако, несмотря на все перечисленные выше факты, даже самая мощная экономика континента – южноафриканская – все еще отсутствует в общемировых списках ведущих кандидатов на ускоренный подъем и рывок вперед. Единственная страна континента, которая в них иногда встречается – Нигерия. Однако и она упоминается только в негативном контексте – при описании возможных региональных последствий коллапса этого африканского гиганта или в связи с ее ролью как нестабильного и перенаселенного источника сырой нефти для мировой экономики.

Такое положение дел, с нашей точки зрения – явное упущение, очевидный недоучет важнейшего фактора мировой политики и экономики ближайших десятилетий, особенно с точки зрения глобальной и региональной безопасности, как политической, так и экономической. Как будет показано ниже, мирохозяйственное значение Африканского континента в последующие два–три десятилетия будет существенно возрастать.

Хотя будущее невозможно предсказать со стопроцентной точностью, но мы попытаемся сделать некоторые, как нам представляется, обоснованные прогнозы, базируясь на уже известных или выявленных нами трендах и тенденциях, в первую очередь касающихся роста народонаселения, экономического и технологического развития. При этом, ни в коем случае, нельзя игнорировать тот факт, что воздействие целого ряда дополнительных факторов как объективного (климатические изменения, деградация окружающей среды и т.д.), так и субъективного по-

рядка (вмешательство человека, решения и действия политических лидеров и реакция на них широких масс рядовых граждан) легко может поставить под сомнение исполнение любого прогноза. В этом контексте, как ни странно, наиболее исполняемыми становятся прогнозы, касающиеся самой консервативной субмодели развития – народонаселенческой. Именно демографические прогнозы, сценарии динамики роста, мобильности трудовых ресурсов, урбанизации, тенденций в области образования и здравоохранения сбываются с наибольшей степенью достоверности.

Обратим внимание читателя на то, что *прогнозы относительно экономического возвышения ряда развивающихся стран в первой половине текущего века строятся на положительной корреляции между быстрым ростом их населения и темпами роста их экономик*. Другими словами, обращает на себя внимание тот факт, что в экономические лидеры XXI века пророчат в первую очередь страны с особо крупным населением.

Если это утверждение верно и в отношении Африки, то быстрый демографический рост на «Черном» континенте должен в условиях глобализации послужить толчком, как минимум, к ускорению экономического развития, а, как максимум, к экономическому возвышению континента в целом. Полностью исключить такое развитие событий было бы неправильным. Достаточно задуматься над тем, что в то время как в Африке замещение выбывающих из состояния экономической активности жителей происходит на расширенной основе, в Европе, Японии и даже на Тайване, сравнительно молодом «экономическом тигре», доля молодых возрастов в общем населении быстро убывает.

Даже в Китае и Южной Корее численность работающего населения достигнет пикового значения в наступающем десятилетии, после чего пойдет на спад, налагая при этом дополнительное бремя на системы социальной защиты, государственный бюджет и т.д. В США ожидаемый к 2030 г. 65-миллионный прирост населения произойдет не за счет внутренней рождаемости, а вследствие миграции. У белого же коренного расселения

США показатель фертильности лишь немногим выше, чем у европейцев. Прирост человеческого капитала в США, в особенности в таких областях, как биотехнологии, нанотехнологии будет, по мнению экспертов, в решающей степени зависеть от притока иностранных специалистов.

Африка уже сыграла вполне определенную значимую роль в развитии мирового хозяйства. Это роль не вполне оценена, но без нее глобальная экономика в ее сегодняшнем виде не могла бы существовать. Континент постоянно предоставлял миру один из ключевых факторов роста мировой экономики – не всегда достаточный, но всегда необходимый, без которого в данных исторических условиях движение мировой экономики вперед было невозможно, и сегодняшняя глобализация вряд ли бы состоялась. В XVI–XIX вв. Африка была главным поставщиком рабов – основы изначального становления экономики в том числе и нынешнего мирового лидера – США. Далее, превратившись в сырьевой резервуар колониальных империй, она питала промышленные революции и модернизации индустриального типа в большинстве стран Европы. Сегодня являясь одним из главных поставщиком природных и, в значительной мере, трудовых ресурсов для постоянно сжимающейся шагреновой кожи реального производства в мире, она поддерживает зыбкие балансы между фиктивным и реальным капиталом в мировой экономике.

Даже это краткое перечисление свидетельствует о том, что недоучет африканского фактора в глобальных сценариях развития мировых экономических моделей XXI века – более чем ошибка. Такой подход ставит под сомнение саму достоверность, а, следовательно, и ценность таких сценариев.

Будущее – не есть прямолинейное продолжение экономических и демографических проекций фактических сценариев прошлых десятилетий на следующие четверть или полвека. Начало XXI века знаменовалось в Африке первыми многолетними успехами в наращивании темпов экономического роста, небольшого, но все же улучшения работы политических институтов. В сочетании с бумом на мировых рынках сырья, ускоренной урба-

низацией и, переносом на континент некоторых (относительно) новых технологий это позволило некоторым странам (Ботсване, ЮАР, Замбии, Гане, Танзании, Мозамбику и Уганде) претендовать на роль образцов «модернизации по-африкански».

Правда, как оказалось, этого было недостаточно, чтобы реально порвать со старым сложившимся трендом. Мировой экономический кризис несколько затормозил модернизационный полет. Будущее Африки во многом зависит от того, как ей удастся справиться с последствиями кризиса, как после кризиса изменится сама мировая конфигурация, и какое место в обновленной мировой экономике будет принадлежать Африканскому континенту. Вот почему, на наш взгляд, анализ воздействия мирового экономического кризиса на африканскую экономику требует отдельного рассмотрения.

Сегодня большинство социально-экономических и политических прогнозов, касающихся воздействия разразившегося глобального кризиса на Африку (как, впрочем, и на все другие регионы мира), носят умозрительный характер. Опираясь на одни и те же исходные данные, различные эксперты нередко дают диаметрально противоположенные по содержанию оценки. С одной стороны, это объясняется, тем, что кризис, судя по всему, еще не достиг дна, а значит выявить все его аспекты весьма сложно. С другой стороны, у исследователей нет четкого понимания и согласия относительно самой сущности этого кризиса.

Можно ли считать его только финансовым (и тогда пути выхода следует искать в реформировании мировой и национальных финансовых систем), или это системный кризис (в этом случае реформой одних лишь финансов не обойтись). Возможны и другие интерпретации, о которых обычно стесняются вести публичные дискуссии, но полностью их игнорировать тоже нельзя. Например, утверждается, что кризис – рукотворный процесс, цель которого изменить существующий баланс сил, скорректировать сложившиеся связи и взаимозависимости, избавиться от ненужных балластов, или что он – неизбежное материальное проявление завершающей фазы общего кризиса капитализма.

Принимая во внимание вышеизложенное, мы, тем не менее, попытаемся оценить влияние разразившегося кризиса на происходящие и возможные в будущем изменения темпов и характера развития африканских экономик. Учитывая неоднородность социально-экономического развития на Африканском континенте, в целях большей достоверности следует разграничить прогнозы для относительно развитых стран Северной Африки и ЮАР, с одной стороны, и более отсталых стран Тропической Африки, с другой. Кроме того, в целях анализа необходимо и продуктивно разделить всех стран континента на нефтедобывающие (а правильнее, крупные экспортеры сырья) и нефтеимпортирующие, а также страны – нетто-импортеры продовольствия.

Кризисные явления выразились в замедлении темпов экономического роста развитых стран в 2007 г., а остальных – в 2008–2009 гг. (табл. 1.3.1).

Таблица 1.3.1

Темпы прироста мирового ВВП в 2006–2009 гг.,%

	2006	2007	2008	2009 (прогноз)		
				Базовый	Пессимистический	Оптимистический
Мир в целом	4,0	3,8	2,5	1,0	-0,4	1,6
Развитые страны	2,9	2,5	1,2	-0,5	-1,5	0,2
Развивающиеся страны	7,1	7,2	5,9	4,6	2,7	5,1
Африка	5,7	6,0	5,1	4,1	0,1	4,7
Страны с переходной экономикой	7,8	8,3	6,9	4,8	2,7	6,1
Справочно: наименее развитые страны	4,9	3,2	2,0	0,7	-1,2	1,5

Источник: World Economic Situation and Prospects 2009. N.Y., United Nations, 2009. P. IX, 2.

В настоящее время экономическая ситуация в мире остается очень неопределенной, поэтому прогнозировать степень воз-

действия кризиса на мировую экономику пока еще рано. Применительно к Африке прогнозные оценки еще более затруднительны в силу малой достоверности и неполноты поступающих статистических данных и сильного влияния субъективного фактора, в том числе психологических особенностей лидеров разного уровня. Сегодня можно лишь утверждать, что последствия мирового финансового кризиса пока слабо отразились на экономике африканских стран в силу низкого уровня их интеграции в мировую финансовую систему, Основная масса населения континента не почувствовала радикальных изменений в своей жизни. Негативный эффект от кризиса был несколько смягчен в силу ряда обстоятельств. Рассмотрим основные из них.

В последние годы Африка демонстрировала самые высокие темпы экономического роста с момента получения независимости. Реальные средние темпы прироста совокупного ВВП здесь превышают 5%, а национальные показатели прироста ВВП, начиная с 1999 г., ни разу не имели отрицательных значений. Особенно впечатляющи макроэкономические результаты, достигнутые в субрегионе южнее Сахары: среднегодовые темпы прироста ВВП здесь выросли до 6,3% в 2003–2007 гг. против 3,7% в 1996–2000 гг., при этом инфляция снизилась с 18,8 до 8,2% соответственно⁵⁶.

Это позволило увеличить расходы на преодоление бедности, перераспределить расходы правительств и донорские средства на развитие образования, здравоохранения и другие социальные задачи, включая борьбу со СПИДом, совершенствование инфраструктуры, формирование институтов микрофинансирования. Позитивное воздействие оказало и сокращение числа гражданских конфликтов на континенте. Все эти изменения даже позволили некоторым аналитикам говорить о наступающем «Африканском ренессансе».

В 2008 г. экономический рост во всех частях континента (за исключением Центральной Африки) замедлился, но положительная динамика сохранилась, благодаря высоким ценам на экспортные товары, наблюдавшимся в первом полугодии, а также увеличению выпуска сельскохозяйственной продукции.

В среднем по странам Северной Африки темп прироста ВВП составил 5,1%, что было обеспечено высокими доходами от экспорта нефти, развитием строительства и оживлением в туристическом секторе (см. рис. 1.1). В Центральной Африке экономический рост поддерживался главным образом расширением добычи нефти в таких государствах, как Габон и Республика Конго. Самые высокие темпы экономического роста на континенте продемонстрировали страны Восточной Африки, в особенности Эфиопия, чему способствовали прогресс в сельском хозяйстве и туризме, поступления зарубежной помощи и улучшение ситуации в инвестиционной сфере. В то же время экономический рост по-прежнему, сдерживался неадекватным состоянием инфраструктурных отраслей, в особенности энергетики и транспорта.

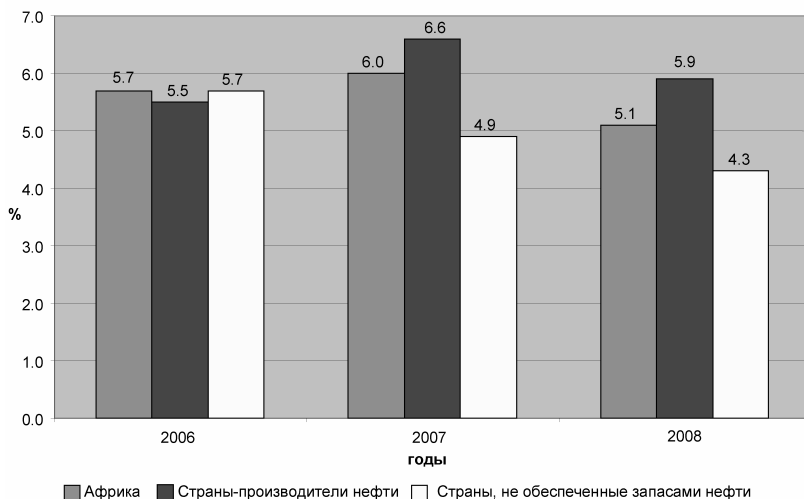

Рис. 1.1. Темпы прироста ВВП стран Африки.

Источник: World Economic Situation and Prospects 2009. New York: United Nations, 2009. P. 110.

Темпы экономического роста в странах Юга Африки в 2008 г. снизились до 4,2% против 6,2 – в 2007-м. В основном это было вызвано замедлением роста экономики ЮАР вследствие сокращения потребительских расходов и кризисных явлений в горнодобывающей промышленности. В других странах региона ухудшение экономической динамики обуславливалось уменьшением объемов помощи, перебоями с энергоснабжением и высокими процентными ставками⁵⁷.

В целом, темпы прироста африканской экономики сократились с 5,6% в 2008 г. до 2,2% в 2009 г., однако в 2010 г. прирост ВВП в государствах Африканского континента по предварительным оценкам составит 5%. Таким образом, весь период падения ВВП ограничился в среднем по Африке примерно 12–14 месяцами. По данному показателю в минусовые значения сравнительно на короткий срок (1–2 квартала) ушли темпы прироста ВВП лишь наиболее включенных в мировую экономику стран (ЮАР, некоторых нефте- и газоэкспортеров), а также наименее развитых государств, бюджеты которых в решающей степени зависели от притока внешней помощи.

Отмечавшееся в 2003–2007 гг. улучшение денежной и фискальной политики, некоторое облегчение доступа на рынки развитых стран, увеличение международной помощи, снижение долгового бремени, а также высокие мировые цены на продукцию региона способствовали росту экспорта, притоку ПИИ и денежных переводов, сокращению внешнего долга в ряде государств Африки.

Официальная помощь развитию Африки (ОПР) в 2007 г. составила 38,7 млрд долл., примерно столько же было получено в виде денежных переводов мигрантов⁵⁸. В этом же году рекордного уровня достиг приток ПИИ – 63 млрд долл., что было связано в первую очередь с расширением разведки и эксплуатации месторождений полезных ископаемых (прежде всего нефти и газа), а также с улучшением динамики прибылей корпораций и более благоприятным деловым климатом⁵⁹. В 2008 г. приток прямых иностранных инвестиций на Африканский континент

продолжился, их прирост за год составил почти 17%, тогда как в других регионах и в мире в целом наблюдалось снижение притока ПИИ (см. табл. 1.3.2).

Таблица 1.3.2

**Динамика притока ПИИ и сделок по слияниям
и поглощениям (СиП),%**

Регионы	Годовой прирост ПИИ			Годовой прирост стоимости сделок СиП		
	2006	2007	2008	2006	2007	2008
Мир в целом	47,2	29,9	-21,0	20,3	46,4	-27,7
Развитые страны	53,9	32,6	-32,7	18,1	50,0	-32,5
Страны с переходной экономикой	84,6	50,3	6,2	-5,7	165,9	-17,0
Развивающиеся страны	30,5	21,0	3,6	37,7	16,0	15,7
Африка	55,3	15,8	16,8	75,9	-48,4	157,0

Источник: Assessing the impact of current financial and economic crisis on global FDI flows / UNCTAD. N.Y., Geneva, 2009. P. 22.

В структуре поступающих в страны Африки ПИИ преобладают вложения в первичный сектор. В частности, 2006 г. существенно увеличился объем сделок по слияниям и поглощениям (СиП) в добывающей промышленности. В следующем году, когда договоры по основным привлекательным проектам уже были заключены, наблюдалось резкое сокращение подобных сделок, которое впоследствии было компенсировано притоком инвестиций в новые производственные мощности в сфере услуг и обрабатывающей промышленности.

Экономический спад в основных странах-экспортерах капитала, повышение инвестиционных рисков, уменьшение финансовых ресурсов и ужесточение условий их получения вызвали снижение притока ПИИ в сферу услуг (банки, финансы, торговля, туризм), легкую и пищевую промышленность Африки. Вместе с тем в сырьевом секторе, где сосредоточена основная часть

вложений из-за рубежа, приток ПИИ в 2009–2010 гг., скорее всего, сохранится на существующем уровне.

Приток ПИИ в Африку достиг рекордного для континента показателя – 72 млрд долл. в 2008 г., однако его удельный вес в совокупном объеме ПИИ в мире оставался низким и не превышал 4%. В 2009 г. совокупный объем ПИИ сократился до 58,5 млрд долл., что составило 12% всех ПИИ в РС и 5,2% общемировых инвестиций – самый высокий показатель для Африки за последние 30 лет!⁶⁰

В 2008 г. Испания, Ирландия и некоторые другие государства ОЭСР, сильнее других пострадавшие от ухудшения мировой конъюнктуры и спада в национальной экономике, несколько сократили финансовую помощь развивающимся странам, в том числе африканским. По некоторым оценкам, их примеру могут последовать и другие страны-доноры, включая Великобританию, Германию и США. Вместе с тем, как полагают многие эксперты, глобальный финансовый кризис не уменьшит общей заинтересованности Запада в сокращении масштабов бедности и улучшении качества жизни на Африканском континенте. Его обязательства по оказанию помощи странам региона, скорее всего, останутся в силе.

За последнее десятилетие к числу основных финансовых доноров и инвесторов в Африке примкнули Китай, Индия, Бразилия и некоторые другие развивающиеся страны. В 2009 г. Пекин увеличил помощь региону, списал долги 33 странам, предоставил льготные займы на общую сумму 5 млрд долл., а также создал специальный фонд в размере 5 млрд долл. для содействия китайским инвестициям в Африке. До 2011 г. только на развитие инфраструктуры в африканских странах КНР намерена израсходовать 20 млрд долл.⁶¹

Индия, в отличие от Китая, больше ориентируется на многосторонние проекты по Африке. Уже подписаны соглашения с Африканским союзом, с Сообществом развития Юга Африки (САДК), Экономическим сообществом стран Западной Африки (ЭКОВАС). Активное сотрудничество налажено в рамках программы «Новое партнерство для развития Африки» (*New Part-*

nership for Africa's Development, – NEPAD). Индия проявляет большой интерес к Кении, участвуя в реализации проектов по производству сахара, фармацевтических товаров и оказанию банковских услуг. Как и Китай, Индия проводит политику полного невмешательства во внутренние дела государств-реципиентов.

Все более весомую помощь государствам Африки оказывают страны ОЭСР, не входящие в Комитет содействия развитию – Венгрия, Мексика, Польша, Республика Корея, Словакия, Турция, Чехия и др., а также некоторые государства, не участвующие в ОЭСР (в частности, Израиль и Кувейт)⁶².

Таким образом, к началу кризиса Африка подошла с определенными материальными и социальными накоплениями. Более того, некоторые страны-нефтеэкспортеры смогли определенное время «продержаться» за счет весьма внушительных золотовалютных резервов, накопленных в годы благоприятной конъюнктуры цен на энергоносители. В частности, Алжире их объем достиг в конце 2008 г. 138,4 млрд долл., в Ливии – 79 млрд, в Нигерии – 51, в Египте и ЮАР – 33, в Марокко – 24, в Ботсване – 10 и в Тунисе – 8,2 млрд долл.⁶³

Африка – один из немногих регионов мира, где, по оценкам многих специалистов, еще в целом не пройден так называемый пик добычи нефти и газа. Кризис лишь в ограниченной мере оказал сдерживающее воздействие на приток иностранных инвестиций в нефтегазовую отрасль Африки. В 2009 г. они увеличились здесь на 4%, в то время как по миру в целом упали на 16%. Ожидается, что к 2030 г. 30% капиталовложений в оффшорную добычу нефти и газа в мире будет приходиться на акватории Африки.

В период кризиса лучше себя чувствовали те африканские страны, которые имели платежные балансы с положительным сальдо и бездефицитные бюджеты. Кроме того, лучше выстояли те государства, у кого имелись налаженные и надежно финансируемые социальные программы и системы, а также те, кто лучше осуществлял государственное регулирование национального хозяйства.

Воздействие мирового кризиса на Африку может быть смягчено или отсрочено и в силу других причин. Большинство аналитиков сходятся во мнении, что Африка недостаточно тесно интегрирована в глобальную хозяйственную структуру, особенно в финансовую систему, чтобы испытать на себе в полной мере последствия ее краха. Возможно, в большей степени кризис затронет некоторые крупные и более развитые страны региона (ЮАР, Нигерию, Египет и др.), а также экспортеров сырья, потребность в котором может резко снизиться в условиях спада промышленности на Западе. Но в целом слабая связь с мировым рынком, игравшая в иных условиях отрицательную роль в экономическом развитии региона, в ситуации глобального кризиса может сгладить его негативный эффект. Основная масса населения континента, живущая в деревне, не почувствует изменения своего положения, поскольку не только не включена в мировой рынок, но живет практически в условиях полунатурального хозяйства.

По мнению ряда ученых, в том числе и африканских, в отдаленной перспективе для некоторых африканских государств нынешний мировой кризис будет иметь позитивное значение. В ситуации обвала финансовых рынков развитых государств многие страны Африки смогут реально диверсифицировать свой экспорт, активизировав торговые связи с западным миром, в первую очередь, с Китаем, Индией, Бразилией, странами Ближнего и Среднего Востока.

Кроме того, резкое ухудшение условий торговли с развитыми странами может содействовать расширению внутриафриканской торговли и «открытию» рынка многих стран региона для новых партнеров. В условиях сокращения деятельности иностранных компаний возможна активизация национального капитала, в том числе малого и среднего бизнеса. Произойдет ли это на самом деле? Ответ на этот вопрос зависит от массы объективных и субъективных факторов. Остановимся на некоторых из них.

С переходом от однополярного мира к многополярному усиливаются экономические позиции Китая, для которого Африканский континент становится важнейшим источником мине-

ральных ресурсов (в 2008 г. торговый оборот КНР с африканскими странами составил 106,8 млрд долл., в 2009 г. он несколько сократился – до 95 млрд долл.)⁶⁴. Пекин заинтересован в поддержании социально-экономической стабильности в этом регионе и, безусловно, окажет финансовую поддержку африканским государствам.

Реальную финансовую выгоду африканские импортеры углеводородов могут получить и в результате падения мировых цен на нефть – снизится их внешнеэкономическая зависимость от стран-экспортеров нефти и газа.

Обесценение резервных валют в ходе кризиса резко подняло цену золота и драгоценных камней. На сегодняшний день у США и Германии доля золота в общем объеме золотовалютных резервов (ЗВР) достигает 70%, а целый ряд стран, включая Россию, Китай, Индию и Филиппины, под воздействием кризиса решили наращивать запасы золота в своих ЗВР. Все это делает перспективы золотодобывающей промышленности Африки весьма благоприятными. В 2009 г. Африка получила около \$19 млрд от производства золота и порядка \$6 млрд – от добычи алмазов. Кризис вернул к жизни многие шахты, которые с конца прошлого века оказались нерентабельными из-за длительного периода низких котировок мировых цен на золото. Более других в этом отношении выиграла ЮАР, обеспечивающая 47% мирового экспорта желтого металла. В 2008–2010 гг. благодаря росту мировых цен уже существенно увеличились валютные доходы основных производителей этого металла на континенте (ЮАР, Гана, Зимбабве, Демократическая Республика Конго, Танзания, и Кения).

В результате кризиса повысилась, хоть и незначительно, доля Африки в международной торговле. В 2007 г. она составляла 2,8%, а в 2009 г. выросла, по разным оценкам, до 3,1–3,5%. При этом изменилась географическая направленность африканской торговли – доля развитых стран сократилась с 70 до 66%, а доля Китая увеличилась с 7 до 11%.

В сфере международной торговли кризис для африканских стран в основном проявился в виде падения мировых товарных

цен на сырье и снижения объемов экспорта из стран континента. Однако в 2009 г. объем товарного экспорта из Африки упал всего на 2,5%, что было существенно ниже мировых показателей по падению экспорта. Импорт в силу нехватки валюты сократился существенней – на 8%. Отрицательное сальдо торгового баланса стран континента составило 5,691 млрд долл. Это немногим более полутора процентов от стоимости экспорта – в целом, не катастрофичная величина. В субрегиональном разрезе отрицательное сальдо зафиксировано только в Северной Африке, столкнувшейся с уменьшением мирового спроса на энергоносители и удорожанием многих статей импорта, особенно продовольствия. Африка южнее Сахары в 2009 г. имела положительное сальдо по итогам товарных операций с внешним миром.

К тому же, по мнению некоторых зарубежных аналитиков, государства Африки имеют шансы получить некоторые инвестиционные выгоды в условиях, когда мировой финансовый кризис повысил риски инвестирования в западных странах.

Вместе с тем негативное воздействие кризиса на Африканский континент, по всей видимости, будет преобладающим.

Обрушение устоявшихся за последние десятилетия глобальных связей между Центром и Мировой периферией в долгосрочном плане серьезно скажется на положении сотен миллионов людей, проживающих в развивающихся странах, в том числе и в Африке. По данным экспертов Всемирного банка, в результате кризиса более 53 млн землян уже в 2009 г. оказались за порогом нищеты (то есть их доходы составляют менее 1,25 доллара в день), при этом значительная часть беднейшего населения будет проживать в Африке⁶⁵.

Большинство аналитиков сходятся в том, что происходящие фундаментальные процессы в мировой экономике, несомненно, способствуют вызреванию **качественно новой мирохозяйственной модели**, более устойчивой к финансовым шокам спекулятивного характера. В то же время пока еще нет понимания того, какое место в этой модели будет принадлежать наименее развитым в экономическом отношении регионам планеты, в том числе, Африканскому континенту.

Первые оценки воздействия кризиса на Мировую периферию, сделанные международными финансовыми институтами и в первую очередь МВФ в конце 2008 – начале 2009 гг., по-видимому, оказались преждевременными. Так, согласно прогнозу Международного валютного фонда, в 2009 г. прирост ВВП в развивающихся странах должен был составить 3,3%, в то время как в «богатых» странах будет наблюдаться снижение этого показателя на 2%⁶⁶. При этом, как утверждал первый заместитель директора-распорядителя Джон Липски, развивающиеся страны первыми выйдут из кризиса, правда, при условии, что будут обладать достаточными объемами капиталов и доступом на мировой рынок⁶⁷. Но именно в этих условиях вся загвоздка.

На наш взгляд, подобный прогноз основывался лишь на ценовой корректировке агрегированных показателей факторов производства и, по сути, совершенно не учитывал более отдаленное эхо происходящих катаклизмов. Между тем нельзя не видеть, что «ипотечно-долговое» происхождение кризиса – только часть проблемы, которая выходит далеко за рамки не то что национальных, а и мировой финансовой системы. Морфологические особенности нынешнего кризиса в его всеобъемлющем характере, глобальности, системности и внутренней цикличности (повторяемости основных черт, пусть в редуцированной форме, но с охватом все большего географического ареала).

Для наглядного описания модели кризиса можно провести аналогию с детской забавой, когда запущенный камень оставляет на воде серию кругов. Их точное число и величину заранее определить весьма сложно, но то, что они будут, вполне предсказуемо. Круги расходятся вширь, сталкиваются друг с другом и создают непредсказуемое возмущение всей глади озера.

Транспонируя эту аналогию на язык мировой экономики, можно спрогнозировать наступление второго, третьего и проч. «эха кризиса» в развивающихся экономиках, сопровождающихся столкновениями нескольких вполне предсказуемых кругов его негативного воздействия на бедные страны Мировой периферии, в том числе и на Африку. Таким образом, правильнее было бы ожидать, что последняя столкнется с многочисленны-

ми проявлениями негативных последствий кризиса в полном объеме. По времени они могут быть несколько отложенными, но зато более долговременными и тяжелыми.

О каких отложенных последствиях второй и третьей волны мы говорим? Они триедины – это обострение ситуации с источниками финансирования развития, условиями торговли и трудовыми ресурсами.

Даже прирост ВВП на 5–6% в год был недостаточен для решения острейших африканских проблем (бедности, болезней, неграмотности и т.д.). В 2009 г. впервые за десятилетие темпы прироста ВВП в Африке (2,2%) были ниже темпов прироста населения (2,5%), то есть по итогам года обозначилось чистое сокращение подушевых показателей ВВП в ряде африканских стран.

Промышленное производство в странах Африки очень уязвимо – любые колебания как на мировом, так и на внутреннем рынке могут привести к его дестабилизации и даже, как это было в первой половине 1990-х годов, к деиндустриализации, способной “отсоединить” Континент от процесса глобализации. Обрабатывающая промышленность подвергается воздействию двух негативных факторов: снижения покупательского спроса и увеличения стоимости импортных компонентов, отчасти из-за обесценения национальной валюты. В силу этого мощности промышленных предприятий работают с недогрузкой, соответственно, сокращается и занятость. В 2008 г. в Уганде были закрыты 15 фабрик, в основном в рыбной, кожевенной и табачной отраслях. Серьезные потери произошли и в Лесото, причем в текстильной промышленности, где ранее наблюдались заметные успехи⁶⁸.

Кризис в наибольшей степени затронул отрасли, ориентированные на рынки развитых стран. В условиях мирового кризиса ахилесовой пятой африканских экономик, как и у России, стала низкая диверсификация их экспорта. В настоящее время у 8 африканских стран более 75% стоимости экспорта обеспечивается за счет продаж всего лишь одного товара, у 5 – за счет двух. В целом же по всей Африке есть всего 15 стран, у кото-

рых количество наименований товарных статей экспорта выражается двузначным числом. Три из них расположены в Северной Африке. В результате падения цен на топливо и сырье валютные поступления большинства стран-экспортеров в Африке уменьшились в 2009 г. на 30–50%, денежные переводы африканских мигрантов также сократились на 7% (44 млрд долл. в 2008 г. и 41 млрд долл. в 2009 г.). Существенно сократились прямые иностранные инвестиции в африканскую экономику (до 58 млрд долл. США в 2009 г. против 72 млрд в 2008 г.). Страны ОЭСР не выполнили обязательства по удвоению к 2010 г. официальной помощи развитию, которая с 2008 по 2009 г. сократилась с 44 до 43 млрд долларов.

Резервы, накопленные в предыдущие годы африканскими странами-экспортерами топлива и сырья, уменьшились в 2009–2010 гг. примерно на треть, что существенно ударило по возможности финансирования уже запущенных в ряде африканских государств программ социального и экономического развития.

Несмотря на ухудшение мировой экономической ситуации, некоторые страны континента проводили прежнюю финансовую политику и не спешили ужиматься в расходах. В результате финансовый сектор стран континента начал поглощать отнюдь не богатые ресурсы реального сектора экономики, усиливая при этом общие макроэкономические дисбалансы. Уже по окончании первых двух кварталов 2009 г. вновь обострилась проблема внешней задолженности. Только пришедшая довольно быстро помощь международных финансовых институтов, а в ряде случаев денежные вливания КНР и Японии помогли отдельным странам, оказавшимся в самом трудном положении избежать кризиса платежных балансов.

К настоящему времени страны Африки практически исчерпали внутренние возможности борьбы с бюджетными дефицитами. Норма накопления также снизилась в целом по Африке с 27% в 2008 г. до 21% в 2009 г. В настоящее время в половине африканских государств норма накопления не превышает 20%, а в четверти – остается на уровне в 15%, что явно недостаточно

для успешного развития экономики. Доступ же к внешним финансовым ресурсам в целом остается ограниченным. Африканские страны в качестве потенциальных заемщиков проигрывают в конкуренции большинству стран Азии, Латинской Америки, Южной и Восточной Европы.

В результате кризиса сложилась весьма тревожная ситуация на мировом рынке продовольствия. Цены на продукты питания в 2010 г. росли не только в Африке, но и во всем мире. К началу ноября 2010 г. индекс цен на продовольствие приблизился к максимальным значениям 2008 года. Определенный вклад во взлет мировых цен внесли аномальная жара и засуха в России. Эмбарго на экспорт зерна, введенное российскими властями 5 августа, также повлияло на африканский рынок, затронув сильнее всех Египет. Последствия взлета цен на продовольствие выразились в дальнейшем распространении голода и недоедания в Африке. Уже к началу 2010 г. число лиц, страдающих от голода в Африке, увеличилось на 50 млн человек и достигло величины в 290 млн человек, к началу 2011 г. эта цифра может еще более возрасти.

В 2009–2010 гг. обострились социальные проблемы Африки: увеличился рост безработицы, усилился поток нелегальных мигрантов и беженцев за пределы континента – в Европу и США, а вместе с ними – экспорт туда из Африки множества гуманитарных проблем и социальной напряженности.

Следует ожидать, что со временем кумулятивное негативное воздействие глобальных кризисных явлений еще долго будет сказываться на экономике континента. Затянувшийся выход из кризиса развитых стран в кратко-, а, при негативных сценариях, и в среднесрочной перспективе не позволит африканским экономикам опираться на внешние ресурсы (финансовые, технологические, продовольственные) в той же мере как в прошлом десятилетии. Между тем внутренние возможности развития Африканского континента по-прежнему остаются крайне мало задействованными.

Усилится опасность возникновения вооруженных конфликтов, в том числе региональных, которые также не позволят Ев-

ропе и США остаться в стороне. Возможно, было бы рациональнее вложить средства в их предупреждение на более раннем этапе, чтобы избежать значительных потерь и издержек в будущем.

Кризис показал, что хотя ни одна страна мира не смогла полностью «отгородиться» от мирового катаклизма, степень его воздействия на отдельные регионы была весьма различной. Страны Африки оказались невинными жертвами кризиса, родившегося не по их вине и за пределами их границ. Традиционно подчиненное и зависимое положение африканских стран в мировой экономике предопределило степень их уязвимости от воздействия внешних сил, влиять на которые они способны лишь в крайне ограниченной степени.

Кризис подтвердил важность диверсификации экономической базы и внешнеэкономических связей африканских государств, а также региональной интеграции, внутренних источников развития и социальной направленности государственной политики.

Кризис ознаменовал фиаско Вашингтонского консенсуса. В глубокой яме оказались именно те государства, которые бездумно пошли по пути дерегулирования, «раскрепощения» рынков. Либерализация последних облегчила скоростное прохождение кризиса по планете с заходом даже в те закоулки африканской экономики, которые не так давно почти не попадали под воздействие мировой конъюнктуры, жили собственной жизнью и «варились в собственном соку». Едва ли не главный урок кризиса заключается в том, что именно государство (чья роль в экономике была в недавнем прошлом многократно раскритикованна, искажена и поругана) взяло на себя ключевую роль в деле спасения всех без исключения экономик.

Мировой финансово-экономический кризис может «отключить» африканские страны, за исключением анклавных очагов экспортного производства сырья, от процесса глобализации и тогда они будут дрейфовать в сторону от основного направления мирового развития. В худшем случае возможна и полная «отстыковка» Африканского континента от процесса глобализации.

Рынкам старых лидеров мировой экономики, тяжело переживающим последствия кризиса, уже не нужно африканское сырье в прежних растущих объемах. Однако, и здесь ситуация не выглядит полностью безнадежной. Новые претенденты на мировое экономическое лидерство предъявили спрос на часть сырья, ранее ориентированного на западные рынки. Китай создает дополнительные стратегические запасы этой продукции, пользуясь конъюнктурой и ее относительной дешевизной, понимая, что кризис рано или поздно закончится, а дефицит сырья будет только возрастать. Менее известна сходная деятельность индийских и бразильских компаний, но она также имеет место. Просто в силу того, что создание запасов ведется не в рамках государственной политики, а в рамках бизнес-стратегий частных корпораций она меньше освещается в печати. Кроме того, западные СМИ уделяют этим процессам меньше внимания по политическим мотивам, поскольку западное общественное мнение не рассматривают Индию и Бразилию как угрозу демократии – живой пример альтернативной западной модели социально-экономического развития.

При анализе будущих сценариев развития Африки на ближайшие два десятилетия редко обращают внимания на то, что быстрой рост выпуска дешевой промышленной продукции в Китае, Индии, Бразилии, Вьетнаме, Малайзии, Мексике, Турции и даже Бангладеш (текстильная продукция) практически перекрывает странам Африканского континента перспективы роста местной промышленности. Их промышленные предприятия, которые в силу дешевизны и простоты своей продукции могли конкурировать с дорогими и качественными аналогами из стран Европы, США или Японии, не выдерживают конкуренции товаров из стран «третьего мира». Более того, проигрывая дешевым импортным товарам из этих государств, африканские страны оказываются на пути деиндустриализации. Даже представители промышленных кругов самой развитой экономики континента – ЮАР сегодня говорят о том, что южноафриканская обрабатывающая промышленность, выпускающая готовые товары для местного рынка, находится в пред-

смертных судорогах. Но и обойтись без китайского и индийского рынков она уже не может. Туда идет огромная часть их продукции, но в виде сырья и полуфабрикатов для азиатской «мастерской мира». Если же азиатский экономический рост захлебнется, последствия для африканской промышленности будут катастрофическими.

Какие же факторы будут определять роль континента в новой экономической модели мира? Ответ на этот вопрос неотделим от подлежащих под ним глобальных тенденций и сдвигов. Существуют четыре мегатренда глобализации, на которые Африка практически не может повлиять, но которые по нашему мнению, будут в весьма существенной мере определять тенденции ее развития. Часть из них мы уже описали в первом параграфе монографии. Речь идет о а) смещении мирового баланса сил (не только экономического) «с запада на восток», б) воздействии демографических, климатических и экологических факторов, в) практическом ходе процесса глобализации (т.е. его конкретных проявлений, направлений и особенностей и практики воздействия на африканские страны, другими словами, вовлечения Африки в этот процесс), г) роли и соотношения в происходящем государства, взаимозависимости и комплексного, синкретического воздействия сочетания нескольких или множества факторов (последнее может приводить к неожиданным и непредсказуемым эффектам и последствиям). К этим четырем мегатрендам можно добавить еще один, хотя по нашему мнению, его значимость не будет равноценна перечисленным выше. Речь идет о проблемах международной безопасности. Но в этом случае приходится признать, что на уровень фактора глобальной значимости, влияющей, в том числе, и на Африку, в этом смысле пока претендуют только действия всего одной страны (в этом смысле ярким примером являются реакция на и последствия событий 11 сентября 2001 г.).

Даже китайская мощь пока не является фактором, могущим в одиночку изменить глобальные тренды в этой области. Но политика руководства одной страны – это, в значительной степени, субъективные решения и действия (хотя конечно и они фор-

мируются под действием объективных причин и факторов). Раз так, то нет смысла пытаться спрогнозировать их при помощи ограниченного объема информации о принятии решений властителями Америки. Другими словами, это фактор важный, но в нынешних условиях почти не поддающийся прогнозированию на длительную перспективу.

Таким образом, можно говорить о «четырех с половиной» мегатрендах глобализации, оказывающихся внешними ограничителями, определяющими развитие континента в ближайшие десятилетия и место Африки в новой экономической модели мира. Внутриафриканские факторы относительно самостоятельны, но ограничены в своей изменчивости рамками этих мегатрендов глобализации.

Из числа этих внутриафриканских факторов формирования места континента в новой экономической модели мира следует, на наш взгляд, особо выделить фактор народонаселения, внешнеэкономических связей, и в частности торговлю африканским сырьем, вопросы политического управления (на западе их называют «вопросы демократизации»), включая проблемы его эффективности, степени зависимости и коррупции и проблемы стабильности и безопасности на континенте в целом и в странах в частности. И в этом случае мы, пожалуй, добавим еще один «половинный фактор». Его реальная значимость пока что все еще весьма ограничена, но, по крайней мере, на словах ему уделяется все большее внимание. Речь идет о стремлении (по крайней мере, в публичной политике) к провозглашаемым целям африканской интеграции, которая рассматривается как один из механизмов прорыва порочного круга отсталости, слабого развития и экономической зависимости. Несмотря на обилие политической активности в этой сфере, реальные успехи африканских стран на этом поприще за последние 50 лет более чем скромные.

Рассмотрим названные внутриафриканские факторы несколько подробнее.

Начнем со второго фактора. По данному фактору, бывшему основой успешного роста в начале нынешнего тысячелетия

можно предекать усиление соперничества внешних игроков за африканские ресурсы. На континенте с особой остротой столкнуться интересы старого Центра и новых игроков (что для Африки в принципе не ново). До сих пор такое противостояние в основном позитивно отражалось на работе экономик победителей в этой схватке, но мало способствовало изменению места самих африканских стран в мировой экономике.

Перспективы роста обрабатывающей промышленности на континенте не выглядят особо впечатляющими, хотя, как представляется, имеются возможности для роста вспомогательных производств обеспечения для хозяйственных систем новых лидеров мировой экономики.

Перспективы устойчивого развития, удовлетворяющего собственные нужды невысоки. Сырьевой сектор останется доминирующим, причем производство энергетического сырья в ближайшие 20 лет будет главным объектом для притока внешних капиталовложений.

Значимость третьего фактора во многом будет зависеть от схватки между американским и китайским образцами развития и модернизации. При всей значимости факторов «правильного управления», демократизации, борьбы с коррупцией, следует констатировать, что перемены на этом поприще происходят в большой степени в результате внешнего давления или положительных внешних примеров для Африки. Если американский рецепт модернизации станет со временем менее привлекательным, а давление в этом направлении со стороны США ослабнет, то не следует ожидать прорывов, основанных на внутриафриканских побудительных мотивах в этой области. Китайская же линия в этой сфере до сих пор была очень «деликатной». Официальные китайские источники неоднократно подтверждали, что строят свои экономические отношения со странами континента на основах исключаяющих вмешательства во внутренние дела и внешний диктат. Согласно китайским подходам, формы политического правления, организации народовластия и правопорядка в стране – суверенное право каждого партнера. Такая позиция

автоматически исключает подталкивание в демократизации и «улучшению управления» в стране.

Четвертый фактор будет весьма значим для внутривфриканского развития. Нестабильность – одно из важнейших препятствий на пути продвижения стран континента по пути экономического прогресса и более активного включения в международное разделение труда на справедливой основе. Как представляется, разумно ожидать определенной общей стабилизации положения на континенте к 2050 г. Однако, путь к этой стабилизации не будет легким. Две тенденции будут его неизбежно осложнять. Скорее всего, ресурсное изобилие определенных районов многих государств станет соблазном к обострению опасности сепаратизма. Почти наверняка в ближайшие десятилетия мы станем свидетелями появления на карте континента нескольких новых государств. Поскольку здесь замешан ресурсный фактор, то ситуация почти наверняка будет усугубляться вмешательством внешних сил, что еще более осложнит решение проблем и создаст сложности на пути экономического роста.

С другой стороны, могут вновь обостриться отношения между некоторыми соседствующими африканскими государствами. В числе наиболее вероятных причин возможных конфликтов – раздел морского шельфа богатого ресурсами, нерегулируемые трансграничные миграции, в том числе проистекающие их нехватки продовольствия и проблема доступа к питьевой воде.

Интеграционные процессы на континенте в идеале могли бы отвести угрозу многих из перечисленных негативных сценариев, однако практика пока свидетельствует о недостаточной эффективности интеграционных мер и совместных действий для их преодоления.

Что касается первого фактора, то важнейшим здесь является следующее соображение. Возможно, Африка вносит весьма ограниченный вклад в общемировые объемы прироста валового продукта (вклад в ВВП исчисляются примерно в 2%), но нельзя забывать и то, что в течение двух с половиной ближайших десятилетий Африка будет обеспечивать более 75% мирового прироста населения.

Таблица 1.3.3

Прогноз роста населения в крупнейших экономиках мира до 2050 г.

	2007	2015	2025	2050
КНР	1 328 630	1 388 600	1 445 782	1 408 846
Индия	1 169 016	1 302 535	1 447 499	1 658 270
Африка	954 642	1 137 906	1 381 693	1 984 753
США	305 826	329 010	354 930	402 415
Индонезия	231 627	251 567	271 227	296 885
Индия	191 791	210 048	228 833	254 085
Россия	142 499	136 479	128 193	107 832
Япония	127 967	126 607	121 614	102 511
Мексика	106 535	115 756	124 695	132 278
ФРГ	82 599	81 825	80 341	74 088
Весь мир	6 671 226	7 295 135	8 010 509	9 191 287

Источник: United Nations Economic and Social Affairs, World population prospects 2009, Washington. P 44–48.

Африка сейчас находится примерно на пути в сторону так называемого «демографического перехода» от высоких к низким смертности и рождаемости, в то время как остальной мир уже успеет полностью завершить этот переход к 2050 г. Изменится и относительная значимость отдельных стран с точки зрения размеров их населения и соответственно удельного веса в населении мира в целом.

В новой экономической модели мира народонаселению развивающихся стран будет принадлежать куда более важная, чем сегодня, роль. Именно об этом пойдет речь в следующей главе монографии.

¹ Подробнее о взаимосвязи парадигм глобального развития и длинных волн конъюнктуры см.: *Фитуни Л.Л.* Длинные волны в мировой экономике и стадийность глобализации. М., 2004.

² Глазьев С.Ю., Львов Д.С., Фетисов Г.Г. Эволюция технико-экономических систем: возможности и границы централизованного регулирования. М., 1992. С. 40-44.

³ *Haustein H.D.* The pathway of dynamic efficiency: economic trajectory of a technical revolution // *The Long-wave Debate* / Ed. by T.Vasko. Berlin, 1987. P. 198-215.

⁴ *Kogane Y.* Long waves of economic growth. Past and future // *Futures*. 1988. Vol 20. № 5. October. P. 536.

⁵ *Berry B.J.L.* Long-wave rhythms in economic development and political behaviour // London, 1991. P. 126

⁶ Румянцева С.Ю. Специфика смены парадигм длинноволновых технико-экономических колебаний // Вестник СПбГУ. Сер. 5, 1998, вып. 2 (№ 12). С. 76.

⁷ *Бекетов Н.В.* Экономическая глобализация и финансовые кризисы // Проблемы современной экономики. Спб., 2008, № 1(25).

⁸ *Тремасов К.В.* Теория экономических колебаний // www.finam.ru/investor/investments00014/

⁹ См., например, статью Ф. Фукуямы «Конец истории», опубликованную в 1992 г. в журнале *The Journal of Democracy*.

¹⁰ *Williamson John.* What Washington Means by Policy Reform, // *Williamson, John (ed.): Latin American Readjustment: How Much has Happened*, Washington: Institute for International Economics 1989.

¹¹ *Dani Rodrik.* Goodbye Washington Consensus, Hello Washington Confusion? Harvard University, January 2006. P. 3-4.

¹² *Joshua Cooper Ramo.* The Beijing Consensus. The Foreign Policy Centre. L., 2004.

¹³ *Dirlik Arif.* Beijing Consensus: Beijing 'Gongshi.' University of Oregon // www.en.chinaelections.org/uploadfile/200909/20090918025246335.pdf

¹⁴ *Зуев А., Мясникова Л.* Глобализация: аспекты, о которых мало говорят // *Мировая экономика и международные отношения*, 2004, № 8. С. 54-60.

¹⁵ *Зуев А., Мясникова Л.* Глобализация: аспекты, о которых мало говорят // *Мировая экономика и международные отношения*, 2004, № 8. С. 54-60.

¹⁶ *Фитунни Л.Л.* Россия в мире ФИГ. М.: Изд. МНЭПУ. 1996. С.132.

¹⁷ Там же.

¹⁸ *Benhabib S. Reclaiming Universalism: Negotiating Republican Self-Determination and Cosmopolitan Norms/ Berkeley, CA. 2005. P. 32.*

¹⁹ См.: *Киссинджер Г. Нужна ли Америке внешняя, политика? М., 2002.*

²⁰ http://www.kremlin.ru/appears/2008/10/08/1619_type63374type63377type82634_207422.shtml

²¹ UNCTAD. Handbook of Statistics 2010. N.Y. and Geneva, 2010. P. 438-440.

²² Рассчитано нами по: UNCTAD. Handbook of Statistics 2010. N.Y. and Geneva, 2010. P. 434.

²³ *Мировая экономика: прогноз до 2020 г. М., 2009. С. 107.*

²⁴ *Ponce S. The Long Term Growth Prospects of the World Economy: Horizon 2050. Paris: CEP// Working Paper N 16. 2006. P. 64-65.*

²⁵ *Мировая экономика: прогноз до 2020 г. С. 64-65.*

²⁶ UNCTAD. Handbook of Statistics 2010. N.Y. and Geneva, 2010. P. 424.

²⁷ *The Mutual Review of Development Effectiveness in Africa: Promise and Performance. OECD. 2010. P. 13.*

²⁸ *Ibid. P. 434.*

²⁹ CNUCED. World Investment Report 2008. N.Y. and Geneva, 2008. P. 13.

³⁰ UNCTAD. Handbook of Statistics 2010. N.Y. and Geneva, 2010. P. VIII.

³¹ *Ibid. P. 10.*

³² *Ibid. P. 11.*

³³ *Ibid. P. 12-13.*

³⁴ *Ibid. P. 90-126.*

³⁵ *Эльянов А.Я. Развивающиеся страны в мировой экономике: тенденции и проблемы // МЭМО. 2007. № 2. С. 7-10.*

³⁶ CNUCED. World Investment Report 2009. P. I.

³⁷ UNCTAD. Handbook of Statistics 2010. N.Y. and Geneva, 2010. P. 374-375.

³⁸ *Ibidem.*

³⁹ *Ibid. P. 374-375.*

⁴⁰ *Ibid. P. 375, 377.*

⁴¹ http://www.unctad.org/sections/dite_dir/docs/wir2010_regional_slides_asia%20_en.pdf

⁴² http://www.unctad.org/en/docs/wir2010_en.pdf

-
- ⁴³ Российско-африканские отношения в условиях глобализации. М., 2009. С. 32.
- ⁴⁴ WTO. Legal Texts: Uruguay Round Final Act. Geneva, 1995.
- ⁴⁵ Ibid. P. 10-12.
- ⁴⁶ БИКИ. 17.01.2006.
- ⁴⁷ Российско-африканские отношения в условиях глобализации. С. 30.
- ⁴⁸ Там же. С. 31.
- ⁴⁹ Черников Г.П., Черникова Д.А. Очень крупные транснациональные корпорации и современный мир. М., 2008. С. 382.
- ⁵⁰ Human Development Report 2009. Overcoming barriers: Human mobility and development. UNDP. N.Y., 2009. P. 13.
- ⁵¹ См., например, коллективную монографию института Африки РАН «Российско-африканские отношения в условиях глобализации». М., 2009. С. 20.
- ⁵² Sandra Poncet. The Long Term Growth Prospects of the World Economy: horizon 2050. СЕПІІ, Working Paper. No 2006-16. P. P. 4.
- ⁵³ Goldman Sachs (*BRICs and beyond*) PricewaterhouseCoopers (*The world in 2050*).
- ⁵⁴ US National Intelligence Council in 2004 – *Mapping the global future – nor the more recent Global Trends 2025: a transformed world*.
- ⁵⁵ <http://www.prime-tass.ru/news/0/%7B44AF97C0-7099-451A-B6E3-7AB78015F5F6%7D.uif>
- ⁵⁶ См.: Sub-Saharan African and the Global Financial Crisis. (<http://ictsd.Net/i/news/tni/>).
- ⁵⁷ См.: World Economic Situation and Prospects 2009. N.Y., United Nations, 2009. P. 110–112.
- ⁵⁸ Рассчитано по: World Economic Situation and Prospects 2009. N.Y., United Nations, 2009. P. 110–112. <http://www.oecd/dac/stats>
- ⁵⁹ Рассчитано по: World Economic Situation and Prospects 2009; <http://www.unctad.org>
- ⁶⁰ Ibid. P. 374-375.
- ⁶¹ См.: http://news.xinhuanet.com/english/2009-01/19/content_106848_45.htm
- ⁶² См.: UN. Africa Renewal. October 2008. Vol. 22. N 3. P. 6–7, 22.
- ⁶³ См.: http://en.wikipedia.org/wiki/List_of_countries_by_foreign_exchange_reserves

⁶⁴ CM.: http://news.xinhuanet.com/english/2009-01/19/content_10684845.htm

⁶⁵ CM.: The Economist. 14–21 March. 2009. P. 12.

⁶⁶ Ibid. P. 99.

⁶⁷ CM.: <http://www.imf.org/external/np/speeches/2009/031809.htm>

⁶⁸ CM.: <http://www.mbendi.com/indy/ming/af/ug/p0005.htm>

ГЛАВА 2

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ МИРА

2.1. Народонаселение как составная часть общественного воспроизводства

При анализе предпосылок, эволюции и качественных изменений в общественном производстве обязательно следует учитывать демографический фактор. В отличие от экономических преобразований, которые могут происходить достаточно быстро, демографические процессы обладают большой силой инерции и могут достаточно долго сказываться на хозяйственном развитии того или иного государства, региона да и мира в целом, при этом характер данного воздействия весьма неоднозначен и противоречив.

Первые научные подходы к проблеме народонаселения связывают обычно с именем Т. Мальтуса. В соответствии с его теорией, созданной в конце XVIII века, благосостояние населения определяется естественным законом народонаселения: темпы роста народонаселения значительно превышают темпы увеличения производства средств существования (их соотношение, в первоначальной формулировке Мальтуса, выводилось из сравнения геометрической и арифметической прогрессий). Однако задолго до Т. Мальтуса мнение о необходимости ограничения численности населения высказывали древние мыслители. Так китайский философ Хань Фэй (умер в 233 г. до нашей эры) писал: «В древности мужчины не пахали, а для пропитания хватало диких трав и древесных плодов, женщины не ткали, а для

одежды хватало звериных шкур. Усилий не прилагали. А для жизни хватало, народ был малочисленным, а запасов было в избытке, поэтому в народе не было борьбы. Поэтому не применялось строгих наказаний, а народ управлялся сам собой. Ныне иметь пять детей не считается слишком много, а у каждого из них имеется еще 5 детей, дед еще не умер, а имеет двадцать пять внуков. Поэтому народ такой многочисленный и испытывает недостаток в припасах, трудится изо всех сил, а пропитания на всех не хватает. Поэтому в народе идет борьба. И даже удвоив награды и ужесточив наказания, не избежать смут».¹ Как видно из этой цитаты, идеи чрезмерного роста населения и невозможности в связи с этим удовлетворить его потребности возникли задолго до мальтузианства, на самых ранних этапах развития человечества.

И, тем не менее, именно теоретическое наследие Т. Мальтуса служит той базой в демографических исследованиях, на основе которой строят свои теории большинство современных демографов и социологов, обращаясь к учению Мальтуса как с «критических», так и с «апологетических» позиций. В 30–40-е годы XX века, до «демографического взрыва» в развивающихся странах, мальтузианские представления ассоциировались в основном с «исторической демографией». В послевоенный период возродился практический интерес к мальтузианским воззрениям. Сторонники неомальтузианства (П. Эрлих, Р. Фолк, Л. Браун и др.) связывали обострение продовольственной ситуации в странах Азии и Африки преимущественно с высокими темпами роста населения этих стран. Именно в быстро увеличивающейся численности населения развивающихся стран эти исследователи видели один из важнейших факторов, не только препятствующих удовлетворению потребностей человека, поскольку «демографические процессы не соответствуют доходам»², но и угрожающих самому существованию цивилизации, которая может не выдержать демографического «давления». Исходя из того, что «ни одно явление не накладывает столь мрачную тень на перспективы международного развития, как быстрый рост населения»³, сторонники демографического де-

терминизма концентрировали и продолжают концентрировать внимание на управлении фертильностью, делая акцент на программы регулирования рождаемости, планирования семьи и т.п. в развивающихся государствах.

При характеристике марксистских взглядов на вопросы народонаселения важно иметь ввиду научно-абстрактный характер экономической теории К. Маркса, которая, анализируя природу капитализма, не занимается демографической стороной процесса воспроизводства трудовых ресурсов. Вот почему Марксов закон народонаселения капиталистического способа производства выясняет не особенности воспроизводства населения, а механику образования относительно избыточного рабочего населения в процессе накопления капитала независимо от конкретной демографической ситуации. Движение рабочей силы К. Маркс рассматривает в «Капитале» лишь на этапах обмена (купли-продажи рабочей силы) и потребления (производственного использования), т.е. в рамках собственно капиталистического производства, исходя из абстрактного допущения, что на рынке труда рабочая сила выступает уже «в готовом виде».⁴ Причем К. Маркс преднамеренно абстрагировался от квалификационных характеристик трудящихся, в частности от вопроса о затратах на их обучение и подготовку, т.е. исследовал абстрактную рабочую силу. В то же время классики марксизма подчеркивали, что люди есть «первая предпосылка всякой человеческой истории».⁵ К. Маркс писал, что «увеличение населения увеличивает производительную силу труда, делая возможным большее разделение труда, большее комбинирование труда и т.д. Увеличение населения есть *природная сила*... труда».⁶

Особый размах изучения демографических проблем в качестве глобальных пришелся на 70–80-е гг. XX века. В научную лексику наряду с ранее употреблявшимися понятиями «теория народонаселения», «законы народонаселения», «воспроизводство народонаселения», отражающими в основном количественные аспекты демографического роста и т. д. вошли новые термины, описывающие качественную сторону

этого явления: «развитие народонаселения», «качество народонаселения» и пр.

Более того, осознание системности глобальных проблем, невозможности локального их решения заставило многих специалистов выдвинуть именно демографическую составляющую на передний план. Преобладающий прежде страноведческий анализ проблем народонаселения стал сочетаться с глобальным и региональным, узкая трактовка «демографического фактора» уступила место более широкому подходу, требующему учитывать помимо естественного роста миграционную и социальную мобильность населения. Ученые и политики пришли к согласию, что демографические процессы отнюдь не являются пассивными составляющими развития цивилизации и что ими определяются в значительной мере объем, структура и динамика материального и духовного производства.

Современная демографическая ситуация характеризуется разнонаправленными тенденциями, возникшими дисбалансами в глобальном масштабе, что отражает и, в свою очередь, является фактором переломности современного этапа мирового развития. Закономерно, что в специальную отрасль науки было выделено демографическое прогнозирование, ставшее важнейшим элементом любого экономического и социального прогноза.

Значительный общественный резонанс в мире получили, как известно, демографические выводы первых докладов Римского клуба («Пределы роста» и др.), в соответствии с которыми именно обострение мировой ситуации в области народонаселения приведет к коллапсу мировую экосистему. Однако ряд современных ученых не разделяют в полной мере этих алармистских прогнозов.

Так, исследуя в основном взаимосвязи между ростом населения и научно-техническим прогрессом, Дж. Саймон, полагает, что население Земного шара, его интеллектуальный потенциал является самым ценным из всех ресурсов. Современный человек выступает прежде всего создателем, а затем уже потребителем ресурсов. По его мнению, нынешние темпы естественного прироста населения могут рассматриваться как чрезмерно

высокие лишь в краткосрочной перспективе. Сущность нынешней проблемы заключается в том, что модели воспроизводства значительной части населения мира до сих пор определяются действовавшими веками потребностями экстенсивного развития, не соответствующими нынешним реалиям. Изменения демографического поведения человечества, затронувшие пока лишь развитые страны, со временем распространятся на все человечество.⁷

Сравнительно новым взглядом на глобальные демографические проблемы стала концепция «биосоциального синтеза» финского ученого П. Кууси. В рамках этой концепции человек рассматривается как органическая часть природы, т.е. как ее продукт и высшая форма развития, воплощающая в себе и биологические и социальные черты. Несмотря на то, что в эпоху научно-технической революции (НТР) все больше и больше возрастает «власть» человека над природой, а в основе развития цивилизации лежит передача информации от поколения к поколению, человек не перестает быть биологическим существом со всеми вытекающими отсюда последствиями. Формулируя концепцию эволюции человечества, П. Кууси пишет, что человек постепенно станет «носителем управляемой эволюции», и при максимальном использовании достижений НТР он сможет разрешить все глобальные демографические, экологические и социальные проблемы и обеспечить дальнейший прогресс цивилизации в условиях сохранения природной среды обитания.⁸

Очевидно, что специфика демографической ситуации в развитых и развивающихся странах, выявленная в полной мере лишь во второй половине XX века, и обусловила во многом появление двух противоположных концепций – алармизма и технологического оптимизма. Если последний характерен для работ, анализирующих демографическую ситуацию в развитых странах, то в работах, посвященных демографическим проблемам развивающихся стран, преобладает алармистский подход.

В прошлом во многих работах советских ученых в соответствии с марксистскими стереотипами проблемы народонаселения не рассматривались как доминирующие в процессе обще-

ственного развития, ибо основное внимание уделялось анализу и динамике социально-экономического базиса общества. Теперь же, напротив, нередко абсолютизируется воздействие демографических факторов на становление, развитие и перспективы цивилизации. Очевидно, лишь комплексный подход, включающий демографическую составляющую, способен дать реальный ответ на вопрос о перспективах мирового и регионального развития.

Само общественное развитие представляет собой процесс воспроизводства человеческой жизни посредством биологического размножения и труда. Если труд как производство средств существования объединяет людей производственными и социальными отношениями, то в демографической сфере складываются семейно-родственные отношения, через которые формируется качественная сторона рабочей силы как физическая и духовная способность людей к труду. Именно в семье совершается смена поколений, что в совокупности всех семей составляет естественную основу количественного роста населения и его экономической составляющей – рабочей силы.

Процесс производства материальных благ и процесс воспроизводства населения тесно связаны друг с другом. Материальное производство служит основой развития человечества и во многом определяет (через многочисленные опосредствующие связи) особенности воспроизводства населения в мире в целом и в отдельных странах в частности. Демографические факторы со своей стороны активно влияют на состояние и развитие мировой экономики. Так, зависящие от соотношения рождаемости и смертности размер, структура и темпы роста населения образуют естественную основу формирования потребностей общества и тем самым косвенно определяют объем и характер производства. Как бы ни обгонял рост средств производства рост средств потребления, первое в принципе не может стать полностью независимым от второго, а второе утратить связь с личным потреблением, количественные объемы и структура которого напрямую зависят от численности и социального состава населения.

Другим направлением воздействия демографического фактора на материальное производство служит зависимость формирования трудовых ресурсов от величины и динамики таких демографических показателей как рождаемость, смертность, младенческая смертность и ожидаемая продолжительность жизни. При этом воздействие одних и тех же показателей может быть различным в разных странах и регионах мира, что определяется целым рядом факторов социально-экономического, политического и культурного порядков.

Наконец, в получивших развитие в конце прошлого столетия теориях эндогенного роста именно человек выдвигается в центр современного воспроизводственного процесса, что нашло отражение в лавинообразном росте популярности теории человеческого капитала. В соответствии с ней вклад человеческого капитала в экономический рост происходит не только в результате более высокой производительности квалифицированных и образованных работников, на чем делали акцент основоположники теории, главное состоит в том, что именно человек выступает источником новых идей и инноваций, а также фактором, облегчающим их восприятие и распространение.⁹

В эпоху глобализации последствия мировых демографических сдвигов порождают новый круг проблем, воздействующих на характер экономического и социального развития, угнетающих и деформирующих его поступательное движение. При этом в условиях демографического взрыва возникают такие трудности и проблемы, которые оказываются уже не сводимыми к текущим показателям экономического роста, поскольку возводятся как бы на иной, более высокий уровень. Другими словами, демографический фактор рождает во всей проблематике развития качественно иной аспект, включающий в себя достаточно широкий круг новых вопросов. В первую очередь они касаются влияния процессов глобализации на демографическую ситуацию в мире и обратного воздействия фактора народонаселения на мировое развитие в эпоху глобализации.

Дискуссии по поводу взаимовлияния таких научных категорий, как «население» и «глобализация» сводятся в основном к

тому воздействию, какое оказывает быстрый рост мирового населения на окружающую среду, ресурсы, доходы, инновации и социальные отношения. Одни специалисты считают, что растущее мировое население истощает ресурсы, наносит непоправимый ущерб окружающей среде, в том числе изменяет климат на нашей планете, и увеличивает затраты на поддержание потребностей человечества до недопустимой черты. Другие полагают, что именно люди станут носителями и производителями инновационных технологий, которые позволят справиться со всеми перечисленными выше проблемами. При этом количество населения уже не будет играть решающего значения при том уровне производства, которого эти технологии позволят достигнуть. Наконец, еще одна группа исследователей пытается объединить эти два подхода, подчеркивая, что индивидуальные решения, касающиеся женитьбы, участия в общественном производстве, выбора профессии, количества детей, медицинского обслуживания и образования базируются на частных интересах и выгодах, которые, зачастую, противоречат общественным интересам и по этой причине не всегда являются эффективными.

По нашему мнению, воздействие глобализации на демографические процессы может быть как прямым, так и косвенным. Глобализация влияет на скорость развития того или иного государства, в зависимости от конкретных исторических условий она может ускорять или замедлять социально-экономический рост. В длительной перспективе от рыночной интеграции выигрывают все государства, но в среднесрочной перспективе отдельные страны могут нести значительные потери, не выдерживая конкурентной борьбы с более развитыми экономиками. Экономический рост, ускорившийся или замедлившийся в ходе глобализации, в свою очередь, оказывает непосредственное влияние на масштабы потребления, структуру экономики, уровень урбанизации, неграмотности и другие социальные и экономические показатели развития, которые, в конечном счете, воздействуют на рождаемость, смертность и мобильность населения.

Самое прямое воздействие глобализации на население проявляется в международной миграции рабочей силы. Глобализа-

ция также напрямую воздействует на фертильность и смертность, делая доступными для каждого государства достижения мировой медицины. Именно улучшение медицинского обслуживания в мировом масштабе, явившееся главной причиной сокращения смертности в развивающихся государствах, можно считать положительным эффектом глобализации в сфере народонаселения. В то же время именно благодаря глобализации скорость распространения тяжелых заболеваний в мире (включая СПИД, различные виды вирусов и пр. заболевания) значительно повысилась.

Исторически интеграция рынков стимулировала демографический переход в странах Европы и Северной Америки в XIX веке. Под демографическим переходом понимается определенный исторический период, когда в отдельно взятом государстве или в группе государств происходит снижение рождаемости и смертности. При этом общие принципы такого перехода достаточно сходны в разных странах, однако скорость и особенности этого перехода существенно отличаются как в географическом, так и в историческом плане.

Впервые демографический переход имел место в Европе и США. Существенное влияние на темпы роста населения стран Запада оказала аграрная революция XVII–XVIII вв. Повышение продуктивности сельскохозяйственного производства привело к улучшению питания широких слоев населения, что незамедлительно сказалось на его уровне смертности, которая сократилась в разы. Уровень смертности начал сокращаться у некоторых европейских народов уже в середине XVII века, одновременно начал понижаться и уровень фертильности, т.е. число деторождений на женщину детородного возраста. При этом темпы сокращения фертильности существенно отличались от страны к стране. Переход от высокой (5–6) до низкой (1–3) фертильности занял во Франции 200 лет, а в США – всего 100 лет.¹⁰

Главным итогом демографических изменений в Европе и Северной Америке стало более чем двукратное увеличение ожидаемой продолжительности жизни населения: с 36 лет в 1820 г. до 78 лет в 2000 г. Люди стали жить дольше благодаря

быстрому распространению медицинских достижений, массовым вакцинациям населения, улучшению структуры и качества питания, а также политике контроля над рождаемостью. Скорость распространения всех этих факторов увеличилась в эпоху глобализации, поскольку резко возросла скорость передачи информации, а транспортные и коммуникационные издержки существенно сократились. Уже в период 1850–1914 гг. получили широкое распространение такие достижения человеческого прогресса, как телеграф и телефон, в это же время наряду с железнодорожным появились автомобильное и авиационное сообщение.

Весьма примечательно, что увеличение ожидаемой продолжительности жизни (ОПЖ) в западных государствах в первой половине 20 века мало затронуло страны Азии, Африки и Латинской Америки. Это связано, по меньшей мере, с тремя факторами, каждый из которых прямо или косвенно имеет отношение к процессу глобализации. Во-первых, уровень жизни в Европе, США и Японии рос гораздо более высокими темпами, чем в остальных государствах. По подсчетам А. Мэдисона, ВВП на душу населения в развитых государствах в период с 1820 по 1998 гг. увеличивался в 4 раза быстрее, чем в развивающихся странах.¹¹ Во-вторых, новые достижения в области здравоохранения распространялись в тот период с недостаточно высокой скоростью и со значительными затратами. В-третьих, именно в ходе глобализации произошел рост смертности от заболеваний, которые ранее не были распространены в Азии, Африке и Латинской Америке. В частности население Южной Америки сильно пострадало от чумы, завезенной европейцами.

В период между двумя мировыми войнами в мировой экономике имели место дезинтеграционные процессы, усилившие демографический переход в западных государствах. С одной стороны, дезинтеграция международных рынков капитала, труда и товаров существенно понизила доходы большинства государств, что незамедлительно проявилось в сокращении уровня рождаемости. С другой стороны, продолжение развития коммуникационных технологий способствовало быстрому распро-

странению медицинских достижений, что, в свою очередь, вело к повышению ОПЖ.

После окончания Второй мировой войны наступила эпоха демографических перемен, затронувших практически все страны мира. Некоторые государства достигли очень высоких темпов экономического роста и существенных демографических изменений. Япония – вторая на сегодняшний день экономика мира – сегодня занимает первое место по ОПЖ. На втором месте по ОПЖ – Сингапур. В таких странах, как Южная Корея, Тайвань, Таиланд, Гонконг уровень фертильности ниже, чем в США. Такое быстрое изменение демографической ситуации в этих странах обусловлено их ускоренной интеграцией в мировую экономику, еще более усилившейся в эпоху глобализации.

В то же время одним из главных итогов воздействия глобализации на демографические процессы как в мире в целом, так и в отдельных государствах служит относительная независимость демографических и экономических показателей. Демографический разрыв между развитыми и развивающимися странами сокращается намного быстрее, чем экономический. Многие отсталые страны достигли определенных успехов в сокращении рождаемости и смертности и в увеличении ОПЖ. В основе этого феномена лежит глобализация секторов здравоохранения и коммуникаций, благодаря которой новейшие достижения медицины делаются доступными в самых отдаленных уголках планеты. Сокращение транспортных издержек в свою очередь дает возможность быстрой доставки современных лекарственных средств по всему миру.

Огромную роль в распространении достижений мировой медицины сыграли международные организации и институты, число и эффективность работы которых значительно увеличилось в эпоху глобализации. В первую очередь следует упомянуть Всемирную организацию здравоохранения (ВОЗ) и Международный красный крест, которые непосредственно занимаются вопросами, связанными с медицинским обслуживанием населения. В то же время огромное число международных организаций под эгидой ООН, Всемирного Банка и др. международ-

ных институтов также решает вопросы, связанные с уровнем жизни людей, с их продовольственным и социальным обеспечением, что способствует улучшению демографических показателей в разных странах мира. Достаточно упомянуть тот факт, что в 2000-е гг. 20% расходов на здравоохранение в странах Тропической Африки финансировалось за счет официальной помощи развитию (ОПР), предоставленной развитыми государствами.¹²

Наряду с положительным эффектом, глобализация может оказывать и оказывает деструктивное влияние на демографические процессы в обществе.

Впервые наиболее отчетливо это проявилось в 1492 г., когда европейцы прибыли на Американский континент и по сути дела уничтожили империи инков и майя. Никогда до этого мир не был свидетелем такой масштабной депопуляции народов, какой подверглись коренные жители Америки в результате порабощения, физического истребления, а также быстрого распространения таких болезней, как оспа, корь, свинка и др. По оценкам специалистов, в XVI и XVII веках местное население Америки сократилось на 90%.¹³ Аналогичная демографическая катастрофа после контакта с европейцами произошла с аборигенами Австралии и ряда островов Тихого океана в XVIII и XIX веках.¹⁴ В свою очередь, именно депопуляция Америки и Австралии послужила толчком к возникновению работорговли и привела в период с 1520 по 1888 гг. к насильственной миграции 11–12 млн африканцев на Американский континент, а также к добровольной миграции с 1815 по 1930 г. 54 млн человек из густонаселенной Европы в Америку и Австралию.¹⁵ Вместе с тем, уязвимость европейцев к тропической лихорадке и другим заболеваниям, широко распространенным на Африканском континенте, ограничила их миграцию в Тропическую Африку, хотя колонизация последней была практически завершена к концу XIX века.

В современную эпоху наиболее ярко деструктивное воздействие глобализации в демографической сфере проявилось в бывших республиках СССР и странах Восточной Европы, а также в государствах Тропической Африки.

В первой группе распад и дезинтеграция СССР и СЭВ, а также вовлечение бывших социалистических стран в мировую экономику повлекло за собой резкое падение реального уровня жизни значительных масс населения, сокращение расходов на медицинское обслуживание, развал государственной системы здравоохранения. Рост неудовлетворенности своим положением у значительного числа жителей этих государств привел к массовому распространению алкоголизма и наркомании, увеличению числа самоубийств, что, в конечном счете, выразилось в значительном ухудшении демографических показателей, в росте смертности, сокращении рождаемости и ОПЖ.

Во второй группе государств – в странах Тропической Африки – положительные результаты сокращения смертности были практически перечеркнуты распространением в ряде стран эпидемии ВИЧ/СПИДа. На Африканском континенте распространение этой болезни значительно ускорилось в ходе таких последствий глобализации, как интернационализация и регионализация рынков труда, усиление сельско-городских и региональных миграций, рост межнациональных конфликтов и гражданских войн. Деструктивное воздействие глобализации дополнилось традиционными издержками подчиненного положения и сексуальной эксплуатации африканской женщины, а также отсталой системой национального здравоохранения. Все эти факторы, действующие в совокупности, способствовали быстрому распространению ВИЧ-инфекции во многих странах Африки, что, в конечном счете, выразилось почти в двукратном росте смертности и сокращении ОПЖ на 8–12 лет в таких странах как ЮАР, Ботсвана, Зимбабве, Свазиленд, Лесото и ряде других.¹⁶

Таким образом, воздействие глобализации на демографические процессы в обществе весьма неоднозначно. С одной стороны, глобализация ускорила демографический переход в развитых странах, способствовала увеличению ожидаемой продолжительности жизни, сокращению общей и младенческой смертности, снижению показателя рождаемости в ряде государств. С другой стороны, именно глобализация создала предпосылки для «демографического взрыва» в странах Азии, Африки и Ла-

тинской Америки, что превратило демографическую проблему в одну из глобальных проблем современности. Наконец, одним из главных итогов воздействия глобализации на демографические процессы как в мире в целом, так и в отдельных государствах в частности служит рост независимости демографических и экономических показателей развития, особенно в наименее развитых странах. Скорость демографического перехода существенно превышает скорость экономических преобразований, и разрыв между Югом и Севером по демографическим показателям постоянно сокращается, в противоположность разрыву по целому ряду экономических индикаторов, который в ряде случаев не только не сокращается, но даже растет.

В свою очередь, количественный и качественный рост населения оказывает как прямое, так и косвенное воздействие на процесс глобализации.

Исторически, рост населения неизбежно вел к эмиграции и колонизации. В первую очередь это касается эмиграции европейского населения в Северную Америку и Австралию, причиной которой послужил ускоренный рост европейского населения в XIX в. Хотя колонизация европейцами Африки и Азии не повлекла за собой массового переезда европейцев в страны этих континентов, именно рост населения Западной Европы и его экономической мощи послужил предпосылкой колониальных захватов новых территорий.

В последние годы воздействие демографического фактора на процесс глобализации проявляется двояко – через влияние на обеспеченность факторами производства (factor endowment) и через распределение глобального дохода по странам.

Количество и качество ресурсных запасов в стране, включающих в себя природные ресурсы, труд и капитал, определяет возможный объем производства товаров и услуг, а также темпы повышения уровня жизни населения того или иного государства. Разные страны имеют разную обеспеченность ресурсами и их качественными характеристиками, что побуждает их вступать в экономические отношения с другими государствами, чтобы приобрести факторы, которые они не могут эффективно

произвести сами. Реальное проявление этого обмена –международная торговля, интернациональное движение капитала и миграция рабочей силы. Обмен факторами производства может проявляться в различных формах. Например, страны с богатыми трудовыми или природными ресурсами могут обменивать их на капитал. В зависимости от специализации существуют страны, производящие товары, основанные на трудоинтенсивной технологии, и страны, производящие капиталоемкие товары. Такая международная специализация позволяет сокращать издержки производства в международном масштабе и способствовать повышению динамики производства, а, в конечном счете, – уровню жизни в той или иной стране.

Распределение факторов производства по странам может меняться во времени и пространстве. Так, например, объем капитала на одного рабочего в 1965 г. в США был в 3–4 раза выше, чем в Японии, Южной Корее, Тайване и Таиланде. Однако к началу 1990-х гг. разрыв по этому показателю в данной группе стран сократился в 2–3 раза, а Япония по соотношению капитал-труд уже в 1989 г. обогнала США.¹⁷

Что касается взаимодействия демографического фактора и обеспеченности факторами производства, то между ними прослеживается тесная связь. Страны, для которых характерен достаточно ранний и быстрый демографический переход, обладают, как правило, внушительным финансовым и человеческим капиталом, в то время как страны, поздно вступившие на путь демографических преобразований, обладают большими запасами низкоквалифицированного труда. Таким образом государства, пребывающие на начальном этапе демографического перехода (почти все страны Африки, значительное число стран Азии, некоторые государства Латинской Америки) выступают как экспортеры труда, импортеры капитала и производители трудоинтенсивных товаров и услуг. Напротив, страны, в которых демографический переход практически завершен, экспортируют капитал, импортируют труд и производят капиталоемкие и требующие высокой квалификации товары и услуги. Гонконг и Сингапур, первыми из азиатских государств дос-

тигшие низких показателей фертильности, уже сегодня являются импортерами труда, в то время как крупнейшие экспортеры трудовых ресурсов – Филиппины, Бангладеш, Египет находятся на раннем этапе демографических преобразований, для которого характерны относительно низкая смертность при сохранении достаточно высокой рождаемости.

Зависимость между демографическим фактором и обеспеченностью факторами производства не статична. Рост капиталовложений при сокращении темпов прироста рабочей силы, которые, в свою очередь, зависят от ряда демографических показателей, ведет к увеличению такого индикатора, как рост капиталовооруженности труда (дословно – «углубление» капитала – *capital deepening*). Страны с низкими темпами прироста населения имеют самый высокий показатель капиталовооруженности труда, в то время как страны с высокими темпами демографического роста и рабочей силы существенно отстают по этому показателю. Таким образом, страны, раньше вступившие на путь демографического перехода, лидируют сегодня по капиталовооруженности труда и наоборот.

Примечательно, что в последние десятилетия весьма высоких темпов роста капиталовооруженности труда достигли страны Восточной Азии – Южная Корея, Тайвань и Таиланд. Именно небывалый рост инвестиций в перерасчете на одного занятого лег в основу ускоренного экономического развития стран Восточной и Юго-восточной Азии. По расчетам А. Мейсона¹⁸, страны с низким уровнем инвестиций в 1960 г. имели такой же низкий уровень капиталовложений и в 1990 г. Исключение составили страны Восточной Азии, которые перешли от низкого к высокому уровню инвестирования в исследуемый период и, как следствие, – к высокой капиталовооруженности труда.

Таким образом, прослеживается важная зависимость между демографическим переходом с одной стороны и темпами роста рабочей силы и уровнем накопления – с другой. В простой экономической модели темпы прироста населения и темпы прироста рабочей силы практически не различаются. Однако во время демографического перехода темпы прироста рынка труда могут

существенно отклоняться от темпов прироста населения. Это обусловлено двумя факторами. Первое, население трудоспособного возраста увеличивается в этот период быстрее, чем все население. И, второе, одновременно со снижением фертильности быстро растет женский сегмент рынка труда.

Исследования, проведенные по всем странам мира в период с 1960 по 1990 гг. подтверждают тот факт, что в государствах с высокими темпами прироста населения, темпы прироста занятости сравнительно более низкие. Это, в первую очередь, относится к Африканскому континенту, где прирост рынка труда значительно отставал от прироста всех жителей этого региона. Как только темпы прироста населения снижаются, относительные темпы прироста занятости растут.

По расчетам того же А. Мейсона¹⁹, в странах с темпом прироста населения не более 1,5%, прирост рынка рабочей силы составлял 2% ежегодно, т.е. был выше на 0,5 процентных пункта. В некоторых странах лаг между этими двумя показателями был еще более существенным, в первую очередь это касается Сингапура, Южной Кореи и Тайваня. При этом по мере сокращения темпов прироста населения ниже 1%, сокращаются и темпы прироста рабочей силы, однако этот процесс идет более медленно.

Одновременно, изменения возрастной структуры населения и рост ожидаемой продолжительности жизни сопровождается ростом уровня капиталовложений. Однако данная зависимость остается предметом дискуссий. Так, некоторые исследователи считают, что сокращение уровня «иждивенчества» – dependency ratio (сумма числа жителей в возрасте до 14 лет и старше 65 лет поделенная на число жителей трудоспособного возраста) увеличивает внутренние накопления в стране.²⁰ Другие уверены, что изменение возрастной структуры населения оказывает гораздо большее воздействие на уровень накопления в домашних хозяйствах.²¹

В любом случае, изменения в демографических показателях непосредственным образом меняют соотношение факторов производства. Страны с высоким демографическим ростом и уров-

нем «иждивенчества» богаты трудовыми, но бедны финансовыми ресурсами и наоборот.

Связь между демографическими показателями и соотношением факторов производства особенно важна в свете тех колоссальных изменений демографических показателей, которые имели место в той или иной стране и в мире в целом в XX веке. Именно разрыв между Севером и Югом по таким индикаторам, как возрастная структура, ОПЖ, темпы прироста населения, привел к интенсификации международной торговли, миграции и движения капитала. В ближайшие годы старение населения в западных государствах станет новым стимулом для ускорения и усиления потоков товаров, людей и капиталов между странами. Таким образом, воздействие демографических процессов на глобализацию еще более усилится. Несмотря на то, что в последние десятилетия наблюдался процесс интенсификации торговли между развитыми государствами, ускоренный рост населения в Азии и Африки через одно-два десятилетия сместит вектор международной торговли в сторону Востока и Юга. Одновременно рост экономически активного населения в развивающихся странах и его сокращение в странах ОЭСР с течением времени вызовет увеличение доли первых в производстве мировой промышленной продукции и, в конечном счете, будет способствовать росту импорта товаров из стран Азии и Африки в западные государства, что сократит долю торговли между самими странами ОЭСР.

2.2. Трансформация глобальных моделей народонаселения

Уяснение взаимосвязей между трансформацией глобальной экономической модели и сдвигами в характере динамики, структуры, экономической активности и мобильности народонаселения – одна из ключевых задач данной монографии. Без анализа общемировых тенденций невозможно понять условия вызревания и векторы эволюции названных экономико-демографических процессов на африканском континенте. Как мы отметили выше, глобальные демографические модели более инер-

ционны и консервативны. Однако в конце XX – начале XXI вв. накопившиеся количественные изменения начали со всей очевидностью трансформироваться в качественные сдвиги в глобальных моделях экономической мобильности населения, структуры и качества человеческого капитала. Поэтому мы сочли необходимым в данном разделе монографии более подробно остановиться на описании вызревания экономико-демографических элементов новой экономической модели мира.

В XX веке демографические изменения затронули практически все страны мира, однако их скорость была гораздо выше, чем на ранних этапах демографического перехода. Существенное сокращение смертности произошло в странах Азии и Африки частично до, но в основном, после Второй мировой войны. При этом ожидаемая продолжительность жизни все еще оставалась достаточно низкой и не превышала 24 лет в начале XX века в Индии и в 1929–1931 гг. в Китае.²² При этом уровень фертильности не снижался до уровня менее 5 в Японии до конца 30-х гг., в странах Азии этот показатель стал сокращаться в 1950–1960-е гг., а в африканских государствах – лишь в конце XX века, да и то не во всех. В результате сокращения уровня смертности и сохранения относительно высокого уровня рождаемости развивающиеся страны после Второй мировой войны вступили в эпоху «демографического взрыва» – темпы прироста их населения достигали 2–3% ежегодно, а возрастная структура населения стремительно менялась в сторону увеличения численности молодых возрастов.

Одновременно после второй мировой войны США и европейские государства переживали так называемый «бэби бум», что также увеличивало темпы прироста мирового населения в середине XX века. При этом в развивающемся мире также имел место «бэби бум», который, однако, был вызван не ростом послевоенной рождаемости, как в странах Запада, а сокращением детской и младенческой смертности.

Наиболее поразительный результат демографического перехода – образование существенного разрыва в ожидаемой продолжительности жизни (ОПЖ) между развитыми и развиваю-

щимися странами. В 1820 г. этот разрыв составлял 12 лет (ОПЖ – 36 лет в развитых и 24 года в развивающихся странах), а в 1900 г. увеличился до 20 лет (46 и 26 лет соответственно). В период с 1900 по 1950 гг. ожидаемая продолжительность жизни увеличивалась практически во всех странах мира, но разрыв между развитыми и развивающимися странами продолжал расти и достиг в 1950 г. 22 лет (ОПЖ – 66 лет в странах Запада и 44 года в государствах Третьего мира). И лишь во второй половине XX века этот интервал стал сокращаться и в 2000 г. уже не превышал 14 лет (78 и 64 года соответственно).²³ Следует, однако, оговориться, что сокращение этого разрыва было бы еще более существенным, если бы не эпидемия ВИЧ/СПИДа в Африке и социально-экономические последствия распада СССР и социалистического лагеря.

Демографический взрыв в странах Азии и Африки существенно повлиял на глобальное распределение населения по странам и регионам.

Таблица 2.2.1

Население основных регионов мира 1820–2050 гг.

Год	Западная Европа	США, Австралия, Новая Зеландия	Южная Европа	Восточная Европа, включая Россию	Латинская Америка	Азия и Океания	Африка	Весь мир
Население (в тыс. человек)								
1820	103005	11255	33644	89821	20307	736836	73026	1067894
1870	144572	45708	39981	140689	37905	768472	82815	1260142
1900	178595	86396	44543	208485	63919	887430	95281	1564649
1950	238957	178094	68470	286116	162463	1357096	223015	2512211
2000	307577	336903	132181	393418	517946	3528759	737039	5953822
2050	281243	468411	154765	332374	804023	5220026	1782718	9043558
Распределение населения по регионам мира (%)								
1820	9,6	1,1	3,2	8,4	1,9	69,0	6,8	100
1870	11,5	3,6	3,2	11,2	3,0	61,0	6,6	100
1900	11,4	5,5	2,8	13,3	4,1	56,7	6,1	100

Год	Западная Европа	США, Австралия, Новая Зеландия	Южная Европа	Восточная Европа, включая Россию	Латинская Америка	Азия и Океания	Африка	Весь мир
1950	9,5	7,0	2,7	11,4	6,5	54,0	8,9	100
2000	5,2	5,7	2,2	6,6	8,7	59,3	12,4	100
2050	3,1	5,2	1,7	3,7	8,9	57,7	19,7	100
Темпы прироста населения по регионам мира (%)								
1820-1870	0,68	2,80	0,35	0,90	1,25	0,08	0,25	0,33
1870-1900	0,70	2,12	0,36	1,31	1,74	0,48	0,47	0,72
1900-1950	0,58	1,42	0,86	0,63	1,87	0,85	1,70	0,95
1950-2000	0,50	1,30	1,32	0,64	2,32	1,91	2,39	1,73
2000-2050	-0,18	0,66	0,32	-0,34	0,88	0,78	1,77	0,84

Источники: World Population Prospects, the 2001 Revision. New York: UN. 2001; A. Maddison, The World Economy: A Millennial Perspective. Paris: OECD, 2001. P. 34-35.

Как видно из таблицы 2.2.1 в XIX в. население Европы, США, Канады, Австралии и Новой Зеландии росло быстрее, чем мировое население в целом. С 1820 по 1900 гг. доля этих стран в мировом населении выросла с 22,3 до 33%. За тот же период удельный вес населения Азии и Океании сократился с 69 до 56,7%, поскольку темпы прироста населения в этих регионах были ниже мировых и не превышали в среднем 0,2% в год. Число жителей Индии и Китая, переживающих в XIX в. период экономической стагнации, сократилось абсолютно. Этому во многом способствовал также голод, разразившийся в Индии в конце XIX века и унесший жизни миллионов людей. Что касается населения Африки, то темпы его прироста были с 1820 по 1900 гг. примерно в 1,5 раза ниже, чем темпы прироста мирового населения, поэтому доля жителей Африканского континента в населении мира сократилась с 6,8 до 6,1%.

В XX веке картина распределения мирового населения по странам и регионам существенно изменилась. Уже в период с 1900 по 1950 гг. значительно возросли темпы прироста населения в Латинской Америке, Азии, Океании и Африке, в то время как аналогичные показатели по европейским, североамериканским странам, а также Австралии и Новой Зеландии заметно сократились.

Начиная с середины XX века в развитых странах стала доминировать тенденция стагнации демографического роста, а развивающийся мир в результате снижения уровня смертности и сохранения высоких показателей рождаемости попал в пучину «демографического взрыва». Темпы прироста численности населения в Третьем мире за последние 50 лет устойчиво держались на уровне 2,0–2,5% в год, а в ряде случаев (например, на Африканском континенте), достигали и превышали 3%, в то время как в развитых странах они в лучшем случае достигали 1%.²⁴

Таким образом за последние 50 лет наиболее высокими темпами увеличивалось число жителей «периферийных стран» мирового сообщества – государств, которые по своим социально-экономическим показателям существенно отстают от развитых стран.

В 2000 г. доля развитых стран в мировом населении сократилась до 19,7%, что было меньше, чем в 1820 г. Доля азиатских стран также сократилась за тот же период примерно на 10 процентных пунктов с 69 до 59,3%, а доля латиноамериканских стран увеличилась в населении мира более чем в 4 раза – с 1,9 до 8,7%. Что касается Африки, то данный показатель вырос с 6,8% в 1820 г. до 12,4% в 2000 г.

При этом в период с 1820 по 1950 гг. 69,3% прироста мирового населения приходилось на Европу, Северную Америку, Австралию и Новую Зеландию, а с 1950 по 2000 г. данный индикатор не превышал 11,7%.

В XXI веке демографическая картина мира будет подвержена еще более серьезным трансформациям.

В 2009 г. численность населения мира достигла 6,8 млрд человек и, согласно среднему варианту прогнозов, составит 7 млрд человек в 2012 г., 8 млрд человек в 2025 г. и 9 млрд че-

людей в 2045 году. Увеличение продолжительности периода времени в XXI веке, в течение которого население планеты увеличивается на каждый новый миллиард человек, объясняется общим снижением темпов прироста мирового населения. Фактически, глобальные темпы прироста населения уже достигли своего пика в период 1965–1970 гг., когда они составляли 2% в год, после чего данный показатель имел постоянную тенденцию к снижению. В 2005–2010 гг. эти темпы, по оценкам, составят 1,17% в год, и предполагается, что в 2045–2050 гг. они не будут превышать 0,36% в год.

При этом для развитых стран характерны низкие показатели смертности и очень низкие показатели рождаемости, которые не обеспечивают воспроизводства населения, и поэтому в них, в конечном счете, численность населения будет уменьшаться. С учетом прогнозируемого показателя чистой миграции, составляющего в среднем 2,3 млн мигрантов в год, общая численность населения развитых стран, по прогнозам, несколько возрастет, с 1,23 млрд человек в 2009 г. до максимум 1,26 млрд человек в 2031 г., а затем начнет уменьшаться и составит 1,25 млрд человек в 2050 году.

Противоположная тенденция отмечается в развивающихся странах, где показатели прироста населения довольно высоки в силу того, что средние показатели фертильности по-прежнему значительно превышают показатели, необходимые для обеспечения простого воспроизводства населения. По прогнозам, в период между 2009 и 2050 гг. численность их населения увеличится на 2,3 млрд человек – с 5,6 млрд человек до 7,9 млрд человек (см. табл. 2.2.2). Ожидается, что при благоприятном прогнозе численность населения наименее развитых стран удвоится и в 2050 г. составит 1,7 млрд человек. Эти прогнозы основаны на предположении о том, что показатели фертильности будут продолжать сокращаться в развивающихся странах в целом, и особенно в наименее развитых странах, где, по прогнозам, общие показатели фертильности уменьшатся с 4,6 ребенка на женщину в 2005–2010 гг. до 2,5 ребенка на женщину в 2045–2050 гг. Однако, если показатели фертильности не будут сокра-

щаться, численность населения наименее развитых стран может достигнуть в 2050 г. 2,8 млрд человек. Иными словами, все большая часть мирового населения будет проживать в странах, испытывающих хронический дефицит всех видов ресурсов, что чревато серьезными социально-экономическими и политическими последствиями для всего мира.

В крупных и густонаселенных развивающихся странах таких, как Бразилия, Индия, Индонезия, Нигерия и Пакистан, в период 2009–2050 гг. прирост населения составит 828 млн человек, а общая численность их населения увеличится с 2 млрд человек в 2009 г. до 2,8 млрд человек в 2050 году. Если бы показатели фертильности в этих странах оставались на уровне показателей 2000–2005 гг., численность их населения в 2050 г. достигла бы 3,9 млрд человек. При неизменных показателях фертильности численность населения в развивающихся странах в 2050 г. составила бы 10,6 млрд человек, что на 2,7 млрд человек больше, чем оценочная численность населения, которая была бы зарегистрирована при среднем варианте прогноза (7,9 млрд человек). Поэтому, при условии сохранения постоянных показателей фертильности, на долю Бразилии, Индии, Индонезии, Нигерии и Пакистана придется 70% прогнозируемого прироста населения в менее развитых регионах.

Таблица 2.2.2

Численность населения в отдельные годы с разбивкой по основным регионам, средним и неизменным прогнозируемым показателям фертильности

Основной регион	Численность населения (в миллионах человек)					
	1950 г.	1990 г.	2009 г.	2050 г.		
				Средний показатель	Неизменный показатель	Разница
Весь мир	2 535	5 295	6 828	9 191	11 858	2 666
Развитые страны	814	1 149	1 229	1 245	1 218	-27
Развивающиеся страны	1 722	4 146	5 599	7 946	10 639	2 693

Основной регион	Численность населения (в миллионах человек)					
	1950 г.	1990 г.	2009 г.	2050 г.		
				Средний показатель	Неизменный показатель	Разница
Наименее развитые страны	200	525	843	1 742	2 794	1 052
Другие развивающиеся страны	1 521	3 620	4 755	6 204	7 845	1 641
Африка	224	637	1 009	1 998	3 251	1 253
Азия	1 411	3 181	4 121	5 266	6 525	1 259
Европа	548	721	731	664	626	-38
Латинская Америка и Карибский бассейн	168	444	587	769	939	170
Северная Америка	172	284	345	445	460	15
Океания	13	27	35	49	57	8

Источник: World Population Prospects: The 2006 Revision.

В период 2005–2010 гг. численность населения мира увеличивалась в среднем на 78 млн человек в год, причем на 75 млн за счет стран Азии, Африки и Латинской Америки. К 2045–2050 гг. численность населения развивающихся стран, по прогнозам, будет увеличиваться на 33 млн человек в год, в то время как в большинстве развитых регионов этот показатель будет сокращаться до примерно 1,3 млн человек в год. Кроме этого, в то время как в 2005–2010 гг. на долю менее развитых государств приходилось 26% прироста населения в развивающихся странах, ожидается, что к 2045–2050 гг. их доля в приросте населения развивающегося мира увеличится до 61%.

При среднем варианте, численность населения 29 стран, большинство из которых составляют наименее развитые страны, в период между 2009 и 2050 гг., вероятно, удвоится. В четырех странах прирост составит более 100 млн человек: в Индии численность населения, по прогнозам, вырастет на 455 миллионов человек; в Нигерии – на 134 млн человек; в Пакистане – на 122 млн человек; и в Демократической Республике Конго – на 120 млн человек. Отчасти из-за ожидаемого быстрого при-

роста населения более половины развивающихся стран считают, что темпы роста численности их населения слишком высоки: так полагают две трети африканских стран, 56% стран Океании и 45% азиатских стран. Что касается наименее развитых стран, то в 1986 г. примерно 50% этих государств считали темпы прироста их населения слишком высокими, а к 2005 г. доля таких стран увеличилась до 80%. Таким образом, развивающиеся страны осознают, что дальнейшее сокращение темпов прироста населения необходимо для того, чтобы снять напряженность на рынке труда, облегчить давление на ресурсную базу и окружающую среду и содействовать реализации целей в области развития.

Развитые страны, напротив, обеспокоены уменьшением численности их населения. В период 2009–2050 гг. численность населения в 45 из них, по прогнозам, уменьшится, в том числе в Российской Федерации (на 33 млн человек), в Японии (на 25 млн человек), в Украине (на 15 млн человек), в Германии (на 8,4 млн человек) и в Польше (на 7,7 млн человек). При этом в большинстве развитых стран население будет не только сокращаться, но и стареть.

В 2009 г. лишь в 11 странах численность населения превышала 100 млн человек. Это такие страны как Китай, Индия, Соединенные Штаты Америки, Индонезия, Бразилия, Пакистан, Бангладеш, Нигерия, Российская Федерация, Япония и Мексика (перечислены в порядке уменьшения показателя численности населения). На их долю приходится 61% от общей численности населения земного шара. На долю 69 стран, численность населения которых составляет от 10 до 100 млн человек, приходится более 33% от общей численности населения планеты. Доля 73 стран, численность населения которых колеблется от 1 до 10 млн человек, составляет 5,4%, в то время как на остальные 76 стран с населением менее 1 млн человек приходится лишь 0,3% от общей численности населения мира.

Что касается такого важного демографического показателя как фертильность (среднее количество детей на одну женщину детородного возраста), то в глобальном масштабе этот индикатор

тор существенно сократился: с 5,0 в период 1965–1970 гг. до 2,6 в 2005–2010 гг. (см. табл. 2.2.3). Поскольку показатель фертильности в развитых странах в 1965–1970 гг. уже был достаточно низким и составлял 2,4 ребенка на женщину, общее уменьшение показателя фертильности в мировом масштабе было обусловлено его сокращением в развивающихся странах – с 6,0 ребенка на женщину до 2,8 ребенка на женщину в течение рассматриваемого периода.

Таблица 2.2.3

**Общие показатели фертильности во всем мире
и в основных регионах, 1965–1970, 2005–2010 и 2045–2050 гг.**

Основной регион	Общий показатель фертильности (число детей на одну женщину)		
	1965–1970 гг.	2005–2010 гг.	2045–2050 гг.
Весь мир	4,9	2,6	2,0
Развитые страны	2,4	1,6	1,8
Развивающиеся страны	6,0	2,8	2,1
Наименее развитые страны	6,7	4,6	2,5
Другие развивающиеся страны	5,9	2,5	1,9
Африка	6,8	4,7	2,5
Азия	5,7	2,3	1,9
Европа	2,4	1,5	1,8
Латинская Америка и Карибский бассейн	5,5	2,4	1,9
Северная Америка	2,6	2,0	1,8
Океания	3,6	2,3	1,9

Источник: World Population Prospects: The 2006 Revision.

Снижение показателей фертильности в разных регионах началось в разное время (см. табл. 2.2.4). Оно началось в 60-х годах прошлого века в южной части Африки, Восточной и Западной Азии, в Карибском бассейне и в Южной Америке, в Микронезии и Полинезии. В Северной Америке, в остальных регионах Азии, в Центральной Америке и Меланезии этот процесс начался

ся в 70-х годах прошлого века. В Восточной и Западной Африке показатели фертильности начали уменьшаться лишь в 80-х годах прошлого столетия, а в центральных районах Африки данный показатель продолжает оставаться на высоком уровне.

Таблица 2.2.4

Период максимальных общих показателей фертильности, начало уменьшения показателей фертильности и темпы такого уменьшения: отдельные регионы

Основной регион или район	Период максимальных показателей фертильности (годы)	Максимальный показатель фертильности (число детей на одну женщину)	Начало периода уменьшения показателей фертильности (год)	Уменьшение показателей фертильности в течение 15 лет с момента начала процесса (в %)	Показатель фертильности в 2005–2010 гг. (в % от максимальных показателей)
Весь мир	1950–1955	5,02	1965	27	51
Развивающиеся страны	1950–1955	6,15	1965	31	45
Наименее развитые страны	1960–1965	6,76	1980	16	68
Страны Африки к югу от Сахары	1960–1965	6,8	1985	15	76
Африка	1960–1965	6,87	1980	18	68
Восточная Африка	1965–1970	7,03	1985	15	75
Центральные районы Африки	1980–1985	6,63	–	–	91
Северная Африка	1960–1965	7,06	1970	22	41
Южная часть Африки	1955–1960	6,46	1960	18	42
Западная Африка	1970–1975	7,03	1990	19	75
Азия	1950–1955	5,87	1965	35	40
Восточная Азия	1950–1955	5,67	1965	54	30
Центральные и южные районы Азии	1955–1960	6,06	1970	18	48
Юго-Восточная Азия	1960–1965	6,19	1970	35	38

Основной регион или район	Период максимальных показателей фертильности (годы)	Максимальный показатель фертильности (число детей на одну женщину)	Начало периода уменьшения показателей фертильности (год)	Уменьшение показателей фертильности в течение 15 лет с момента начала процесса (в %)	Показатель фертильности в 2005–2010 гг. (в % от максимальных показателей)
Западная Азия	1950–1955	6,49	1965	16	46
Латинская Америка и Карибский бассейн	1960–1965	5,97	1965	29	40
Карибский бассейн	1960–1965	5,49	1965	33	44
Центральная Америка	1955–1960	6,82	1970	39	36
Южная Америка	1960–1965	5,77	1965	28	40
Океания	1955–1960	4,09	1960	31	56
Австралия/Новая Зеландия	1955–1960	3,53	1960	41	52
Меланезия	1955–1960	6,33	1970	18	57
Микронезия	1960–1965	6,51	1965	27	41
Полинезия	1960–1965	6,97	1965	29	44

Источник: World Population Prospects: The 2006 Revision.

Темпы сокращения показателей фертильности также различны. В Восточной и Юго-Восточной Азии, в Карибском бассейне и Центральной Америке были зарегистрированы наиболее высокие темпы уменьшения показателей фертильности. С момента начала этого процесса в течение 15 лет показатели снизились по крайней мере на 30%. В Восточной Африке, на юге Африки и в Западной Африке, в южных и центральных районах Азии и Западной Азии, а также в Меланезии показатели фертильности сокращались очень медленно – менее, чем на 20% в течение 15 лет после начала этого процесса. Сорок две страны, где в период 2005–2010 гг. показатели фертильности составляли свыше четырех детей на одну женщину, находятся в основном в этих регионах или в центральной части Африки, где процесс снижения показателей фертильности еще не начинался.

В остальных регионах мира темпы сокращения фертильности остаются на среднем уровне.

Высокие показатели фертильности, обеспечивающие высокий уровень рождаемости, в сочетании с низким уровнем смертности обуславливают быстрый прирост населения, что создает особенно серьезные проблемы для стран с низким уровнем дохода. Поэтому свыше половины развивающихся стран в течение нескольких десятилетий осуществляют программы контроля над рождаемостью. При этом по наименее развитым странам данный показатель увеличивается до 76%.

Стратегии, направленные на расширение доступа к противозачаточным средствам и к программам по планированию семьи и охране репродуктивного здоровья, играют весьма действенную роль в сокращении показателей фертильности. Правительства свыше 90% стран оказывают прямую или косвенную поддержку программам по планированию семьи. Во всем мире показатели применения противозачаточных средств женщинами в возрасте 15–49 лет, которые находятся замужем или в гражданском браке, увеличились с 56% в 1990-е гг. до 63% в 2000-е гг. (см. табл. 2.2.5).

Таблица 2.2.5

Показатели применения противозачаточных средств в мире с разбивкой по группам развития и основным регионам (%)

Основной регион	Год	Тот или иной конкретный метод	Любой современный метод контрацепции				Тот или иной конкретный традиционный метод
			Всего	Стерилизация женщин	Внутри-маточная спираль	Перорально принимаемые противозачаточные таблетки	
Весь мир	2003	63,1	56,1	19,7	15,5	8,5	7,0
Развитые страны	1999	67,4	56,1	8,6	9,4	16,5	11,3

Основной регион	Год	Тот или иной конкретный метод	Любой современный метод контрацепции				Тот или иной конкретный традиционный метод
			Всего	Стерилизация женщин	Внутри-маточная спираль	Перорально принимаемые противозачаточные таблетки	
Развивающиеся страны	2004	62,4	56,1	21,5	16,5	7,2	6,3
Африка	2003	28,0	21,4	1,6	4,2	7,4	6,5
Азия	2004	67,9	61,7	24,0	19,6	6,1	6,3
Европа	1997	67,5	52,5	4,7	14,1	18,6	14,9
Латинская Америка и Карибский бассейн	2001	71,4	64,5	28,5	7,4	15,8	6,9
Северная Америка	2001	73,0	68,6	22,2	1,9	17,9	4,3
Океания	1995	52,9	48,9	11,3	1,5	17,7	4,1

Источник: World Population Prospects: The 2006 Revision.

В соответствии с данными таблицы, почти в половине развивающихся стран, показатели применения противозачаточных средств ежегодно увеличивались по крайней мере на один процентный пункт, в то время как в 8% случаев этот показатель увеличивался по крайней мере на два процентных пункта в год. Тем не менее, показатели применения противозачаточных средств по-прежнему остаются весьма низкими в странах, где отмечаются высокие уровни фертильности. Большинство составляют страны Африки, расположенные к югу от Сахары, где доля населения, использующего противозачаточные средства, не превышает 22%.

В общей сложности 90% всех людей, использующих противозачаточные средства, применяют современные методы контрацепции. Три наиболее часто применяемыми современными методами являются стерилизация женщин (20%), внутриматочные противозачаточные средства (16%) и пероральные про-

тивозачаточные таблетки (9%). Этими тремя методами пользуются 69% людей, использующих противозачаточные средства. В то же время традиционные методы, такие как периодическое воздержание от половой жизни (ритмический метод) и прерывание полового акта, используют лишь 7% женщин, находящиеся замужем или в гражданском браке.

В то время как развивающиеся страны прилагают значительные усилия для сокращения показателя фертильности, развитые страны озабочены очень низким уровнем данного индикатора, не обеспечивающего даже простое воспроизводство населения. В 2005–2010 гг. в 86 странах, включая 53 развитые государства, отмечались уровни фертильности, не обеспечивающие простое воспроизводство населения. В общей сложности в 2005 г. уже 60% развитых стран считали, что отмечаемые в них показатели фертильности слишком низкие, в то время как в 1995 г. доля таких стран составляла всего лишь 40%. Из 47 стран, которые считают регистрируемые в них уровни фертильности слишком низкими, 27 находятся в Европе, а 12 – в Азии.

Более совершенные средства гигиены, повышение качества питания и использующая последние достижения науки медицина привели в XX веке к значительному увеличению ожидаемой продолжительности жизни. Мы уже останавливались на динамике данного показателя в XIX–XX вв., здесь же мы более подробно проследим его изменение во второй половине XX века и в первой половине XXI века. К 1950–1955 гг. в большинстве развитых стран, которые первыми добились успехов в вышеупомянутых областях, ожидаемая продолжительность жизни при рождении составляла 66 лет, а к 2005 г. этот показатель увеличился до 77 лет (см. табл. 2.2.6).

В 1950-е годы серьезные демографические изменения затронули развивающиеся страны: благодаря более широкому применению антибиотиков, вакцин и инсектицидов показатели смертности стали сокращаться, а ожидаемая продолжительность жизни увеличилась – с 41 года в 1950–1955 гг. до 65 лет в 2005–2010 годах. Благодаря этому различия в показателях ожидаемой продолжительности жизни между развитыми и разви-

вающимися странами сократились – с 25 лет в период 1950–1955 гг. до 12 лет в период 2005–2010 годов. Однако более медленные темпы снижения показателей смертности в наименее развитых странах, где ожидаемая продолжительность жизни увеличилась с 36 лет в период 1950–1955 гг. до 55 лет в период 2005–2010 гг., обусловили увеличение разрыва между ними и другими развивающимися странами по этому показателю с 5 до 13 лет. Такая разница отчасти объяснялась исключительно быстрыми темпами увеличения показателей ожидаемой продолжительности жизни, которые были достигнуты в государствах Азии и Латинской Америки, а отчасти – высокими показателями заболеваемости СПИДом в ряде африканских государств, а также неспособностью последних обеспечить борьбу с тяжелыми тропическими заболеваниями, включая малярию, и последствиями затяжных конфликтов во многих наименее развитых странах.

Таблица 2.2.6

Показатели ожидаемой продолжительности жизни мужчин и женщин при рождении с разбивкой по основным регионам, отдельные периоды

Основной регион	Ожидаемая продолжительность жизни при рождении (в годах)				Показатель среднего годового увеличения (в годах)		
	1950–1955	1990–1995	2005–2010	2045–2050	1950–1955 1990–1995	1990–1995 2005–2010	2005–2010 2045–2050
Весь мир	46,4	64,2	67,2	75,4	0,4	0,2	0,2
Развитые страны	66,1	74,0	76,5	82,4	0,2	0,2	0,1
Развивающиеся страны	40,8	62,0	65,4	74,3	0,5	0,2	0,2
Наименее развитые страны	36,2	50,4	54,6	67,2	0,4	0,3	0,3
Другие развивающиеся страны	41,5	64,2	67,9	76,4	0,6	0,2	0,2
Африка	38,5	51,9	52,8	66,1	0,3	0,1	0,3
Азия	41,0	64,5	69,0	77,4	0,6	0,3	0,2

Основной регион	Ожидаемая продолжительность жизни при рождении (в годах)				Показатель среднегодового увеличения (в годах)		
	1950–1955	1990–1995	2005–2010	2045–2050	1950–1955 1990–1995	1990–1995 2005–2010	2005–2010 2045–2050
Европа	65,6	72,6	74,6	81,0	0,2	0,1	0,2
Латинская Америка и Карибский бассейн	51,4	68,6	73,3	79,6	0,4	0,3	0,2
Северная Америка	68,8	75,5	78,5	83,3	0,2	0,2	0,1
Океания	60,4	72,3	75,2	81,0	0,3	0,2	0,1

Источник: World Population Prospects: The 2006 Revision.

Появление ВИЧ и обусловленная им глобальная пандемия привели к увеличению показателей смертности в странах, оказавшихся в наибольшей степени затронутыми этим заболеванием. В 2008 г. примерно 35 млн человек жили с ВИЧ, причем 90% из них составляли жители развивающихся стран, а две третьих из них проживали в странах Африки к югу от Сахары. Хотя в других частях мира удалось избежать разрушительных последствий этого заболевания, подобных тем, от которых страдает Африка, быстрые и эффективные ответные меры необходимы для предотвращения аналогичного развития событий в других регионах. Воздействие ВИЧ/СПИДа является чрезвычайно важной проблемой в области народонаселения для правительств стран всего мира: 93% развивающихся стран и 81% развитых государств считают ее серьезной.

Несмотря на воздействие ВИЧ/СПИДа, до недавнего времени прогнозировалось, что ожидаемая продолжительность жизни в большинстве регионов мира возрастет и к 2045–2050 гг. достигнет беспрецедентных уровней: средний мировой показатель составит 75 лет, при этом данный индикатор будет еще более высоким практически во всех государствах, за исключением стран Африки. Хотя предполагается, что показатели ожидаемой продолжительности жизни выровняются, по наименее развитым странам эти показатели будут существенно ниже. Более то-

го, с учетом неблагоприятного развития событий во многих странах в последние годы, включая последствия мирового экономического кризиса, нет уверенности в том, что предполагаемое повышение показателей продолжительности жизни будет иметь место. Более того, широкое распространение инфекционных заболеваний или проблемы, обусловленные увеличением не только в развитых, но и в развивающихся странах числа пожилых людей с хроническими заболеваниями, могут поставить под угрозу прогнозируемое достижение более высоких показателей ожидаемой продолжительности жизни.

Различия в продолжительности жизни между мужчинами и женщинами, по-видимому, сохранятся, что обусловлено сложной взаимосвязью биологических, медицинских и поведенческих факторов, которые влияют на показатели смертности у женщин и мужчин в различных возрастных группах. Там, где отмечаются низкие показатели смертности в целом, среди женщин обычно регистрируются еще более низкие показатели смертности, чем среди мужчин, во всех возрастных группах. При прочих равных условиях среди младенцев-девочек в неонатальный период отмечаются более низкие показатели смертности, чем среди младенцев-мальчиков, поскольку мальчики в большей степени подвержены риску умереть в результате опасных заболеваний перинатального периода, врожденных аномалий или инфекционных болезней в первые месяцы их жизни. Что касается взрослых людей, то сочетание различных поведенческих факторов и привычек, таких как курение, потребление алкоголя или совершение потенциально опасных поступков, и биологических факторов, таких как защитное воздействие женских гормонов, обуславливает более низкие показатели смертности среди женщин, чем среди мужчин. Женщины также в меньшей степени рискуют стать жертвами заболеваний сердечно-сосудистой системы на протяжении репродуктивного периода их жизни, и, хотя это «преимущество» женщин с годами становится все менее ощутимым, среди женщин пожилого возраста, тем не менее, отмечаются более низкие показатели смертности, чем среди пожилых мужчин. Однако в некоторых разви-

вающихся, как и в развитых странах в прошлом показатели смертности среди женщин в некоторых возрастных группах были выше, чем среди мужчин, особенно это касалось детей или подростков. Это явление было обусловлено в большей мере социально-экономическими, нежели биологическими факторами, в частности, подчиненным положением женщины в обществе, правами наследования по мужской линии и др., что автоматически снижало «ценность» новорожденных девочек, которых у некоторых народов просто убивали при рождении.

Сегодня в большинстве стран среди женщин регистрируются более высокие показатели ожидаемой продолжительности жизни при рождении, чем среди мужчин. Если говорить о среднемировых показателях, то ожидаемая продолжительность жизни новорожденных девочек в период 2005–2010 гг. составляла 69,5 лет, а мальчиков – 65,0 лет. При этом в период между 1950–1955 гг. и 2005–2010 гг. разница в ожидаемой продолжительности жизни между женщинами и мужчинами увеличилась с 2,7 лет до 4,5 лет, что было обусловлено более быстрыми темпами увеличения ожидаемой продолжительности жизни женщин по сравнению с мужчинами в Азии, Европе, Латинской Америке и Океании. В Африке и Северной Америке наблюдалась противоположная тенденция. Разница между мужчинами и женщинами в ожидаемой продолжительности жизни при рождении в исследуемый период несколько уменьшилась (см. табл. 2.2.7).

Таблица 2.2.7

Показатели ожидаемой продолжительности жизни при рождении с разбивкой по признаку пола и показатели вероятности выживания с разбивкой по основным регионам, отдельные периоды

Основной регион	Ожидаемая продолжительность жизни при рождении (в годах)						Вероятность выживания (в %)	
	1950–1955		2005–2010				2005–2010	
	Женщины	Мужчины	Разница	Женщины	Мужчины	Разница	С 15 до 60	С 60 до 80
Весь мир	47,8	45,0	2,7	69,5	65,0	4,5	82,2	49,7

Основной регион	Ожидаемая продолжительность жизни при рождении (в годах)						Вероятность выживания (в %)	
	1950–1955		2005–2010			2005–2010		
	Женщины	Мужчины	Разница	Женщины	Мужчины	Разница	С 15 до 60	С 60 до 80
Развитые страны	68,6	63,5	5,0	80,2	72,9	7,3	88,0	56,8
Развивающиеся страны	41,6	40,0	1,6	67,2	63,7	3,5	80,8	45,4
Наименее развитые страны	36,8	35,6	1,2	55,8	53,4	2,4	68,3	33,2
Другие развивающиеся страны	42,3	40,7	1,6	69,8	66,1	3,7	82,6	46,4
Африка	39,7	37,3	2,4	53,8	51,7	2,1	63,9	33,2
Азия	41,7	40,4	1,3	71,0	67,2	3,8	84,2	47,6
Европа	67,9	62,9	5,0	78,8	70,5	8,3	85,8	52,2
Латинская Америка и Карибский бассейн	53,1	49,7	3,4	76,6	70,1	6,5	85,1	54,6
Северная Америка	71,9	66,1	5,8	81,0	75,9	5,1	90,5	60,6
Океания	62,9	58,1	4,9	77,9	72,6	5,3	88,6	61,5

Источник: World Population Prospects: The 2006 Revision.

Как видно из табл. 2.2.7, в развитых странах разница в показателях ожидаемой продолжительности жизни женщин и мужчин увеличилась с 5 лет в период 1950–1955 гг. до 7,3 лет в 2005–2010 годах. Это обусловлено, главным образом, значительным увеличением разницы в показателях ожидаемой продолжительности жизни между женщинами и мужчинами в Европе (с 5 до 8,3 лет), что, в свою очередь, в значительной степени является результатом увеличения показателей продолжительности жизни женщин по сравнению с мужчинами в Восточной Европе, особенно после распада социалистической системы, когда показатели смертности среди мужчин значительно увеличились в связи с социально-экономическими сложностями переходного периода. В Северной Америке ситуация была достаточно стабильной, поэтому в период между 1950–1955 гг. и 2005–2010 гг. разница в показателях ожидаемой продолжитель-

ности жизни между мужчинами и женщинами сократилась – с 5,8 лет до 5,1 лет.

Что касается развивающихся стран, то в Латинской Америке и Карибском бассейне отмечаются относительно высокие показатели ожидаемой продолжительности жизни и серьезные различия в этих показателях между мужчинами и женщинами – среди женщин этот показатель в 2005–2010 гг. был на 6,5 лет больше, чем среди мужчин. В Африке и Азии различия между показателями ожидаемой продолжительности жизни женщин и мужчин не такие большие – 2,1 лет в Африке и 3,8 лет в Азии. При этом в Африке показатели «преимущества» женщин перед мужчинами по ОПЖ в период между 1990–1995 гг. и 2005–2010 гг. сократились более чем на год, что в значительной степени обусловлено эпидемией ВИЧ/СПИДа, которая в большей степени затронула женщин, чем мужчин, особенно молодых. В Азии, где в 50-х годах прошлого столетия разница в показателях ОПЖ женщин и мужчин была весьма незначительной, она возросла и превысила почти вдвое аналогичные показатели по Африке. Весьма примечательно. Что вплоть до периода 2000–2005 гг. в Африке показатель «преимущества» женщин перед мужчинами с точки зрения ожидаемой продолжительности жизни был выше, чем в Азии.

Поскольку между развитыми и развивающимися странами по-прежнему отмечаются значительные различия в показателях ожидаемой продолжительности жизни, оценки их экспертов в отношении адекватности уровней смертности значительно отличаются друг от друга. В 2007 г. 63% развитых стран считали показатели ожидаемой продолжительности жизни своего населения приемлемыми, в то время как того же мнения придерживались лишь 36% развивающихся стран, а ни одна из наименее развитых стран не дала четкого ответа по данному вопросу.

Отдельного рассмотрения требует анализ такого важного показателя, как младенческая и детская смертность, который самым существенным образом влияет на ОПЖ. Во многих странах среди младенцев и детей в возрасте до пяти лет, по-прежнему отмечаются неприемлемо высокие показатели смертности. В

2007 г. 35% развитых стран считали свои показатели смертности детей в возрасте до пяти лет неприемлемыми, и этого же мнения придерживалось 86% развивающихся стран, включая все наименее развитые государства.

Снижение показателей детской смертности стало важным фактором роста показателей ожидаемой продолжительности жизни в общемировом масштабе. По оценкам ряда экспертов ООН, во всем мире показатели смертности детей в возрасте до пяти лет в период между 1990–1995 гг. и 2005–2010 гг. уменьшились на 19% – с 91 до 74 случаев смерти на 1000 живорождений. В 2005–2010 гг. показатель смертности детей в возрасте до пяти лет в наименее развитых регионах составлял, по оценкам, 81 случай смерти на 1000 живорождений, что в 9 раз выше, чем в большинстве развитых регионов, где этот показатель составлял всего 9 смертей на 1000 живорождений (см. табл. 2.2.8). Особенно высокими показатели смертности детей в возрасте до пяти лет остаются в наименее развитых странах, где они составляют 141 случай смерти на 1000 живорождений, что почти в два раза больше, чем в остальных развивающихся странах (62 смерти на 1000 живорождений). Что касается менее развитых регионов, то в Латинской Америке и Карибском бассейне в период между 1990–1995 гг. и 2005–2010 гг. было зарегистрировано самое резкое снижение показателей смертности детей в возрасте до пяти лет – на 45%. В Азии показатели смертности детей в возрасте до пяти лет за этот же период уменьшились на 28%, в то время как в Африке данный показатель сократился лишь на 16%.

Показатель вероятности выживания во взрослом возрасте – с 15 до 60 лет – тесно связан с показателем заболеваемости среди населения, поскольку в большинстве случаев смерть людей этой возрастной категории можно предотвратить. При нынешних показателях смертности 82% всех 15-летних детей доживут до 60-летнего возраста (см. табл. 2.2.7). Показатель выживания людей в возрасте от 15 до 60 лет выше в развитых странах (88%), в то время как в наименее развитых странах он составляет лишь 68%, а в остальных развивающихся странах – 83%.

Таблица 2.2.8

**Показатели смертности детей обоих полов в возрасте
до пяти лет с разбивкой по основным регионам,
1950–1995 гг. и 2005–2010 гг.**

Основной регион	Показатель смертности детей в возрасте до 5 лет (на 1000 живорождений)		Разница	Разница в % по сравнению с периодом 1990–1995 гг.
	1990–1995 гг.	2005–2010 гг.		
Весь мир	91	74	17	19
Развитые страны	12	9	4	29
Развивающиеся страны	100	81	19	19
Наименее развитые страны	179	141	39	22
Другие развиваю- щиеся страны	81	62	19	24
Африка	170	143	27	16
Азия	83	59	23	28
Европа	15	10	5	31
Латинская Америка и Карибский бассейн	49	27	22	45
Северная Америка	9	8	2	19
Океания	41	35	6	14

Источник: World Population Prospects: The 2006 Revision.

Оценочные показатели выживания взрослых особенно высоки в Океании и Северной Америке, при этом вероятность дожить до 60 лет среди 15-летних жителей Австралии и Новой Зеландии составляет 94%, а в Северной Америке – 91%. В Азии, Европе и Латинской Америке и Карибском бассейне показатели выживания взрослых примерно одинаковы – от 84 до 86%. Относительно низкие показатели выживания взрослых в Европе в значительной степени обусловлены высокими показателями смертности взрослых в Восточной Европе, где при нынешних уровнях смертности лишь 77% 15-летних людей доживут до своего 60-летия. Самые низкие показатели выживания отмечаются в Африке (64%), что обусловлено главным образом эпиде-

мией ВИЧ/СПИДа, а также низким уровнем социально-экономического развития Африканского континента со всеми вытекающими последствиями.

Вероятность выживания пожилых людей в возрасте от 60 до 80 лет при нынешних показателях смертности составляет 50% во всем мире (см. табл. 2.2.7), однако по этому показателю между развитыми и развивающимися странами существуют гораздо большие различия. В развитых странах 57% 60-летних людей при нынешних уровнях смертности доживут до 80 лет, в то время как в развивающихся странах этот показатель составляет лишь 45%. Самый низкий показатель выживания людей старшего возраста отмечается в наименее развитых странах (33%). Что касается основных регионов, то наибольшие шансы дожить до преклонного возраста имеют жители Океании и Северной Америки (свыше 60% в каждом из этих регионов), далее по этому показателю следуют Латинская Америка и Карибский бассейн (55%) и Европа (52%). Следует вновь отметить, что низкие показатели вероятности выживания пожилых людей в Европе обусловлены высокими показателями смертности людей старшего возраста в Восточной Европе и РФ. В Азии показатель выживаемости людей старшего возраста заметно ниже, чем в других основных регионах, и составляет 48%, а в Африке этот показатель самый низкий – 33%.

Показатели материнской смертности по-прежнему остаются высокими во многих развивающихся странах, и лишь 17% государств мира считают свои уровни материнской смертности приемлемыми. По оценкам экспертов ООН, в 2005 г. на каждые 100000 рождений приходилось 450 смертей женщин, при этом в развитых странах аналогичный показатель составлял лишь 11 смертей, а в наименее развитых странах – 870 смертей. Практически все наименее развитые страны считают свои высокие показатели материнской смертности неприемлемыми, и с высокой долей вероятности эти государства не смогут добиться их снижения в соответствии с целями Декларации тысячелетия.

Процесс старения населения протекает более быстрыми темпами в развитых странах, где доля пожилых людей в 2009 г.

составляла 21%, а число пожилых людей уже значительно превысило число детей в возрасте до 15 лет. К 2050 г. доля пожилых людей в более развитых регионах, вероятно, составит 33%, т.е. более чем в два раза превысит ожидаемую долю детей (15%).

Хотя в развивающихся странах процесс старения населения протекает более медленными темпами, последние постоянно растут, что обусловлено быстрым уменьшением общего показателя фертильности в этих регионах. Ожидается, что доля пожилых людей в странах Азии, Африки и Латинской Америки увеличится с 9% в 2009 г. до 20% в 2050 г. Несмотря на более низкую долю пожилых людей в общей численности населения развивающихся стран, по абсолютным показателям там уже проживает больше пожилых людей, чем в развитых странах, и, по прогнозам, в 2050 г. 80% всех пожилых людей будут проживать именно в странах Третьего мира. В период 2009–2050 гг. численность пожилых людей в этих государствах, по прогнозам, увеличится с 481 млн человек до 1,6 млрд человек, т.е. в 3,3 раза, в то время как в развитых странах – с 262 млн человек до 406 млн человек или в 1,5 раза.

Что касается возрастной структуры населения, то именно в Европе удельный вес пожилых людей будет самым высоким: 22% в 2009 г. и 35% в 2050 году. В то же время предполагается, что в Африке, где в 2009 г. этот показатель составлял всего 5%, к 2050 г. уже 10% населения будут составлять люди в возрасте 60 лет или старше. По прогнозам ООН, наиболее быстрыми темпами доля лиц пожилого возраста будет увеличиваться в Азии и в Латинской Америке и Карибском бассейне, где в 2050 г. пожилые люди будут составлять 24% от общей численности населения, в то время как в 2009 г. этот показатель не превышал 10%.

В глобальном масштабе ожидаемая продолжительность жизни после наступления 60-летнего возраста увеличилась с 15 лет в 1950–1955 гг. до 20 лет в 2005–2010 гг., и, как ожидается, в 2045–2050 гг. этот показатель достигнет 23 лет. Ожидается, что доля лиц в возрасте 80 лет или старше, которая в настоящее

время составляет 1,5% от общей численности населения в мире, в 2050 г. составит уже 4,4%.

Старение населения порождает серьезные социально-экономические проблемы. В первую очередь, это касается обеспечения финансовой стабильности как пенсионных систем, основанных на перераспределении доходов, в результате которого часть доходов молодых поколений используется в интересах старших поколений, так и систем здравоохранения. В развивающихся странах в настоящее время 342 млн пожилых людей не имеют адекватных доходов, и в 2050 г. их число может возрасти до 1,2 млрд человек. Поскольку женщины составляют большинство пожилых людей и в течение своей жизни в меньшей степени задействованы на рынке труда, они в особенной степени рискуют оказаться в числе неимущих в пожилом возрасте. Поэтому в рамках стратегий, нацеленных на создание сетей социального обеспечения пожилых людей, особое внимание необходимо уделять именно пожилым женщинам.

Старение населения имеет и некоторые выгодные стороны. Здоровые пожилые люди, в отличие от детей, вполне могут пополнить рынок труда. Если обеспечить производительную занятость работоспособного населения пенсионного возраста, можно обеспечить рост инвестиций в целях стимулирования экономического роста. В Азии, Латинской Америке и Карибском бассейне общее соотношение между числом работающих и числом иждивенцев в период между 1975 и 2005 гг. сокращалось, но, вероятно, начнет увеличиваться в 2010 г. в Азии и в 2025 г. в Латинской Америке и Карибском бассейне. В Африке, где показатели фертильности продолжают оставаться высокими, это соотношение пока не уменьшается. В более развитых регионах, где процесс старения населения протекает быстрее, это соотношение, как ожидается, почти утроится в период между 2009 и 2050 гг.

Старение населения может обеспечить дополнительное и постоянное увеличение дохода на душу населения и экономический рост, при том условии, что в результате уменьшения числа детей большее число женщин будут пополнять рынок рабочей силы, что объем инвестиций в сектора здравоохранения и обра-

зования будет увеличиваться и что люди будут откладывать больше средств, необходимых для жизни в течение более продолжительного периода нахождения на пенсии. Однако соответствующие результаты будут зависеть от создания надлежащих институтов и принятия на вооружение стратегий, которые способствуют накоплению человеческого и физического капитала.

Подводя краткий итог данному разделу, мы можем отметить следующее.

К концу первого десятилетия XXI века в странах Европы, Северной Америки, Австралии, Новой Зеландии и Японии проживало менее 1,3 млрд человек или 18% населения мира, в то время как эти государства производили более 70% мирового ВВП. Среднегодовые темпы прироста населения в данной группе стран в период с 1990 по 2010 г. не превышали в среднем 0,2%, хотя и колебались между 1% в таких странах, как Австралия, Канада, Новая Зеландия и США (в основном за счет иммигрантов) и отрицательными величинами в Венгрии, Италии, Латвии, Португалии, Российской Федерации и Испании. По самым оптимистичным для Запада прогнозам доля развитых стран в мировом населении составит в 2025 г. 15,7%, а в 2050 г. – всего 13,5%. По другим оценкам к 2025 г. население развитых стран сократится не только относительно, но и абсолютно и составит примерно 1,1 млрд человек.

Совсем иная картина наблюдается в развивающихся странах, где в 2010 г. проживало 5,6 млрд человек или 82% населения мира. Среднегодовые темпы демографического прироста хотя и сократились в последние 20 лет, но все еще составляли в этой группе стран с 1990 по 2010 г. 1,5%, т.е. были в 7 раз выше, чем в развитых государствах. Именно развивающиеся страны обеспечивают в настоящее время 95% мирового прироста населения, а в ближайшие 25 лет их вклад достигнет почти 100%.²⁵

Демографический переход также связан с изменением возрастной структуры мирового населения. Имеющиеся у нас данные свидетельствуют о том, что данный показатель существенно отличается в развитых и развивающихся странах. Существу-

ет такой демографический показатель, как сумма лиц в возрасте от 0 до 14 лет и лиц старше 60–65 лет, поделенное на население трудоспособного возраста (от 15 до 60–65 лет)²⁶ – так называемый «уровень иждивенчества» – dependency ratio. Чем он выше, тем большее число иждивенцев приходится на одного работающего. В 1850 г. данный показатель колебался в пределах 0,5 – 0,7 в таких западноевропейских странах, как Франция, Италия, Испания, Швеция, Англия и Уэльс. В США этот индикатор был выше и достигал 0,8, что было обусловлено более высоким уровнем рождаемости в данной стране, однако к 1890 г. он сократился и достиг средневропейского уровня. В 1950 г. «уровень иждивенчества» в развитых странах был в пределах 0,5. Что касается развивающихся стран, то самый высокий уровень данного показателя (0,7–1) пришелся на 1970 г., когда за счет резкого снижения детской и младенческой смертности при сохранении высокого уровня фертильности резко выросло число лиц, относящихся к возрастной категории от 0 до 14 лет. В последние два десятилетия в связи со снижением рождаемости в большинстве развивающихся стран данный показатель сократился до 0,5–0,7. Обращает на себя внимание и тот факт, что в развитых странах за тот же период этот показатель вырос по причине увеличения числа людей в пожилом возрасте. В ближайшие 50 лет, по мере старения населения стран Запада этот индикатор будет продолжать расти и превысит аналогичные показатели по странам Азии, Африки и Латинской Америки.

Налицо явная «асинхронность» демографических процессов в развитых и развивающихся странах, усиливающаяся и усиливаемая обратной зависимостью между уровнем социально-экономического развития и системой демографических характеристик.

2.3. Рождение новой демографической модели в рамках трансформации мировой экономики

Как было показано в предыдущих параграфах, на современном этапе трансформации мировой экономики роль демографического фактора будет постоянно возрастать. При этом разви-

тие человечества во многом будет зависеть от количественного и качественного роста народонаселения в развивающихся странах. Беспрецедентное ускорение роста населения в государствах Азии, Африки и Латинской Америки в 50-60-х гг. прошлого века вызвало смещение мировых пропорций распределения людских ресурсов в сторону стран с относительно низким уровнем социально-экономического развития. Несовпадение демографической и экономической составляющей мирового развития чревато обострением целого ряда проблем и служит предпосылкой разрушения старой и формирования новой модели мирового развития.

Сорок два года назад, в 1968 г., американский биолог Поль Р. Эрлих впервые заявил о «бомбе перенаселения» (The Population Bomb), предрекая ускоренный рост населения в развивающихся странах, за которым не будет успевать рост производства продовольствия и других ресурсов, необходимых для жизнедеятельности человека.²⁷ Эта теория, в отличие от произведений Мальтуса, не выводила математических формул роста производства продовольствия и числа жителей в соответствии с арифметической и геометрической прогрессиями, но рисовала достаточно мрачный прогноз наступления всемирного голода в конце 1970-х начале 1980-х гг. Однако благодаря достижениям в аграрной сфере, таким как «зеленая революция» и др., а также наметившемуся в развивающихся странах снижению рождаемости, данный прогноз не реализовался.

По оценкам ООН прирост мирового населения практически прекратится в 2050 г., и число жителей планеты, которое составляет сегодня 6,83 млрд человек, стабилизируется на уровне 9–9,2 млрд.²⁸ При этом, если не произойдет глобальной климатической катастрофы, и мировая экономика сумеет оправиться от финансово-экономического кризиса 2007–2010 гг., среднегодовой прирост всемирного ВВП в ближайшие 40 лет ожидается на уровне 2–3%, что существенно выше, чем прирост мирового населения за тот же период.

Вместе с тем экономическая безопасность в XXI веке будет связана не столько с вопросом, сколько людей населяют Землю,

т.е. с количественным аспектом демографического роста, сколько с вопросами распределения населения по странам и регионам, а также с проблемами старения и сокращения населения в одних странах и молодой возрастной структурой и ускоренным ростом числа жителей в других. Так, к 2050 г. доля населения развитых стран в мировом населении сократится на 25%, а доля людей пенсионного возраста в этих государствах существенно возрастет, что потребует притока извне значительного числа молодых трудоспособных рабочих рук. Одновременно рост мирового населения полностью переместится в наименее развитые, во многих случаях мусульманские, страны, где удельный вес молодежи превышает 50%, но при этом ощущается нехватка финансовых ресурсов, рабочих мест и качественного образования. Наконец, впервые за всю историю человечества, большинство населения мира будет проживать в городах, при этом самые крупные городские агломерации будут расположены в беднейших странах, а значит там особенно остро будут ощущаться такие проблемы, как нехватка продовольствия, санитарного обеспечения и медицинского обслуживания.

По сути дела, «бомба перенаселения», о которой говорил П. Эрлих, все еще может взорваться, просто последствия этого взрыва будут несколько отличаться от его прогнозов.

Как было показано в предыдущих параграфах, ускоренный рост населения развивающихся стран после второй мировой войны не является уникальным для человеческой истории явлением.

В начале XVIII века лишь 20% мирового населения проживало на территории Европы. С началом индустриальной революции число европейцев стало быстро увеличиваться. Именно в этот период началась массовая эмиграция европейского населения в США и другие страны. К 1914 г. число жителей Европы увеличилось в 4 раза, европейское население в тот период превышало китайское, а доля жителей Европы, США и Канады в мировом населении достигла к началу Первой мировой войны 33%.²⁹ Однако в 1920-е гг. и особенно после Второй мировой войны ускоренными темпами начало расти население стран

Азии, Африки и Латинской Америки, что было связано с использованием медицинских достижений развитых стран, позволивших существенно сократить смертность в этих регионах, и сохранением традиционных экономических механизмов, поддерживающих высокий уровень рождаемости. Уже к 2003 г. доля населения Европы, США и Канады сократилась до 17%, а к 2050 г. по средним прогнозам этот показатель не будет превышать 12%, что существенно меньше, чем в 1700 г.

Промышленная революция на Западе сделала его население не только более многочисленным, но и более богатым в расчете на душу населения. По данным Ангуса Мэдисона, в начале XIX века Европа, США и Канада производили 32% мирового ВВП, а в 1950 г. – уже 68%.³⁰

В настоящее время данная тенденция меняется. Доля мирового ВВП, произведенного в Европе, США и Канаде уже сократилась до 56% в 2009 г. и будет продолжать снижаться в будущем. По прогнозам А. Мэдисона, ВВП Европы, США и Канады удвоится к 2050 г., в то время как ВВП остального мира увеличится в 5 раз. Таким образом, доля ЕС, США и Канады в мировом ВВП будет менее 30%, меньше, чем в 1820 г.³¹ При этом, следует оговориться, что А. Мэдисон писал свой прогноз в 2003 г. Сегодня мировой финансово-экономический кризис стал катализатором структурных изменений в мире. В ближайшие годы усилится роль экономик развивающихся стран, в первую очередь Китая, Индии и Бразилии. В этих условиях роль европейской и североамериканской экономики может снижаться еще быстрее, а ее вклад в производство мирового ВВП в 2050 г. будет еще меньше.

В ближайшие десятилетия произойдет изменение структуры мирового потребления. К 2050 г. большинство потребителей таких товаров, как автомобили, бытовая техника и электроника, будут проживать в развивающихся странах. Уже сегодня темпы выхода мировой экономики из кризиса определяются во многом спросом на внутреннем рынке не США, как это было еще 10 лет назад, а на рынке Китая. По прогнозам Всемирного банка, к 2030 г. средний класс в развивающихся странах достигнет

численности в 1,2 млрд, т.е. будет больше, чем все население Европы, Японии и США вместе взятое. Таким образом, локомотивом экономического роста в мире будут не развитые, а развивающиеся страны, в первую очередь Китай, Индия, Южная Корея, Бразилия, Индонезия, Чили, Мексика и Турция.

Одна из причин снижающейся экономической динамики развитых стран в ближайшие десятилетия кроется в старении их населения. Наряду с Европой, США, Канадой и Японией данная тенденция в последние годы затронула и развивающиеся страны, в частности Китай и Южную Корею. Доля населения старше 60 лет достигает в ЕС, США и Канаде 15–22%, в Японии – 30%, а в Южной Корее и Китае – 12–15%. К 2050 г. удельный вес лиц старшего возраста превысит 30% в США, Канаде, Европе и Китае и достигнет 40% в Японии и Южной Корее. Таким образом, доля иждивенцев на одного работающего резко возрастет. Уже сегодня на пенсию стали выходить люди, родившиеся во время так называемого «бэби-бума» в 1945–1965 гг. Развитые страны будут испытывать растущий недостаток лиц трудоспособного возраста, при этом темпы сокращения населения в возрасте от 15 до 59 лет будут существенно выше, чем темпы сокращения всего населения. Особенно экстремальным примером служит Южная Корея, где к 2050 г. все население сократится на 9% (с 48,3 до 44,1 млн человек), а число лиц трудоспособного возраста – на 36% (с 32,9 до 21,1 млн человек). При этом численность пожилых людей возрастет на 150% (с 7,3 до 18 млн человек). Иными словами, число лиц трудоспособного и пенсионного возраста практически сравняется. Не лучше выглядит ситуация и в других развитых странах. Европа к 2050 г. потеряет 24% трудоспособного населения (около 120 млн человек), а удельный вес людей старше 60 лет достигнет там 47%. В США, где уровень фертильности выше, чем в Европе (в основном, за счет иммигрантов), доля трудоспособного населения с 2010 по 2050 гг. вырастет на 15%, однако этот прирост будет в 4 раза меньше, чем за предыдущие 60 лет: с 1950 по 2010 гг. он составил 62%. Одновременно число лиц пенсионного возраста увеличится в США к 2050 г. вдвое.³²

Все это самым отрицательным образом скажется на экономическом росте, здравоохранении и военной безопасности в развитых странах. Те факторы, которые стимулировали экономический рост индустриальных стран во второй половине XX столетия – рост производительности труда на базе лучшего образования, вовлечение женщин в трудовой процесс, внедрение инноваций и новых технологий – существенно ослабнут в ближайшие десятилетия. После бума высшего образования в 50-е гг. прошлого века, интерес к получению дипломов в XXI веке стал сокращаться, что выражается в снижении удельного веса лиц с высшим образованием в трудоспособном населении. Ресурс экстенсивной вовлеченности женщин в трудовой процесс в развитых странах также практически исчерпан. Интенсивность технологических разработок, в результате которых создаются новые товары, также снизится сразу по двум причинам – в результате сокращения удельного веса в населении развитых стран ученых и инженеров, которые создают передовые технологии, а также вследствие падения доли потребителей новых товаров, которыми, как правило, являются люди молодого и среднего возраста, в то время как старики в своем выборе достаточно консервативны и не любят технологических новинок, которые им в силу возраста, достаточно сложно осваивать.

Все это приведет к тому, что экономический рост в развитых странах замедлится. Если в период до 2005 г. прирост рабочей силы в развитых странах составлял 0,5–1%, а выработка на одного рабочего росла на 1,7% в год, то ежегодный экономический рост составлял 2,2–2,7% ежегодно. В нынешних условиях в странах, где прирост трудоспособного населения отрицательный и составляет в среднем минус 0,2% (Германия, Венгрия, Япония, Россия и страны Балтии), при той же производительности на одного рабочего, которая, как было показано выше, вряд ли резко возрастет, темпы экономического роста будут не выше 1,5% в год. В других странах (Австрия, Чехия, Дания, Греция и Италия), где будет хоть и небольшой, но прирост рабочей силы (в среднем, на 0,2% в год) экономический рост составит приблизительно 1,9%.

Одновременно резко возрастут государственные расходы на пенсии и медицинское обслуживание. В предыдущем параграфе мы отмечали, что открываются новые возможности экономического роста, если увеличить процент работающих людей пожилого возраста. Но даже если увеличить планку пенсионного возраста до 70 лет, работники данной возрастной категории для сохранения своей трудовой активности будут требовать все в больших масштабах дорогостоящего медицинского обслуживания. Это означает, что значительная часть бюджетов развитых стран будет потрачена на оплату медицинских счетов и пенсий, а не на инновации и образование для молодого поколения. Таким образом, увеличение продолжительности жизни населения всегда сопряжено с ростом неэффективных расходов.

Совсем другая картина наблюдается в странах Африки, Латинской Америки, Южной Азии и Ближнего Востока. Сегодня 9 из 10 детей до 15 лет проживают в развивающихся странах. Самая высокая рождаемость наблюдается в самых бедных странах мира. По прогнозам Всемирного Банка 70% прироста мирового населения с 2010 по 2050 г. дадут 24 страны с низким и ниже среднего доходом на душу населения (менее 3855 долл. по ППС в 2008 г.).³³ При этом большинство этих стран не в состоянии предоставить необходимое количество рабочих мест для молодого быстрорастущего населения. Отсюда небывалый рост международной трудовой миграции с Юга на Север и с Востока на Запад. Рабочие низкой и средней квалификации на промышленных предприятиях, сельскохозяйственные рабочие, шоферы, строители, средний медицинский персонал, работники сферы обслуживания в развитых странах – в основном мигранты. Глобализация значительно облегчила перелив рабочей силы между странами и континентами в соответствии со спросом и предложением на мировом рынке. Многие мигранты – выходцы из мусульманских стран с высоким уровнем рождаемости и сравнительно низким доходом на душу населения. В 1950 г. в Египте, Бангладеш, Нигерии, Пакистане и Турции проживало 242 млн человек, в 2009 г. в этих крупнейших мусульманских странах суммарное население достигло почти 900 млн. К 2050 г. число их жителей увеличится

еще на 475 млн человек, в то время как христианское население шести наиболее развитых стран Европы и Америки – всего на 44 млн, и даже этот прирост там дадут в основном мигранты. Сегодня из 48 стран мира со среднегодовым темпом прироста населения на уровне 2% 28 стран – мусульманские или имеют долю мусульман в населении более 33%.³⁴

Вот почему сегодня одним из приоритетов внешней политики развитых стран должно стать улучшение отношений с мусульманскими странами, что будет достаточно сложно, так как большинство мусульман видят в Западе врага и антагониста своим жизненным установкам. В 2006 г. опрос общественного мнения в мусульманских странах показал, что более 50% мусульман считают отношения между их странами и Западом плохими и винят за такое состояние дел именно западных политиков. Однако отношения придется налаживать, особенно странам Европы, где уже сегодня мусульманское население составляет от 3 до 10% всех жителей, а к 2050 г. данный показатель, по меньшей мере, удвоится.

Современный период в истории человечества характеризуется также ускоренной урбанизацией. 2010 г. стал поворотным моментом в истории, так как сегодня более 50% населения мира живет в городах. В 1950 г. доля горожан в мировом населении не превышала 30%, а к 2050 г. по прогнозам ООН, этот показатель достигнет 70%.³⁵ Особенно быстро города растут в бедных странах Азии и Африки, где возможности экстенсивного роста рабочей силы в аграрном секторе исчерпаны, что порождает интенсивные сельско-городские миграции. Сегодня большинство городов гигантов, таких как Мумбаи (20,1 млн человек), Большой Каир (20 млн), Мехико (19,5 млн), Дели (17 млн), Шанхай (15,8 млн), Калькутта (15,6 млн), Карачи (13,1 млн), Манила (11,7 млн), Лагос (10,6 млн), Джакарта (9,7 млн) расположены в странах с низким уровнем дохода. Большинство этих стран имеет несколько городов с населением более 1 млн человек: Пакистан – 8, Мексика – 12, а Китай – более 100. Процесс урбанизации существенно ускорился и на Африканском континенте. По прогнозам ООН доля городского населения в Африке увели-

чится с 35% (более 300 млн человек) в 2005 г. до 67% (1 млрд) в 2050 г. Китай, где горожане составляют сегодня 40% населения, достигнет 73%-го уровня урбанизации к 2050 г., а Индия с ее нынешней 30%-ой долей городского населения – 55% уровня урбанизации в 2050 г. Все городское население мира увеличится к 2050 г. на 3 млрд человек.³⁶

Ускоренная урбанизация в развивающихся странах выступает сегодня в качестве дестабилизирующего фактора для мирового развития. Это связано с тем, что в развивающихся странах, где города растут быстрыми темпами, доходы на душу населения существенно ниже, чем в развитых странах в период ускоренного роста городов. США, например, достигли уровня урбанизации в 65% лишь в 1950 г., когда среднедушевой доход в этой стране превысил 13000 долл. (в ценах 2005 г.). Для сравнения, такие страны, как Нигерия, Пакистан и Филиппины, где в городах проживает более 60% населения, имеют уровень подушевого дохода 1800–4000 долл. (в ценах 2005 г.).³⁷

В соответствии с исследованиями Ричарда Кинкотты³⁸, страны с преобладающим молодым населением менее стабильны и практически не способны создавать демократические институты. Ускоренная урбанизация в этом случае порождает и углубляет социальные проблемы, а города становятся прибежищем преступников и беженцев. Аналогичная ситуация была характерна и для большинства европейских стран в 19 столетии, о чем довольно подробно рассказывается в романах Чарльза Диккенса. Циклическая занятость, недалновидная социальная политика, плохие санитарные условия в европейских городах и ограниченные возможности по получению образования вели в тот период к забастовкам, вспышкам насилия, а в 1820–1830-е гг. и особенно в 1848 г. – к революциям.

Современный международный терроризм также в определенной степени является порождением ускоренной урбанизации в развивающихся странах, где крупные агломерации предоставляют террористам как богатый социальный материал для рекрутирования (молодые люди с нестабильным экономическим положением и растущими потребностями), так и техниче-

ские возможности для их деятельности (интернет, концентрация всех видов ресурсов на небольшой территории).

Говоря о «демографической бомбе» и описывая ее возможные последствия, необходимо подумать о предотвращении взрыва. В 1970–1980-е гг. прошлого столетия катастрофы, связанной с демографической революцией, не произошло по трем основным причинам. Технологическая и «зеленая революция» позволила резко повысить эффективность сельского хозяйства, небывалый рост международной торговли предоставил возможность развивающимся странам приобретать необходимое оборудование, семена и удобрения на мировом рынке на доходы от экспорта, а целенаправленная политика ряда государств по контролю за рождаемостью способствовала сокращению темпов прироста населения.

Сегодня для предотвращения «демографического взрыва» нужны другие рычаги воздействия, так как современные проблемы в сфере народонаселения связаны не столько с его количественным ростом, сколько с изменением его возрастной структуры и с его размещением. Главные демографические проблемы XXI века – старение населения в развитых странах, ускоренный экономический и демографический рост в развивающихся странах и расширение масштабов международной миграции рабочей силы.

Во времена холодной войны мир подразделялся на так называемый «Первый мир», куда включались индустриально развитые страны Запада, «Второй мир», к которому относились социалистические страны и «Третий мир», охватывающие развивающиеся страны. Политические стратегии того времени сводились к противостоянию «Первого» и «Второго» мира, а также к борьбе между ними за «Третий мир». После окончания холодной войны данное деление перестало быть актуальным, США превратились в мировую супердержаву, которая сегодня начала сдавать свои позиции под давлением новых супергигантов – ЕС, Китая, Индии, и, в какой-то период, России.

Если бы при современном делении мира мы учитывали демографический фактор, то можно было бы выделить «Первый

мир», куда бы вошли стареющие страны Запада и некоторые страны азиатско-тихоокеанского региона, включая Японию, Сингапур, Южную Корею и Тайвань, а также после 2030 г. и Китай, население которого после активного проведения политики «Одна семья – один ребенок» к тому времени состарится; «Второй мир» с быстрорастущими и экономически динамичными странами с оптимальной пропорцией молодого и пожилого населения (Бразилия, Иран, Мексика, Таиланд, Вьетнам, Индия и Китай до 2030 г.) и «Третий мир», куда бы вошли страны с ускоренным ростом населения, преобладанием в возрастной структуре молодых возрастов, с высокими темпами урбанизации, низким уровнем жизни и слабыми правительствами (большинство государств Африки).

Для предотвращения нестабильности и террористической угрозы, которые существенно возрастут в ходе ускоренной урбанизации нового «Третьего мира», стареющим государствам «Первого мира» необходимо эффективное сотрудничество с новыми центрами силы «Второго мира», роль которых будет все более возрастать в XXI веке не только потому, что они будут стимулировать рост мировой экономики и выступать основными потребителями новых технологий, но и потому, что, в силу своего географического положения, культурных и религиозных традиций они будут играть центральную роль в обеспечении международной безопасности и сотрудничества между государствами и во многих вопросах служить посредником между «Первым» и «Третьим» миром.

В связи с новой конфигурацией сил в мире существенным образом должна измениться структура международных институтов. Уже сейчас вследствие мирового экономического кризиса, ускорившего процессы трансформации мировой экономики, Большая Восьмерка уступает место Большой двадцатке, куда полноправными членами вошли Китай, Индия, Бразилия, Индонезия, Мексика и Турция – страны, экономическая мощь которых постоянно растет. Очевидно, что все современные институты, игнорирующие наиболее быстро и динамично развивающиеся экономики, обречены на постепенное вымирание. В этом

смысле, ЕС разумно бы было принять в свой состав Турцию с ее стоимиллионным населением, что добавило бы европейской экономике динамизма и показало бы, что европейцы положительно относятся к мусульманам, что крайне важно для будущего развития Европы, где уже сегодня мусульмане-мигранты играют существенную роль.

Большие изменения произойдут и в НАТО. Сегодня в альянс входят страны со стареющим уменьшающимся населением и невысокими темпами экономического роста. Молодые и перенаселенные страны Африки, Ближнего Востока, Центральной и Южной Азии могут гораздо быстрее мобилизовать свои армии, чем страны НАТО свои войска с целью стабилизации ситуации в этих странах. В альянс необходимо принимать в качестве новых членов, такие страны как Бразилия и Марокко, а не Албания, Грузия и Украина. Иными словами страны «Первого» мира должны включать страны «Второго» и «Третьего» мира в международные политические, экономические и военные организации.

Яркий пример – Афганистан. Сегодня в этой стране проживает 28 млн человек, к 2050 г. эта цифра может превысить 50 млн. Только в течение следующих 15 лет родится 20 млн афганцев. Если попытки урегулировать ситуацию в этой стране провалятся, «Первый мир» получит миллионы новых противников не только в Афганистане, но и во всем мусульманском мире, а это примерно 1 млрд человек.

Страны «Первого мира» также могут предпринять определенные шаги, чтобы смягчить неблагоприятную демографическую ситуацию. Во-первых, они должны поощрять собственное население к большему числу деторождений. Франция и Швеция достигли определенных успехов в этом направлении, улучшая социальное и финансовое положение многодетных семей и медицинский уход за детьми. До сих пор нет единства мнений ни у политиков, ни у демографов по вопросу повышения женской фертильности. Очевидно лишь, что повышению рождаемости способствует приток иммигрантов. От миграции выигрывают как страны-реципиенты, которые получают дополнительные рабочие руки и многодетные семьи, так и страны-доноры, в кото-

рых в результате миграции населения растет социальная стабильность и финансовое благополучие (за счет денежных переводов из-за рубежа). К тому же, мигранты, вернувшиеся из-за рубежа, являются носителями новых знаний и квалификации, приобретенных в развитых странах.

Еще одним направлением миграции, которое следует поощрять развитым странам, может стать миграция пенсионеров в страны Азии, Африки и Латинской Америки. Такая миграция, с одной стороны, ослабит нагрузку на рынок труда развитых стран, так как уход за пенсионерами требует значительных трудовых затрат, а, с другой стороны, создаст дополнительные рабочие места в развивающихся странах, а также обеспечит дополнительный приток финансовых ресурсов в их экономики за счет расходов пенсионеров из стран Запада. Уже сегодня многие пенсионеры Запада в целях экономии лечатся в развивающихся странах (так называемый медицинский туризм в Индию, Сингапур и Таиланд). В 2008 г. одних американцев, лечившихся в развивающихся странах, насчитывалось 750 тысяч.³⁹

К тому же, поток богатых пенсионеров в развивающиеся страны в какой-то мере сдержит отток медицинских кадров из стран Востока и Юга в Европу и Америку.

Таким образом современная ситуация в мире характеризуется тем, что впервые с 1800 г. центр мирового экономического роста перебазировался из Европы, США и Канады в развивающиеся страны. При этом впервые в истории развития человечества значительное число жителей развитых стран превысило возрастную планку в 60 лет. И никогда до сегодняшнего дня население стран с низкими доходами не было таким молодым и урбанизированным. Такова новая демографическая картина мира, которой должна соответствовать новая модель развития XXI века.

¹ Древнекитайская философия. Собрание текстов. В 2-х тт. М., 1973. Т. 2. С. 261-262.

² *Brown L.* Population Policies for a New Era. Wash., 1993. P.36.

³ Poverty and Population Control / Ed. by Bondestam L., Bergstrom S. eds. L., Acad. Press, 1980. IX. P.67.

⁴ *Маркс К.* Капитал. Т.1 – Т.23 Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, Изд. 2-е. С. 180.

⁵ *Маркс К., Энгельс Ф.* Немецкая идеология. Т. 3 Сочинений. С. 19.

⁶ *Маркс К.* Экономические рукописи 1857-1859 годов. Т. 46 Сочинений. Ч. 1. С. 374.

⁷ *Simon J.L.* The Economics of Population Growth. Princeton Univ. Press, Princeton (N.Y.), 1977. 555 p.

⁸ *Kuusi P.* This World of Man. Pergamon Press. Oxford. 1985. P. 12-15.

⁹ *Соболева И.В.* Парадоксы измерения человеческого капитала. М., Институт экономики, 2009 г. С. 4.

¹⁰ *Maddison A.* The World Economy: A Millennial Perspective. Paris, 2001. P. 23.

¹¹ *Ibid.* P. 213.

¹² www.oecd.org/dataoecd/12/44/38244845.pdf

¹³ См.: *Bently J. and Ziegler H.* Traditions and Encounters: A Global Perspective on the Past. N.Y., 2000.

¹⁴ См. *Butlin N.G.* Our Original Aggression: Aboriginal Population of Southeastern Australia, 1788-1850. Boston and Sydney, 1983.

¹⁵ См.: *Baines D.* Emigration from Europe, 1815-1930. Cambridge, 1991.

¹⁶ www.avert.org/aafrica.htm

¹⁷ *Summers R., Heston A., Aten B., Nuxoll D.* Penn. World Tables. Cambridge, 1995. Table 5.6a. P. 35.

¹⁸ *Mason A.* Population, Capital and Labor. In: Population Change and Economic Development in East Asia. Stanford, 2001. P. 214.

¹⁹ *Mason A.* Population, Capital and Labor. P. 211.

²⁰ *Williamson J.G.* Globalisation, Labor Markets and Policy Backlash in the Past. In: Journal of Economic Perspectives. 1998, V.12 (4). PP. 51-72.

²¹ *Deaton A. and Paxton C.* Growth, Demographic Structure and National Saving in Taiwan. In: Population and Development Review. 2000, V. 26. P. 141-173.

²² *Ibid.* P. 30.

²³ *Ibid.* P. 31.

²⁴ Population Growth and Economic Development. N.Y.: U.N. Population fund. 1993. www.unfpa.org/modules/briefkit/English/ch05.html

²⁵ Рассчитано нами по: World Population Prospects: The 2006 Revision.

²⁶ В некоторых странах пенсионный возраст начинается с 60 лет.

²⁷ См.: Paul R. Ehrlich. The Population Bomb. Wash., 1968.

²⁸ World Population Prospects. UN., 2008.

²⁹ www.foreignaffairs.com/articles/65735

³⁰ Maddison A. The World Economy: Historical Statistics. OECD. Paris, 2003. P. 36, 74.

³¹ Ibid. P. 123.

³² www.foreignaffairs.com/articles/65735

³³ www.worldbank.org/population/database/67541

³⁴ www.foreignaffairs.com/articles/65735

³⁵ www.un.org/development/sustainable/settlements.html

³⁶ www.unchs.org/pmss/listItemDetails.aspx?publicationID=2880

³⁷ www.unhabitat.org/cdrom/docs/WUF2.pdf

³⁸ discuss.prb.org/content/interview/detail/3951/

³⁹ www.foreignaffairs.com/articles/65735

ГЛАВА 3

НОВАЯ РОЛЬ АФРИКИ В МИРОВЫХ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ

3.1. Современные демографические показатели развития африканских государств

Проблема роста населения мира и изменения его структуры давно уже перешла в разряд глобальных. Неравномерность этого процесса проявляется прежде всего в том, что за последние 50 лет наиболее высокими темпами увеличивалось число жителей «периферийных стран» мирового сообщества – государств, которые по своим социально-экономическим показателям развития существенно отстают от развитых стран.

Среднегодовые темпы прироста населения в группе развитых стран в период с 1990 по 2009 г. не превышали в среднем 0,2%, хотя и колебались между 1% в таких странах, как Австралия, Канада, Новая Зеландия и США (в основном за счет иммигрантов) и отрицательными величинами в Венгрии, Италии, Латвии, Португалии и Российской Федерации. По самым оптимистичным для Запада прогнозам доля развитых стран в мировом населении составит в 2025 г. 15,8%, а в 2050 г. – всего 13,9% (см. табл. 3.1.1). По другим оценкам к 2025 г. население развитых стран сократится не только относительно, но и абсолютно и составит примерно 1,1 млрд человек¹.

Совсем иная картина наблюдается в развивающихся странах. Среднегодовые темпы демографического прироста составляли в этой группе стран с 1990 по 2009 г. 1,4%, т.е. были в 7 раз выше, чем в развитых государствах. Именно развивающиеся

ся страны обеспечивают в настоящее время 95% мирового прироста населения, а в ближайшие 25 лет их вклад достигнет почти 100%².

Таблица 3.1.1

Основные демографические показатели мира и его отдельных регионов в XXI в.

	Население 2009 г., млн	Рожд. на 1000 жит.	Смерт. на 1000 жит.	Темп при- роста насе- ления, %	Население 2025 г., млн
Весь мир	6 810	20	8	1,2	8087
Развитые страны	1 232	12	10	0,2	1 282
Развивающиеся стра- ны	5 578	22	8	1,4	6 805
Африка	1000	36	12	2,4	1 385
Африка южнее Сахары	836	39	13	2,5	1 184
Северная Африка	205	25	7	1,9	257
Западная Африка	297	40	14	2,7	420
Восточная Африка	313	40	13	2,6	455
Центральная Африка	125	42	14	2,8	189
Регион юга Африки	58	24	15	0,9	63

Продолжение таблицы 3.1.1

	Население 2050 г., млн	Уровень младенч. смертно- сти	Уровень фертиль- ности	Доля населения моложе 15 лет, %	Доля населения старше 65 лет, %
Весь мир	9 421	46	2,6	27	8
Развитые страны	1 318	6	1,7	17	16
Развивающиеся страны	8 103	50	2,7	30	6
Африка	1 994	74	4,8	41	3
Африка южнее Сахары	1 754	80	5,3	43	3
Северная Африка	316	38	3,0	33	5
Западная Африка	623	80	5,5	44	3

	Население 2050 г., млн	Уровень младенч. смертно- сти	Уровень фертиль- ности	Доля населения молоче 15 лет, %	Доля населения старше 65 лет, %
Восточная Африка	682	76	5,4	44	3
Центральная Африка	306	95	6,1	45	3
Регион юга Африки	68	48	2,8	27	8

Рассчитано по: 2009 World Population Data Sheet. Population Reference Bureau. P. 6-9.

Сегодня 2,5 млрд человек или 37% мирового населения проживают в Индии и Китае. Китаю ценой длительных усилий удалось сократить темпы прироста населения до 0,5%, в Индии данный показатель продолжает оставаться достаточно высоким – 1,6%. Очевидно, что в ближайшие десятилетия в абсолютном выражении увеличение населения нашей планеты будет происходить в основном за счет этих двух демографических гигантов. **Но после 2025 г. центр мирового демографического роста переместится в Африку**, где темпы прироста населения в настоящее время остаются самыми высокими в мире и составляют более 2,4% в год. При сохранении нынешних тенденций удельный вес Африки в населении планеты составит в 2025 г. 17%, а в 2050 г. – 21%, против 7% в 1820 г. и 6% в 1900 г.

Весьма примечательно, что удельный вес жителей Африканского континента в населении Земли в доколониальную эпоху был выше. Так, население Африки на рубеже нашей эры оценивалось в 30–40 млн человек (16–18% всего населения Земли). С 16 века, с началом вывоза рабов, численность жителей Африканского континента росла медленнее, чем в других регионах мира. В 1500 г. доля африканцев в мировом населении не превышала 10,8%, а в 1750 – 9,0%. В XVII–XVIII веках потери от работорговли составили десятки миллионов африканцев. Торговля рабами, истребление местных жителей, принудительный труд на европейских плантациях и рудниках, болезни, голод – все это снижало темпы роста африканского населения в 18–19 веках. В 1750–1900 гг. число жителей Африки выросло всего в 1,7 раза (за этот же период численность населения мира увеличилась в 2,3 раза).³

Быстрый рост населения стал характерен для Африканского континента только в XX веке. В первой половине XX века темпы роста населения Африки уже были несколько выше, чем в среднем в мире (за 1900–1950 гг. население Африки увеличилось в 1,7 раза, а мира – в 1,5 раза), однако в целом они все еще оставались невысокими. В последующий за этим период до 2000 г. число жителей Африки увеличилось уже в 3,7 раза, а мира – в 2,47 раза. В XX–XXI веках удельный вес африканцев во всем населении мира постоянно возрастал и составил в 1950 г. – 9%, в 1980 г. – 11%, в 1990 г. – 12%, в 2000 г. – 13%, а в 2009 г. – 14,7%.⁴

В настоящее время прирост населения в Африке один из самых высоких в мире и составляет 2,4% в год. Связано это с тем, что на континенте при сохранении традиционно высокой для него рождаемости произошло существенное снижение смертности.

Конечно, демографическую революцию середины XX века можно сравнивать с демографической революцией эпохи промышленных переворотов. Но при этом нельзя не видеть, что, несмотря на определенное сходство, между ними существуют очень большие различия, причем не только количественные, о которых уже говорилось, но в какой-то мере и качественные. Демографический подъем в Европе XVIII–XIX вв. был обусловлен, прежде всего, изменениями в социально-экономической сфере, а в XX веке в развивающихся странах, в том числе и в Африке, он, напротив, сильно опережал социально-экономическое развитие.

В африканских странах в XIX и XX веках высокая рождаемость уравнивалась высокой смертностью, поэтому общий рост населения оставался весьма умеренным, а иногда совсем приостанавливался. Африканское население страдало от голода, антисанитарных условий жизни, способствующих широкому распространению всевозможных тяжелых эпидемических заболеваний. При колониальном режиме серьезной борьбы с этими болезнями не велось, медицинское обслуживание населения практически отсутствовало, а общий коэффициент смертно-

сти держался на уровне 30 промилле и более. Особенно велика была детская смертность: нередко в течение первого года жизни умирали от трети до половины всех новорожденных.

Ускоренный рост населения Африканского континента, как и других «периферийных регионов», получивший в литературе название «демографический взрыв» был связан с двумя основными причинами – резким снижением за относительно короткий срок (30–40 лет) уровня смертности и сохранением на достаточно высоком уровне рождаемости (особенно по сравнению с развитыми странами).

С конца 1950-х гг. в странах Африки стала совершенствоваться национальная служба здравоохранения, и впервые возникла возможность для проведения при помощи международных организаций, особенно Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), широких мероприятий по борьбе с эпидемиями, по улучшению общих санитарно-гигиенических условий жизни населения. Решающее значение имело появление в мировой медицинской практике новых эффективных препаратов. В 1960–1970-е гг. в африканских странах с большим успехом осуществлялись такие противоэпидемические меры, как борьба с насекомыми – переносчиками болезней, массовые вакцинации, санитарный контроль воды, эпидемиологический контроль за продуктами питания, просветительские меры в области личной гигиены, строительство больниц и медицинских пунктов. Благоприятно сказались на здоровье африканцев и первые успехи их стран на пути экономического и культурного развития. Одновременно в бюджетах большинства африканских государств расходы на здравоохранение увеличились в 3–4 раза, существенно возросло число врачей, повысилась их профессиональная подготовка.

Все это привело к тому, что за короткий исторический срок уровень смертности на Африканском континенте снизился с 30 промилле в 40-х годах до 20 промилле в 70-х годах и до 10–15 промилле в 90-х годах XX века.⁵ В 2009 г. данный показатель составил по Африке в целом 12 промилле. История не знала такого быстрого сокращения смертности в столь широких мас-

штабах. Основным европейским и североамериканским странам потребовалось 100–150 лет, чтобы коэффициент смертности их населения снизился до уровня в 15–10 промилле, тогда как современные развивающиеся страны, в том числе и африканские государства, достигли этого уровня всего за 20–30 лет, иногда даже за 15 лет, причем в условиях отсталой экономики и при практически неизменном очень низком уровне дохода на душу населения, обычно даже более низком в реальном выражении, чем он был в некоторых европейских странах накануне промышленной революции.

При сохраняющейся высокой рождаемости такое резкое снижение смертности вызвало соответствующее увеличение естественного прироста населения. Если в 1900–1950 гг. его среднегодовые темпы равнялись в Африке 1% (для сравнения в Азии они не превышали 0,8%, а Латинской Америке достигали 1,6%), то в 1965 г. они составляли уже 2,1%, а в 1980 г. – превышали 3%. В результате всего за 30 лет (1950–1980 гг.) население Африки увеличилось более чем в 2 раза.⁶ Именно в этот период в научный оборот был введен термин «демографический взрыв», обозначающий вполне определенный по времени беспрецедентный феномен – резкое снижение уровня смертности при сохранении высокого уровня рождаемости и как следствие резкое ускорение темпов роста населения освободившихся от колониализма стран без сколько-нибудь существенных социально-экономических перемен в этих государствах. Весьма примечательно, что именно после второй мировой войны появилась уникальная возможность применить в странах Азии и Африки противозидемические препараты, которые в годы войны были разработаны и накоплены воевавшими государствами на случай защиты от бактериологического оружия.

В дальнейшем, темпы снижения смертности в Африке постепенно замедлялись, а в отдельных случаях приостанавливались или даже шли вспять, поскольку лишь на начальной стадии борьбы за укрепление здоровья населения можно было добиваться значительных результатов преимущественно за счет противозидемических и санитарно-гигиенических мероприя-

тий. После того как в основном была ликвидирована угроза эпидемий, дальнейшее уменьшение заболеваемости и смертности все в большей степени становилось зависимым от экономических факторов, и, в первую очередь, от общего повышения жизненного уровня населения – увеличения семейных доходов, улучшения питания, жилищных условий и т.п., что требовало более быстрого, чем рост населения, расширения сельскохозяйственного и промышленного производства, жилищного и коммунального строительства и т.п. Для многих африканских государств это оказалось нелегкой задачей.

Что же касается рождаемости, то в ходе экономического и культурного строительства в странах Африки вызревали материальные и психологические предпосылки к ее понижению. Прежде всего, такие предпосылки складывались в процессе разложения патриархального уклада, особенно в семейных отношениях, под воздействием аграрных преобразований, индустриализации и урбанизации, а также эмансипации женщин, расширением образования и информационной революции.

Таким образом, период демографического взрыва в Африке практически закончился, что, однако, не означает смягчения остроты демографической проблемы в обозримом будущем. Ожидаемое понижение темпов прироста населения в Африке, по крайней мере, до середины XXI века, останется недостаточным, чтобы привести к уменьшению абсолютной величины этого прироста из-за практически удвоившейся в 1980–2010 гг. общей численности жителей. Так, если в 1980 г. население Африки составляло 469 млн человек, то в 2010 г. – уже 1 млрд человек.⁷ Согласно среднему варианту прогноза ООН, население Африки возрастет к 2025 г. на 385 млн человек, а к 2050 г. еще на 609 млн человек, т.е. практически удвоится.

Есть две основные причины для продолжения значительно-го демографического роста Африки в ближайшие десятилетия, несмотря на постепенное уменьшение рождаемости. Первая – это сохраняющийся все еще относительно высокий уровень смертности, способный к дальнейшему понижению при улучшении условий жизни африканского населения. В некоторых

африканских странах, например, в Анголе, Лесото, Сьерра-Леоне, Чад, Зимбабве, он остается на уровне 18–20 промилле. При этом достигнутые рядом африканских государств в последние годы низкие показатели общего коэффициента смертности не должны вводить в заблуждение, поскольку они в большей степени отражают молодую структуру населения, присущую странам с высокой рождаемостью. Иными словами, преобладание в африканских государствах молодежи с естественно пониженной смертностью и сравнительно небольшая доля лиц в пожилых и старческих возрастах с естественно более высокой смертностью несколько «приукрашивают» действительное положение вещей, для выявления которого следует пользоваться независимым от влияния возрастной структуры показателем ожидаемой продолжительности жизни при рождении. Это демографический показатель, означающий число лет, которое в среднем предстоит прожить данному поколению родившихся, если предполагать, что на всем протяжении жизни данного поколения при переходе его из одного возраста в другой смертность будет равной существующему в данное время уровню смертности населения в отдельных возрастных группах. Так, в 2009 г. общий коэффициент смертности в Африке равнялся 12 промилле, т.е. был ненамного выше, чем в развитых странах (10 промилле). Однако в Африке, где 41% жителей были моложе 15 лет и только 3% старше 65 лет, ожидаемая продолжительность жизни составляла 55 лет (в Субсахарской Африке – 51 год), тогда как в развитых странах – 77 лет (доля населения этих стран в соответствующих возрастных группах равнялась 17 и 16%).⁸

Еще более наглядным для выявления потенциальных возможностей снижения смертности в странах Африки является сопоставление Африканского континента и развитых стран по коэффициенту детской смертности (среднее число умерших детей в возрасте до 1 года на тысячу благополучных рождений, т.е. исключая мертворождения). Данный показатель по всем странам Африки составлял в 2009 г. – 74, в том числе в странах Субсахарской Африки – 80, а в развитых странах всего 6. Среднемировой коэффициент детской смертности составил в 2009 г.

46 младенцев на тысячу. Таким образом, в результате повышения уровня жизни африканских семей, улучшения медицинского обслуживания и дальнейшей борьбы с инфекционными заболеваниями возможно снижение коэффициента детской смертности, а, в конечном счете, и общего коэффициента смертности африканского населения.

Вторая основная причина ожидаемого в ближайшие десятилетия значительного демографического роста Африки, несмотря на начавшееся снижение рождаемости, – молодая возрастная структура африканского населения. Более высокая рождаемость прошлых лет и заметно понизившаяся в последние 30-40 лет детская смертность еще долго будут проявляться в умножении численности контингентов молодых людей, достигающих детского возраста и вступающих в брак. В результате, даже если плодovitость брачных пар в среднем уменьшится, продолжающееся увеличение общего числа этих пар сохранит рост суммарного числа деторождений. И так будет до тех пор, пока в ходе длительных демографических изменений не произойдет столь существенное постарение населения, т.е. понижение доли молодых возрастов и повышение доли пожилых и старческих возрастов, что действие упомянутого фактора постепенно сойдет на нет. Пока же, за последние 30 лет, возрастная структура африканского населения практически не изменилась. В 1980 г. удельный вес жителей в возрасте до 15 достигал 44,6%, в 2000 г. – 42,6%, а в 2009 г. – 41%. Еще меньше изменилась доля людей старше 65 лет – 3,1% в 1980 г., 3,1% в 2000 г. и 3% в 2009 г.⁹

Конечно, в разных группах стран Африканского континента и тем более в отдельных странах демографические изменения происходят по-разному: выражаются различной динамикой рождаемости и смертности, темпами и величиной прироста численности населения, неодинаковыми переменами в возрастной структуре и т.п. С учетом этих демографических особенностей Африка, по классификации ООН, делится на два основных региона – Африку южнее Сахары, где сегодня проживает 80% всего африканского населения или 794 млн человек, и Север-

ную Африку, где находится остальная часть жителей (20% и 205 млн человек соответственно).

Именно в Северной Африке процесс снижения рождаемости и замедления темпов демографического роста приобрел наиболее отчетливые формы. Согласно расчетам экспертов ООН, за ближайшие два-три десятилетия регион в целом, возможно лишь за исключением Египта и Судана, приблизится к характерному для экономически развитых стран типу воспроизводства населения с относительно низкими рождаемостью и смертностью. Среднегодовые темпы прироста населения могут сократиться здесь с 1,9% в 2000–2010 гг. до 1% в 2030–2050 гг.

Независимый от возрастной структуры населения показатель – брутто-коэффициент воспроизводства всего за 20 лет (1990–2010 гг.) уменьшился в Северной Африке с 2,3 до 1,3 и, предположительно, достигнет к 2050 г. 1,0, т.е. нынешнего уровня развитых стран. Этот коэффициент показывает число родившихся девочек в среднем на одну женщину за весь период детородного возраста. Более точный показатель – нетто-коэффициент воспроизводства – означает среднее число рожденных женщиной за весь период ее плодовитости девочек, доживших до возраста матери при их рождении, т.е. с учетом смертности девочек. Если нетто-коэффициент воспроизводства равен 1,0 и все время остается на этом уровне, то после выравнивания возрастной структуры населения перестает увеличиваться, т.е. его численность стабилизируется.

Весьма примечательно, что и в последующие 30 лет темпы прироста населения Африканского континента продолжали оставаться достаточно высокими.

Разрыв по уровню общей смертности населения между африканскими государствами и развитыми странами мира в последние 40 лет существенно сократился. Если в 1960–2000 гг. величина этого показателя в развитых странах уменьшилась на 20% – с 10 до 5–8 промилле, то в государствах Африки данный индикатор упал почти в 2 раза – с 26 до 14,5 промилле. За последние 10 лет этот разрыв еще более сократился. Данное сокращение было обусловлено ростом уровня общей смертности

в развитых странах, где доля лиц пожилого возраста (65 лет и старше) в населении превысила 16%, в то время как аналогичный показатель по Африке сохранился на уровне 3%.

В ближайшие 20–30 лет при улучшении медицинского обслуживания населения и совершенствовании систем водоснабжения и канализации теоретически возможно дальнейшее понижение уровня общей смертности африканского населения до 7–10 промилле. Вместе с тем уже сегодня во многих странах Африки активно действует прямо противоположный фактор, увеличивающий коэффициент смертности. Речь идет о быстром распространении со второй половины 1980-х годов синдрома иммунного дефицита (СПИДа). Эта эпидемия стала общеконтинентальным бедствием, более страшным, чем межгосударственные конфликты, голод, засухи, наводнения и т.п., потому что она ставит под вопрос само существование отдельных африканских народов. По оценкам ООН в 2009 г. число больных СПИДом на континенте составило 27 млн человек, в том числе 12 млн детей. Именно в африканских странах, где проживает 14% населения планеты, отмечено 80% случаев всех заболеваний СПИДом¹⁰. В 2009 г. от СПИДа в Африке умерло 1,5 млн человек. Самое большое количество людей, пораженных СПИДом, проживает в ЮАР – 5,8 млн человек. В этой стране ежедневно от СПИДа умирает 1000 человек. 71% всех смертей людей в возрасте от 15 до 49 лет также связано со СПИДом. Более 60% всех пациентов больниц в ЮАР – ВИЧ-инфицированные. Пятая часть всех школьных учителей в стране также поражена этой страшной болезнью.¹¹ Растет число больных СПИДом и в самой населенной стране Африки – Нигерии. Там в 2009 г. болезнь охватила лишь 3,3% населения, но в абсолютном выражении это составило 2,7 млн человек. В том же году от СПИДа в Нигерии умерло 170 тыс. человек.

В процентном отношении абсолютными лидерами по распространению СПИДа являются Свазиленд, 26% населения которого охвачены этой эпидемией, а также Ботсвана и Лесото (24 и 23% соответственно). Доля больных СПИДом во всем населении страны весьма высока в ЮАР, Замбии и Зимбабве (бо-

лее 20% населения). В то же время страны Северной Африки практически не были затронуты эпидемией – к 2009 г. число заболевших в этой части континента не превышало 40 тыс. человек, что составляло 0,04% населения Североафриканского региона.¹²

Эпидемия СПИДа существенно повышает уровень общей смертности. Так, в период с 1992 по 2009 г. коэффициент смертности увеличился в Ботсване с 8,0 до 27, в ЮАР – с 8,8 до 15, в Замбии – с 15,1 до 22, в Лесото – с 16 до 25 промилле. В условиях отсутствия действенных лекарств, высокой стоимости лечения от СПИДа, недоступного большинству африканцев, и недостаточно эффективной политики по медицинскому просвещению населения расширение масштабов заболевания может свести на нет все достижения африканских государств в этой области. Будущее Африки зависит от того, какие средства международное сообщество и сами африканские государства смогут направить на борьбу со СПИДом. Но даже если финансовых средств будет достаточно, что для большинства африканских стран представляется маловероятным, то и тогда опасность не уменьшится. Дело в том, что в отличие от большинства инфекционных болезней, которых можно избежать путем простой вакцинации, профилактика СПИДа требует значительных изменений в образе жизни африканцев, что происходит лишь на протяжении многих поколений.

Несмотря на рост коэффициента смертности в ряде африканских стран, связанная с распространением ВИЧ-инфекции, общая тенденция снижения этого показателя в целом по континенту сохраняется. Более высокие темпы сокращения смертности населения в Африке по сравнению с развитыми странами связаны также с молодой возрастной структурой населения. По Африке в целом удельный вес детей в возрасте до 15 лет достигает 41%, а молодых людей в возрасте до 25 лет – превышает 50%. Доля же стариков составляла всего 3,1% против 15–20% в развитых странах.¹³ Смертность лиц пожилого возраста выше, естественно, чем в других возрастных категориях. В данном случае в качестве корректирующего индикатора целесообразно

проследить изменение показателя младенческой смертности, который оказывает серьезное, а порой и решающее воздействие на важнейший социально-демографический показатель – динамику ожидаемой продолжительности жизни. В развитых странах в 1960 г. из каждой тысячи родившихся умерли 30 человек, а в 2009 г. – всего 6. В Африке соответствующие показатели составляли 165 и 86. Таким образом, хотя разрыв по данному показателю между развитыми и африканскими странами увеличился (в 1960 г. он составлял 5,5 раза, а в 2009 г. – 14,3 раза), абсолютная величина разрыва сократилась со 135 человек в 1960 г. до 80 человек в 2009 г. На наш взгляд, уменьшение разрыва по показателю младенческой смертности между Африкой и развитыми странами наиболее точно и наглядно характеризуется именно динамикой абсолютной величины разрыва.

Таким образом, при общей тенденции снижения коэффициента детской смертности в Африке сохраняется существенное отставание по этому показателю большинства наименее развитых государств Тропической Африки как от развитого мира в целом, так и от африканских государств, затронутых процессом модернизации (в первую очередь, от стран Северной Африки).

Высокие показатели рождаемости сохраняются на Африканском континенте и сегодня, хотя в последние 20 лет данный индикатор в большинстве африканских государств имел тенденцию к снижению. Так в 1982 г. уровень рождаемости в Африке составлял 45,3, в 1992 г. – 40,3, а в 2009 г. – уже 37 промилле. Однако по сравнению с общемировыми показателями (в 2009 г. – 21 промилле) рождаемость на Африканском континенте все еще очень высока. Особенно существенным этот разрыв остается в сравнении с развитыми странами, где уровень рождаемости в 2009 г. не превышал 10–11 промилле.

Сохранение высокого уровня рождаемости на Африканском континенте обусловлено целым рядом факторов социально-экономического, исторического и культурного характера. В начале XX в. практически для всех африканских государств была характерна мало затронутая прогрессом отсталая общественная структура, в которой преобладало сельское население. Низкая

производительность труда, хроническая нехватка продуктов питания закрепили патриархальную организацию больших крестьянских семей, которые в большинстве своем вели полунатуральное хозяйство и для которых дети оставались экономической и социальной необходимостью, освященной к тому же религиозными вероисповеданиями и обычаями. Детей в таких семьях зачастую использовали как бесплатную рабочую силу. Тем самым закреплялись экономическое и культурные условия для господства традиций многодетности и, следовательно, высокой рождаемости.

Таблица 3.1.2

Основные показатели социального развития регионов мира

	Ожидаемая продолжительность жизни (ОПЖ)	ОПЖ мужчин	ОПЖ женщин	Доля городского населения	Доля женщин, использующих контрацептивы	ВНП по ППС на душу населения в долларах США	Доля детей до 5 лет с пониженным весом
Весь мир	68	66	70	49	62	9940	23
Развитые страны	77	73	80	75	68	29680	–
Развивающиеся страны	66	64	67	43	60	5480	24
Африка	53	52	54	37	28	2550	24
Тропическая Африка	49	48	50	34	22	2000	26
Северная Африка	68	67	70	50	50	4660	15
Северная Америка	78	75	81	79	73	43290	1
Латинская Америка	73	70	76	76	71	8630	5
Азия	68	67	70	41	66	6630	27
Европа	75	71	79	72	67	22690	–

Источник: 2009 World Population Data Sheet. Population Reference Bureau. P. 11-14.

Решающей причиной снижения рождаемости в большей степени в странах Северной Африки и в меньшей – в ряде стран к югу от Сахары стала модернизация общественных структур, проявившаяся в расширении рамок современного сектора экономики, для которого характерны новые представления о семье. Вместе с тем процесс модернизации в странах Африки носил очаговый характер, затрагивая не все государства континента и не все отрасли хозяйства. Результатом неравномерности процесса модернизации явилось сохранение в ряде государств Тропической Африки высокого уровня рождаемости, который, однако, в ближайшие 20–30 лет будет иметь тенденцию к снижению.

Одновременно ускоренный рост населения, наблюдавшийся в Африке в последние 30 лет, переполняя традиционные общественные структуры людскими ресурсами, приводил к росту обезземеливания крестьянства, увеличению абсолютной и относительной бедности, росту явной и скрытой безработицы. Все это сопровождалось усилением неравномерности в распределении доходов между бедными и богатыми слоями общества.

Наиболее, возможно, сильное «модернизирующее влияние» на уровень рождаемости оказывает современное образование, охватывающее все большее число африканцев. Доля неграмотного населения на Африканском континенте сократилась с 56% в 1985 г. до 50% в 1990 г. и до 39% в 2009 г. Как известно, наиболее тесно показатели рождаемости коррелируют с женской грамотностью (чем выше грамотность женщин, тем ниже уровень рождаемости). В Африке удельный вес грамотных женщин увеличился с 33% в 1985 г. до 39% в 1990. К началу XXI века уже более 50% африканок были грамотными¹⁴. При этом французский социолог Филипп Фарг обнаружил интересную зависимость между долей расходов в семейных бюджетах на образование и уровнем рождаемости. Так, увеличение в 1990-е годы удельного веса расходов на образование в сельских семьях Египта на 175%, а в городских семьях – на 220% привели к падению коэффициента рождаемости с 37 до 26 промилле.

Ф. Фарг считает, что рост расходов на образование, которые, естественно, еще более увеличиваются с появлением каждого нового ребенка, гораздо больше влияет на динамику рождаемости, чем экономический рост и модернизация¹⁵.

Одновременно наблюдается тесная зависимость между уровнем рождаемости и социально-экономическим статусом женщины. Если в первые годы после окончания второй мировой войны лишь незначительная часть африканок выходила на рынок труда, то к концу XX века процент вовлеченности женщин в трудовую деятельность увеличился до 25–30%. Исследования, проведенные социологами, показали, что работающая африканка в среднем хочет иметь не более 2–3 детей¹⁶.

Важным фактором снижения рождаемости служит также процесс урбанизации. Город коренным образом меняет социальные установки людей, ломает их традиционные стереотипы, изменяет бытовые условия их жизни, представления о роли семьи и детей. Меняется все, начиная от режима трудовой деятельности, который весьма отличается от сельского, до жилищных условий, возможностей проведения свободного времени, доступа к современным средствам информации и коммуникации, медицинского обслуживания. Примечательно, что рассчитанный нами коэффициент корреляции уровней урбанизации и рождаемости по африканским государствам достаточно высок и достигает 0,712. Иными словами, в странах, где удельный вес городского населения более 50%, уровень рождаемости существенно ниже, чем в странах с абсолютным преобладанием сельского населения.

Известную роль в снижении рождаемости в Африке сыграли программы планирования семьи, которые реализуются во многих африканских странах со второй половины 1960-х годов. Уже в 1970-е годы при поддержке ВОЗ в Африке развернулось производство средств контрацепции разных видов. При больницах и других медицинских учреждениях открывались отделения пропаганды планирования семьи и контроля за рождаемостью. Особенно успешно эта работа велась в странах Северной Африки, где на сегодняшний день удельный вес замужних жен-

щин, использующих различные средства предотвращения нежелательной беременности превысил к 50% (по странам Африки в целом он составляет 28%, а по Африке южнее Сахары – 22%).¹⁷

Таким образом, к началу XXI века в государствах Африканского континента наметилась тенденция к понижению общего уровня рождаемости, обусловленная целым рядом социально-экономических факторов. Разрыв по данному показателю с группой наиболее развитых стран мира остается достаточно высоким: если в последней коэффициент рождаемости в 2009 г. не превышал 11 промилле, то в странах Африки он оставался на уровне 38 промилле, т.е. был почти в 3,5 раза. При этом выделяется группа стран с наиболее четко выраженной тенденцией к снижению уровня рождаемости. В основном это субрегион Северной Африки, а также ЮАР и отдельные государства Тропической Африки, достигшие наибольших успехов на пути социально-экономической модернизации. Здесь коэффициент рождаемости всего в 1,5–2 раза выше, чем в развитых странах Севера. В целом, однако, африканские государства сохраняют в ближайшие 20–30 лет мировое лидерство по этому показателю.

Аналогичные выводы можно сделать и относительно динамики фертильности – суммарного коэффициента рождаемости или количества детей, приходящегося на одну женщину. Практически во всех африканских государствах его абсолютная величина уменьшилась, что свидетельствует о некотором сближении этого важнейшего демографического индикатора в африканских и развитых странах. Так в последних число детей на одну женщину детородного возраста в 1960 г. составляло 2,7, а в 2009 г. – 1,6. В Африке аналогичные показатели составили 6,4 и 5,0. При этом уровень фертильности продолжает оставаться достаточно высоким в Тропической Африке (5,5 в 2009 г.) и быстро уменьшается в странах Северной Африки, где его величина составила в 2009 г. 3,0.¹⁸

Вследствие снижения общего коэффициента смертности и сравнительно высокого уровня рождаемости, сокращавшегося невысокими темпами, среднегодовые темпы демографического роста в Африке за последние 30 лет были самыми высокими в

мире и составляли в 1980–1990 гг. 2,9%, и 2,4% в 1990–2009 гг. За вторую половину XX столетия население Африки увеличилось в 4 раза, а в период с 1980 по 2009 г. – более чем в 2 раза¹⁹ и превысило в 2009 г. 1 млрд человек.

Важнейшим агрегированным показателем развития, наиболее полно отражающим социальные сдвиги в обществе, служит индикатор средней продолжительности жизни. Разрыв по этому показателю между развитыми и африканскими странами за последние 50 лет сократился как относительно, так и абсолютно. Так, ожидаемая продолжительность жизни африканца возросла с 40 лет в 1960 г. до 53 лет в 2009 г.; а в странах Северной Африки с 59 до 68 лет²⁰.

Одним из важнейших социально-демографических показателей является удельный вес занятых в сельском хозяйстве. На наш взгляд, он нагляднее, чем другие структурные характеристики, указывает на величину разрыва между передовыми странами и Африкой. За последние 40 лет удельный вес аграрной занятости в самодеятельном населении развитых государств сократился с 18 до 5 процентных пункта, т.е. более чем в 3 раза. За то же время аналогичный индикатор в африканских странах упал всего с 77 до 63 процентных пункта, в том числе с 85 до 77 в странах к югу от Сахары и с 51 до 37 в странах Северной Африки²¹.

Оценивая общие перспективы социально-демографической эволюции африканских государств в наступившем столетии, отметим наиболее существенные, на наш взгляд, моменты.

1. Такой период бурного демографического роста продолжался в странах Африки примерно два-три десятилетия. Аналогичную ситуацию можно было наблюдать и в других развивающихся странах. В это время внутренняя дифференциация среди них в этом отношении прослеживалась относительно слабо. Но когда в 1980-х гг. общие темпы прироста населения стали постепенно замедляться, различия между странами и группами стран начали проявляться более отчетливо. Ныне по характеру воспроизводства населения все развивающиеся страны можно подразделить на две подгруппы.

Первую подгруппу формируют страны, где еще в полной или почти в полной мере проявляется пик демографического взрыва. Для них по-прежнему характерны очень высокая рождаемость и очень высокий естественный прирост населения. На одну женщину в этих странах приходится в среднем от 6 до 8 детей, а среднегодовой темп прироста населения составляет от 2 до 3,5%.

К ней, в первую очередь, относятся большинство наименее развитых стран мира, расположенных в Тропической Африке и Юго-Восточной Азии.

Всего в мире к началу XXI века насчитывалось 36 стран²², в которых при современном уровне естественного прироста удвоение численности населения должно произойти за 25 лет или даже еще быстрее. В Африке таких стран 19. «Рекордсменами» среди них можно считать ДРК и Того (удвоение населения там может произойти за 19 лет), Сан-Томе и Принсипи (20), Нигер, Чад и Свазиленд (за 21 год).

Вторую подгруппу формируют страны, в которых происходит снижение показателя естественного прироста населения, но, как и прежде, для них характерен достаточно высокий рост населения.

Среднегодовой темп прироста населения в этой группе составляет от 1,2 до 1,99%.

К ним относятся развивающиеся страны мира, расположенные в Латинской Америке, Юго-Восточной Азии и в Северной Африке.

2. Динамика социально-демографических и структурных индикаторов в африканских странах за последние 30–40 лет положительна. Общая и младенческая смертность, рождаемость и фертильность, а также доля занятых в сельском хозяйстве снижаются, а ожидаемая продолжительность жизни и удельный вес горожан, напротив, увеличиваются.

Следует при этом подчеркнуть важное различие в «поведении» социально-структурных и собственно экономических индикаторов. За последние два десятилетия во многих странах Африканского континента подушевой ВВП и личное потребление

ние сокращались. Отсюда можно предположить, что некоторые социально-демографические показатели в своей динамике в известной мере автономны относительно важнейших чисто экономических характеристик. Почему это происходит? Дело в том, что в ликвидации эпидемий, снижении смертности и заболеваемости заинтересовано все международное сообщество, в том числе правительства и народы развитых стран. Именно поэтому международные организации и, прежде всего, ВОЗ предоставляют помощь развивающимся странам по линии здравоохранения. Это выгоднее, чем впоследствии бороться с эпидемиями и опаснейшими болезнями, такими, как СПИД. Разумеется, немалую роль играет и возможность использования в африканских странах достижений медицинской науки и фармацевтической промышленности развитых стран.

3. Темпы демографического процесса в Африке будут значительно превышать мировые. Прирост мирового населения в ближайшие 40 лет во многом будет происходить за счет его африканской составляющей. Несмотря на снижение коэффициента рождаемости в Африке, он остается еще достаточно высоким. К тому же более высокая рождаемость прошлых лет и заметно снизившаяся детская смертность долго будут проявляться в умножении численности контингентов молодых людей, достигающих зрелого возраста и вступающих в брак. И даже если плодовитость брачных пар в среднем уменьшится, продолжающееся увеличение общего числа этих пар сохранит рост суммарного количества деторождений. Так будет до тех пор, пока в ходе длительных демографических изменений не произойдет столь существенное постарение африканцев, что действие данного фактора сойдет на нет.

4. Демографический взрыв на Африканском континенте будет сопровождаться массовой эмиграцией населения, в первую очередь, в страны ЕС. Уже сегодня именно Европа приняла на себя «основной удар» африканской миграции, в том числе и нелегальной. Возможности для африканского населения найти работу в своей стране в последние 10 лет сократились. Все это привело к тому, что с 1994 по 2007 гг. число работников в Аф-

рике южнее Сахары, доходы которых составляют менее одного доллара в день увеличилось на 28 млн человек.²³ Настоящим социальным бичом стала массовая безработица, в том числе среди молодежи, которая пополнила и продолжает пополнять ряды мигрантов. По оценкам экспертов ООН, количество рабочих мест, создаваемых в африканских государствах в последние 5 лет, лишь на 30–40% покрывает приток новых трудовых ресурсов. Сегодня безработица охватила, по неофициальным данным, 20–25% самодостаточного населения этих стран²⁴. В этих условиях эмиграция представляется зачастую как единственное средство «спасения» от нищеты. Решение этой проблемы может быть найдено только тогда, когда возобновится экономическое и социальное развитие стран Африки, что невозможно без совместных усилий африканских государств и всего мирового сообщества.

5. Демографическая проблема тесно связана с экологией. Если не удастся изменить существующие тенденции, уменьшив антропогенное давление на среду обитания, быстрое увеличение африканского населения может привести к тому, что под угрозой окажутся многие составляющие биосферы. При этом следует учитывать, что разрушение природной сферы происходит как вследствие экономического развития и роста материальных потребностей, так и в результате сохранения элементов отставания в развитии, в первую очередь, роста абсолютной бедности.

6. В последние 20–30 лет наблюдается глубокая дифференциация стран и субрегионов Африки по социально-демографическим показателям. Наибольших успехов в этой сфере добились государства Северной Африки, наименьших – субсахарская часть континента. Особенно опасной представляется тенденция роста коэффициента смертности и уменьшения средней продолжительности жизни африканских стран, население которых наряду с «традиционными» бедствиями, такими как вооруженные конфликты, голод, болезни, охвачено эпидемией СПИДа. Быстрое распространение этой болезни может внести существенные коррективы в развитие демографической ситуа-

ции в Африке в ближайшие 10–20 лет и поставить под угрозу существование целых африканских народов.

7. Реальное решение демографических проблем в Африке, по нашему мнению, должно ориентироваться на целенаправленную деятельность в области формирования устойчивых установок репродуктивного поведения, связанных с осознанием объективной необходимости и экономической целесообразности сокращения размеров семьи. Планомерное регулирование процессов народонаселения должно стать объектом широкой социально-экономической политики, увязываемой со всем комплексом кардинальных социальных преобразований. Как показывает опыт ряда африканских государств, демографическая политика может быть успешной лишь в сочетании с мерами по борьбе с отсталостью, по развитию образования, здравоохранения, социального обеспечения. Существенную помощь в решении этих проблем может и должно оказать мировое сообщество. Уже сегодня необходимо принимать экстренные меры в этом направлении, иначе в ближайшие 10–20 лет мир может столкнуться с весьма драматичными последствиями социально-демографического кризиса в Африке.

3.2. Население Африки в XXI веке: основные тенденции развития

Число жителей Африки превысило в конце 2009 г. отметку в 1 млрд человек. В 1980 г. численность африканского населения составляла 469 млн человек, а в 2000 г. – 798 млн. Таким образом, за последние 30 лет африканское население увеличилось практически вдвое. При этом среднегодовые темпы прироста населения Африки продолжают оставаться достаточно высокими, хотя и имеют тенденцию к незначительному сокращению. В 1975–1984 гг. они достигали 2,8%, в 1985–1989 гг. – 2,7%, в 1990–2000 гг. – 2,6%, а в 2000–2009 гг. – 2,5%.²⁵

В ближайшие 2–3 десятилетия африканское население еще более возрастет, как возрастут и социально-экономические проблемы Африки, причем на глобальном уровне. Уже сегодня

«черный миллиард» Африканского континента противостоит «золотому миллиарду» развитых государств. Задача данной главы – проанализировать основные тенденции развития африканского населения в 21 веке и показать, как эти изменения влияют на развитие экономики континента и мировой экономики в целом.

Таблица 3.2.1

Основные демографические показатели африканских государств в XXI в.

	Население 2009 г., млн	Рождаемость на 1000 жит.	Смертность на 1000 жит.	Темп прироста населения, %	Население в 2025 г., млн
Африка	1000	36	12	2,4	1 385
Африка юж. Сахары	836	39	13	2,5	1 184
Северная Африка	205	25	7	1,9	257
Алжир	35,4	23	4	1,9	43,7
АРЕ	78,6	25	6	1,9	99,1
Западная Сахара	0,5	23	6	1,8	0,8
Ливия	6,3	24	4	2,0	8,1
Марокко	31,5	21	6	1,4	36,6
Судан	42,3	33	11	2,2	56,7
Тунис	10,4	17	6	1,2	12,2
Западная Африка	297	40	14	2,7	420
Бенин	8,9	41	9	3,2	13,8
Буркина-Фасо	15,8	46	14	3,2	24,8
Гамбия	1,6	39	11	2,8	2,3
Гана	23,8	31	10	2,1	32,2
Гвинея	10,1	39	12	2,7	15,2
Гвинея-Бисау	1,6	43	17	2,6	2,3
Кабо-Верде	0,5	26	5	2,1	0,7
Кот-д'Ивуар	21,4	37	14	2,4	29,9
Либерия	4,0	40	10	3,0	5,9

	Население 2009 г., млн	Рожда- емость на 1000 жит.	Смерт- ность на 1000 жит.	Темп прироста населения, %	Население в 2025 г., млн
Мали	13	43	15	2,8	18,6
Мавритания	3,3	35	10	2,5	4,6
Нигер	15,3	53	14	3,9	27,4
Нигерия	152,6	41	15	2,6	207,2
Сенегал	12,5	39	10	2,9	17,9
Сьерра-Леоне	5,7	40	20	2,0	8,1
Того	6,6	35	8	2,7	9,3
Восточная Африка	313	40	13	2,6	455
Бурунди	8,3	36	15	2,1	11,2
Джибути	0,9	30	12	1,9	1,1
Замбия	12,6	45	16	2,9	18,3
Зимбабве	12,5	32	18	1,4	16
Кения	39,1	39	13	2,7	56,5
Коморские о-ва	0,7	33	8	2,5	0,9
Маврикий	1,3	14	7	0,7	1,4
Мадагаскар	19,5	38	9	2,9	28,4
Майотт	0,2	39	3	3,6	0,3
Малави	14,2	43	12	3,1	21,6
Мозамбик	22	41	17	2,4	29,9
Реюньон	0,8	18	5	1,3	1,0
Руанда	9,9	41	16	2,5	14,5
Сейшельские о-ва	0,1	18	8	1,0	0,1
Сомали	9,1	45	15	3,0	13,9
Танзания	43,7	38	15	2,3	67,4
Уганда	30,7	47	13	3,4	51,8
Эритрея	5,1	38	10	2,9	7,4
Эфиопия	82,8	39	12	2,7	113,1
Центральная Африка	125	42	14	2,8	189
Ангола	17,1	46	19	2,7	26,2
Габон	1,5	28	10	1,8	1,9
ДРК	68,7	44	13	3,1	109,7
Камерун	18,9	36	13	2,3	25,5

	Насе- ление 2009 г., млн	Рожда- емость на 1000 жит.	Смерт- ность на 1000 жит.	Темп прироста населения, %	Население в 2025 г., млн
Конго	3,7	36	13	2,3	5,3
Сан-Томе и Принси- пи	0,2	34	8	2,6	0,2
ЦАР	4,5	38	19	1,9	5,5
Чад	10,3	43	17	2,6	13,9
Экваториальная Гвинея	0,7	38	14	2,4	1,0
Регион Юга Афри- ки	58	24	15	0,9	63
Ботсвана	2,0	25	12	1,3	2,3
Лесото	2,1	25	23	0,2	2,4
Намибия	2,2	29	8	2,1	2,8
Свазиленд	1,2	31	15	1,6	1,5
ЮАР	50,7	23	15	0,8	54,4

Продолжение таблицы 3.2.1

	Населе- ние 2050 г., млн	Уровень младенч. смертности	Уровень фертиль- ности	Доля населения моложе 15 лет, %	Доля населения старше 65 лет, %
Африка	1 994	74	4,8	41	3
Африка южнее Сахары	1 754	80	5,3	43	3
Северная Африка	316	38	3,0	33	5
Алжир	50,5	26	2,3	28	5
АРЕ	122,3	19	3,0	33	5
Западная Сахара	0,9	44	3,0	31	2
Ливия	9,8	18	2,7	30	4
Марокко	42,4	31	2,4	29	6
Судан	75,9	81	4,5	41	3
Тунис	13,9	19	2,0	25	7
Западная Африка	623	80	5,5	44	3
Бенин	22	89	5,7	44	3
Буркина-Фасо	40,8	89	6,0	46	3
Гамбия	3,6	93	5,6	42	3

	Население 2050 г., млн	Уровень младенч. смертности	Уровень фертиль- ности	Доля населения моложе 15 лет, %	Доля населения старше 65 лет, %
Гана	45,2	50	4,0	40	4
Гвинея	24,0	104	5,7	43	3
Гвинея-Бисау	3,6	117	5,9	43	3
Кабо-Верде	0,8	29	3,1	38	6
Кот-д'Ивуар	43,7	100	4,9	40	2
Либерия	8,8	99	5,8	44	3
Мали	28,3	110	6	45	2
Мавритания	6,9	73	5,1	40	4
Нигер	58,2	88	7,4	49	3
Нигерия	285,1	75	5,7	45	3
Сенегал	26,1	61	5,0	43	2
Сьерра-Леоне	12,4	89	5,2	42	4
Того	13,2	91	5,1	41	3
Восточная Африка	682	76	5,4	44	3
Бурунди	14,8	120	5,4	41	3
Джибути	1,5	67	4,2	37	3
Замбия	28,1	70	6,2	46	3
Зимбабве	19,1	60	3,8	40	4
Кения	83,8	67	4,9	42	2
Коморские о-ва	1,2	53	4,2	38	3
Маврикий	1,5	15,4	1,7	23	7
Мадагаскар	42,3	70	5,0	44	3
Майотт	0,4	-	4,5	42	2
Малави	34,1	80	6,3	46	3
Мозамбик	42,4	97	5,4	43	3
Реюньон	1,1	8	2,5	27	7
Руанда	21,8	62	5,5	44	3
Сейшельские о-ва	0,1	12,9	2,2	23	8
Сомали	23,5	111	6,7	45	3
Танзания	109,5	69	5,3	45	3
Уганда	96,4	76	6,7	49	3
Эритрея	10,8	58	5,3	42	2
Эфиопия	149,5	77	5,3	43	3

	Населе- ние 2050 г., млн	Уровень младенч. смертности	Уровень фертиль- ности	Доля населения моложе 15 лет, %	Доля населения старше 65 лет, %
Центральная Африка	306	95	6,1	45	3
Ангола	42,7	125	6,6	46	2
Габон	2,5	55	3,6	37	4
ДРК	189,3	92	6,5	47	3
Камерун	34,9	74	4,7	42	4
Конго	7,8	75	5,3	42	3
Сан-Томе и Принсипи	0,3	75	4,1	41	4
ЦАР	6,5	106	5,0	41	4
Чад	20,5	106	6,3	46	3
Экваториальная Гвинея	1,4	102	5,4	41	3
Регион Юга Африки	68	48	2,8	33	5
Ботсвана	2,8	48	3,2	35	5
Лесото	2,6	83	3,4	35	5
Намибия	3,6	46	3,6	38	4
Свазиленд	1,7	85	3,8	35	4
ЮАР	57,4	45	2,7	32	5

Источник: 2009 World Population Data Sheet. Population Reference Bureau. Wash., 2009. P. 6-7.

При общей тенденции ускоренного роста населения регионов Африки сильно различаются по его численности.

Примерно треть африканского населения или 313 млн человек сосредоточено в регионе Восточная Африка, немногим меньше (30% или 297 млн) африканцев проживают в Западной Африке. В государствах субрегиона Северная Африка насчитывается 205 млн или чуть более 20% всех жителей Африки, а самым малочисленным по населению остается субрегион Южная Африка – 58 млн или 6% всех африканцев.

Еще более неравномерно африканское население распределено по странам континента. Так Нигерия, Египет, Эфиопия, ДРК,

ЮАР, Судан, Танзания, Кения, Алжир, Марокко имеют население численностью более 30 млн человек, на их долю приходится 62% всех жителей Африки. Нигерия с 152,6 млн жителей занимает 8 место в мире по численности населения после Китая, Индии, США, Индонезии, Бразилии, Пакистана и Бангладеш. По прогнозам ООН в 2050 г. уже две страны Африканского континента войдут в десятку наиболее населенных стран мира – к Нигерии, численность населения которой предположительно составит 281 млн человек, добавится Демократическая Республика Конго, население которой по тем же прогнозам увеличится с 68,7 млн в 2009 г. до 189 млн в 2050 г., т.е. практически утроится.

Уганда, Гана, Мозамбик и Кот-д'Ивуар насчитывают сегодня более 20 млн человек каждая, в них проживает около 10% населения Африки. На Мадагаскаре, в Камеруне, Анголе, Буркина-Фасо, Нигере, Зимбабве, Малави, Сенегале, Мали, Замбии, Чаде, Тунисе и Гвинее население насчитывает более 10 млн (20% всех африканцев). В 7 странах Африки – Западной Сахаре, Кабо-Верде, Джибути, Экваториальной Гвинее, Сан-Томе и Принсипи, и на Коморских и Сейшельских островах – численность населения не превышает 1 млн чел.²⁶ Самая малонаселенная страна Африки – Сейшельские острова, население которых в 2009 г. не превышало 100 тыс. человек.

Средняя плотность африканского населения ниже общемировой (33 и 50 человек на 1 кв. км соответственно). При этом максимума данный показатель достигает на островной части континента: на Маврикии – 625, на Майоте – 503, на Реюньоне – 324, на Коморских островах – 302 человека на 1 кв. км. На континентальной части Африки самыми густонаселенными являются небольшие африканские государства – Руанда (375 человек на кв. км) и Бурунди (298 чел. на 1 кв. км), а также Нигерия (165 чел. на 1 кв. км) – самая крупная по численности населения страна Африки. Если говорить о субрегионах Африканского континента, то относительно высокая плотность населения характерна для Восточной и Западной Африки (49 и 48 человек на 1 кв. км соответственно), а более низкая – для Южной и Северной Африки (22 и 24 чел. на кв. км соответственно).²⁷

Обратимся к такому показателю, как **коэффициент смертности** африканского населения. В предыдущем параграфе монографии, описывая феномен демографической революции, мы достаточно подробно остановились на общих причинах снижения смертности в развивающихся странах в целом и в Африке в частности. Здесь же мы рассмотрим данный феномен на примере конкретных регионов и стран Африканского континента.

В 2009 г. коэффициент смертности в Африке равнялся 12 промилле, в то время как в мире в целом он достигал 8 промилле. В соответствии с данными таблицы, наблюдается большой разброс по уровню смертности в различных регионах Африки. Так в Субсахарском регионе средний коэффициент смертности в 2009 г. был равен 13 промилле, тогда как в государствах Северной Африки он не превышал 7 промилле, т.е. был на 3 пункта ниже, чем в развитых странах мира (10 промилле). Более высокий уровень смертности в развитых странах объясняется, очевидно, более высоким процентом в их населении людей пожилого возраста (16%) в то время как в государствах Северной Африки данный показатель не превышает 5%.

В значительной степени падение смертности в XXI веке было результатом социально-гигиенических мероприятий и дальнейших успехов медицины, в том числе в рамках реализации программы Цели развития тысячелетия. Во многом высокий уровень смертности в Африке все еще обусловлен массовым распространением на континенте опасных инфекционных заболеваний, в первую очередь СПИДа, туберкулеза и малярии. Именно поэтому одной из целей Декларации тысячелетия выступает борьба с инфекционными заболеваниями в мире, в том числе в очагах их наибольшего распространения, включая Африку. В первой декаде XXI века в результате деятельности ВОЗ и усилий развитых стран мира, а также деятельности самих африканцев, в том числе в рамках Африканского Союза, смертность от инфекционных заболеваний в результате прививок и ряда открытий в медицине сократилась на Африканском континенте более чем на 10%.²⁸ Определенных успехов удалось добиться в борьбе с ВИЧ/СПИДом в Африке. Удельный

вес больных СПИДом в населении Африки сократился с 4,6% в 2001 г. до 4,3% в 2009 г., причем это относительное сокращение произошло за счет стран Африки южнее Сахары, где соответствующие индикаторы уменьшились с 5,7% в 2001 г. до 5% в 2009 г. Определенную роль в борьбе с этим заболеванием сыграли усилия международного сообщества, в частности Красного Креста, по профилактике СПИДа, в том числе бесплатная раздача африканскому населению средств предохранения, а также информационная компания по борьбе с ВИЧ/СПИДом.

В целях борьбы с этой угрозой десять учреждений ООН в 2001 г. объединили свои ресурсы в Объединенную программу ООН по ВИЧ/СПИДУ (ЮНЭЙДС), которая стала главным пропагандистом всемирных действий по предотвращению передачи инфекции, обеспечению медицинской помощи и поддержки, сокращению уязвимости отдельных лиц и общин, смягчению последствий эпидемии.

В ЮНЭЙДС участвуют Детский фонд ООН (ЮНИСЕФ), Всемирная продовольственная программа (ВПП), Программа развития ООН (ПРООН), Фонд ООН в области народонаселения (ЮНФПА), Управление ООН по наркотикам и преступности (ЮНОДК), Международная организация труда (МОТ), Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО), Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) и Всемирный банк и Управление Верховного комиссара по делам беженцев (УВКБ). В Декларации тысячелетия лидеры стран мира постановили к 2015 г. остановить распространение ВИЧ/СПИДа и положить начало тенденции к сокращению заболеваемости, а также обеспечить специальную помощь детям, осиротевшим из-за этой болезни.

Цель Объединенной программы ООН по ВИЧ/СПИДУ – оказание содействия в укреплении и поддержке широкомасштабных мероприятий по противодействию эпидемии ВИЧ/СПИДа, а также стимулирование объединения усилий различных секторов и партнеров из государственных структур и гражданского общества в борьбе с эпидемией.

В одном из последних докладов ЮНЭЙДС говорится, что достигнуты серьезные успехи в деле профилактики ВИЧ-инфекции в наиболее пострадавших странах. В частности, число инфицированных ВИЧ в мире сократилось с 3 млн в 2001 г. до 2,7 млн в 2007 году.

Хотя в ряде стран наблюдается тенденция к сокращению числа ВИЧ-инфицированных, в глобальных масштабах борьба со СПИДом еще только разгорается. Ежедневно от СПИДа умирает шесть тысяч человек. Более чем две трети нуждающихся в антиретровирусном лечении не могут получить необходимых препаратов. На каждых двоих, приступивших к курсу лечения ВИЧ, приходится пять вновь инфицированных. СПИД продолжает оставаться основной причиной смертности в Африке, где проживает 67% от общего числа ВИЧ-инфицированных.²⁹ По данным ООН в 2008 г. в Африке южнее Сахары проживало 22,4 млн людей с диагнозом СПИД (по другим оценкам – более 25 млн), при этом число вновь инфицированных в 2008 г. африканцев составило 1,9 млн человек. В том же году от СПИДа умерло 1,4 млн африканцев. Число африканских детей с ВИЧ достигает почти 2 млн человек. В 2008 г. в Субсахарской Африке от СПИДа умерли около 300 тыс. детей, а более 400 тыс. детей заразились этой страшной болезнью. В том же году 14 млн маленьких африканцев потеряли одного или обоих родителей вследствие СПИДа.

Непропорционально сильно затронуты ВИЧ женщины и девушки в Африке к югу от Сахары. В данном регионе на женщин приходится 60% всех случаев ВИЧ-инфекции. Риск заражения особенно высок для девушек и молодых женщин в возрасте 15–19 лет – вероятность инфицирования среди них в три раза выше, чем у их сверстников-мужчин.

В Африке к югу от Сахары основным путем передачи ВИЧ остаются гетеросексуальные контакты, при этом по-прежнему широко распространена передача вируса новорожденным и младенцам, которые находятся на грудном вскармливании. Потребители инъекционных наркотиков также подвергаются высокому риску ВИЧ-инфекции. В субсахарской Африке, по оцен-

кам, насчитывается 221 тыс. ВИЧ-позитивных потребителей наркотиков, что составляет 12,4% всех потребителей инъекционных наркотиков в регионе. Только в Найроби (Кения) 36% обследованных потребителей инъекционных наркотиков оказались ВИЧ-инфицированными.³⁰

Хотя относительная распространенность ВИЧ среди взрослого населения Африки (в возрасте от 15 до 49 лет) в последние годы несколько снизилась, как снизился и уровень новых ВИЧ-инфекций в регионе, число людей, живущих с ВИЧ, в 2008-2009 г. немного возросло, отчасти из-за растущей продолжительности жизни, ставшей возможной благодаря улучшению доступа к лечению в связи с ВИЧ. Так, в 2002 г. охват лечением от СПИДа в Африке к югу от Сахары не превышал 2%, а в 2008 г. уже 44% взрослых и детей в этом регионе Африки, нуждающиеся в антиретровирусной терапии, имели доступ к лечению. Как и в случае с расширением доступа к антиретровирусной терапии, в Африке были достигнуты значительные успехи в расширении доступа к услугам по профилактике передачи ВИЧ от матери к ребенку. В 2008 г. 45% беременных женщин получили антиретровирусные препараты для профилактики передачи вируса новорожденным детям. В 2004 г. данный показатель не превышал 9%. Особенно большие успехи по борьбе со СПИДом были достигнуты в Намибии. Эта страна расширила возможность доступа к лечению населения от СПИДа с одного% в 2003 г. до 88% в 2007 году.

Эпидемии в разных странах Африки к югу от Сахары в значительной степени отличаются, но в большинстве из них они, по-видимому, стабилизировались, зачастую на очень высоких уровнях, особенно в странах юга Африки. На девять стран этого субрегиона до сих пор приходится непропорционально высокое бремя СПИДа по сравнению с другими странами – более 18% населения в возрасте 15–49 лет юга Африки ВИЧ-инфицированы. В Свазиленде, где по оценкам, распространенность ВИЧ в 2009 г. среди взрослого населения превышала 26%, отмечается самый высокий уровень инфекции в мире. В ЮАР проживает самое большое в мире число людей, живущих с ВИЧ – 5,7 млн

человек. Доля взрослого ВИЧ инфицированного населения здесь также увеличивается (16,9% в 2001 г. и 18,1% в 2009 г.) В противовес ЮАР, в таких странах, как Лесото и Ботсвана эпидемия СПИДА, похоже, стабилизировалась. С 2001 по 2008/2009 гг. уровень распространенности СПИДа среди взрослого населения сократился в Ботсване с 26,5 до 23,9%, а в Лесото – с 23,9 до 23,2%.

В период с 2002 по 2008 г. было отмечено серьезное снижение заболеваемости в Замбии, а с 2004 по 2008 г. – в Танзании. В Зимбабве и Руанде с начала 2000-х гг. происходит устойчивое снижение распространенности ВИЧ благодаря использованию молодежью презервативов и изменениям в сексуальном поведении, когда люди позже начинают жить половой жизнью. Распространенность ВИЧ стабилизировалась и в Восточной Африке на уровне 5,5%, при этом в некоторых странах данного субрегиона она начала снижаться. В Бурунди в период с 2002 по 2008 г. снизилась распространенность ВИЧ среди молодежи в возрасте 15–24 лет в городах (с 4 до 3,7%) и пригородных районах (с 6,6 до 4%).

В Западной и Центральной Африке распространенность ВИЧ сравнительно низкая – 2,5%. Тем не менее, в этом регионе развивается несколько серьезных национальных эпидемий, например, в таких странах как Кот-д'Ивуар, где удельный вес ВИЧ-инфицированных достигает 4%, Того (3,3%) и Нигерия (3,1%) При этом в Нигерии в силу высокой общей численности населения число заболевших СПИДом уже превышает 1,5 млн человек.

Имеющиеся данные позволяют предположить, что программы профилактики ВИЧ, вероятно, оказывают влияние на сексуальное поведение в некоторых африканских странах. В период с 2000 по 2007 г. на юге Африки наблюдалась тенденция к более безопасному сексуальному поведению среди молодых мужчин и женщин. В ЮАР доля взрослых, указавших на использование презерватива при последнем половом акте, возросла с 31,2% в 2002 г. до 64,8% в 2008 г.

Что касается субрегиона Северная Африка, то здесь распространение СПИДа весьма незначительное. В 2009 г. всего 0,4% взрослого североафриканского населения были ВИЧ-инфициро-

ваны. В основном больные СПИДом проживали в Судане, где данный показатель достигал 1,4% среди взрослого населения. Эпидемии в Северной Африке в отличие от субсахарской Африки, как правило, характерны для потребителей инъекционных наркотиков, гомосексуалистов, работников секс-бизнеса и их клиентов. Исключением из этой общей модели является Судан, где в южных районах передача вируса происходит среди населения в целом, что характерно для стран Африки южнее Сахары. Исследования показывают, что большинство североафриканцев заражаются ВИЧ за рубежом, в том числе в процессе миграции. После возвращения на родину такие больные подвергают риску инфицирования своих половых партнеров.

Хотя уровень распространения инфекции в субрегионе не высок, охват антиретровирусной терапией здесь существенно ниже, чем в государствах Африки южнее Сахары – он не превышает 14% людей, нуждающихся в лечении (в субсахарской Африке – 44%).

Определенный прогресс в Северной Африке отмечается в пропаганде тестирования на ВИЧ, хотя в целом число людей, прошедших тестирование, остается низким. В целом по субрегиону число людей, прошедших тестирование, с 2001 по 2007 г. увеличилось в 21 раз. Только в Марокко эти показатели составили 1500 и 35458 человек соответственно.

Хотя эпидемии СПИДа в субрегионе несравнимы с эпидемиями в странах Африки к югу от Сахары, существует потребность в значительном усилении мер борьбы с этой опасной инфекцией, а также профилактических мероприятий.

В целом по Африке все вышеперечисленные методы борьбы и профилактики привели к снижению смертности от СПИДа в период с 2001 по 2008 г. на 20%. В некоторых странах, например в Кении, число смертей, обусловленных СПИДом, снизилось на 29%.

Серьезную угрозу населению Африки представляют также другие инфекционные заболевания, в первую очередь, туберкулез и малярия. По оценкам Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), наибольшее число новых случаев заболевания ту-

беркулезом в 2005 г. произошло в регионе Юго-Восточной Азии (34% всех случаев заболевания в мире). Тем не менее, по подсчетам, заболеваемость туберкулезом в Африке к югу от Сахары (почти 350 случаев заболевания на 100 тыс. человек) почти в два раза превышает заболеваемость в регионе Юго-Восточной Азии.³¹ Ниже в таблице приводятся основные показатели по различным регионам мира, связанные с этой болезнью.

Таблица 3.2.2

Заболеваемость, распространенность и смертность от туберкулеза по оценкам 2005 г.

Регион ВОЗ	Заболеваемость*				Распространенность		Смертность от ТБ	
	Все формы		С положительным мазком**		Количество (в тыс.)	На 100 тыс.чел.	Количество (в тыс.)	На 100 тыс. чел.
Африка	2 529 (29)	343	1 088	147				
Америка	352 (4)	39	157	18	448	50	49	5.5
Восточное Средиземноморье	565 (6)	104	253	47	881	163	112	21
Европа	445 (5)	50	199	23	525	60	66	7.4
Юго-Восточная Азия	2 993 (34)	181	1 339	81	4 809	290	512	31
Западная часть Тихого океана	1 927 (22)	110	866	49	3 616	206	295	17
Весь мир	8 811 (100)	136	3 902	60	14 0522	217	1 577	24

* Заболеваемость – новые случаи, возникшие за данный период времени; распространенность – число случаев заболевания в популяции на данный момент.

** Случаи заболевания с позитивным мазком – случаи, подтвержденные исследованиями мазков под микроскопом. Такие случаи являются самыми различными.

Подсчитано, что в 2005 г. произошло 1,6 млн случаев смерти от туберкулеза. Самое большое число случаев смерти и самая высокая смертность от этой болезни на душу населения приходится на Африканский регион. В 2005 г. министры здравоохранения африканских стран объявили туберкулез региональной чрезвычайной ситуацией.

Согласно данным Доклада о глобальной борьбе против туберкулеза 2005 г., глобальная распространенность туберкулеза с 1990 г. уменьшилась более чем на 20%, а коэффициенты заболеваемости в настоящее время снижаются или сохраняются на прежнем уровне в пяти из шести регионов мира. Резким исключением является Африка – здесь в странах с высокой распространенностью ВИЧ коэффициенты заболеваемости туберкулезом возросли с 1990 г. в три раза и продолжают ежегодно увеличиваться на 3–4% на всем континенте. По данным ВОЗ, от туберкулеза в Африке в 2007 г. умерло 93 человека в пересчете на 100 тыс. жителей³², в то время как в мире в целом аналогичный показатель не превышал 27 человек.

ВИЧ и туберкулез представляют собой смертельное сочетание, компоненты которого ускоряют развитие друг друга. ВИЧ ослабляет иммунную систему. Вероятность заболевания туберкулезом человека, инфицированного ВИЧ, во много раз выше, чем у человека, не инфицированного ВИЧ. Именно туберкулез является основной причиной смерти ВИЧ-инфицированных людей. В Африке ВИЧ является единственным значимым фактором, определяющим возрастающую заболеваемость туберкулезом с 1990 года. По данным ВОЗ коэффициент смертности от туберкулеза людей с ВИЧ в Африке (в расчете на 100 тыс. жителей) в 2007 г. составил 47,6 человек против 6,8 человек в мире в целом.³³

ВОЗ и ее международные партнеры создали Рабочую группу по борьбе с туберкулезом/ВИЧ, которая разрабатывает глобальную политику в области борьбы с ВИЧ-ассоциированным туберкулезом и информирует относительно того, как совместными усилиями направить борьбу с туберкулезом и ВИЧ против этой смертельной комбинации. Политика в области совме-

стой борьбы с туберкулезом/ВИЧ предусматривает действия по созданию механизмов сотрудничества между программами по борьбе с туберкулезом и ВИЧ/СПИДом, уменьшению бремени туберкулеза среди населения и бремени ВИЧ среди людей, больных туберкулезом.

В 2006 г. ВОЗ приступила к внедрению новой стратегии – «Остановить туберкулез». Стратегия будет осуществляться в течение последующих 10 лет в соответствии с Глобальным планом «Остановить туберкулез», 2006–2015 гг. Глобальный план содержит всестороннюю оценку действий и ресурсов, необходимых для реализации стратегии «Остановить туберкулез» и достижения нижеприведенных задач: Цель развития тысячелетия 6 (ЦРТ-6), задача 8: к 2015 г. остановить распространение туберкулеза и положить начало тенденции к сокращению заболеваемости.

Задачи, связанные с ЦРТ и утвержденные на уровне партнерства «Остановить туберкулез»:

- к 2005 г.: добиться выявления не менее 70% новых случаев с положительным результатом исследования мокроты на туберкулез и излечивать не менее 85% таких случаев;
- к 2015 г.: снизить уровни распространенности и смертности от туберкулеза на 50% по сравнению с 1990 г.;
- к 2050 г.: ликвидировать туберкулез как проблему общественного здравоохранения (один случай на миллион населения).

По данным доклада ВОЗ 2007 года «Глобальная борьба против туберкулеза», цели 2005 года были достигнуты как регионом Западной части Тихого океана в целом, так и 26 отдельными странами (включая 3 из 22 стран с тяжелым бременем болезни: Китай, Филиппины и Вьетнам). В то же время в Африке процент излечения вновь выявленных случаев достиг всего 74% вместо 85%, запланированных в программе «Остановить туберкулез». Значительная часть африканского населения все еще не охвачена лечением от туберкулеза, хотя стоимость такого лечения сравнительно низкая и не превышает 25 долл. США на человека. Смертность от туберкулеза в Африке за период с 2004 по 2005 г. также повысилась на 13%.

Таким образом, сегодня очевидно, что борьба с туберкулезом может привести в 2015 г. к сокращению в два раза коэффициентов распространенности этого заболевания и смертности от него практически во всех регионах мира, кроме Африки. Вот почему в ближайшие 5–10 лет смертность от туберкулеза все еще останется весомым фактором сохранения общего коэффициента смертности в Африке на достаточно высоком уровне.

Еще одной серьезной проблемой для жителей Африки выступает малярия. Малярия является проблемой общественного здравоохранения в более чем ста странах мира, где проживает около 40% мирового населения. Наиболее тяжело бремя малярии в Африке, на которую ежегодно приходится примерно 90% от мирового (1 миллион) числа смертей по вине этого заболевания. Малярия непропорционально поражает неимущих людей, которые не имеют средств на лечение или имеют ограниченный доступ к медицинской помощи. Она приводит к обнищанию семей и общин.

Помимо страданий людей малярия причиняет значительный экономический ущерб в районах с высокими показателями заболеваемости в Африке, снижая валовой внутренний продукт (ВВП) на целых 1,3% в странах с высокими уровнями передачи инфекции. Такие ежегодные потери, накопленные в течение длительного времени, привели к образованию значительной разницы в ВВП между странами, где есть малярия, и странами, где она отсутствует.³⁴

Расходы здравоохранения на малярию включают как личные, так и общественные расходы на профилактику и лечение болезни. В некоторых странах Тропической Африки с тяжелым бременем малярии на долю этой болезни приходится:

- до 40% расходов общественного здравоохранения
- от 30% до 50% случаев госпитализации
- до 60% амбулаторных обращений в клиники.

Последние данные свидетельствуют о том, что широкомасштабное использование рекомендуемых ВОЗ стратегий может способствовать быстрому уменьшению бремени малярии, особенно в районах с высокой передачей инфекции, таких как Аф-

рика. ВОЗ добились значительных успехов в усилиях по ликвидации малярии в некоторых африканских странах. Так, например, малярия полностью ликвидирована в Тунисе. В то же время во многих государствах Африки южнее Сахары малярия продолжает уносить сотни тысяч жизней. По количеству смертей в Африке малярия уступает только СПИДу. По данным ВОЗ в 2006 г. малярия стала причиной смерти 104 человек в перерасчете на 100 тыс. жителей. В мире в целом данный показатель не превышает 17 человек. При этом в Гвинее-Бисау соответствующий индикатор достигает 180, в Мали – 201, в Экваториальной Гвинее – 220, а в Нигере – 229 человек на 100 тыс. жителей. Процент африканских детей, которые спят под обработанными инсектицидом сетками, очень низкий и не превышает 14%, а получивших антималярийное лечение – 36%.³⁵

Инфекционные болезни продолжают оставаться одной из основных причин смертности в Африке. По данным ВОЗ в 2000-е гг. стандартизированные коэффициенты смертности по различным причинам (на 100 тыс. населения) выглядели на Африканском континенте следующим образом:

- число смертей от инфекционных болезней – 841 (в мире в целом – 612);
- число смертей от сердечно-сосудистых заболеваний – 390 (в мире – 301);
- число смертей от рака – 147 (в мире – 130);
- число смертей от травм – 126 (в мире – 93)³⁶.

При этом такой показатель, как распределение потерянных лет жизни по более общим причинам в процентах еще более наглядный: 80% – инфекционные заболевания, 13% – неинфекционные заболевания и 7% – травмы. В мире в целом соответствующие показатели составляют 51, 34 и 14% соответственно.

Таким образом, при успешной борьбе с инфекционными заболеваниями в Африке возможно дальнейшее понижение общего коэффициента смертности. Даже те меры, которые были предприняты африканскими государствами и международным сообществом в последние годы в данной сфере, привели к определенным положительным результатам. Снижение смертности от ин-

фекционных болезней в Африке внесло определенный вклад в снижение общего коэффициента смертности африканского населения с 14,5 промилле в 2000 г. до 12 промилле в 2009 г.

Несмотря на понижения общего коэффициента смертности по Африке в целом к концу первого десятилетия XXI века, данный показатель значительно колебался от региона к региону. Как мы уже отмечали ранее, самые низкие показатели смертности сегодня характерны для субрегиона Северная Африка – 7 промилле, а самые высокие – для юга Африки – 15 промилле. Что касается данного показателя по отдельным странам Африки, то самым низким он был в 2009 г. в Ливии и Алжире (4 промилле), Тунисе, Марокко и Египте (6,0 промилле), а также Кабо-Верде (5,0), Реюньоне (5,0), на Маврикии и Коморских островах (7,0); а самым высоким – в Лесото (23), Сьерра-Леоне (20), Зимбабве (18), Мозамбике и Гвинее-Бисау (17), а также в Руанде (16 промилле). Помимо распространенности инфекционных заболеваний, коэффициент смертности наиболее тесно коррелирует с такими показателями, как уровень развития здравоохранения и степень доступа населения к чистой питьевой воде и улучшенным санитарно-техническим средствам, в первую очередь к канализации и водопроводу.

Таблица 3.2.3

Трудовые ресурсы, инфраструктура и расходы на здравоохранение 2000–2008 гг.

Страна/ регион	Число врачей на 10 тыс. жителей	Сестрин- ский и акушер- ский пер- сонал на 10 тыс. жителей	Больнич- ные койки на 10 тыс. жи- телей	Расходы на здра- воохра- нение как% от ВВП 2000/ 2006	Доля гос-ва в расходах на здра- воохра- нение (%) 2000/ 2006	Доля внешних ресурсов в расхо- дах на здраво- охра- нение (%) 2000/ 2006	Расходы на здраво- охранение на ДН по ППС 2000/2006 в долл. США
Алжир	12	22	8	3,5/4,2	73,3/81,1	0,1/0,1	188/315
Ангола	1	14	2	2,4/2,6	79,9/86,8	3,6/7,0	56/115
Бенин	менее 1	8	1	4,6/4,7	47,6/50,2	16,0/21,0	50/61
Ботсвана	4	27	9	4,8/7,1	63,7/76,5	0,5/5,8	374/815

Страна/ регион	Число врачей на 10 тыс. жителей	Сестрин- ский и акушер- ский пер- сонал на 10 тыс. жителей	Больнич- ные койки на 10 тыс. жи- телей	Расходы на здра- воохра- нение как% от ВВП 2000/ 2006	Доля гос-ва в расходах на здра- воохра- нение (%) 2000/ 2006	Доля внешних ресурсов в расхо- дах на здраво- охра- нение (%) 2000/ 2006	Расходы на здраво- охранение на ДН по ППС 2000/2006 в долл. США
Буркина- Фасо	1	5	2	5,1/6,3	39,6/56,9	13,9/32,9	41/73
Бурунди	менее 1	2	2	4,1/8,7	13,2/8,6	21,8/47,5	12/31
Габон	3	50	5	4,5/4,5	67,9/73,0	1,5/1,8	552/628
Гамбия	1	13	5	4,4/5,0	44,6/56,8	29,5/34,7	39/57
Гана	2	9	4	7,2/5,1	41,4/34,2	9,5/22,6	65/76
Гвинея	1	5	2	5,3/5,8	12,4/14,1	9,0/11,8	47/65
Гвинея- Бисау	1	7	16	7,0/5,8	14,3/26,3	41,0/33,4	34/29
ДРК	1	5	1	3,7/6,8	1,1/18,7	3,7/51,9	8/19
Джибути	2	4	4	5,8/6,8	67,8/74,1	32,6/30,1	90/133
Египет	24	34	21	5,6/6,3	40,1/41,4	1,0/0,8	208/320
Замбия	1	20	20	5,7/6,2	51,3/60,7	17,8/38,1	52/79
Зимбабве	2	7	30	8,3/9,3	43,1/48,7	1,6/17,3	менее 1
Кабо-Верде	5	9	21	4,6/4,9	73,5/78,3	13,5/17,5	97/139
Камерун	2	16	15	4,6/4,6	22,5/21,2	4,1/8,0	75/94
Кения	1	12	14	4,5/4,6	48,2/47,8	8,3/14,9	51/67
Коморские о-ва	2	7	22	2,8/3,2	54,1/55,1	29,7/31,9	21/27
Конго	2	10	16	2,1/2,1	57,7/71,7	4,6/3,4	56/74
Кот-д'Ивуар	1	6	4	5,3/3,8	24,8/23,6	4,6/8,3	84/63
Лесото	1	6	13	6,2/6,8	51,0/58,9	3,1/14,3	65/98
Либерия	менее 1	3	нет данных	3,7/4,8	17,8/25,8	13,9/50,7	14/15
Ливия	13	48	37	3,7/2,4	61,7/66,3	0,0/0,0	385/355
Маврикий	11	37	30	3,8/3,9	52,0/51,1	1,4/1,0	302/488
Маврита- ния	1	6	4	2,8/2,2	71,2/69,5	23,6/18,0	40/41
Мадагаскар	3	3	3	6,1/12,9	43,8/69,0	27,3/49,4	21/28
Малави	менее 1	6	11	6,1/12,9	43,8/69,0	26,9/59,6	38/62
Мали	1	6	3	6,3/5,8	32,9/49,6	7,8/17,6	52/67
Марокко	5	8	9	4,2/5,3	29,4/26,2	0,8/2,5	109/207
Мозамбик	менее 1	3	8	4,8/5,0	68,5/70,8	32,5/60,3	21/36
Намибия	3	31	33	7,0/5,4	68,9/66,7	3,8/21,1	243/261

Страна/ регион	Число врачей на 10 тыс. жителей	Сестрин- ский и акушер- ский пер- сонал на 10 тыс. жителей	Больнич- ные койки на 10 тыс. жи- телей	Расходы на здра- воохра- нение как% от ВВП 2000/ 2006	Доля гос-ва в расходах на здра- воохра- нение (%) 2000/ 2006	Доля внешних ресурсов в расхо- дах на здраво- охра- нение (%) 2000/ 2006	Расходы на здраво- охранение на ДН по ППС 2000/2006 в долл. США
Нигер	менее 1	2	3	3,5/5,9	54,5/54,7	40,0/32,8	16/38
Нигерия	3	17	5	5,0/3,8	33,5/29,7	16,2/5,9	59/59
Объеди- ненная Республика Танзания	менее 1	4	11	3,9/6,4	40,4/57,8	26,7/43,9	30/72
Руанда	1	4	16	4,2/10,9	39,2/42,5	52,0/52,4	24/89
Сан-Томе и Принсипи	5	19	32	6,3/6,3	80,5/85,0	27,5/50,5	-/95
Свазиленд	2	63	21	6,1/6,3	58,6/65,8	5,5/12,3	207/300
Сейшель- ские о-ва	15	79	57	5,3/6,3	75,3/75,1	5,6/3,4	742/931
Сенегал	1	3	1	4,3/5,8	36,9/56,9	17,4/12,3	54/92
Сомали	менее 1	2	-	-	-	-	-
Судан	3	9	7	3,0/3,8	26,3/36,8	4,8/6,5	37/72
Сьерра- Леоне	менее 1	5	4	4,9/4,0	43,0/36,4	19,6/33,5	17/29
Того	менее 1	4	9	4,8/6,0	29,9/21,2	6,6/12,3	32/46
Тунис	13	29	18	5,6/5,1	48,5/44,2	0,9/0,9	271/355
Уганда	1	7	10	6,6/7,0	26,8/25,4	28,3/31,2	45/71
ЦАР	1	4	12	3,8/4,0	41,4/38,3	22,9/21,2	25/27
Чад	менее 1	3	4	6,3/4,9	42,5/53,9	24,9/17,7	49/72
Экватори- альная Гвинея	3	5	нет данных	1,9/2,1	50,7/80,4	9,6/3,5	160/633
Эритрея	1	6	12	5,5/3,6	49,7/45,9	24,7/37,6	33/19
Эфиопия	менее 1	2	2	4,3/3,9	53,6/59,3	16,4/42,7	19/26
ЮАР	8	41	28	8,1/8,0	42,4/37,7	0,3/0,9	519/715
Африка	2	11	10	5,5/5,5	44,8/47,1	6,8/10,7	83/111
Америка	19	49	24	11,3/12,8	45,7/47,7	0,1/0,1	1935/2788
Европа	32	79	63	8,0/8,4	73,6/75,6	0,2/0,1	1197/1719
Весь мир	13	28	25	8,2/8,7	56,6/57,6	0,3/0,4	555/790
Россия	43	35	97	5,4/5,3	59,9/63,2	0,2/0,1	410/698

Источник: Мировая статистика здравоохранения. 2009. Всемирная организация здравоохранения. 2009 г. С. 96-105.

Как мы видим из табл. 3.2.3, к концу первой декады XXI века в мире в среднем на 10 тыс. жителей приходилось 13 врачей и 28 медицинских сестер и акушерского персонала, в то время как в Африке данные показатели не превышали 2 и 11 соответственно. Еще больший разрыв по данным показателям наблюдался между Африкой и развитыми государствами Европы и Америки. В 17 странах Африки на 10 тыс. жителей приходится всего 1 врач, а в 11 странах Африки, в том числе в Бенине, Бурунди, Либерии, Малави, Мозамбике, Нигере, Танзании, Сомали, Сьерра-Леоне, Того, Чаде и Эфиопии, 1 врач приходится на 20–30 тыс. жителей. При этом именно в этих африканских государствах общие коэффициенты смертности, а также показатели младенческой смертности выше, чем в других странах Африки (см. табл. 3.2.1). Только в 5 странах (Алжире, Египте, Ливии, Тунисе и на Сейшельских островах) обеспеченность врачами была на среднемировом уровне. Единственной страной на Африканском континенте, где число врачей на 10 тыс. жителей было существенно выше, чем в мире в целом, оставался Египет. Что касается обеспеченности средним медицинским персоналом, то здесь неплохие показатели у Ботсваны (27), Габона (50), Египта (34), Ливии (48), Маврикия (37), Намибии (31), Свазиленда (63) и Сейшельских островов (79). Следует отметить, что в условиях Африки именно средний медицинский персонал наиболее востребован, особенно в условиях борьбы с инфекционными заболеваниями.

Достаточно низким в Африке остается такой показатель, как обеспеченность больничными койками. В мире в целом среднее число больничных коек на 10 тыс. жителей достигает 25, в том числе в Европе – 63, в Америке (Северной и Южной) – 24, а в Африке – всего 10. Самым высоким данный показатель в 2000-е гг. был на Африканском континенте в таких странах, как Сейшельские острова (57), Ливия (37), Намибия (33), Сан-Томе и Принсипи (32), Маврикий (30), Зимбабве (30) и ЮАР (28), а самым низким – в Бенине, ДРК и Сенегале, где была всего 1 больничная койка на 10 тыс. жителей, а также в Анголе, Буркина-Фасо, Бурунди, Гвинее и Эфиопии.

Доля общих расходов на здравоохранение в Африке с 2001 по 2006 гг. не изменилась и составила 5,5% ВВП. В мире в целом данный показатель увеличился с 8,2% в 2000 г. до 8,7% в 2006 г. Выше общемирового исследуемый нами индикатор лишь в таких африканских государствах, как Зимбабве, Мадагаскар, Малави и Руанда. При этом в Африке доля государства в расходах на здравоохранение остается самой низкой в мире, хотя соответствующий индикатор в последние годы имел незначительную повышательную тенденцию и составил 44,8% в 2000 г. и 47,1% в 2006 г. В мире в целом государство берет на себя почти 60% расходов на здравоохранение, а в Европе данный показатель превышает 75%. Однако и в Африке есть государства, где более 70% расходов на здравоохранение осуществляется за государственный счет. Это такие страны, как Алжир, Ангола, Ботсвана, Габон, Джибути, Кабо-Верде, Конго, Мозамбик, Сан-Томе и Принсипи, Сейшельские острова, а в последние годы и Экваториальная Гвинея. В то же время в таких странах, как Бурунди, Гвинея, ДРК, Марокко, Камерун, Того государство лишь на четверть обеспечивает финансирование здравоохранения, все остальные расходы берут на себя частные лица и компании. В Африке сохраняется самый низкий в мире уровень расходов на здравоохранение на душу населения (по ППС) – 83 долл. в 2000 г. и 111 долл. в 2006 г., что примерно в 7 раз ниже, чем в мире в целом и в 25 раз меньше, чем на Американском континенте. При этом только на Сейшельских островах, в ЮАР и Ботсване данный показатель или чуть выше, или равен общемировому. Относительно высокие на общеафриканском фоне расходы на здравоохранение на душу населения в Алжире, Габоне, Египте, Ливии, на Маврикии, в Тунисе и Экваториальной Гвинее. В противоположность этим государствам в 13 африканских странах, таких как Гвинея-Бисау, Либерия, ДРК, Коморские острова, Мавритания, Мадагаскар, Мозамбик, Нигер, Сьерра-Леоне, Того, ЦАР, Эритрея и Эфиопия расходы на здравоохранение на ДН не превышают 50 долл. США.

Весьма примечательно, что Африка занимает первое место в мире по доле внешних ресурсов в расходах на здравоохранение

– 6,8% в 2000 г. и 10,7% в 2006 г. против 0,3 и 0,4% в мире соответственно. В основном эти средства поступают в Африку по линии международной помощи и от различных благотворительных организаций. В некоторых африканских государствах развитие здравоохранения финансируется в основном из внешних источников. Это такие страны Тропической Африки как Мозамбик (60,3%), Малави (59,6%), Руанда (52,4%), ДРК (51,9%), Либерия (50,7%), Сан-Томе и Принсипи (50,5%). В то же время в государствах Северной Африки данный показатель в среднем не превышает 1%. Исключение составляет лишь Судан, где доля внешних источников в расходах на здравоохранение увеличилась с 4,8% в 2000 г. до 6,5% в 2006 г.

Что касается доступа к улучшенным источникам питьевой воды, то в Африке в 1990 г. его имели 50% жителей, а в 2006 г. – 59%. Это были самые низкие показатели в мире. Для сравнения, в развитых странах аналогичные цифры равнялись 95% и 97% соответственно. При этом в африканских городах данный показатель равнялся 84 и 82% соответственно (в развитых странах – 96 и 99%), а в сельской местности – 36 и 46% (в развитых странах – 80 и 92%).³⁷ Падение удельного веса людей, имеющих доступ к чистой питьевой воде в городах, связан, вероятно, с деградацией городской инфраструктуры в ряде африканских городов вследствие вооруженных конфликтов, нехватки финансовых средств на ремонтные работы, роста давления на городскую инфраструктуру неконтролируемой миграции. В противовес этому показатели по сельской местности за последние годы удалось улучшить в результате реализации национальных и международных программ по развитию африканской деревни. Показатели доступа населения к чистой питьевой воде существенно отличаются по субрегионам Африки. Так, например, в государствах Северной Африки данный индикатор был равен в среднем 80% в 1990 г. и превышал 90% в 2006 г, в том числе в городах 93 и 97%, а в сельской местности – 70 и 80%. Наибольших успехов в данной сфере удалось добиться в АРЕ, где к концу первой декады XXI века более 98% населения как в городе, так и в деревне имели чистую питьевую воду. Вместе с тем в ряде

государств Тропической Африки доступ к чистой питьевой воде имеют менее половины населения. Это такие государства, как Ангола, ДРК, Мадагаскар, Мозамбик, Нигер, Нигерия, Сомали, Чад, Эфиопия.

Аналогичная картина складывается при анализе такого показателя, как доступ населения к улучшенным санитарно-техническим средствам. В 1990 г. всего 29% африканского населения, в том числе 45% в городах и 22% в сельской местности имели этот доступ. В мире соответствующие индикаторы в 1990 г. составляли 51, 76 и 34%. соответственно, при этом в развитых странах они были еще выше – 93, 97 и 84%. В 2006 г. эти показатели несколько улучшились, но все еще продолжали оставаться на сравнительно низком уровне: по Африке в целом – 33%, в том числе в городах – 46%, в сельской местности – 26%.; в мире в целом – 60, 78 и 44% соответственно; в развитых странах – 93, 97 и 85% соответственно. Отсутствие нормальной системы канализации в африканских государствах служит причиной распространения опасных инфекционных заболеваний желудочно-кишечного тракта, которые ежегодно уносят сотни тысяч жизней. Так, в 2007 г. от холеры, дизентерии и желтухи в Африке умерли более 100 тыс. человек.³⁸ В некоторых странах Тропической Африки более 80% населения до сих пор не имеют доступа к нормальным санитарно-техническим средствам. Это такие страны, как Буркина-Фасо, Гана, Гвинея, Конго, Мадагаскар, Нигер, Сьерра-Леоне, Того, Чад, Эритрея, Эфиопия. В то же время в государствах Северной Африки и в ЮАР положение существенно лучше. В Алжире, например 94% населения имеют доступ к канализации, при этом в городах – 99%, а в деревне – 87%. Примерно такие же показатели в Ливии и на Маврикии. В Египте, Тунисе и Марокко, а также в ЮАР цифры несколько ниже, но, все же, выше соответствующих общемировых показателей.³⁹

Сравнительно низкий по сравнению с другими странами уровень развития здравоохранения в Африке, а также ограниченный доступ к чистой питьевой воде и канализации служат важными причинами сохранения на относительно высоком

уровне общего коэффициента смертности африканского населения, особенно в Тропической Африке. Вместе с тем, успехи отдельных африканских государств в данной сфере позволили им в значительной мере по данному показателю приблизиться и даже обойти развитые страны мира. В первую очередь речь идет о государствах Северной Африки, Маврикии, Сейшельских островах.

Известно, что коэффициент смертности тесно связан с возрастной структурой населения. Если в какой-либо стране мало детей и стариков, то, следовательно, мал удельный вес той категории населения, которая является главным «поставщиком» случаев смерти. Мы уже упоминали тот факт, что в развитых странах процент населения старше 65 достаточно высок и составляет 16%, в то время как в странах Африки доля стариков в населении менее 3%. С этой точки зрения Африка оказывается в более благоприятной ситуации, чем страны Запада. Вместе с тем высокая рождаемость африканского населения ведет к более высокой пропорции в населении младенцев до 1 года – наиболее уязвимой с точки зрения смертности категории африканцев. Уровень младенческой смертности в Африке все еще очень высок и составлял в 2009 г. 74 младенца на тысячу, против 46 в мире и 6 – в развитых странах. При этом наблюдается значительный разброс по данному показателю в различных регионах и странах Африки.

В странах Северной Африки младенческая смертность была почти вдвое ниже общеконтинентальной и составляла в 2009 г. 38 младенцев на тысячу (см. табл. 3.2.1). При этом в Алжире в 2009 г. из каждой тысячи родившихся умерли 26 младенцев, в Египте – 19, в Марокко – 31, в Ливии – 18, а в Тунисе – 19 детей в возрасте до 1 года. Очень низкие показатели младенческой смертности на Маврикии, Сейшельских островах и Реюньоне. В противоположность этому в государствах Тропической Африки младенческая смертность продолжает оставаться весьма высокой и достигает 80 младенцев на 1000 – самый высокий показатель в мире. В некоторых государствах субсахарского региона эти цифры еще выше: в Анголе – 125, в Бурунди – 120, в

Гвинее-Бисау – 117, в Сомали – 111, в Гвинее, Мали, ЦАР, Чаде и Экваториальной Гвинее – более 100. Примерно половина всех случаев смерти детей в возрасте до 5 лет в Африке связана до сих пор с недоеданием и голодом. Настоящей угрозой африканским младенцам стал СПИД. В среднем по Африке у ВИЧ-инфицированных матерей 30–40% новорожденных появляются на свет с вирусом иммунодефицита.

Таким образом, за последние 10–20 лет показатель смертности населения продолжал снижаться практически во всех странах Африки, однако темп этого снижения был весьма различен в разных странах континента. В XXI веке, в отличие от периода демографического взрыва прошлого столетия, снижение смертности населения обеспечивалось не столько прямым воздействием внешних факторов, в первую очередь, мировых достижений медицины, пик действия которых пришелся на вторую половину XX века, (хотя их опосредованное влияние сохранялось и будет сохраняться в ближайшие годы в виде предоставления различных видов помощи, в том числе по линии здравоохранения), сколько успехами социально-экономического развития самих африканских государств. Вот почему наиболее устойчивое сокращение уровня смертности было характерно в XXI веке для наиболее успешно развивающихся африканских экономик – государств Северной Африки, стран-центров международного туризма и некоторых стран Африки к югу от Сахары. Сокращение масштабов бедности на Африканском континенте, совершенствование национальных систем здравоохранения, расширение доступа африканцев к чистой питьевой воде и современным системам санитарно-технического обслуживания могут привести в обозримом будущем к дальнейшему снижению коэффициента смертности.

Высокие показатели рождаемости сохраняются на Африканском континенте и сегодня, хотя в последние 20 лет данный индикатор в большинстве африканских государств имел тенденцию к снижению. Так в 1982 г. уровень рождаемости в Африке составлял 45,3, в 1992 г. – 40,3, а в 2009 г. – уже 36 промилле. Однако по сравнению с общемировыми показателями (в 2009 г.

– 21 промилле) рождаемость на Африканском континенте все еще очень высока. Особенно существенным этот разрыв остается в сравнении с развитыми странами, где уровень рождаемости в 2009 г. не превышал 10–11 промилле. При этом на самом Африканском континенте наблюдается существенный разброс данного показателя между разными странами и группами стран. Так в 2009 г. рождаемость в странах Африки к югу от Сахары составляла 39 промилле, в том числе в Западной Африке – 40, в Восточной – 40, в Центральной – 42, а на юге Африки – 24 промилле. Что касается статистики рождаемости по странам, то наиболее высокой она была в Нигере (53 промилле), Буркина-Фасо и Анголе (46), Замбии (45), ДРК (44), Малави, Мали, Гвинея-Бисау и Чаде (43 промилле соответственно), а наиболее низкой – на Маврикии (14 промилле), на Сейшельских островах (18) и в Реюньоне (18). В целом в странах к Югу от Сахары рождаемость снизилась за последние 30 лет на 7 промилле или в 1,17 раза⁴⁰. Иная картина наблюдается в странах Северной Африки. Там показатель рождаемости составил в целом 25 промилле в 2009 г. против 38,9 в 1982 г. Таким образом уровень рождаемости в этом регионе сократился в соответствующий период более чем на 14 промилле, или в 1,6 раза. Особенно резкое снижение уровня рождаемости (почти в 2 раза) было характерно для Туниса, где соответствующий показатель в 2009 г. составил всего 17 промилле. В настоящее время Тунис по данному демографическому показателю тяготеет скорее к развитым, чем к отсталым странам. В других государствах Северной Африки уровень рождаемости также резко упал за последние 30 лет и колеблется в настоящее время в пределах от 33 промилле в Судане – стране, которая по ряду показателей тяготеет скорее к странам Тропической Африки, до 25 – в Египте и до 21 промилле в Марокко.

Аналогичные выводы можно сделать и относительно динамики фертильности – суммарного коэффициента рождаемости или количества детей, приходящегося на одну женщину детородного возраста. Практически во всех африканских государствах его абсолютная величина уменьшилась. Только с 1999 по

2009 г. коэффициент фертильности сократился в целом по Африке с 4,9 до 4,8. Это сокращение произошло в основном за счет государств Североафриканского субрегиона – там данный показатель упал с 3,2 в 1999 г. до 3,0 в 2009 г., в то время как в Африке южнее Сахары он в первую декаду XXI века не изменился и остался на уровне 5,3. Что касается субрегионов Африки, то самым низким уровень фертильности был в регионе юга Африки – 2,8, а самым высоким – в Центральной Африке – 6,1. В Западной Африке он достигал 5,5, а в Восточной – 5,4 детей на одну женщину детородного возраста. Если характеризовать данный показатель по странам, то наименьшие значения он имеет на Маврикии (1,7), в Тунисе (2), на Сейшельских о-вах (2,2), а также в Марокко (2,4), Реюньоне (2,5), Ливии и ЮАР (2,7), а наибольшие – в Уганде и Сомали (6,7), Анголе (6,6), ДРК (6,5), Чаде и Малави (6,3), в Замбии (6,2), в Мали и Буркина-Фасо (6,0). Если мы обратимся к данным таблицы 3.2.4., то мы увидим, что в тех странах, где уровень фертильности минимальный, более 60% женщин пользуются контрацептивами. Исключение составляет только Ливия, где данный показатель не превышает 42%. В то же время в странах с высокой фертильностью минимальное число женщин использует противозачаточные средства. Например, в Чаде предохраняются только 3% женщин, в Анголе – 6%, а в Мали – 8%.

Если на снижение показателей смертности до недавнего времени определяющее воздействие оказывал внешний фактор, сокращение рождаемости во многом обусловлено особенностями социально-экономического развития самих африканских государств. Подробно причины снижения рождаемости в Африке мы рассматривали в предыдущем параграфе, здесь же остановимся лишь на некоторых региональных и страновых аспектах данной проблемы.

К концу первой декады XXI века 65% населения Африки жили менее чем на 2 доллара в день, причем в Африке к югу от Сахары данный показатель достигал 74%, а в североафриканском субрегионе – всего 18%. При этом 86% населения Замбии, 70% жителей Мадагаскара, 64% жителей Чада, Ганы и ЦАР,

63% населения Нигера, 57% жителей Мавритании, более половины населения таких стран, как Руанда, Малави, Гвинея-Бисау, Танзания жили ниже официального уровня бедности. При этом так называемые «нижние» (т.е. наиболее бедные) 10% населения получали от 0,5% всех доходов (в Сьерра-Леоне) до 4,4% в Египте, в то время как «верхние» (наиболее богатые) 10% – от 25% в том же Египте до 45,9% в Южной Африке и 50% в Свазиленде⁴¹. Низкий уровень жизни значительного числа африканских семей хотя и не мог полностью изменить складывавшиеся веками идеалы многодетности (ведь дети в бедных крестьянских семьях всегда рассматривались как источник бесплатной рабочей силы), они побуждали остающихся без средств к существованию родителей временно отказаться от новых деторождений, молодежь – откладывать браки на более поздний срок, а женатых мужчин – надолго покидать семьи в поисках работы. Мировой экономический кризис 2007–2010 гг. еще более усилил данные тенденции, так как привел к росту масштабов нищеты в первую очередь в африканских городах.

Таблица 3.2.4

**Некоторые характеристики социального развития
африканских государств в 2001–2009 гг.**

	ОПЖ населения	ОПЖ мужчин	ОПЖ женщин	Уровень урбанизации	% взрослого населения с ВИЧ/СПИД 2008/2001	% замужних женщин в возрасте 15–49 лет, пользующихся контрацептивами	% замужних женщин в возрасте 15–49 лет, пользующихся совр. контрацепт.	ВНП на ДН по ППС (2008 г.) в долл. США	% населения, живущего менее чем на 2 долл. в день
Африка	55	53	56	38	4,3/4,6	28	23	2660	65
Африка южнее Сахары	51	50	53	35	5,0/5,7	22	17	1950	74
Северная Африка	69	67	71	50	0,4/0,4	49	44	5370	18
Алжир	72	71	74	63	0,1/0,1	61	52	7940	24

	ОПЖ населения	ОПЖ мужчин	ОПЖ женщин	Уровень урбанизации	% взрослого населения с ВИЧ/СПИД 2008/2001	% замужних женщин в возрасте 15-49 лет, пользующихся контрацептивами	% замужних женщин в возрасте 15-49 лет, пользующихся совр. контрацепт.	ВВП на ДН по ППС (2008 г.) в долл. США	% населения, живущего менее чем на 2 долл. в день
АРЕ	72	70	74	43	н.д.*	60	58	5460	18
Западная Сахара	65	63	67	81	н.д.				
Ливия	73	71	76	77	н.д.	42	20	15630	
Марокко	71	69	73	56	0,1/0,1	63	55	4330	14
Судан	58	57	60	38	1,4/1,4	8	6	1930	
Тунис	74	72	76	66	менее 0,1/0,1	60	52	7070	13
Западная Африка	51	50	52	42	2,5/2,8	15	9	1600	76
Бенин	56	54	57	41	1,2/1,3	15	9	1460	75
Буркина-Фасо	57	56	58	16	1,6/2,1	17	13	1160	81
Гамбия	55	54	57	54	0,9/0,9	10	9	1280	57
Гана	59	58	59	48	1,9/2,3	24	17	1430	54
Гвинея	56	54	58	33	1,6/1,2	9	6	1190	87
Гвинея-Бисау	46	45	48	30	1,8/1,8	10	6	530	78
Кабо-Верде	71	68	73	59	н.д.	61	57	3450	40
Кот-д'Ивуар	52	50	53	48	3,9/6,0	13	8	1580	47
Либерия	56	54	57	58	1,7/1,4	11	10	300	36
Мали	48	47	48	31	1,5/1,5	8	6	1090	77
Мавритания	57	55	59	40	0,8/0,7	9	8	2000	44
Нигер	53	51	54	17	0,8/0,7	11	5	680	86
Нигерия	47	47	48	47	3,1/3,2	15	9	1940	84
Сенегал	55	54	57	41	1,0/0,4	12	10	1760	60
Сьерра-Леоне	48	48	49	37	1,5/н.д.	8	7	750	76
Того	61	60	63	40	3,3/3,6	17	11	820	69
Восточная Африка	51	50	52	22	5,6/н.д.	26	21	1030	78
Бурунди	49	48	51	10	2,0/3,5	9	8	380	93
Джибути	55	53	56	87	3,1/3,1	18	17	2330	41

	ОПЖ населения	ОПЖ мужчин	ОПЖ женщин	Уровень урбанизации	% взрослого населения с ВИЧ/СПИД 2008/2001	% замужних женщин в возрасте 15-49 лет, пользующихся контрацептивами	% замужних женщин в возрасте 15-49 лет, пользующихся совр. контрацепт.	ВВП на ДН по ППС (2008 г.) в долл. США	% населения, живущего менее чем на 2 долл. в день
Замбия	43	43	44	37	14,3/н.д.	41	33	1230	82
Зимбабве	41	39	43	37	15,3/26	60	58	н.д.	н.д.
Кения	54	53	55	19	7,4/н.д.	39	32	1580	40
Коморские о-ва	64	62	66	28	0,1/0,1	26	19	1170	65
Маврикий	72	69	76	42	0,3/1,7	76	42	12480	н.д.
Мадагаскар	59	57	61	30	0,1/0,1	27	17	1040	90
Майотт	72	69	76	42	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.
Малави	46	45	47	17	11,9/13,3	42	39	830	90
Мозамбик	43	42	44	29	12,5/10,3	17	12	770	90
Реюньон	76	72	80	92	Н.д.	67	64	н.д.	н.д.
Руанда	48	46	50	18	2,8/4,3	36	27	1010	90
Сейшельские о-ва	73	68	79	53	н.д.	н.д.	н.д.	19770	н.д.
Сомали	50	48	51	37	0,5/0,5	15	1	н.д.	н.д.
Танзания	54	53	55	25	5,7/н.д.	26	20	1230	97
Уганда	50	50	51	13	5,4/7,9	24	18	1140	76
Эритрея	58	56	61	21	1,3/1,2	8	5	630	н.д.
Эфиопия	53	51	54	16	2,1/2,4	15	14	870	78
Центральная Африка	51	49	52	41	2,5/н.д.	19	7	1650	74
Ангола	46	44	48	57	2,1/1,6	6	5	5020	70
Габон	59	58	61	84	5,9/5,6	33	12	12270	20
ДРК	53	49	55	33	1,3/н.д.	21	6	290	80
Камерун									
Конго	53	52	54	60	3,5/4,4	44	13	3090	74
Сан-Томе и Принсипи	65	63	67	58	н.д.	29	27	1780	н.д.
ЦАР	45	45	45	38	6,3/6,4	19	9	730	82
Чад	47	46	48	27	3,5/3,4	3	2	1160	83
Экваториальная Гвинея	59	59	60	39	3,4/3,7	н.д.	н.д.	21700	н.д.

	ОПЖ населения	ОПЖ мужчин	ОПЖ женщин	Уровень урбанизации	% взрослого населения с ВИЧ/СПИД 2008/2001	% замужних женщин в возрасте 15-49 лет, пользующихся контрацептивами	% замужних женщин в возрасте 15-49 лет, пользующихся совр. контрацепт.	ВВП на ДН по ППС (2008 г.) в долл. США	% населения, живущего менее чем на 2 долл. в день
Страны Юга Африки	52	50	53	56	18,5/17,6	59	58	9380	45
Ботсвана	49	44	54	60	23,9/26,5	44	42	13100	49
Лесото	40	40	39	24	23,2/23,9	37	35	2000	62
Намибия	59	58	61	35	15,3/14,6	55	53	6270	62
Свазиленд	46	46	46	24	26,1/26,3	51	48	5010	81
ЮАР	52	50	54	59	18,1/16,9	60	60	9780	43

* Нет данных.

Источник: 2009 World Population Data Sheet. Population Reference Bureau. Wash., 2009. P. 10-11, 15-16.

На уровень рождаемости самым непосредственным образом влияет процесс урбанизации. Город коренным образом меняет демографическую модель поведения, предоставляя новые возможности работы, образования и досуга не только мужчинам, но и женщинам. Все это, в конечном счете, ведет к тому, что рождаемость в африканских городах примерно в 1,5 раза ниже, чем в сельской местности.

Хотя Африка по-прежнему остается аграрным континентом, темпы урбанизации, достигавшие в 1980–2009 гг. 4,4% в год, были здесь выше, чем в любом другом регионе мира. Благодаря этому удельный вес горожан увеличился с 27% в 1980 г. до 37% в 2000 г. и до 38% в 2009 г. Весьма примечательно, что за последние 10 лет удельный вес городского африканского населения практически не изменился. Очевидно, это было связано с такими факторами, как разрыв в естественном приросте населения в городе и в деревне, а также с переориентацией потоков сельско-городских миграций с внутристранового на мировой

уровень. Более высокий естественный прирост населения в африканской деревне обеспечивал там более высокий прирост населения по сравнению с городом, где рождаемость была существенно ниже, а отток населения из сельской местности происходил в последнее десятилетие не столько в африканские города, сколько в развитые страны, в основном в Европу. Поэтому обе составляющие городского роста – естественный прирост и миграция – не обеспечивали ускоренного, по сравнению с сельской местностью, прироста городского населения, что, в конечном счете, не вело к повышению удельного веса последнего во всем населении страны в последние 10 лет.

Как и другие демографические показатели, уровень урбанизации весьма отличался по странам и регионам Африки. Так, в государствах Северной Африки и в ЮАР в городах проживало более 50% жителей, в то время как в странах Тропической Африки доля городских жителей не превышала 34%. Наиболее урбанизированным в Африке продолжает оставаться регион Юга – 56%, а наименее урбанизированная часть континента – Восточная Африка, где в городах проживает всего 22% населения. Если говорить об отдельных африканских государствах, то самый высокий процент городского населения был в Реюньоне (92%) Джибути (87%), Габоне (84%), Ливии (77%) и Тунисе (66%), а самый низкий – в Бурунди (10%), Уганде (13%), Эфиопии (16%), Малави (17%) и Руанде (18%).

Еще одной важной причиной снижения рождаемости в некоторых африканских странах была в 2000-е годы массовая миграция населения в развитые государства. Миграция молодого мужского населения сама по себе уже снижает рождаемость, так как временно, на срок миграции, разлучает мужа и жену. При этом у мигрантов, как правило, увеличивается средний возраст вступления в брак. Одновременно миграция в страны Европы и Америки – страны с низким уровнем рождаемости – невольно навязывает мигрантам-африканцам современную модель демографического поведения, ориентированную на более позднее время вступления в брак и низкую фертильность. Весьма примечательно, что самая низкая фертильность в Северной

Африке наблюдается в Тунисе и Марокко, жители которых мигрируют в основном в страны ЕС, в то время как в Египте фертильность все еще относительно высокая, так как жители этой арабской страны мигрируют в основном в Саудовскую Аравию и Ливию, т.е. в страны со старой моделью демографического поведения, ориентированного на семью с большим количеством детей.

Вследствие снижения общего коэффициента смертности и все еще относительно высокого уровня рождаемости среднегодовые темпы демографического роста в Африке за последние 30 лет были самыми высокими в мире и составляли в 1980–1990 гг. 2,9%, и 2,4% в 1990–2009 гг. За вторую половину XX столетия население Африки увеличилось в 4 раза, в период с 1980 по 2009 г. – более чем в 2 раза⁴², а за последние 10 лет – в 1,25 раза и превысило в 2009 г. 1 млрд человек. По прогнозам ООН население Африки в ближайшие 15 лет увеличится в 1,4 раза, а к 2050 г. – практически в 2 раза и достигнет 2 млрд человек. Африка в ближайшие десятилетия будет единственным континентом на Земном шаре, где темпы прироста населения будут на уровне 1,5–2% в год.

Наиболее высокие темпы прироста (более 3% в год) наблюдались в Нигере (3,4%), Мали (3,3%), ДРК (3,2%), Либерии (3,1%), Уганде (3,2%), Бурунди (3,1%), Гвинее-Бисау, Бенине и Буркина-Фасо (по 3,0%), а самые низкие (2% и ниже) – на Маврикии (1,1%), Сейшельских островах (1,3%), в Тунисе (1,3%), Марокко (1,6%), Египте (1,8%), Алжире (1,9%) и Южной Африке (1,5%)⁴³. В целом в Африке южнее Сахары среднегодовые темпы прироста населения достигали в 1990–2009 г 2,9%, а в более экономически развитых государствах Северной Африки и в ЮАР не превышали 1,8%.

Одним из важнейших демографических индикаторов, в котором суммарно отражаются как социальные, так и экономические перемены в обществе, служит ожидаемая продолжительность жизни населения. Как было показано в предыдущем параграфе, разрыв по данному показателю у Африки и развитых стран все еще достаточно высок и составляет 25–30 лет. Ожи-

даемая продолжительность жизни очень тесно связана с таким показателем, как коэффициент общей смертности населения, коэффициент младенческой смертности, удельный вес молодого и престарелого населения и другими демографическими показателями. Но что особенно важно, ожидаемая продолжительность жизни самым непосредственным образом связана с уровнем социально-экономического развития общества. Чем выше жизненные стандарты населения, уровень его социальной защищенности, качество медицинского обслуживания, тем длиннее его жизнь. В этом смысле, хотя стандарты санитарно-медицинского обслуживания населения на Африканском континенте заметно улучшились по сравнению с 1950–1960 годами прошлого века, по многим характеристикам его качества, доступности и распространенности в Африке существует заметное, а в ряде государств значительное отставание как от развитых стран, так и от мира в целом. В 2009 г. ОПЖ африканского населения составила 55 лет, мира – 68 лет, в том числе в развитых странах – 77 лет, а в развивающихся странах – 66 лет. К тому же быстрое распространение эпидемии СПИДа привело к тому, что в ряде африканских стран, население которых наиболее затронуто этой болезнью, средняя продолжительность жизни сокращается. Отрицательное воздействие на показатель ожидаемой продолжительности жизни оказывают также войны и вооруженные конфликты, уносящие сотни тысяч жизней, голод и эпидемии, а также бедность и нищета во многих государствах Африки. В 2009 г. разрыв по такому показателю, как ВВП на душу населения, рассчитанному по паритету покупательной способности, между странами Африки и развитыми странами мира был более чем десятикратным.

Показатель ОПЖ характеризуется высоким уровнем дифференциации по странам и регионам Африки. Так, в Субсахарской Африке он не превышал 51 года в 2009 г., в то время как в Северной Африке достиг 69 лет – показателя более высокого, чем в развивающихся странах в целом. При этом за последние 10 лет, с 1999 по 2009 г. ОПЖ в Африке увеличилась на 4 года с 51

до 55 лет, в Тропической Африке – также на 4 года (с 47 до 51 года), а в Северной Африке – всего на 1 год (с 68 до 69 лет).

Самым высоким показателем ОПЖ был в 2009 г. в таких странах как Реюньон (76 лет), Тунис (74 года), Ливия и Сейшельские о-ва (73), Алжир, Египет и Маврикий (72), Кабо-Верде и Марокко (71). Во всех этих странах по сравнению со средними показателями по Африканскому континенту самый высокий уровень жизни, самый низкий уровень распространения инфекционных заболеваний, включая СПИД, а также наиболее развиты системы здравоохранения, водоснабжения и канализации (см. данные таблиц). В данных государствах также отсутствуют военные и политические конфликты. Страны, где все вышеперечисленные характеристики прямо противоположны, обнаруживают наиболее низкие индикаторы ОПЖ. Это такие страны, как Лесото (40 лет), Зимбабве (41 год), Мозамбик и Замбия (43), ЦАР (45), а также Свазиленд, Ангола и Малави (46 лет).

Что касается субрегионов Африки, то самым высоким показателем ОПЖ был в Северной Африке (69 лет), в остальных же регионах он был примерно одинаковым – 52 года в странах юга Африки и 51 год в Западной, Восточной и Центральной Африке.

Относительно низкий уровень ОПЖ в Африке может быть существенно улучшен при условии повышения влияющих на него вышеперечисленных характеристик. При этом, как показывает практика, даже при относительно низких затратах на проведение самых простых гигиенических мероприятий можно за достаточно короткий срок уменьшить младенческую и материнскую смертность, что в перспективе приведет к повышению показателей ОПЖ на Африканском континенте. Высокий процент молодежи в африканском населении также открывает возможность повышения ОПЖ и сокращения разницы по данному показателю с развитыми странами мира, население которых будет стареть. Однако для устойчивой тенденции роста ОПЖ необходимо существенное повышение социально-экономических показателей африканских государств и значительные финансовые вложения в человеческий капитал Африки.

В целом, за последние 10 лет произошло видимое улучшение социально-демографических характеристик практически всех стран Африки. В отличие от предыдущих десятилетий независимого развития Африканского континента в основе данного улучшения в основном лежали внутренние, а не внешние причины. Вот почему наилучших результатов по демографическим характеристикам в XXI веке достигли те страны, которые достаточно динамично развивались в экономическом и социальном плане. К ним относятся в основном ЮАР, государства Северной Африки, а также небольшие островные государства с высоким подушевым доходом, ориентированные на туризм, такие как Маврикий и Сейшельские острова. Очаговый характер социально-экономического развития континента был важнейшей причиной того, что неравномерность демографической картины в Африке сохранилась, как сохранился, хотя и сократился, разрыв континента по социально-демографическим показателям с промышленно развитыми государствами и многими развивающимися государствами Азии и Латинской Америки. Сохраняющиеся высокие показатели рождаемости и темпы прироста населения в субсахарской Африке будут обеспечивать увеличение демографического веса Африканского континента в ближайшие десятилетия, что приведет к важным социально-экономическим последствиям в мировом масштабе.

3.3. Влияние социально-демографических изменений на экономический рост африканских государств

В конце XX и начале XXI вв. проблемы влияния демографических и социальных факторов на экономическое развитие государств Центра и Мировой периферии приобретают первостепенное теоретическое и практическое значение. *Во-первых*, в результате низких или отрицательных темпов прироста населения промышленно развитых стран создаются диспропорции на рынках труда. Вследствие этого не только развитие, но и само функционирование экономики невозможно без привлечения трудящихся мигрантов. Увеличение продолжительности жизни,

уменьшение рождаемости и грядущая волна расходов на пенсии способны захлестнуть бюджеты развитых государств. «Импортируя налогоплательщиков», стареющие общества облегчают налоговое бремя. *Во-вторых*, ускоренный демографический рост в странах Юга и Востока при сравнительно низких темпах прироста ВВП сопровождается увеличением числа безработных, усугублением проблем бедности и экономического неравенства и служит одним из факторов масштабных миграций из развивающихся стран в богатые государства мира.

Многогранность современных демографических и социальных процессов в контексте глобального развития обуславливает необходимость и востребованность новых концептуальных исследований, которые позволят провести динамичную эволюцию миграционной политики, нивелировать противоречивые последствия «демографической революции» и ускорить экономический рост в странах мировой периферии.

Для современной Африки весьма актуален вопрос воздействия демографических и социальных показателей на экономическое развитие. Африка подошла к пониманию насущной необходимости реформ в демографической и миграционной политике, став практически, одним из мировых лидеров по уровню прироста населения. В связи с этим возникает насущная необходимость оценить роль демографического фактора в развитии африканских государств, и на основе накопленного международного опыта выработать рекомендации по формированию такой социальной и демографической политики, которая бы способствовала максимальной увязке социальной составляющей и целей экономического развития Африканского континента.

Демографические процессы теснейшим образом связаны с экономическими, социальными, политическими и культурологическим переменами в обществе. При этом связь между ними на протяжении длительного времени может трансформироваться – одни процессы могут определять характер других, а затем причина и следствия могут меняться местами.

Характер демографических процессов во многом определяется развитием экономического потенциала общества. Такая за-

висимость вызвана тем, что в конечном итоге именно экономический рост обеспечивает расширение возможностей человечества по борьбе с голодом, болезнями, а значит и со смертностью. В то же время современный производственный процесс предъявляет определенные требования не только к количественному воспроизводству рабочей силы, но и к ее качественным характеристикам, что также рано или поздно сказывается на демографических показателях. Именно поэтому особенно актуальным становится комплексное изучение взаимосвязи демографических процессов, происходящих в современном обществе, с его экономическим развитием. В первую очередь это касается развивающихся стран, где уже в середине прошлого века произошло рассогласование экономических и социальных процессов. Высокую смертность в этих странах удалось побороть усилиями всего мирового сообщества путем распространения достижений в медицине, производстве и хранении продовольствия, а традиционно высокая рождаемость, соответствующая уровню социально-экономического развития этих стран, сохранилась. В результате резко увеличились темпы роста населения развивающихся стран. Это явление получило название «демографического взрыва».

Вместе с тем в последние 10–15 лет в Азии, Африке и Латинской Америке выделилась группа стран, в которых произошло замедление темпов прироста населения и начался демографический переход – процесс замены традиционного воспроизводства населения современным, для которого характерны низкие уровни рождаемости и смертности. На Африканском континенте такими странами стали Маврикий, Сейшельские острова, Реюньон, в определенном смысле ЮАР, а также государства Северной Африки, где прогрессивные демографические изменения сопровождались трансформацией социально-экономических структур и ускорением экономического роста. В первую очередь это относится к Египту, Алжиру, Марокко и Тунису. В Ливии, население которой к началу XXI века не превышало 5,2 млн человек (это в 2 раза меньше, чем в Тунисе и в 14 раз меньше, чем в Египте)⁴⁴ аналогичные процессы также имели

место, но они в значительно меньшей степени затронули традиционные основы национальной экономики. Именно государства Североафриканского субрегиона, достигшие значительных успехов в социальной трансформации выбраны нами в качестве объекта исследования в данном параграфе. Не последнюю роль в нашем выборе сыграло также наличие достаточно обширной и фундированной статистической базы данных по этим странам.

Для государств Северной Африки вступление в новую технологическую эру открывает возможности социально-экономического обновления и общественного прогресса. В то же время возникновение новых кризисных ситуаций в национальной экономике и социальной сфере во многом будут определяться характером демографических изменений.

Противоречивость и разнонаправленность тенденций экономического и демографического перехода заставляют искать новые пути сочетания экономических, социально-демографических и структурных характеристик. Это особенно актуально как для североафриканского региона, так и для африканских стран, где экономические реформы проходили на фоне сложной демографической ситуации, связанной с ускоренными темпами прироста населения и неквалифицированных трудовых ресурсов, высокой долей детей нетрудоспособного возраста, неблагоприятными показателями всеобщей и детской смертности и т.п.

Перед африканскими государствами в 1980–1990-е гг. встала проблема выхода из глубокого экономического кризиса, сопровождавшегося обострением социальных проблем. Причины возникновения такого положения имели комплексный характер. Это и длительная военно-политическая нестабильность в регионе, и социально-экономическая отсталость, и сложившаяся традиция доминирования государства в экономике, и относительная неразвитость местного частного предпринимательства, и рост бюрократии, тормозящей проведение рыночных реформ, и неблагоприятная конъюнктура мирового рынка и т.д. Еще одной немаловажной причиной обострения социально-экономических проблем на Африканском континенте в тот период стал

ускоренный рост числа его жителей, получивший в научной литературе название «демографического взрыва». Сложная демографическая ситуация в регионе привела к тому, что все усилия по макроэкономической стабилизации и структурной адаптации, предпринимаемые африканскими государствами в последние 20 лет, сопровождались обострением социальных проблем, в частности ростом безработицы и расширением масштабов бедности. Таким образом, чисто механический перенос на африканскую почву апробированной западной рыночной модели оказался не вполне состоятельным. Помимо ухудшения материального положения значительной доли населения он приводил к дестабилизации социальной сферы, нарастанию социальной и политической напряженности, что во многих случаях затрудняло выход из экономического кризиса. Очевидно, что в современных условиях не может быть реальной структурной перестройки и устойчивого экономического роста без учета человеческого фактора, как в его количественных, так и качественных проявлениях.

Вместе с тем в последние 10–15 лет на Африканском континенте выделилась группа государств, достигших определенных успехов как в ускорении темпов экономического роста, так и в проведении структурных экономических реформ. К ним, в частности, относятся страны Северной Африки – Алжир, Египет, Марокко и Тунис.

В целом экономическое положение четырех рассматриваемых государств Северной Африки в 1990–2007 гг. было сходным. Эти страны имели положительную динамику ВВП (от 2 до 6% ежегодно) и сопоставимый уровень национального дохода на душу населения, который был примерно в 2 раза выше, чем аналогичный показатель по Африке в целом. По паритету покупательной способности доход на душу населения составил в 2008 г. в Алжире 7940, в Египте – 5460, в Марокко – 4330, в Тунисе – 7070 долл. США. По Африке в целом данный показатель был равен 2660 долл. США, а в Африке Южнее Сахары не превышал 1950 долл.⁴⁵ Изучаемые нами страны имели также сходную структуру ВВП и высокую сырьевую составляющую в экс-

порте, при одновременном доминировании в импорте продукции обрабатывающей промышленности и продовольствия. Алжир, Египет, Марокко и Тунис в 1990–2000-е гг. осуществляли программы либерализации экономики, важнейшей составляющей которых была приватизация государственного сектора. В ходе реализации программ экономических реформ с большим или меньшим успехом североафриканским странам удалось ускорить темпы экономического роста, сократить дефицит платежного баланса, снизить уровень инфляции, расширить масштабы и диверсифицировать структуру экспорта, сократить внешний долг и начать модернизацию ряда отраслей производства.

При этом для исследуемых нами стран североафриканского региона в последние 20–30 лет было характерно сочетание «мягкого» государственного регулирования с углублением либерализации внешнеэкономической сферы. Акцент во внешне-торговой политике этих стран был сделан на снижение таможенных барьеров в торговле, в первую очередь, со странами Евросоюза в рамках реализации «Барселонских соглашений» с целью перехода к свободному торговому обмену в XXI веке и формирования единого средиземноморского экономического пространства, а также на создание общерабского рынка и на присоединение к Всемирной торговой организации (ВТО). Во внутренней экономической политике по мере достижения поставленных целей – стабилизации курса национальной валюты и ее конвертируемости, укрепления частного сектора во внешней торговле, наращивания золотовалютных резервов, решения проблемы внешней задолженности и т.д. – предпочтения отдавались не жесткому государственному регулированию, а рыночным методам хозяйствования. Особенно это было характерно для стран, достигших наибольших успехов в реализации программ либерализации, в частности, для Туниса и Египта.

Последние 30 лет стали для стран Северной Африки периодом структурной перестройки их экономик. Современный мировой финансовый кризис выявил необходимость проведения широкомасштабных экономических и социальных программ,

которые сохраняют свое значение и во второй декаде XXI века. Экономическая стабильность и свободное рыночное предпринимательство выступают как важные условия расширения экономической активности, оживления торговой и инвестиционной деятельности.

В 1990–2000-е гг. Алжир, Египет, Марокко и Тунис достигли определенных успехов в структурной перестройке экономики. В первую очередь это выразилось в сокращении удельного веса сельского хозяйства в ВВП. Если еще в середине 1980-х гг. доля аграрного сектора в этих странах в среднем достигала 20%, то в 2008 г. его удельный вес сократился до 12% ВВП, при этом доля промышленности составила 36%, а сферы услуг – 52%.⁴⁶ Такое изменение произошло в основном за счет быстрого развития топливно-энергетического комплекса в Алжире, Египте и Тунисе. Преобладание сектора услуг характерно для всех североафриканских государств, кроме Алжира, где доля промышленности в ВВП уже в 1992 г. достигла 50%, а к 2008 г. возросла до 60%, что во многом было связано с вложением выручки от увеличения цен на нефть в обрабатывающую промышленность.

Одновременно всем четырем странам удалось снизить уровень инфляции до 2–3%, сократить внешний долг, дефицит бюджета и дефицит платежного баланса по текущим операциям. Государственные бюджеты североафриканских стран наряду с доходами от продажи углеводородного и других видов сырья, цены на которые в последние годы быстро увеличивались, стабильно пополняли денежные поступления эмигрантов, работающих за рубежом (в Марокко они превышают ежегодно 6 млрд долл. США, а в Египте составляют примерно 4 млрд долл.)⁴⁷, и доходы от иностранного туризма, которые возросли в среднем на 15–20%.

Все четыре государства североафриканского региона достигли в последние годы ощутимых успехов в развитии частного предпринимательства, формировании современной промышленности, развитии научно-технического потенциала, подъеме национальной культуры и образования, проведении аграрных преобразований и улучшении системы здравоохранения.

Важной составляющей программ по либерализации экономики стала приватизация предприятий госсектора. Намерения активизировать частное предпринимательство, включая полную или частичную передачу ему ряда государственных экономических функций и собственности, в течение ряда десятилетий выражало руководство большинства африканских стран. Однако до конца 1990-х гг. специальные программы приватизации разрабатывались и проводились преимущественно государствами Северной Африки.

Центральным звеном проводимых в Алжире реформ явилась приватизация государственной собственности. Соответствующее решение было принято еще на рубеже 1980–1990-х гг., но его реализация в основном началась только после подписания в 1994 г. соглашения с МВФ. В стране было запланировано приватизировать более сотни фирм. Пока из крупных предприятий удалось продать только металлургический комплекс в Эль-Хаджаре, 70% акций которого приобрел индийский консорциум ИСПАТ. На долю государства в 2007 г. все еще приходилось более 50% всех накопленных капиталовложений в промышленность.⁴⁸

В Египте к 2007 г. из первоначально намеченных к приватизации 314 государственных компаний были полностью или частично приватизированы немногим более 200.⁴⁹ В Марокко особенно активно осуществляются программы приватизации в области телесвязи, авиалиний и финансового сектора. В Тунисе количество частично или полностью приватизированных предприятий достигло 197 к 2007 году.⁵⁰

При всей своей значительности масштабы реформ собственности в исследуемых нами государствах не выходили за рамки «точечных» мероприятий. Это объяснялось, с одной стороны, более скромными абсолютными и относительными размерами государственной собственности при сохранении обширных сегментов индивидуальных и частных хозяйств, которые уцелели даже после активных кампаний национализации и кооперирования, а с другой – бесспорным приоритетом постепенности, градуалистского подхода к приватизационным мероприятиям всех режимов североафриканских государств.

В Египте, в какой-то степени это справедливо и в отношении Марокко и Туниса, приватизация, едва начавшись, начала буксовать: ее темпы резко снижались. В государствах Северной Африки возникали такие не предвиденные ранее проблемы, как методы точной оценки стоимости основных фондов приватизируемой компании, способы их продажи, выбор покупателя или стратегического инвестора, проблема сохранения рабочих мест и т.п. Особенно сложно решение столь важных проблем, как долги госкомпаний, повышение эффективности производства, сокращение скрытой безработицы.

К тому же во второй половине 1990-х гг. вследствие регионального экономического спада, вызванного, снижением цен на нефть, прекратился рост объема иностранной помощи. Трудности усугубились последующим снижением совокупного спроса в результате сокращения государственных расходов и экспорта, повышения реальных процентных ставок.

Одновременно наблюдались и другие негативные явления в социально-экономическом развитии североафриканских стран. Около трети бюджетных средств расходовалось на обслуживание внешнего долга. Во всех изучаемых нами странах до 50% госбюджета тратилось на оплату труда госслужащих, что было вдвое выше коэффициента, рекомендуемого МВФ. Сохранялся высокий уровень безработицы (до 20%), остро стояла проблема повышения уровня жизни. Для решения всех этих проблем необходимо было ужесточить фискальную систему, ускорить реформу финансового сектора для того, чтобы освободить больше ресурсов для инвестирования, продолжить либерализацию платежной и торговой системы, ускорить приватизацию для создания конкурентного климата и улучшения распределения ресурсов, провести административную реформу, разработать среднесрочную стратегию экономического развития для снижения бедности и обеспечения социальной защиты.

Приватизация, наряду с определенным положительным эффектом, вызвала ряд негативных последствий (увеличение безработицы, разрушение части социального комплекса и др.), которые стали причиной серьезных социальных катаклизмов.

Правительства стран отреагировали на эти вызовы новой программой экономических реформ, главными составляющими которой были ужесточение налогово-бюджетной политики, отмена контроля за процентными ставками, очередная девальвация и либерализация операций с капиталом, а также внедрение современных методов использования национальных ресурсов и реформирование социальной сферы в интересах эффективного развития экономики.

В целом в результате реализации программ экономической стабилизации и развития рыночных отношений странам Северной Африки все еще не удастся добиться устойчивых темпов прироста ВВП, хотя макроэкономические показатели развития этого региона были лучше, чем в большинстве африканских государств.

Темпы роста ВВП в период 1990–2007 гг. в Алжире были достаточно нестабильными и колебались в пределах от -2 до 5%. В то же время, начиная со второй половины 1990-х гг., после относительной стабилизации социально-политической ситуации в стране, достигнутой правительством А. Бутефлики, экономика Алжира демонстрировала устойчивый рост на уровне 3–4% ежегодно.⁵¹

Самые большие колебания в показателях мы наблюдаем в Марокко. Во многом они были связаны с неблагоприятными погодными условиями (засухами), сохранением значительного внешнего долга и неустойчивой конъюнктурой цен на фосфаты.⁵²

Средневзвешенный показатель темпов прироста ВВП в Алжире и Марокко в изучаемый нами период составил 2,9% ежегодно.

Наибольшая устойчивость и высокая динамика темпов прироста ВВП были характерны для Египта и Туниса. В этих странах среднегодовые темпы прироста ВВП составляли в среднем 5%.⁵³ Некоторое снижение данного показателя в 2002 и 2003 гг. было связано с событиями 11 сентября 2001 г., повлекшими за собой резкое уменьшение числа туристов, что не могло ни отразиться на темпах прироста экономики в странах, где туристиче-

ский бизнес является одним из основных источников дохода. Египет и Тунис занимают сегодня лидирующее положение в североафриканском регионе в реализации программ устойчивого развития. Они активно внедряют современные технологии, большое внимание уделяют развитию инновационных отраслей, например, нефте- и газопереработки, развитию средств коммуникации и информационных технологий, современному туризму и т.д.

Однако даже темпы роста экономики на уровне 5% не позволили решить этим североафриканским странам проблему занятости. По мнению специалистов Всемирного Банка, для решения этой проблемы странам Северной Африки необходимо обеспечить в предстоящие 10 лет экономический рост на уровне 7–8% в год. Для этого требуется сохранить достигнутый уровень макроэкономической стабильности при одновременном углублении и ускорении структурных реформ.

Разразившийся в 2008–2009 гг. мировой финансово-экономический кризис со всей наглядностью продемонстрировал, что в динамике экономического развития странам следует уделять особое внимание модернизации производства, научно-техническому развитию и стараться достигать высоких результатов, полагаясь на собственные силы, не ожидая помощи извне. Начатые программные реформы необходимо корректировать и с учетом изменения мировой ситуации. В настоящее время в исследуемых нами странах упали темпы экономического роста, в связи с падением цен на углеводороды и другие виды сырья вновь обострились проблемы внешней задолженности, бедности и безработицы. А ведь для достижения устойчивого экономического роста необходимо сочетание хозяйственных мер с социальными программами, что особенно актуально для стран, темпы прироста населения которых превышают общемировые показатели.

Как было показано нами в предыдущих разделах диссертации, беспрецедентный рост населения в развивающихся странах, в том числе в Африке, и острота порождаемых им проблем выдвинули демографические аспекты развития в ранг глобаль-

ных проблем современности. Результатом «демографического взрыва» стало значительное увеличение прироста населения и численности рабочей силы, ухудшение состояния окружающей среды, обезлесение и эрозия почв, вызванные сочетанием отсталой техники и избыточных людских ресурсов. Уродливые формы принял процесс урбанизации, в кризисном состоянии находятся системы образования и здравоохранения, резко обострились продовольственная и жилищная проблемы. Рост «демографических инвестиций», необходимых для поддержания уровня жизни и занятости растущего населения, осложняет проблему совершенствования производительных сил и роста качества человеческих ресурсов.

Быстрый рост населения, с которым Африка (в том числе и ее северный регион) столкнулась во второй половине XX века, стал для большинства стран «критическим фактором». В условиях острого дефицита материальных и финансовых ресурсов рост населения существенно осложнил преодоление африканскими странами социально-экономической отсталости.

Вместе с тем к началу XXI века на Африканском континенте выделилась группа стран, демографический рост которых существенно замедлился. К ним, в первую очередь, относятся страны Магриба и Египет. Сократилось расстояние, отделявшее эти государства от развитых стран, по таким показателям, как ожидаемая продолжительность жизни, смертность, в том числе младенческая, рождаемость, фертильность и доля городского населения.

Решающей причиной снижения рождаемости в государствах Северной Африки была модернизация общественных структур и расширение рамок современного сектора экономики, для которого характерны новые представления о семье. Существенную роль сыграли также программы по планированию семьи, которые успешно осуществлялись во всех странах Магриба и Египте еще с начала 1970-х годов. К началу нового тысячелетия более 60% североафриканских женщин пользовались современными средствами контрацепции. В городах этот показатель превысил 70%. Наблюдается также тесная зависимость между

уровнем рождаемости и социально-экономическим статусом женщины. К началу XXI века процент вовлечения североафриканских женщин в трудовую деятельность увеличился до 28%. Социологические опросы, проведенные в странах Северной Африки, показали, что работающая женщина хочет иметь не более 2–3 детей.⁵⁴

Сильное «модернизирующее влияние» на уровень рождаемости оказывает современное образование, охватывающее все большее число людей. Как известно, наиболее тесно показатели рождаемости коррелируют с женской грамотностью (чем выше грамотность женщин, тем ниже уровень рождаемости). Удельный вес грамотных женщин старше 15 лет увеличился с 1990 г. до 2007 г. в Алжире с 41% до 55%, в Египте с 34% до 46%, в Марокко с 25% до 38%, в Тунисе с 46 до 65%.⁵⁵

Тенденция к общему снижению рождаемости и фертильности в Алжире, Египте, Марокко и Тунисе затрагивала в основном современные отрасли городской экономики и носила очаговый характер. В бедных сельских семьях число детей все еще достигало 5–6 человек. Поэтому хотя разрыв по этим показателям с развитыми странами и сокращался, он все еще был достаточно высоким. Вместе с тем, именно страны Северной Африки входят сегодня в группу развивающихся стран с наиболее выраженной тенденцией к снижению уровня рождаемости.

Смертность в Африке в целом тоже наиболее высокая в мире: 15–20 промилле по сравнению с 5 промилле в Европе и 9 в Азии.⁵⁶ Однако различия в смертности между этими частями света стали не столь значительными, как несколько десятилетий назад, когда во многих европейских странах коэффициент смертности колебался на уровне 10 промилле, а в отдельных африканских странах (например, Мали) он доходил до 40. Это было связано с тем, что в последние десятилетия благодаря усилиям мирового сообщества с помощью недорогих медицинских мероприятий (вакцинация населения, внедрение эффективных методов борьбы с возбудителями некоторых заболеваний и т.п.) удалось резко снизить коэффициент смертности практически во всех «неблагополучных» странах мира. Одновременно все еще

высокая по сравнению с развитыми странами смертность во многих странах Африки обусловлена их крайней бедностью, неудовлетворительным медико-санитарным состоянием и низким уровнем культуры. Кроме того, с начала 1980-х гг. во многих странах Африки начала распространяться эпидемия СПИДа, причем в нескольких из них в катастрофических масштабах.

Тем не менее, в Африке все же имеются отдельные страны с низкой смертностью. Уже к началу 1990-х годов в странах Северной Африки смертность была ниже 10 промилле. В дальнейшем она продолжала снижаться. Сильнее всего в период 1990–2007 гг. смертность сократилась в Египте (на 3 пункта, с 9 до 6 промилле) и Алжире (на 3 пункта, с 7 до 4). За ними идет Марокко, и менее всего за период 1990–2007 гг. уровень смертности изменился в Тунисе, так как к концу 1980-х годов он уже был сравнительно низким (6 промилле). В среднем по всем изучаемым нами странам коэффициент смертности к началу нового тысячелетия составил 7 %.⁵⁷ Коэффициент смертности наиболее сильно связан с такими показателями как уровень развития здравоохранения и степень доступа населения к чистой питьевой воде и канализации. В этих сферах Алжир, Египет, Марокко и Тунис достигли значительного прогресса.

Важнейшим агрегированным показателем демографического развития, наиболее полно отражающим социальные сдвиги в обществе, служит показатель средней продолжительности жизни. Отрицательное воздействие на коэффициент ожидаемой продолжительности жизни оказывает низкий уровень санитарно-медицинского обслуживания, распространение болезней, войны и вооруженные конфликты, уносящие сотни тысяч жизней, голод, бедность и нищета. Ожидаемая продолжительность жизни населения в странах Северной Африки выросла за последние 10 лет на 3–5 лет. В Алжире за последние 17 лет продолжительность жизни увеличилась с 67 лет до 72 года, в Марокко с 65 до 70 лет, в Тунисе – с 68 до 74 лет и в Египте – с 63 до 71 года.⁵⁸ Это означает, что отрицательное воздействие большинства вышеперечисленных факторов в последнее десятилетие удалось ослабить.

Положительные сдвиги в демографических показателях североафриканских государств, имевшие место в последние 15–20 лет, привели к сокращению среднегодовых темпов прироста населения. Если еще в конце 1980-х гг. данный показатель превышал в исследуемых нами странах 2,5%, то к началу нового века он упал до 1,7%. Сравнивая показатели среднегодового прироста населения в развитых странах (0,3%) и государствах Северной Африки, приходим к выводу, что разрыв пока еще велик, хотя и имеет тенденцию к сокращению. Данная тенденция в ближайшее десятилетие, на наш взгляд, усилится. При этом еще одной причиной уменьшения демографического роста в изучаемых нами странах служит миграция мужского населения государств Северной Африки на работу за границу, главным образом в нефтедобывающие арабские страны, а также в Европу и Америку. Масштабы этой миграции в ближайшие годы будут постоянно расширяться.

При сохранении существующей тенденции к 2010 г. прирост населения в государствах Северной Африки, по нашим оценкам, сократится до 1,5%. При этом в североафриканском регионе самым многолюдным является Египет, число жителей которого превысило отметку в 80 млн человек (в сумме это равно населению Алжира, Марокко и Туниса).⁵⁹ Поэтому демографическая ситуация в Египте в ближайшие годы будет существенно влиять на динамику демографических показателей всего североафриканского региона.

В целом на протяжении 1990–2007 гг. в четырех североафриканских странах было отмечено устойчивое снижение темпов прироста населения, что оценивалось экспертами фонда народонаселения ООН как успех в достижении поставленной их правительствами задачи – сокращение высоких показателей роста численности населения в регионе. В то же время разрыв по данному показателю с развитыми государствами все еще оставался достаточно большим. Поэтому, в ближайшее десятилетие правительствам Алжира, Египта, Марокко и Туниса следует уделять больше внимания социальной составляющей общественного развития, от которой в значительной степени будет зависеть успешный экономический рост.

Современные российские и зарубежные исследователи считают, что экономические индикаторы далеко не всегда и не во всем коррелируют с социальными и демографическими показателями. Именно поэтому нами была поставлена задача выявления количественной взаимосвязи между основными экономическими и демографическими показателями развития стран Северной Африки за последние 17 лет.

В рамках многих десятилетий и больших групп стран легко обнаруживается органическая связь между экономическими и социальными изменениями. Однако масштабы и темпы этих сдвигов в отдельных странах и на разных стадиях их развития далеко не всегда совпадают, а иногда и вовсе не коррелируют между собой.

Социальные аспекты экономической политики проявляются в том, что правительство, принимая экономические решения, формируя бюджет, выделяя государственные ассигнования, вынуждено учитывать социальную реакцию разных слоев населения, в особенности ведущих групп. Забастовки и другие формы социальных протестов способны иногда оказывать решающее воздействие на отдельные элементы планируемой и проводимой в стране государственной экономической политики.

Эконометрическая модель и расчет регрессии по методу наименьших квадратов при анализе взаимовлияния экономических и демографических показателей были применены нами к четырем странам североафриканского региона на временном отрезке в 17 лет с 1990 по 2007 гг. При интерпретации уравнения регрессии важно помнить о трех вещах. Во-первых, интерпретация уравнения – также всего лишь оценка. Во-вторых, уравнение регрессии описывает лишь общую тенденцию в выборке. Каждый частный случай находится под влиянием случайных факторов. В-третьих, интерпретация основана на предположении, что уравнение правильно специфицировано.

Коэффициент корреляции может показать, что две переменные связаны друг с другом, однако он не дает представления о том, каким образом они связаны. Но коэффициент корреляции более подходящий измеритель зависимости, так как он есть ве-

личина безразмерная, неважно в каких величинах приведены переменные. При этом возможно выявление зависимости даже для достаточно коротких рядов (15–20 лет).

Если две переменные независимы, коэффициент корреляции равен нулю. Если между переменными существует положительная зависимость, то коэффициент будет положительным. Если существует строгая положительная линейная зависимость, то коэффициент примет максимальное значение, равное единице. Аналогичным образом, при отрицательной зависимости коэффициент будет отрицательным с минимальным значением -1 . При анализе и содержательном осмыслении результатов обычно обращают внимание на знак коэффициента зависимости, его абсолютную величину, но главное на действительный смысл полученного показателя.

Отметим, что не следует ожидать получения точного соотношения между какими-либо двумя показателями, за исключением тех случаев, когда оно существует по определению. В статистическом анализе, однако, факт неточности соотношения признается путем явного включения в него случайного фактора, описываемого случайным членом.

Автором был произведен расчет с помощью статистико-эконометрической программы Eviews3.

В первую очередь мы определяли корреляцию в паре «темпы экономического роста (ТЭР)» и «уровень рождаемости». Наиболее существенная обратная пропорциональная зависимость наблюдалась в Алжире ($-0,56$) и, в меньшей степени, в Египте ($-0,37$). В Марокко коэффициент корреляции не превышал $-0,12$, т.е. связь была очень слабая. Иными словами, в странах Северной Африки с большой численностью населения, относительно высоким уровнем рождаемости и неустойчивым экономическим развитием (Египет, Алжир) темпы экономического роста были обратно пропорциональны уровню рождаемости. В Марокко, где рождаемость ниже, чем в Алжире и Египте, обратно пропорциональная зависимость сохраняется, но она уже в несколько раз слабее. И всего лишь одна страна – Тунис, где уровень рождаемости самый низкий и не превышает 17 про-

милле – имеет положительную, но весьма слабую корреляцию (0,08). Там рост рождаемости приводит к росту ТЭР, и, наоборот. Весьма примечательно, что такая же тенденция закономерна и для развитых стран мира. Все это наглядно доказывает, что Тунис по ряду экономических и социально-демографических показателей выходит на уровень более развитых стран. Взяв выборку сразу по четырем государствам Северной Африки, приходим к следующему результату: коэффициент корреляции составил -0,20. Это означает, что существует обратная и не сильная взаимосвязь по исследуемым двум показателям. Другими словами, уровень рождаемости и ТЭР хотя и не являются полностью автономными, но коррелируют весьма слабо.

В отличие от ТЭР, величина коэффициента корреляции в паре «доход на душу населения и уровень рождаемости» велика. Выборка по четырем странам дает следующий результат: коэффициент корреляции составил -0,77, т.е. взаимосвязь отрицательная и сильная. Это связано с тем, что показатель дохода на душу населения является агрегированным, т.е. сочетает в себе как экономические (доход), так и демографические (численность населения) характеристики.

Помимо дохода на душу населения, рассчитанного по традиционной методике, в статистике так же используется показатель расчета дохода по ППС (паритету покупательной способности) валют, который точнее отражает различия между странами по уровню социально-экономического развития, чем аналогичные данные о величинах подушевых показателей ВВП, исчисляемых по официальным обменным курсам. Следующей парой для регрессионного анализа были выбраны «уровень рождаемости населения» и «доход на душу населения по ППС» всего субрегиона. Коэффициент корреляции составил -0,96, т.е. взаимосвязь обратно пропорциональная и существенная. Более высокие доходы населения в развивающихся обществах приводят к росту как материальных, так и духовных потребностей у мужчин, и что самое главное, у женщин, и таким образом формируют новые схемы репродуктивного поведения, выражающиеся, прежде всего, в сокращении рождаемости. Вместе с тем,

расчеты еще раз наглядно продемонстрировали относительную независимость социально-демографических и экономических показателей стран Северной Африки. Это явление характерно для большинства развивающихся африканских экономик и лежит в основе многих противоречий развития независимых государств.

Следующей парой были выбраны показатели «уровень смертности» и «ТЭР». Эти два показателя очень слабо коррелируют друг с другом: коэффициент корреляции равен $-0,05$. Что касается пары «уровень смертности» и «доход на душу населения», то здесь средневзвешенный коэффициент корреляции по странам Северной Африки был равен $-0,34$. Что касается расчета корреляции по «уровню смертности» и «доходу на душу населения по ППС», то коэффициент в данном случае был выше и достиг величины $-0,47$. Таким образом, связь между смертностью и доходами существует – чем выше доход, тем больше средств тратится на питание и медицинское обслуживание, что ведет к сокращению показателей смертности – однако коэффициент корреляции все же далек от идеального значения, равного 1.

Рассмотрение регрессионного анализа пары «темпы прироста населения (ТПН)» и «ТЭР», а затем «ТПН» и «доход на душу населения» показали следующие результаты. У всех четырех стран ТПН за семнадцать лет замедлились. Коэффициент корреляции ТЭР и ТПН составил $-0,24$. И по всему региону ТЭР выше ТПН, что свидетельствует об оздоровлении экономик стран северного субрегиона Африки. Если перевести данное положение на язык цифр, можно с известной долей уверенности утверждать, что снижение ТПН приведет к незначительному росту ТЭР в странах Северной Африки и наоборот, как это имело место в исследуемый период.

В паре «ТПН» и «доход на душу населения» коэффициент корреляции составил минус $0,62$, и в паре «ТПН» и «доход на душу населения по ППС» он был еще выше – минус $0,76$. Расчеты по ППС дают более четкую и ясную картину. Иными словами, снижение темпов прироста населения неизбежно приве-

дет к росту экономических показателей и, в первую очередь, дохода на душу населения. Но, разумеется, для каждой страны – в зависимости от ее специфических условий, места в мировом экономическом пространстве, исторических и национальных особенностей – существует своя собственная мера зависимости, которая меняется из года в год.

Помимо таких социально-демографических показателей как уровень рождаемости, смертности и прироста населения, автор посчитал необходимым провести анализ взаимовлияния таких показателей как уровень грамотности, урбанизации и продолжительности жизни в конце XX – начале XXI вв. с экономическими показателями на примере стран Северной Африки.

Определяя взаимосвязь между двумя показателями «уровень грамотности» и «ТЭР» в странах Северной Африки в 1990–2007 гг., видно, что они не сильно коррелируют друг с другом: коэффициент корреляции равен 0,23. Однако непосредственно по странам мы наблюдаем весьма интересную картину. В Алжире и Египте коэффициент корреляции был достаточно высок (0,57 и 0,45 соответственно), так как в этих странах уровень грамотности плавно повышался в течение всего рассматриваемого периода, а темпы экономического роста были достаточно устойчивыми. Слабая отрицательная корреляция в Марокко (минус 0,07) имела место только за счет того, что в течение исследуемого периода уровень грамотности повышался, а ТЭР принимали порой и отрицательное значение (в четырех случаях из 17 рассматриваемых лет). А в Тунисе отрицательная зависимость двух показателей (минус 0,08) получилась вследствие того, что ТЭР в течение всего периода хоть и были положительными, но в начале десятилетия были на 3 процентных пункта выше, чем в 2000 и 2005 гг. Таким образом, в исследуемый период именно Египет и Алжир дают представление об общей тенденции – чем выше уровень грамотности населения, тем быстрее экономический рост.

В четырех странах Северной Африки показатели «уровня грамотности» и «дохода на душу населения по традиционной системе подсчета» имели коэффициент корреляции равный 0,89 (связь

очень сильная и прямо пропорциональная). Аналогичная корреляция, рассчитанная для дохода на душу населения по ППС, составила 0,99, т.е. достигла максимальной величины. Таким образом, чем выше уровень грамотности населения, тем выше его доходы и наоборот. В этих условиях увеличение ассигнований на развитие образования дает прямой экономический эффект.

В трех странах Северной Африки из четырех (кроме Египта) население большей частью проживало в городах. Проверим, насколько взаимосвязаны ТЭР и уровень урбанизации.

Сравнивая эти два показателя в странах Северной Африки в 1990–2007 гг., можно прийти к выводу о том, что они не сильно друг взаимосвязаны: коэффициент корреляции равен 0,25. Связь между ними прямо пропорциональная, что означает, что при росте уровня урбанизации ТЭР будут незначительно повышаться и наоборот.

Индикаторы пары «уровень урбанизации» и «доход на душу населения по ППС» сильно коррелируют друг с другом, коэффициент корреляции равен 0,97. Связь очень сильная, но у коэффициента урбанизации есть критическая оценка, при достижении которой эффект может измениться. Очевидно, что в аграрно-индустриальных странах доля сельского населения не должна быть ниже 10–20%.

Два показателя «уровень продолжительности жизни» и «ТЭР» в странах Северной Африки в 1990–2007 гг. не сильно коррелируют друг с другом: коэффициент корреляции был равен 0,29. Соответственно связь между ними прямо пропорциональная. В паре «уровень продолжительности жизни» и «доход на душу населения по ППС» коэффициент корреляции равен 0,96, т.е. связь очень сильная и положительная. В Алжире коэффициент корреляции составил 0,92, в Египте – 0,96, в Марокко 0,95 и в Тунисе – 0,88. В Тунисе он оказался самым низким, так как уровень продолжительности жизни уже в 1990 г. был очень высок и существенно не изменился. В целом рост доходов населения неизбежно ведет к повышению средней продолжительности жизни, что было ярко продемонстрировано нами на количественном уровне.

Приведенные выше расчеты позволяют сделать вывод о разной степени зависимости экономических, социальных и демографических показателей в Алжире, Египте, Марокко и Тунисе. При этом некоторые социальные и демографические индикаторы в своей динамике, в известной мере, автономны относительно важнейших чисто экономических характеристик. Почему это происходит? Дело в том, что в ликвидации эпидемий, снижении смертности и заболеваемости заинтересовано все международное сообщество, в том числе правительства и народы развитых стран. Именно поэтому международные организации и, прежде всего, ВОЗ предоставляют помощь развивающимся странам по линии здравоохранения. Это выгоднее, чем впоследствии бороться с эпидемиями и опаснейшими болезнями. Разумеется, немалую роль играет и возможность использования в африканских странах достижений медицинской науки и фармацевтической промышленности развитых государств.

В то же время с уверенностью можно утверждать, что все изучаемые нами экономические, социальные и демографические индикаторы прямо или опосредованно связаны между собой, что свидетельствует о необходимости комплексного подхода при разработке стратегий социально-экономического развития стран Африки и всех развивающихся государств.

В целом наши расчеты показали, что высокие темпы экономического роста не лимитируют демографическое развитие. Для стабилизации численности населения требуется комплексная стратегия по преодолению бедности и социально-экономической отсталости, способная решить целый ряд глобальных проблем. В пользу возможной убыли населения говорит повышение требований к качеству рабочей силы при одновременном снижении необходимости в массовом приложении труда, характерное для современного этапа развития производительных сил в развитых странах. В перспективе в этом же направлении развитие населения будет подталкивать обострение экологических проблем.

Расчеты, сделанные разными методами при разных предположениях, показывают одно и то же – в ближайшее время од-

ной из основной проблем мирового развития будет рост населения развивающихся, в первую очередь, африканских стран.

Сегодня уже очевидно, что при сохранении существующих тенденций к середине нынешнего столетия ряд стран Африки по своим демографическим показателям не будут отличаться от большинства развитых стран мира. В ближайшие десятилетия речь будет идти, скорее всего, о скорости этого перехода и о той цене, которую заплатят государства и народы африканских государств за переход к рациональному типу воспроизводства населения. И чем короче будет этот путь, тем меньше цена. Демографические процессы очень масштабны и инерционны, поэтому нужны очень значительные экономические ресурсы и существенные социально-экономические изменения, чтобы эта группа стран успешно и динамично завершила демографический переход. Подготовка политики, направленной на решение демографических проблем, требует обширных и подробных научных исследований. Автор надеется, что предложенные в этой главе подходы помогут этой работе.

¹ www.unfpa.org/modules/briefkit/English/ch05.html

² Ibid.

³ Африка. Энциклопедия. М., 1986 г. Т. 1, С. 56.

⁴ Рассчитано по: U.S. Census Bureau. Global Population Profile: 2002, P. 1-4 и по: The 2009 World Population Data Sheet. P. 7-10.

⁵ www.census.gov

⁶ Трудовые ресурсы Востока. Демографо-экономические проблемы // Под ред. Я.Н. Гузеватого. М., 1987. С. 18.

⁷ African Development Indicators 2002. The World Bank. Wash., 2002. P. 6.

⁸ The 2009 World Population Data Sheet. P. 6, 10.

⁹ African Development Indicators. P. 312-319. The 2009 World Population Data Sheet. P. 6, 10.

¹⁰ Рассчитано по: African Development Indicators. P. 315.

¹¹ www.avert.org/aafrica.htm

¹² Ibidem.

¹³ African Development Indicators. P.309. The 2009 World Population Data Sheet. P. 7-8.

¹⁴ Рассчитано по African Development Indicators. P. 322.

¹⁵ *Philippe Fragues*. State Policies and the Birth'Rate in Egypt: from socialism to liberalism // Population and Development Review. Vol. 23. N 1. 1997. P. 27.

¹⁶ www.unchs.org

¹⁷ The 2009 World Population Data Sheet. P. 11.

¹⁸ The 2009 World Population Data Sheet. P. 7; African Development Indicators 2002. P. 313.

¹⁹ African Development Indicators 2002. The World Bank. Washington, 2002. P. 312.

²⁰ Ibidem.

²¹ Ibid. P. 272.

²² <http://geo.1september.ru/2001/19/7.htm>

²³ Africa Renewal. United Nations Department of Public Information. N.Y. Vol. 19, No. 4, January 2006, P.16.

²⁴ www.ilo.org

²⁵ Рассчитано нами по: African Development Indicators 2002. The World Bank. Wash., 2002. P. 6 и по: 2009 World Population Data Sheet. Population Reference Bureau. Wash., 2009. P. 6-7.

²⁶ Рассчитано по: The 2009 World Population Data Sheet/ Population Reference Bureau. Washington, 2009. P. 7-10.

²⁷ Ibid. P. 14-15.

²⁸ www.who.int/entity/dg/speeches/2009/afro_regional_committee_20090831/en/

²⁹ Здесь и далее все данные по: <http://www.un.org/ru/unforpeople/aids6.shtml>

³⁰ Рассчитано по: The 2009 World Population Data Sheet/ Population Reference Bureau. Washington, 2009. P. 10-11 и по African Development Indicators 2002. The World Bank. Wash., 2002. P. 6.

³¹ Здесь и далее сноски по: <http://www.who.int/whosis/whostat/2009/ru/index.html>

³² Мировая статистика здравоохранения. 2009. Всемирная организация здравоохранения. 2009 г. С. 56.

³³ Там же.

³⁴ Здесь и далее цифры приводятся по: <http://www.who.int/media-centre/factsheets/fs094/ru/>

³⁵ Мировая статистика здравоохранения. 2009. Всемирная организация здравоохранения. 2009 г. С. 26-27.

³⁶ Там же.

³⁷ Мировая статистика здравоохранения. 2009. Всемирная организация здравоохранения. 2009 г. С. 92.

³⁸ Там же. С. 69.

³⁹ Там же. С. 84-90.

⁴⁰ Рассчитано по African Development Indicators 2002. P. 313; The 2009 World Population Data Sheet. P. 7-8

⁴¹ Ibid. P. 311.

⁴² African Development Indicators 2002. The World Bank. Washington, 2002. P. 312.

⁴³ African Development Indicators 2002. P. 313; The 2009 World Population Data Sheet. P. 7-8.

⁴⁴ 2007 World Population Data Sheet. Population Reference Bureau. Wash., 2007. P. 7.

⁴⁵ World Bank. World Development Report 2007. Wash., 2009. P. 132.

⁴⁶ African Development Indicators 2009. The World Bank. Wash., 2009. P. 15-18.

⁴⁷ Global Economic Prospects. Economic Implications of Remittances and Migration 2006. Wash., 2006. P. 90.

⁴⁸ Country Profile. Algeria. L., 2008. P. 10.

⁴⁹ Egyptian Federation of Industries. Annual Report. Cairo, 2008. P.22.

⁵⁰ Country Profile. Tunisia. L., 2008. P. 18.

⁵¹ Country Profile. Algeria. P. 17.

⁵² Banque Marocaine du Commerce Extérieur. Annual Report 2006. Casablanca, 2007. P. 27.

⁵³ African Development Indicators 2006. The World Bank. Wash., 2006. P. 19.

⁵⁴ *Абрамова И.О.* Арабский город на рубеже тысячелетий. М., 2005. С. 51.

⁵⁵ www.unchs.org/education/country/

⁵⁶ 2007 World Population Data Sheet. Population Reference Bureau. Wash., 2007. P. 7-10.

⁵⁷ Ibidem.

⁵⁸ Ibidem.

⁵⁹ Рассчитано по: www.census.gov. U.S. Census Bureau, International Data Base.

ГЛАВА 4

ПРОЦЕСС УРБАНИЗАЦИИ В АФРИКЕ: ЗАКОНОМЕРНОСТИ, ПРОТИВОРЕЧИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ

4.1. Современный этап урбанизации: мировой и региональный аспекты

Характерная черта современной цивилизации – небывалое ускорение процесса урбанизации во всем мире. Рост городов связан с общей тенденцией исторического развития, ведущей к нивелировке образа жизни людей и его стандартизации. Вопреки утопическим мечтам о разумно устроенных «городах Солнца» или «городах-садах», реальное развитие шло по пути роста гигантских людских поселений. Продуктом городского роста стали огромные мегаполисы во всех частях света, породившие множество острых социально-экономических и экологических проблем.

В процессе развития мировой экономики доля сельского хозяйства в ВВП снижается, и доминирующее положение начинают занимать промышленное производство и сфера услуг. Товары и услуги с наименьшими затратами производятся в плотно и компактно заселенных районах, которые обеспечивают доступ к квалифицированной рабочей силе, системе вспомогательных производств, выступающих в качестве поставщиков, и необходимому числу потребителей. По этой причине устойчивый экономический рост всегда сопровождался урбанизацией.

Любой крупный город – это концентрат, узел всех противоречий современной жизни. В то же время это своего рода опытная лаборатория, где испытываются новые формы коммуналь-

ного сожительства множества людей, самых разных в социальном, этническом, культурном и имущественном отношении. Эти уникальные наднациональные образования рожают новые жизненные реалии и новую стратегию выживания людей в условиях современной цивилизации при переходе ее к постиндустриальной стадии. С этой точки зрения новые мегаполисы, к которым относятся и некоторые африканские города, являются своеобразными экспериментальными моделями, примером того, как может сложиться судьба человеческих поселений в третьем тысячелетии.

Условия жизни в таких мегаполисах и свойственная им особая энергетика урбанизма оказывают мощное воздействие на все сферы материальной и культурной жизни их населения и ведут к глубинным изменениям в социальной атмосфере, поведении людей, их психике. Если в античные времена жители городов отличались качествами, определяемыми латинским словом «urbanitas», которое переводится как «культурность», «учитивость», «толерантность», «внимательное отношение к окружающему», то жителям современных крупных городов часто свойственны иные, порою противоположные, качества – агрессивность, изолированность, равнодушие к проблемам ближнего, нечувствительность к нарушениям этики и прочие отклонения от нравственной нормы. Одновременно города выступают мощными катализаторами социальной и политической нестабильности в современном обществе. Поэтому одной из стратегических задач современной цивилизации является сохранение позитивных и преодоление негативных сторон урбанизации и глобализации, а задача ученых – предлагать свои варианты для решения этих проблем.

При анализе перспектив развития современных городов нужно учитывать весь опыт истории и все взаимосвязи различных культур. К этому обязывает процесс глобализации, в которые сейчас втянуты практически все страны. Как бы ни относиться к глобализации, как бы ни критиковать ее (с протестами против глобализации выступают массовые движения в современном мире), но обретение человечеством все большего единства, одной

из форм проявления которого выступает урбанизация, усиление интеграционных процессов – все это является объективной закономерностью мирового общественного развития в XXI веке. Поэтому так важно знать своеобразие облика и развития городов в разных регионах мира, социально-экономические, исторические и национальные особенности их структуры, эпохальные изменения городов и их образа в сознании людей.

Процесс урбанизации становится сегодня одним из важнейших аспектов демографической трансформации мира. Рост городов, отражая изменения в социально-экономической и общественно-политической жизни любого государства, во многом фокусирует сложности и противоречия развивающегося общества.

Глобализация способствует экономическому росту, который, в свою очередь, является движущей силой урбанизации. Однако существующие сегодня телекоммуникационные и информационные технологии позволяют компаниям сбывать свои товары далеко за пределами своих стран и включать в производственную цепочку фирмы и специалистов, которые территориально находятся на другом конце света. Если одним из преимуществ глобализации служит возможность сокращать огромные расстояния, то почему же урбанизация продолжает оставаться одной из основных тенденций социально-экономического развития мира? Дело в том, что хотя глобализация и облегчает экономические связи, она одновременно усиливает преимущества географической близости. Компании, конкурирующие в условиях глобальной экономики, по-прежнему значительно выигрывают от доступа к большому скоплению рабочей силы, ресурсов, услуг и потребителей. В результате этого глобализация может способствовать дальнейшей урбанизации. Это особенно справедливо в развивающихся странах, где в условиях ограниченности ресурсов, квалифицированной рабочей силы и рынков сбыта доступ к создаваемым глобализацией возможностям гораздо шире именно в городах.

Динамично развивающиеся города являются неотъемлемым элементом устойчивого экономического роста. По мере разви-

тия стран на города приходится все более значительная доля национального дохода. Городская экономика дает 55% валового национального продукта (ВНП) в странах с низким доходом, 73% – в странах со средним доходом и 85% – с высоким доходом.¹ Растущие сектора экономики – промышленное производство и услуги – обычно сосредоточены в городах, обладающих необходимыми материальными и людскими ресурсами, инфраструктурой,² а также интеллектуальным и информационным потенциалом.²

Несмотря на то, что цены на землю и стоимость жизни в городах намного выше, чем в сельской местности, эти издержки компенсируются теми выгодами, которые дает город, особенно крупный. Концентрация повышает производительность широкого диапазона видов экономической деятельности. Производительность типичной компании вырастает на 5–10%, если размер города, где она функционирует, удваивается.³ Заработная плата в городах выше заработной платы в сельских районах в 3–4 раза в странах со средним доходом и в 5–10 раз в странах с низким доходом.⁴

Исторически города были более эффективными, чем сельские районы, поскольку в городах имеются достаточно большие рынки для производственных ресурсов и готовой продукции, чтобы оправдать создание крупных предприятий и, тем самым, использовать преимущества *эффекта масштаба*. В малых городах он практически сводится на нет высокой стоимостью транспортировки товаров к потребителю или производственных ресурсов от поставщиков. В современных условиях плотность городской застройки способствует тому, что компании, независимо от их размера, получают экономию от эффекта масштаба и диапазона деятельности. С первым связано наличие общего резерва рабочей силы, ресурсов и услуг. А экономия от диапазона деятельности имеет место, когда осуществление одного вида деятельности способствует сокращению затрат на вспомогательную деятельность путем диверсификации предложения и специализации компаний. Плотность расположения также способствует распространению знаний. Компании, действующие вблизи друг от

друга, часто получают выгоду от распространения информации, в ряде случаев просто наблюдая, что делают соседние компании. Когда компании сосредоточены в городах, сокращаются также операционные издержки, прежде всего, расходы на поиск подходящих кандидатур для заполнения вакансий.

Экономика агломераций принимает сегодня различные формы. Выгоды, получаемые от того, что одни компании размещаются ближе к другим компаниям той же отрасли, известны как *экономический эффект локализации*. В свою очередь, преимущества, которые извлекаются из близости к многочисленным субъектам экономической деятельности, известны как *экономический эффект урбанизации*. Извлечение той или иной отрасли наибольшей выгоды от урбанизации или локализации зависит от того, насколько передовой она является. Новые, динамичные отрасли с большей вероятностью выберут крупные урбанистические центры развитых государств для размещения производства, где они могут получить выгоды от взаимного обогащения в результате контактов с различными субъектами производственного процесса. Отрасли, находящиеся на более продвинутой стадии развития, сосредоточатся в более мелких и средних городах, в том числе в развивающихся странах, где издержки перенасыщенности являются низкими, а экономический эффект локализации может быть высоким.

И, наконец, концентрация деятельности в крупных городах выгодна потому, что они менее уязвимы перед лицом экономических колебаний благодаря своей диверсифицированной экономической базе. Рабочая сила может перетекать из одного сектора в другой при сохранении среднего уровня безработицы на относительно низком уровне. Количество и разнообразие потребителей дают компаниям определенную степень защиты, позволяя им полагаться на закон больших чисел в управлении запасами. Крупные города также предоставляют потребителям разнообразие услуг и возможностей в плане товаров и развлечений.

Таким образом, темпы экономического роста любой страны во многом определяются способностью городов воздействовать

на процесс развития, в том числе регулировать создание новых отраслей экономики. Городские институты могут как способствовать экономическому развитию, так и замедлять его. Вот почему важное значение приобретает теоретическое осмысление той роли, которую играют крупные города в формировании определенной социально-экономической структуры, нового соотношения общественных и политических сил современного общества и в изменении роли государства.

Важной составляющей нашего исследования служит также анализ динамики городского роста за последние 30–40 лет, включая количественные характеристики процесса урбанизации, характерные для XXI века.

В 2008 г., впервые в истории человечества, городское население мира по своей численности сравнялось с сельским населением, и, начиная с этого момента, удельный вес горожан на нашей планете будет все больше превышать долю деревенских жителей. Это событие было обусловлено ускоренным ростом городского населения по сравнению с сельским за последние 30–40 лет, в первую очередь, в наименее развитых регионах мира, в том числе и в Африке. В то же время в большинстве развивающихся стран сельское население все еще превышает городское: в Азии и Африке, например, 6 из 10 жителей живут в деревне. В развитых странах уже в 1950 г. городское население составило 53%, в то время как в развивающихся странах городское население превысит сельское лишь в 2020 г.⁵

Таблица 4.1.1

Общее, городское и сельское население мира по группам стран и временным отрезкам

	Среднегодовой темп прироста (%)				Население (млрд)				
	1950-1975	1975-2007	2007-2025	2025-2050	1950	1975	2007	2025	2050
Все население									
Весь мир	1,90	1,54	1,02	0,55	2,54	4,08	6,67	8,01	9,19
Развитые страны	1,01	0,48	0,16	-0,04	0,81	1,05	1,22	1,26	1,25

Среднегодовой темп прироста (%)					Население (млрд)				
	1950-1975	1975-2007	2007-2025	2025-2050	1950	1975	2007	2025	2050
Развивающиеся страны	2,26	1,84	1,19	0,65	1,72	3,03	5,45	6,75	7,95
Городское население									
Весь мир	2,89	2,42	1,84	1,33	0,74	1,52	3,29	4,58	6,40
Развитые страны	1,98	0,81	0,49	0,30	0,43	0,70	0,91	0,99	1,07
Развивающиеся страны	3,88	3,35	2,27	1,58	0,31	0,82	2,38	3,59	5,33
Сельское население									
Весь мир	1,44	0,87	0,08	-0,82	1,80	2,56	3,38	3,43	2,79
Развитые страны	-0,44	-0,32	-0,94	-1,67	0,39	0,35	0,31	0,26	0,17
Развивающиеся страны	1,80	1,02	0,17	-0,74	1,41	2,21	3,06	3,16	2,62

Источник: World Urbanization Prospects: The 2007 Report. P. 2.

По среднему варианту прогноза ООН, с 2007 по 2050 г. население мира увеличится на 2,5 млрд человек – с 6,7 до 9,2 млрд. В этот же период, городское население всех континентов вырастет на 3,1 млрд человек – с 3,3 млрд до 6,4 млрд. Таким образом, города мира полностью «поглотят» весь прирост числа жителей планеты в ближайшие сорок лет при одновременном абсолютном сокращении сельского населения примерно на 600 млн человек.⁶ Соотношение городского и сельского населения мира будет в 2050 г. при данном варианте прогноза 70% к 30% – пропорция, характерная сегодня для развитых стран. При этом основной прирост городского населения дадут именно развивающиеся страны: число горожан в Азии с 2007 по 2050 г. увеличится на 1,8 млрд человек, в Африке – на 0,9 млрд и в Латинской Америке – на 0,2 млрд. Прирост городского населения в остальных странах мира составит всего лишь 0,2 млрд человек. Это означает, что развивающиеся страны мира в ближай-

шие 40 лет будут практически полностью обеспечивать не только прирост всего мирового населения, но и его городской части, давая 95% прироста числа горожан в период с 2007 по 2050 гг.

Следует сразу оговориться, что данный прогноз был рассчитан с условием снижения показателя фертильности в развивающихся странах. Если же фертильность останется на прежнем уровне, городское население мира достигнет к 2050 г. 8,1 млрд человек, и этот рост практически полностью будет обеспечен развивающимися странами, где естественный прирост дает свыше 60% роста городского населения.

Удельный вес городского населения существенно варьируется от страны к стране и в различных группах стран.

Таблица 4.1.2

Удельный вес городского населения по годам и группам стран

	Удельный вес городского населения (%)				
	1950 г.	1975 г.	2007 г.	2025 г.	2050 г.
Весь мир	29,1	37,3	49,4	57,2	69,6
Развитые страны	52,5	67,0	74,4	79,0	86,0
Развивающиеся страны	18,0	27,0	43,8	53,2	67,0

Источник: World Urbanization Prospects: The 2007 Report. P. 4.

Если мы поделим мир на 2 группы: развитые и развивающиеся страны, то в первой группе уже в 1950 г. 52,5% жителей проживали в городах, в то время, как во второй – всего лишь 18%. К 2007 г. уже 74,4% жителей развитых и 43,8% жителей развивающихся стран были горожанами. При этом увеличение доли городского населения в группе развитых стран составило 21,9 процентных пункта, а в группе развивающихся стран – 25,8 процентных пункта, что было обусловлено более высокими темпами прироста городского населения в развивающихся государствах по сравнению с развитыми (см. табл. 4.1.1.). Дальнейшее повышение доли городского населения все еще будет ха-

рактарно в ближайшие 40 лет как для первой, так и для второй группы, где она достигнет в 2050 г. 86 и 67% соответственно. Однако масштабы этого прироста весьма различаются между собой: в группе развитых стран прирост составит всего 12 процентных пункта, в то время как в развивающихся странах – 22 процентных пункта.

Сегодня более 50% горожан мира живут в городах с численностью менее 500 тыс. человек. В то же время в мире существует 19 так называемых «мегагородов», население которых превышает 10 млн человек. В этих городах-гигантах проживает сегодня 9% городского населения мира, причем данный показатель увеличится к 2050 г. весьма незначительно и составит примерно 10%.⁷ Таким образом, основной рост городского населения мира в ближайшие 40 лет будет происходить в основном за счет малых и средних городов. Эта закономерность отражает ту степень концентрации, которая наиболее удобна компаниям и отраслям, и те виды выгод, которые такая концентрация дает. Крупные города должны предоставить преимущества, которые окупят высокую стоимость рабочей силы и земли. Однако для ряда отраслей, в первую очередь обслуживающих потребности населения, малые города более привлекательны. Зависимость положения людей, имеющих работу, от размера города является зачастую минимальной. Типичный рабочий в небольшом городе с низкой зарплатой и низкой стоимостью жизни, как правило, находится в тех же материальных условиях, что и рабочий в крупном городе, где как заработная плата, так и стоимость жизни может быть в несколько раз выше (здесь мы абстрагируемся от ряда других социальных компонентов, в частности, от способов проведения досуга, возможностей повышения квалификации и др.).

Крупные мегаполисы обеспечивают большую и разнообразную экономическую базу для передовых отраслей и современной сферы услуг. И, наоборот, малые и средние города, как правило, специализируются на производстве товаров, которые экспортируются за их пределы, развивая какое-либо одно *стандартизированное производство или вид услуг*, например, производ-

ство первичных металлов, пищевую, легкую, целлюлозно-бумажную промышленность, машиностроение, производство транспортных средств и т.п. Специализируясь в одном виде деятельности, малые города используют экономический эффект локализации, избегая в то же время издержек перенасыщенности, характерных для крупных городов. Рост данной группы городов происходит одновременно по мере расширения местными предприятиями производства полуфабрикатов друг для друга, а также с увеличением размеров региональных рынков и конкретных потребностей жителей этих городов, стимулирующих рост производства.

Несмотря на общую тенденцию ускоренного роста городского населения мира в последние 50–60 лет, темпы данного прироста неуклонно снижаются (табл. 4.1.3). С 1950 по 2007 г. среднегодовые темпы прироста числа горожан в мире составили 2,6% (2,9% в 1950–1975 гг. и 2,4% в 1975–2007 гг.), а все населения городов в абсолютном выражении увеличилось в тот же период в 4 раза с 0,7 млрд до 3,3 млрд человек. По прогнозам ООН, в период с 2007 по 2025 гг. среднегодовой темп прироста городского населения в мире составит 1,8%, а с 2025 по 2050 гг. – 1,3%, а его численность увеличится с 3,3 до 4,58 и 6,4 млрд соответственно, т.е. удвоится за 43 года.⁸

Таблица 4.1.3

Численность и среднегодовые темпы прироста городского и сельского населения по годам и основным регионам мира

Годы	Население (млн)					Среднегодовой темп прироста			
	1950	1975	2007	2025	2050	1950-1975	1975-2007	2007-2025	2025-2050
Все население									
Африка	224	416	965	1394	1998	2,48	2,63	2,04	1,44
Азия	1411	2394	4030	4779	5266	2,12	1,63	0,95	0,39
Европа	548	676	731	715	664	0,84	0,24	-0,12	-0,30
Латинская Америка	168	325	572	688	769	2,65	1,77	1,02	0,45

Годы	Население (млн)					Среднегодовой темп прироста			
	1950	1975	2007	2025	2050	1950-1975	1975-2007	2007-2025	2025-2050
и Кариб. Бассейн									
Северная Америка	172	243	339	393	445	1,40	1,03	0,82	0,50
Океания	13	21	34	41	49	2,03	1,49	1,05	0,65
Городское население									
Африка	33	107	373	658	1234	4,76	3,90	3,15	2,52
Азия	237	574	1645	2440	3486	3,54	3,29	2,19	1,43
Европа	281	444	528	545	557	1,84	0,54	0,18	0,08
Латинская Америка и Кариб. Бассейн	69	198	448	575	683	4,21	2,55	1,38	0,69
Северная Америка	110	180	275	337	401	1,98	1,33	1,11	0,70
Океания	8	15	24	30	37	2,60	1,44	1,17	0,89
Сельское население									
Африка	192	309	592	736	764	1,92	2,03	1,21	0,15
Азия	1174	1820	2384	2339	1780	1,75	0,84	-0,11	-1,09
Европа	267	232	204	170	107	-0,57	-0,41	-1,00	-1,84
Латинская Америка и Кариб. Бассейн	98	126	124	113	87	1,01	-0,06	-0,50	-1,08
Северная Америка	62	64	63	56	44	0,11	-0,02	-0,65	-1,00
Океания	5	6	10	12	11	0,88	1,60	0,78	-0,04

Источник: World Urbanization Prospects: The 2007 Report. P. 5.

Исторически ускоренный рост городов начался именно в развитых странах мира, где в 1920 г. в городах проживало лишь 30% населения, а в 1950 г. – уже 53%. В настоящее время са-

мый высокий уровень урбанизации (более 80%) характерен для таких стран, как Австралия, Новая Зеландия, США и Канада. Европа, с удельным весом горожан 72%, остается наименее урбанизированной частью развитых стран. К 2050 г. доля городских жителей в Европе достигнет 84%, в то время как в Австралии, Новой Зеландии, США и Канаде данный показатель превысит 90%.

Что касается развивающегося мира, то его наиболее урбанизированной частью на сегодняшний день является Латинская Америка и страны Карибского бассейна, где доля горожан составляет 78% (на 4 процентных пункта выше, чем в Европе!). Наименее урбанизированным регионом мира продолжает оставаться Африка (38%) от которой всего на 3 процентных пункта отличается Азия (41%). Однако в период до 2050 гг. в Африке сохранятся самые высокие темпы прироста городского населения (4,76% в 1950–1975 гг., 3,9% в 1975–2007 гг., 3,15% в 2007–2025 гг. и 2,52% в 2025–2050 гг.). Тем не менее, к середине текущего столетия Африка и Азия все еще останутся наименее урбанизированными районами мира (см. табл.4.1.4).

Таблица 4.1.4

**Уровень урбанизации по годам и основным
регионам мира (%)**

	1950 г.	1975 г.	2007 г.	2025 г.	2050 г.
Африка	14,5	25,7	38,7	47,2	51,8
Азия	16,8	24,0	40,8	51,1	66,2
Европа	51,2	65,7	72,2	76,2	83,8
Латинская Америка и Карибский бассейн	41,4	61,1	78,3	83,5	88,7
Северная Америка	63,9	73,8	81,3	85,7	90,2
Океания	62,0	71,5	70,5	71,9	76,4

Источник: World Urbanization Prospects: The 2007 Report. P.5.

В то же время в абсолютном выражении в 2007 г. половина всего городского населения мира проживала в городах Азии. На втором месте была Европа (16% в 2007 г.), на третьем – Латинская Америка и страны Карибского бассейна (14%). К 2050 г. большинство горожан будут проживать в Азии (54% всех жителей городов в мире) и в Африке (20%).

Что касается сельского населения мира, то оно достигнет своего максимума в абсолютном выражении в 2018–2019 гг. (3,5 млрд человек по среднему прогнозу с учетом сокращения показателя фертильности в развивающихся странах), а затем его численность начнет снижаться и достигнет к 2050 г. величины в 2,8 млрд человек. Прирост сельского населения будет полностью обеспечен наименее развитыми странами мира, где сегодня проживает 90% всех жителей деревни. При этом в развитых странах мира, начиная с 1950 г., сельское население постоянно сокращалось как в абсолютном, так и в относительном выражении, в то время как в развивающихся странах при сокращении удельного веса деревенских жителей с 82% в 1950 г. до 54% в 2007 г. в абсолютном выражении их число увеличилось за тот же период вдвое, причем этот рост будет продолжаться, по меньшей мере, до 2021 г., и лишь после этого, возможно, будет наблюдаться обратная тенденция.⁹

Сегодня 71% всех жителей деревень приходится на Азию и 18% – на Африку. Сельское население Африки начнет сокращаться в абсолютном выражении лишь с 2025 г., в то время как в Азии этот процесс уже начался. Поэтому в 2050 г. доля сельских жителей мира, проживающих в Азии, сократится на 5 процентных пунктов и составит 64%, в то время как в Африке данный индикатор за тот же период увеличится на 9 процентных пунктов и составит 27%.

Три четверти городского населения мира сконцентрировано сегодня в 25 странах. На три страны из этого списка – Китай, Индию и США приходится 35% всех жителей городов на Земле. Большинство из этих 25 государств высоко урбанизированы, однако 7 из них имеют уровень урбанизации от 27 до 50%, в том числе государства с большой численностью населения, та-

кие как Бангладеш, Китай, Индия, Индонезия, Нигерия и Пакистан. В большинстве же государств мира абсолютная численность городского населения невысока – в 229 странах она не превышает 5 млн человек, а удельный вес этих стран в численности городского населения планеты – менее 6%.

Рост городского населения мира в ближайшие десятилетия будут обеспечивать в основном Китай и Индия, на долю которых в период с 2007 по 2025 гг. придется 35% прироста всех горожан. Существенный вклад в этот процесс внесут также Нигерия и ДРК в Африке, Бангладеш, Индонезия, Пакистан и Филиппины в Азии, Бразилия и Мексика в Латинской Америке, а также США. Самыми высокими темпами прироста населения будут в Африке и Азии – 2–3% ежегодно. В последующие 25 лет основным «вкладчиком» в городской рост станет Индия, число горожан в которой увеличится за исследуемый период на 377 млн человек, в то время как в Китае – всего на 205 млн человек. Это приведет к тому, что Индия к середине нынешнего столетия практически сравняется по численности городского населения с Китаем – там будет проживать 0,9 млрд горожан, а в Китае – 1 млрд.

Во многих странах мира абсолютная численность городского населения в ближайшие годы начнет сокращаться, несмотря на одновременный рост удельного веса горожан. Так, например, в России городское население сократится с 2007 по 2025 г. на 8 млн человек, а с 2025 по 2050 г. – еще на 7 млн человек. Аналогичные показатели по Украине – 3 и 4 млн соответственно. Население городов Японии и Кореи также сократится с 2025 по 2050 г. на 4 млн человек в каждой стране. Это сокращение будет связано с общим сокращением численности населения вышеперечисленных стран, обусловленным такими факторами, как низкий уровень фертильности, общее старение населения, и рядом других.

Уровень концентрации сельского населения мира «по территориальному признаку» еще выше, чем у городского населения. В 2007 г. всего 18 стран мира концентрировали 75% всех жителей «мировой деревни», причем все эти государства (за ис-

ключением Японии, России и США) относились к категории развивающихся стран Азии и Африки.

В большинстве же стран мира (в 229) сельское население по абсолютному значению не превышает 5 млн человек. Доля этих государств численности мирового деревенского населения не превышает 5%.

На сегодняшний день самым большим по численности сельским населением располагает Индия (830 млн человек), за ней следует Китай (767 млн). В целом на эти два государства приходится 47% всех деревенских жителей мира. Более 100 млн сельских жителей насчитывается сегодня в Бангладеш, Индонезии и Пакистане. В Африке страной, концентрирующей самое большое сельское население на континенте, остается крупнейшая по числу жителей страна – Нигерия (78 млн), за ней следуют Эфиопия (69 млн), Египет (43 млн), ДРК (42 млн), а также Танзания и Кения (по 30 млн в каждой). В период с 2010 по 2025 гг. среднегодовые темпы прироста сельского населения будут самыми высокими в Африке (1% ежегодно), исключение составит лишь Нигерия. В Азии данный показатель будет самым высоким в Пакистане (0,8%). Однако в восьми из 18 государств мира с самой большой численностью сельского населения, последнее в ближайшие годы начнет сокращаться, при этом самые высокие темпы этого сокращения будут у Китая, Индонезии, Японии, РФ и США.

Обратимся теперь к такому показателю, как распределение городского населения по поселениям различной людности. 52% всех горожан мира проживают в относительно небольших городах с числом жителей менее 500 тыс. человек. Данная цифра для определения границы «небольшой город» начала применяться лишь в 21 веке. До этого периода к этому определению относились города с числом жителей менее 250 тыс. человек. Весьма примечательно, что в развитых государствах 54% горожан проживают в городах с населением менее полумиллиона человек, в развивающихся странах этот индикатор равен 51%. В ближайшие 15 лет эти города дадут примерно половину прироста городского населения мира.

Число городов следующей по численности категории (от 500 тыс. до 1 млн жителей) увеличится с 460 до 551 к 2025 г. На эти поселения приходится сегодня 10% городского населения мира. Что касается средних по размерам городов (сегодня к ним относятся поселения с числом жителей от 1 до 5 млн человек), то их количество к 2025 г. возрастет с 382 до 524, и уже сегодня они концентрируют 23% горожан нашей планеты.

Таблица 4.1.5

Распределение городского населения по поселениям различной людности

Регионы	Основные категории поселений	Население (млн)			Удельный вес (%)		
		1975 г.	2007 г.	2025 г.	1975 г.	2007 г.	2025 г.
Весь мир	Все города	1519	3294	4584	100	100	100
	10 млн и >	53	286	447	3,5	8,7	9,7
	5-10 млн	117	214	337	7,7	6,5	7,3
	1-5 млн	317	760	1058	20,9	23,1	23,1
	0,5-1 млн	167	322	390	11,0	9,8	8,5
	< 0,5 млн	864	1712	2354	56,9	52	51,3
Развитые страны	Все города	702	910	995	100	100	100
	10 млн и >	42	89	103	6,1	9,8	10,3
	5-10 млн	50	49	69	7,1	5,4	6,9
	1-5 млн	137	202	203	19,6	22,2	20,4
	0,5-1 млн	71	83	90	10,2	9,1	9,0
	< 0,5 млн	401	487	531	57,1	53,5	53,4
Развивающиеся страны	Все города	817	2384	3590	100	100	100
	10 млн и >	11	197	344	1,3	8,3	9,6
	5-10 млн	68	165	268	8,3	6,9	7,5
	1-5 млн	180	558	855	22,1	23,4	23,8
	0,5-1 млн	96	239	300	11,7	10,0	8,4

Регионы	Основные категории поселений	Население (млн)			Удельный вес (%)		
		1975 г.	2007 г.	2025 г.	1975 г.	2007 г.	2025 г.
	< 0,5 млн	463	1225	1822	56,6	51,4	50,8

Источник: World Urbanization Prospects: The 2007 Report. P. 9.

Данные табл. 4.1.5 наглядно демонстрируют, что в ближайшие 10–15 лет наиболее высокими темпами будет идти увеличение численности населения городов с числом жителей более 10 млн человек – их доля во всем мире повысится с 8,7 до 9,7%, в развитых странах – с 9,8 до 10,3%, а в развивающихся странах – с 8,3 до 9,6%. Достаточно высокими темпами будут также расти города с населением от 5 до 10 млн человек, что выразится в увеличении их удельного веса в городском населении как в развитых, так и в развивающихся странах. Что касается городов других категорий людности, то их доля понизится как в мире в целом, так и в развитых странах. Лишь удельный вес одной категории городов с числом жителей от 1 до 5 млн человек незначительно возрастет (на 0,4 процентных пункта) в исследуемый нами временной отрезок в развивающихся странах. Таким образом, в ближайшие 10–20 лет население мира все больше будет концентрироваться в городах-гигантах, и эта тенденция будет характерна как для развитых, так и для развивающихся стран.

В 1950 г. в мире было всего два города с числом жителей более 10 млн человек – Нью-Йорк (12,3 млн) и Токио (11,3 млн). Сегодня таких городов 19: Токио (35,7 млн) в Японии, Нью-Йорк (19,0) в США, Мехико (19,0) в Мексике, Мумбаи (19,0) в Индии, Сан Пауло (19,0) в Бразилии, Дели (15,9) в Индии, Шанхай (15,0) в Китае, Калькутта (14,8) в Индии, Дакка (13,5) в Бангладеш, Буэнос-Айрес (12,8) в Аргентине, Лос-Анджелес (12,5) в США, Карачи (12,1) в Пакистане, Каир (11,9) в Египте, Рио-де-Жанейро (11,7) в Бразилии, Осака (11,3) в Японии, Пекин (11,1) в Китае, Манила (11,1) на Филиппинах, Москва (10,5) в России и Стамбул (10,1) в Турции. Таким образом, 11 из 19 мега-городов расположены сегодня в Азии, 4 – в Ла-

тинской Америке, 2 – Северной Америке и по одному в Африке и Европе. 11 из 19 этих городов – столицы государств. Удельный вес городского населения мира, проживающего в этих городах составляет около 9%. Во многих странах мега-города включают в себя и окрестные города и городки, например в состав Токийской агломерации входят 87 городских поселений, включая Иокогаму и Кавасаки, в состав Большого Каира включаются самостоятельные города Гиза, Хелуан, Шубра-эль-Хайма и 19 городов-спутников.

В 2025 г. число мега-городов достигнет 27. Пять городов добавятся в Азии (столица Индонезии Джакарта (12,4 млн), китайские города Гуанджоу (11,8) и Шеньжен (10,2), Лахор в Пакистане (10,5) и Мадрас в Индии (10,1); 2 в Африке (столица ДРК Киншаса (16,8) и Лагос в Нигерии (15,8) и 1 в Европе (Париж с населением в 10 млн). Токио с населением в 36,4 млн человек останется самым крупным городом мира, в вот Нью-Йорк с населением в 20,6 млн человек переместится на седьмую позицию, пропустив вперед Мумбаи (26,4), Дели (22,5), Дакку (22,0), Сан Пауло (21,4) и Мехико (21,0).

Высокая концентрация населения в мега-городах характерна сегодня в первую очередь для Латинской Америки – там в городах с населением свыше 10 млн проживают более 14% горожан. Далее следуют Северная Америка (11%) и Азия (10%). В противоположность этому в Европе 68% всех городских жителей живут в городах с населением менее 500 тыс. человек, в Африке данный показатель также сравнительно высокий и достигает 58%.

Что касается темпов прироста населения в мега-городах, то самым высоким в период с 1975 по 2010 г. он был в Дакке (5,6%), Дели (4%), Карачи (3,5%), Стамбуле (3,2%) и в Мумбаи (3,1%), а самым низким – в Осаке (0,43%), Нью-Йорке (0,57%), Токио (0,92%) и Москве (0,99%). В ближайшие 15–20 лет самыми высокими будут темпы прироста у будущих мега-городов, особенно Киншасы и Лагоса, а самыми низкими – у Осаки, Москвы и Буэнос-Айреса.

Таким образом, в ближайшие десятилетия городское население мира и его доля в мировом населении продолжит расти.

Вместе с тем наиболее высокие показатели этого роста будут наблюдаться в развивающихся странах мира, в первую очередь, в Африке и в Азии. На эти континенты придется и основной рост городского населения в абсолютном выражении. При этом опережающими темпами будут расти города с населением более 10 млн человек, но основная доля горожан будет проживать в городах с населением менее 500 тыс. жителей. В целом эпицентр урбанизационного процесса переместится в ближайшие десятилетия в Азию и Африку, и города именно этих континентов будут определять в ближайшие десятилетия городскую картину мира как в количественном, так и в качественном выражении со всеми вытекающими экономическими, социальными, политическими и культурными последствиями.

При этом модель урбанизации, характерная для развивающихся стран, существенно отличается от той модели, которая сформировалась в промышленно развитых странах мира в XIX–XX веках. В развитых странах мира, как правило, шло одновременное формирование значительного числа городов, как средних, так и мелких. В большинстве же развивающихся стран в условиях крайне ограниченного спроса на ранних этапах индустриального развития современные отрасли промышленности, в частности в секторах, для которых местонахождение потребителей имеет первостепенное значение, сосредотачивались в одном-двух крупных городах. Первым местом концентрации обычно была национальная столица (Каир, Джакарта, Мехико, Пекин, Стамбул, Киншаса и т.п.) или крупный город на побережье (Калькутта, Сан-Паулу, Шанхай, Лагос и т.п.). Такое скопление промышленности в одном-двух городах обеспечивало экономное использование дефицитных ресурсов и помогало отраслям справляться с первоначальной нехваткой квалифицированной рабочей силы, технических знаний, деловых и финансовых услуг и современной информационной и транспортной инфраструктуры. Для иностранных инвесторов и промышленных экспортеров национальная столица могла быть удобным местом для прихода в страну, в том числе с точки зрения получения современных услуг. В столицах зарубежные и национальные экономические агенты пользовались дополнительными пре-

имуществами за счет близости к государственным директивным и регулирующим органам.

По мере индустриализации промышленность постепенно начинала перемещаться из столицы в более мелкие города. Этот процесс объясняется ростом издержек перенасыщенности и сокращением выгод от концентрации по мере стандартизации производства на предприятиях. Расширение сети эффективных телекоммуникационных, информационных и транспортных услуг, передача бюрократических функций принятия решений местным органам власти и открытие рынков капитала также может способствовать развитию малых и средних городов.

Современный финансово-экономический кризис увеличит, по всей видимости, нестабильность экономики городов как в развитых, так и в развивающихся странах и усилит конкуренцию между городами внутри страны. Именно жители городов во всем мире первыми ощутили на себе последствия кризиса, так как степень интеграции городов в мировую экономику гораздо выше, чем интеграция сельских поселений. Вместе с тем города, которые смогут воспользоваться своими сравнительными преимуществами в глобальной торговле «ходовыми» товарами, будут процветать, а число таких городов в развивающихся странах, в первую очередь в Азии и в Латинской Америке, будет увеличиваться.

Технический прогресс обеспечивал рост экономики агломераций в прошлом и будет, вероятно, продолжать делать это в будущем. Но в современных условиях XXI века все большую роль в процессе урбанизации будет играть местный человеческий капитал и накопленные знания. Так, например, увеличение на одно стандартное отклонение процентной доли имеющих высшее образование жителей в том или ином городе США связано с увеличением его размеров на 20%! Крупные города XXI века будут специализироваться в основном на «экономике знаний» и на инновационных производствах, в то время как такт называемое «стандартизированное производство» будет перемещаться как в рамках одной страны в средние и малые города, так и в глобальном плане – в города развивающихся стран.

Подводя краткий итог данному параграфу, еще раз подчеркнем, что процесс урбанизации давно уже приобрел глобальный характер, охватив развивающиеся страны трех континентов. Однако его универсальность вовсе не означает детерминированность масштабов и последствий роста городов в конкретных условиях той или иной страны или группы стран. С этой точки зрения изучение проблем урбанизации на региональном и национальном уровне имеет определенное теоретическое значение. С одной стороны, оно может подтвердить и иллюстрировать общие закономерности, присущие как отдельным группам молодых государств, так и развивающемуся миру в целом. А с другой – позволяет выявить специфические черты процесса урбанизации на материале конкретной страны или региона, социально-экономическое и политическое развитие которых отмечено рядом особенностей.

4.2. Африканская урбанизация как специфическая составляющая мирового урбанизационного процесса

Африканский континент занимает особое место как в мировом экономическом, так и социальном пространстве. Не исключением стал и процесс урбанизации в Африке, который, повторяя с различной степенью точности многочисленные тенденции, присущие другим государствам, обнаруживает ряд специфических особенностей, характерных именно для африканского контекста.

С ростом городов общество трансформируется в экономическом и социальном плане. Глобализация существенно усиливает влияние всемирной городской цивилизации на экономический рост и социальные перемены в развивающихся странах. В этом смысле Африка идет в общем русле мирового урбанизационного процесса, испытывая значительное воздействие внешних факторов. Английский географ О'Коннор еще в 1980-е гг. писал, что «африканские города многими нитями привязаны к мировому хозяйству», подчеркивая в основном экономический характер этих связей.¹⁰

Темпы урбанизации в Африке, в 3–4 раза превосходящие соответствующие показатели Европы периода промышленной революции, не спадают в течение уже четырех десятилетий. Не смотря на то, что в 2010 г. уровень урбанизации в Африке все еще не превышал 40%, т.е. был самым низким в мире, темпы прироста городских жителей на континенте были самыми высокими в мире (4–5% в 1980–1990-е гг. и более 3% – в 2000-е гг.). При этом наиболее быстрыми темпами городское население росло в Бурунди, Реюньоне, Уганде, Анголе, Ботсване, Мозамбике, Буркина-Фасо, Кабо-Верде, Гвинее-Бисау (в среднем, на 4–6% ежегодно).

Африка обгоняет другие страны мира и по общему росту населения, что оказывает сильное влияние на урбанизационные процессы, подпитывает их, так как с общим увеличением численности населения увеличивается и абсолютная численность горожан.

Как было нами показано в главе 3 монографии, в настоящее время Африканский континент переживает фазу количественных и качественных демографических изменений, одним из которых выступает процесс ускоренной урбанизации. Еще в 1990-м г. две третьих африканского населения жили в деревне, а к 2030 г. 760 млн африканцев или более 50% населения Африки будут проживать в городах. К 2050 г. городское население континента превысит 1,2 млрд человек, что по численному значению будет больше, чем все городское и сельское население Запада.

Поскольку степень заселенности Африканского континента весьма дифференцирована, уровень урбанизации в Африке также варьируется от страны к стране и от региона к региону.

Таблица 4.2.1

Основные показатели урбанизации в субрегионах Африки

Субрегион	Уровень урбанизации в 2007 г., %	Темп прироста городского населения в 2005-2010 гг.	Население в 2007 г. (млн человек)		Темп прироста населения в 2005-2010 гг.
			Город	Все население	
Северная Африка	50,92	2,40	99,855	196,108	2,20

Субрегион	Уровень урбанизации в 2007 г., %	Темп прироста городского населения в 2005-2010 гг.	Население в 2007 г. (млн человек)		Темп прироста населения в 2005-2010 гг.
			Город	Все население	
Западная и Центральная Африка	41,75	4,02	162,109	388,299	4,03
Восточная Африка	20,48	4,05	50,629	247,267	3,92
Юг Африки	45,60	2,56	60,779	133,299	1,47
Африка в целом	38,70	3,31	373,372	964,973	3,30

Источник: The African Cities Report 2008: A Framework for Addressing Urban Challenges in Africa. N.Y., 2008.

Как видно из табл. 4.2.1, наименее урбанизированным субрегионом Африки остается Восточная Африка, хотя темпы прироста городского населения здесь самые высокие. Западная и Центральная Африка, где сегодня проживает примерно 40% всего африканского населения, имеют уровень урбанизации чуть выше, чем Африка в целом. Лишь в Северной Африке большая часть населения сегодня живет в городах, довольно близко к 50-процентной отметке подошел также Южноафриканский регион. При этом на Севере и Юге Африки мы наблюдаем самые низкие темпы прироста как городского населения, так и населения в целом. Однако во всех частях континента темпы прироста числа жителей городов выше, чем темпы прироста всего населения. Лишь в Западной и Центральной Африке данные показатели практически равны между собой. Это означает, что в ближайшие годы уровень урбанизации в Африке будет достаточно быстро расти, и Африка из континента, населенного по преимуществу сельскими жителями, превратится, хоть и с опозданием по сравнению с другими частями света, в континент городской.

Две третьих городского населения Африканского континента проживают в городах с населением менее 500 тыс. жителей (в мире данный индикатор равен 52%), т.е. в малых, по мировым меркам, городах. Для Африки же данные «малые горо-

да» являются достаточно крупными. Именно они в ближайшие годы будут давать основной вклад в прирост городского населения Африки. Это означает, что правительствам африканских государств необходимо укреплять управленческие функции именно этих городов с целью эффективного решения проблем их ускоренного роста, городского планирования, жилищного строительства, социальной инфраструктуры и благосостояния их жителей.

Это не означает, что следует уделять меньше внимания крупным городам Африки. Они также продолжают расти достаточно высокими темпами, хотя и не такими высокими, как малые и средние города. В абсолютных же значениях именно население крупных городов в ближайшие годы существенно увеличится. На них будет приходиться более трети всего прироста городского населения в Африке, что измеряется десятками и сотнями миллионов человек.

Таблица 4.2.2

Распределение африканских городов по размеру в 2007 и 2025 гг.

Размер	> 10 млн	5–10 млн	1–5 млн	0,5–1 млн	< 0,5
Число городов в 2007 г.	2	2	48	60	Нет данных
Население (млн)	23,076	14,238	102,418	41,057	231,404
Доля во всем городском населении	6,18	3,81	27,43	10,10	52,48
Число городов в 2025 г.	3	8	73	84	Нет данных

Источник: The African Cities Report 2008: A Framework for Addressing Urban Challenges in Africa. N.Y., 2008. P. 6.

В 1950 г. в Африке было всего 2 города с населением более 1 млн человек – Каир и Александрия. В 2005 г. таких городов в Африке насчитывалось 43, причем средний размер такого города составлял 2,5 млн человек, а все население этих городов

миллионеров превысило 110 млн человек. К 2015 г. таких городов на континенте будет уже 59, средний размер города составит 3,1 млн человек, а все население африканских мегаполисов достигнет 170 млн¹¹.

Самыми большими африканскими агломерациями на сегодняшний день выступают Каир (АРЕ), Киншаса (ДРК) и Лагос (Нигерия), при этом темпы роста этих городов-гигантов являются одними из самых высоких в соответствующей категории городов в мире. Сегодня число жителей в Каире равно 12 млн человек, в Лагосе – 10 млн, а в Киншасе – 8 млн. В 2015 г. в Каире будет проживать 13,5 млн человек, в Лагосе – 12,5 млн, а в Киншасе – 11,3 млн, и данные города займут 11-е, 17-е и 19-е места соответственно среди двадцати крупнейших агломераций мира. К 2025 г. самым большим африканским городом станет Киншаса с населением в 16,7 млн человек (11-е место в мире), за ней последуют Лагос (15,8 млн и 12-е место) и Каир (15,5 млн и 13-е место).

Помимо ускоренного роста городов-гигантов в Африке наблюдается тенденция создания крупных урбанизационных систем, которые, концентрируясь вокруг одного-двух-трех крупных городов, постепенно вовлекают в орбиту своего влияния близлежащие города и сельскую местность. Этот процесс имеет сильный синергетический эффект, когда складывание численных значений, в данном случае населения больших и малых городов, ведет к важным качественным сдвигам в их развитии, проявляясь в ускоренном социально-экономическом росте этих городских регионов и в одновременном отрыве их от остальных районов страны или группы стран. Примером таких урбанизационных систем могут служить район Дельты Нила в Египте с населением в 77 млн человек, куда входят Большой Каир, Александрия, Порт Саид и Суэц, а также масса средних и малых городов, район Гаутенг в ЮАР с числом жителей в 10,5 млн и объединяющий Йоханнесбург, Преторию/Тсхванэ и Эмфуле/Верезнигинг, и, наконец, урбанизационную систему Гвинейского залива в 25 млн человек, включающую Ибадан, Лагос, Котону, Ломе и Аккру. Именно в этих городских регионах

сконцентрированы колоссальные людские, природные, финансовые и другие виды ресурсов, позволяющие им развиваться высокими темпами по сравнению с другими районами Африканского континента. В ближайшие десятилетия значение данных систем в развитии Африки будет только усиливаться.

Разумеется, процесс урбанизации в Африке нельзя сводить исключительно к ускоренному росту численности городского населения и преимущественной концентрации его в мегаполисах. Это – сложное структурное явление, затрагивающее качественные стороны жизнедеятельности, как города, так и страны в целом.

Процесс урбанизации обычно сопровождается ростом дохода на душу населения. Эта тенденция проявилась в Европе, Северной и Латинской Америке и на большей части территории Азии. Однако Африка, в отличие от других регионов мира, не демонстрировала данной тенденции во всех странах и на всех временных отрезках. Особенно негативным в этом плане был временной отрезок с 1970 по 1995 гг. Именно в этот период городское население Африки росло в среднем на 4,7% в год, в то время как их ВВП на душу населения снижался на 0,7% ежегодно. Это обратное соотношение между показателями урбанизации и дохода на душу населения являлось уникальным явлением даже среди бедных стран мира. При этом ускоренный рост африканских городов не сопровождался ростом промышленного производства, как это было в развитых странах Европы и Америки. Немногим более 9% рабочей силы Африки были заняты в тот период в промышленности против 18% в Азии, где наблюдались сопоставимые темпы урбанизации. Одновременно, не будучи результатом индустриализации, урбанизационный взрыв последних десятилетий в Африке, за редким исключением, не был связан со сколько-нибудь значительным ростом производительности труда в аграрной сфере. Вплоть до начала 2000-х гг. особенность африканской урбанизации состояла в том, что городское население континента продолжало увеличиваться быстрыми темпами, несмотря на низкие и в отдельных случаях отрицательные темпы роста общественного производ-

ства. Застой в африканской экономике не сдерживал темпы урбанизации, а последняя, в свою очередь, не стимулировала экономический рост. В связи с этим в 1980–1990-е гг. довольно широкое распространение получила концепция так называемой «ложной урбанизации» или «гиперурбанизации», в соответствии с которой города Африки не рассматривались как двигатели экономического роста и структурных преобразований. Вместо этого они, по мнению сторонников данной концепции, выступали отчасти причиной и одним из основных проявлений охватившего континент экономического и социального кризиса.¹² Автор данного исследования не является сторонником концепции «ложной урбанизации». Несмотря на всю свою противоречивость, процесс городского роста в Африке стимулирует социально-экономическое развитие, хоть и в искаженных и отличных от традиционных формах, а сами города в условиях ограниченности материальных, финансовых и других видов ресурсов, становятся своеобразными «форпостами роста», осуществляя одновременно связь африканских государств с мировым рынком. Подробнее об этом будет сказано в третьем параграфе данной главы, где автор на примере АРЕ показал основные преимущества урбанизации. В то же время автор согласен с утверждением, что отмечаемая в Африке тенденция к «урбанизации в отсутствие экономического роста» отчасти объясняется искаженными стимулами, которые поощряют мигрантов переезжать в города ради получения субсидий и других социальных благ, а не ради возможности найти более высокооплачиваемую работу. Города Африки выгадывали от политики в области продовольственных цен и торговли, которая отдавала предпочтение городским потребителям по сравнению с сельскими производителями.

Национальные правительства большинства африканских государств часто пытались влиять на темпы урбанизации или на то, где она происходит. Однако зачастую эти усилия сводились к переводу ресурсов из сельского хозяйства на финансирование развития «современных» экономических секторов – обычно промышленного производства – сосредоточенного в городах.

На деле значительная часть средств затрачивалась на создание государственного сектора, отличающегося низкой эффективностью, но позволяющего создать значительное количество рабочих мест. При этом занятые в официальном секторе городские рабочие и служащие имели доступ к субсидиям на питание и жилье, а также к программам пенсионного обеспечения и фондам занятости, в то время как сельское население было вынуждено сбывать свою продукцию по низким ценам и имело ограниченный доступ к государственной поддержке. Субсидии на товары первой необходимости в городах имели также политическую подоплеку: они гарантировали относительную социальную стабильность в крупных городах, где в условиях большой концентрации населения для возникновения конфликтов требовалось не так уж много причин и поводов. Хотя в результате программ структурных преобразований, начатых в середине 1980-х гг., правительства ряда африканских государств пытались сократить разрыв между городом и деревней, процесс углубления этого разрыва зашел слишком далеко и уже привел к чрезмерным темпам миграции из сельских районов в города. Иными словами, в основе сельско-городских миграций в Африке лежали не только факторы экономического «притяжения» городов, но и, в значительной степени, факторы «выталкивания» из сельской местности, включая массовое разорение крестьянских хозяйств, земельный голод и относительное и абсолютное аграрное перенаселение.

Наряду с этим войны и гражданские беспорядки на Африканском континенте в течение не одного десятилетия заставляли миллионы людей в Анголе, ЮАР, Либерии, Мозамбике, ДРК, Судане и др. странах бежать в города. На потоки мигрантов влияли также погодные условия, в частности засухи. В Мавритании население Нуакшота лишь за один год засухи в середине 1985 г. удвоилось.

Именно в столицы и крупные города – торговые, финансовые, административные и культурные центры направлялись основные потоки мигрантов из африканской деревни. В 1980-е гг. вклад миграции в прирост городского населения достигал в Аф-

рике 50%.¹³ С начала 1990-х гг. доля мигрантов в общем приросте числа горожан снизилась и настоящее время не превышает 40%.¹⁴ Африканский город формируется все больше за счет саморазвития, т.е. естественного прироста городского населения. И все же в ближайшем будущем не предвидится ослабления оттока жителей из африканской деревни. Наметившаяся было в начале 1990-х гг. тенденция к обратной миграции из города в деревню в Замбии, Танзании, Уганде и некоторых других странах, порожденная стоимостью жизни в городах, оказалась неустойчивой. Жизнь показывает, что в период проведения мер по структурной перестройке экономики, а также на этапах социально-экономических потрясений миграционные потоки не сокращаются. Наоборот, масштабы миграции, как легальной, так и не легальной, значительно возрастают. Другое дело, что эти потоки начинают в условиях глобализации все более ориентироваться на зарубежные трудовые рынки, преодолевая не только национальные, но и континентальные границы. При этом основную массу этих потоков будет поглощать именно «мировой город». Так что миграция из охваченных кризисом сельскохозяйственных районов Африки в сочетании с естественным приростом численности горожан будут и далее «питать» как африканскую, так и мировую урбанизацию, одновременно усугубляя трудности городского развития и экспортируя эти трудности в развитые страны мира.

В ряде случаев африканские правительства, встревоженные ростом количества не имеющих адекватного жилья и работы мигрантов, живущих на городских окраинах и в трущобах, пытались сдержать миграцию. Эти действия, тем не менее, обернулись большими трудностями для мигрантов и значительными издержками для экономики. Данные по африканским мигрантам, собранные нами в ходе полевых исследований 2005–2010 гг., неопровержимо свидетельствуют о том, что мигрируя, неимущие африканцы более эффективно, чем местные жители, реагируют на экономические стимулы, прежде всего на более высокую заработную плату, и, как правило, оказываются в лучшем положении после переезда. Попытки остановить миграцию

в города мешают африканской бедноте улучшить свое экономическое положение и могут создавать другие проблемы для мигрантов. Например, введение ограничений на миграцию в Дар-эс-Салам в Танзании повысило уязвимость неимущих перед коррумпированными должностными лицами, требующими взятки за выдачу разрешений на въезд в город (ситуация, весьма напоминающая выдачу за мзду разрешений на регистрацию мигрантов в России).¹⁵

Урбанизационные процессы в Африке в условиях низкого уровня развития экономики при высоких темпах прироста населения и степени его мобильности все более приобретают кризисные черты.

Кризис затронул практически все стороны жизни африканского города – занятость, образование и здравоохранение, продовольственное и социальное обеспечение его жителей, экологическую ситуацию, доступ к городским социальным услугам и многое другое. Социальное лицо африканского города все больше характеризуют неприкрытая бедность и нищета значительной части горожан, безработица и неполная занятость, разрастание неформального сектора экономики, включая примитивную торговлю и услуги, расширение трущоб на окраинах, чрезвычайная скученность, антисанитария, отсутствие элементарных удобств, загрязнение городской среды, упадок городской инфраструктуры, болезни, разгул насилия и преступности.

На первый план по своей сложности и остроте вышла проблема широкого распространения городской бедности и нищеты. По расчетам Всемирного банка в 1980-е гг. горожане составляли 29% всех живущих в бедности африканцев, а в 1990-е гг. – уже 40%.¹⁶ В 2000-е гг., несмотря на достаточно высокие темпы прироста ВВП в ряде африканских государств, 40% африканцев продолжают жить менее чем на 1 доллар в день. Разрыв между Африканским континентом и развитым миром сохраняется и даже имеет тенденцию к увеличению. В 2005 г. ВВП стран Запада с населением в 890 млн человек (из них – 700 млн горожан), в 16 раз превышал ВВП Африки, в то время как число жителей последней уже было больше, чем на Западе (922 млн человек из

них – 350 млн горожан). К концу 2000-х гг. около 15% городского населения Африки продолжали жить на 1 доллар в день, а в результате мирового финансово-экономического кризиса их число, несомненно, возросло еще на 15–20%.¹⁷

Следует, однако, оговориться, что средний доход жителя африканского города примерно в 1,5 раза выше, чем жителя деревни. Иными словами процесс урбанизации объективно способствует росту жизненного уровня африканцев, предоставляя лучшие возможности для увеличения заработка. Вместе с тем, расходы в городах Африки также существенно выше и разнообразнее, чем в сельской местности.

Абсолютная бедность означает невозможность удовлетворять самые элементарные потребности вплоть до обеспечения права на жизнь, на участие в экономической, культурной и политической жизни общества. При этом рост относительной и абсолютной бедности жителей африканского города протекает в обстановке усиления имущественных и социальных контрастов в среде горожан, все увеличивающегося разрыва между богатейшими и беднейшими слоями населения. Богатство и доходы все более концентрируются в руках немногочисленной городской элиты – бюрократической верхушки, буржуазии, специалистов высшей квалификации, получивших в годы структурной перестройки экономики новые возможности для обогащения. Ввиду противоречивости существующей статистики о распределении доходов населения, неполноты в исходных материалах исследования, а также использовании различных методов расчета и отсутствия отдельной информации по городам и сельской местности африканских государств можно попытаться выявить лишь наиболее общие тенденции.

По расчетам В.А. Мельянцева, средний невзвешенный квинтильный коэффициент дифференциации доходов вырос в странах Тропической Африки с 9–11 в 1980–1990-х гг. до 14,9 в первой половине 2000-х гг.¹⁸ По нашим подсчетам, в целом по странам Африки индекс Джинни по распределению доходов увеличился с 2000 по 2007 с 43 до 51%. При этом в некоторых странах он демонстрировал более высокие значения. Например,

в 2007 г. он составил 74,3%, на Коморских островах – 64,3%, в Ботсване – 61%, в Анголе – 58,6%, в ЮАР – 57,8%, в Лесото – 52,5%, в Свазиленде – 51%.¹⁹ Весьма примечательно, что коэффициент неравномерности доходов выше в странах с высокими показателями урбанизации. В соответствии с нашими расчетами по АРЕ, Джинни коэффициент в городах Египта составлял 46%, а в деревнях – 39%.²⁰ Следовательно, именно в городах противоречия социально-экономического развития проявляются во много раз отчетливее. И именно в городах концентрация богатства на одном полюсе африканского социума и нищеты на другом выражена наиболее ярко. Разрыв в уровне жизни городских «верхов» и «низов» в первую очередь сказывается на потреблении, как на количественной, так и на качественной его стороне. При этом противоречие между новыми потребностями населения и реальным уровнем потребления в городах выражено ярче еще и потому, что городская жизнь по сравнению с сельской дает более широкий простор для возникновения качественно новых запросов, а невысокий уровень жизни большинства горожан объективно ограничивает возможности их удовлетворения. Иными словами, на одном полюсе африканского общества возникает безудержное непроизводительное потребление, на другом – спрос беднейших слоев ниже самых крайних границ их физических потребностей.

За годы структурной перестройки, а также в периоды экономического кризиса именно малоимущие слои города первыми ощущают заметное снижение уровня жизни. В 2008–2010 гг. показатели реальных доходов и норм потребления у семей с низкими доходами в городах Ганы, Нигерии, Кении и ЮАР упали до уровня простого биологического существования, а жизнь обездоленных превратилась в повседневную борьбу за выживание.²¹

Еще одним наглядным подтверждением расширения масштабов городской бедности и нищеты служит разрастание трущоб и сквоттерских поселений на окраинах африканских городов. В двух третях африканских государств более половины городского населения проживает в трущобах. В Судане, ЦАР, Ча-

де, Анголе, Гвинее-Бисау их удельный вес превышает 80%. Даже в относительно благополучных странах – АРЕ, Марокко и Алжире – значительная часть жителей городов продолжает жить на окраине городской жизни и не имеет нормального жилья (см. табл. 4.2.3).

Дефицит жилья, особенно для безработных, частично занятых, мигрантов, его низкое качество и дороговизна – острейшая на сегодня проблема для большинства африканских стран.

Таблица 4.2.3

Распространение трущоб в городах Африки

Страна	Городское население в 2005 г. (млн)	Доля трущоб в городских поселениях	Число жителей трущоб (млн)
5 наименее благополучных стран			
Судан	14,771	94,2	13,914
ЦАР	1,536	94,1	1,446
Чад	2,463	91,3	2,247
Ангола	8,501	86,5	7,352
Гвинея-Бисау	0,407	83,1	0,390
5 наиболее благополучных стран			
ЮАР	28,119	28,7	8,077
Зимбабве	4,667	18,0	0,239
АРЕ	31,662	17,0	5,405
Марокко	18,469	13,0	2,422
Алжир	20,804	12,0	2,455

Источник: The African Cities Report 2008. P. 8.

Невозможность заплатить при мизерных доходах или вовсе в отсутствие таковых за постоянно дорожающее жилье повышает угрозу лишиться крыши над головой. Например, в Луанде, столице Анголы, стоимость однокомнатной квартиры в не самом лучшем районе без электричества, но с водопроводом составляет 5 тыс. долл. в месяц, а приличной квартиры в престижном районе – 15 тыс. долл. в месяц. Такие деньги могут платить

только иностранцы или местная элита. Большинство населения живет просто на улице в сооружениях, построенных из подручного материала.

В африканских трущобах царит невообразимая грязь и антисанитария, полностью отсутствуют электро- и водоснабжение, а также системы удаления мусора и канализация. Плотность населения здесь не поддается контролю, тысячи бездомных спят на улицах.

Обостряются проблемы городской застройки, благоустройства, транспортного обеспечения, санитарного обслуживания и т.п. Особую опасность представляет углубляющийся экологический и социальный кризис. Экологический фактор снижает и без того низкие социальные индикаторы. Лишь в государствах Северной Африки и ЮАР большинство населения крупных городов имеют доступ к чистой питьевой воде и канализации. В Тропической Африке мы наблюдаем совсем другую картину. До сих пор лишь 67% жителей столицы Анголы Луанды, 61% жителей столицы Чада Нджамены, 30% жителей Ибадана (Нигерия) имеют водопровод и канализацию.²² Несмотря на то, что в 2000-е гг. благодаря усилиям правительств африканских государств и международной помощи удалось увеличить доступ к чистой воде и канализации на континенте в среднем на 20-30%, значительная часть африканцев все еще лишена этих насущных благ.²³ Деградация окружающей среды (накопление нечистот и отходов, загрязнение воды, воздуха и проч.) с особой силой затрагивает жителей трущоб. Можно с высокой степенью вероятности констатировать, что расширение районов экологических катастроф за счет города и их негативные последствия для городских низов африканских городов будут иметь долгосрочный характер, особенно с учетом мирового финансового кризиса.

Для многих стран Африки характерно явление, которое можно назвать «урбанизацией бедности». Сельская нищета по каналам миграции переливается в города, а деревенская беднота переходит в разряд городской. Расползание бедности в африканских городах сопровождается ее своеобразной «реструктуризацией» через изменения в сфере занятости.

Быстрый прирост численности горожан означает повышение удельного веса лиц трудоспособного возраста в населении города, т.е. потенциальной рабочей силы. Армия рабочих рук в городах Африки постоянно растет высокими темпами. В 1990-е гг. данный прирост составлял 3%, а 2000-е гг. увеличился до 4–5%. При этом на городском рынке труда в большинстве стран Африки складывалась неблагоприятная ситуация, поскольку новые рабочие руки оказывались невостребованными. По некоторым данным, в ряде стран Тропической Африки до 70% городского самостоятельного населения не имеет постоянной работы, а следовательно, и стабильных доходов, необходимых для полноценной жизни.²⁴ По мнению ученого из Камеруна Ж.М. Эла, «городская Африка превращается в мир хронических безработных».²⁵

Высокие темпы урбанизации в африканских городах привели к перераспределению рабочей силы в секторах городского хозяйства, в частности к быстрому росту сферы услуг и в неформальном секторе. Разрастание последнего в африканских городах – прямое следствие стремительного увеличения численности населения, в том числе его трудоспособной части, особенно бедноты. Из-за сложных условий жизни и безработицы те, кому в городе не повезло, вынуждены или возвращаться в родную деревню, или существовать за счет родственников, или пополнять ряды неформального сектора. Сама занятость в этом секторе носит сложный и противоречивый характер. Преобладают нестабильные формы трудоустройства, неполная занятость, низкий уровень производительности труда и доходов, ориентация на специфический спрос. Более подробно этот вопрос будет рассмотрен нами в главе, посвященной трудовым ресурсам, здесь же мы отметим лишь тот факт, что в некоторых африканских странах, особенно беднейших, неформальный сектор экономики абсорбирует до 60% городской занятости.²⁶

Уровень дохода у подавляющего большинства занятых в неформальном секторе (НФС), как правило, не превышает порога выживания. Наиболее распространенные виды деятельности в НФС – примитивная уличная торговля и традиционные виды

услуг. При этом широко распространено совмещение различных видов деятельности (лоточник-сторож, временный рабочий, мелкий торговец и т.п.). Мигранты, пополняющие ряды НФС, сохраняют не только традиционные нормы жизни, но и тягу к привычному сельскому труду. О «сельском хозяйстве» в африканских городах следует сказать особо. Широкое распространение оно получило еще в 1980-е гг. как ответ на рост стоимости жизни в городах. В тяжелой экономической ситуации не только мигранты, но и бедняки всех городских слоев, включая госслужащих и интеллигенцию, занимаются земледелием, огородничеством в черте города (в садах, пустырях, на окраинах). В Кампале, например, культивируется 36% городской земли, развито птицеводство. Аналогичную картину можно наблюдать и в других африканских городах. Эта типично маргинальная по своему характеру деятельность находится как бы на стыке хозяйственных секторов, укладов, городского и деревенского образа жизни.

Подобного рода экономическая деятельность, обеспечивающая лишь нерегулярный доход, нередко соседствует с нищенством, попрошайничеством, воровством, бродяжничеством. В условиях масштабной городской безработицы перспектива превращения в люмпена вполне реальна, а в современного рабочего – крайне низка. Видимый рост занятости в НФС не снимает проблем городской бедности и пауперизации. Город становится сосредоточием маргиналов той широкой социальной категории, которую характеризуют обездоленность, абсолютная бедность, прозябание на обочине экономической жизни и социального бытия. Так на почве НФС городской экономики разбухают социальные категории, для которых характерна нестабильная и малопродуктивная занятость с уровнем дохода не выше порога выживания. Конечно, в верхних слоях НФС, находящихся на стыке с современным сектором экономики (мелкокапиталистическое предпринимательство и т.п.) формируются социальные группы, переходные к современным. Но все же давление постоянно растущего населения на городской рынок труда в условиях дефицита рабочих мест увеличивает скрытую безрабо-

тицу, незанятость и неполную занятость в неформальном секторе. Здесь постоянно воспроизводятся пауперизм и бедность, численно растет категория людей, пребывающих в состоянии крайнего социального упадка. *Таким образом для Африки на рубеже веков характерен тип урбанизации, связанный с маргинализацией значительной части городского населения.*

Разбухание в городах маргинальной массы, не вовлеченной в современные экономические отношения, опережает формирование новых социальных структур. Тем не менее, африканский город играет заметную и даже решающую роль в социальной трансформации общества, формируя те слои, которые представляют современный сектор хозяйства, в государственно-управленческие структуры. В процессе урбанизации увеличивается занятость в народном хозяйстве и повышается эффективность использования трудовых ресурсов за счет перераспределения рабочей силы между городом и деревней, сельским хозяйством и городскими отраслями экономики. По данным Всемирного Банка, за последние 40 лет удельный вес аграрной занятости в африканских странах упал с 77 до 60 процентных пункта, в том числе с 85 до 75 в странах к югу от Сахары и с 51 до 32 в странах Северной Африки.²⁷

Города также способствуют повышению качества рабочей силы в результате роста ее образованности и профессиональной подготовки. Урбанизация значительно расширяет рамки наемного труда в экономике и тем самым вносит немалый вклад в формирование современной структуры занятости. В африканских городах увеличивается также женская занятость, города предоставляют африканкам более широкие возможности для работы и образования.

Таким образом, формирование современных секторов хозяйства и видов занятости идет в африканских городах непрерывно, однако темпы его остаются недостаточно высокими и отстают от темпов роста числа лиц, не связанных с новыми экономическими отношениями. В результате их доля в городской занятости африканских государств, как правило, не дотягивает и до 50%.

Инициированная международными финансовыми институтами структурная макроэкономическая перестройка не создала основ для роста социальных слоев, в том числе наемных работников, связанных с современными хозяйственными структурами. В первые годы после получения независимости основным стимулом увеличения числа лиц, работающих по найму, в первую очередь – в городах, стало формирование государственного сектора экономики. Численность армии наемного труда в тот период увеличилась в Африке в 2 раза. В связи с начатыми в 1980-е гг. мерами по сокращению прямого участия государства в производственной сфере численность работающих по найму в современном секторе экономики существенно уменьшилась. Это затронуло все сферы общественного производства – промышленность, энергетику, инфраструктуру, государственный аппарат, службы здравоохранения и образования. В итоге доля наемного труда в современной городской занятости начала снижаться. К середине 1990-х гг. в современном секторе экономики большинства африканских стран было сосредоточено, по данным ЭКА, всего 6% рабочей силы.²⁸ Существенно ситуация не изменилась и в 2000-е гг., когда данный показатель возрос всего лишь на 2 процентных пункта.²⁹ Огромное влияние на городскую занятость в африканских государствах оказал также мировой финансовый кризис 2007–2010 гг. Сокращение рабочих мест в современном секторе городской экономики, в том числе в госсекторе, нарушение стабильности занятости, резкое ухудшение условий жизни ускорили пауперизацию работников современного сектора. Маргинализируются и многочисленные группы среднего класса, в том числе работники социальной сферы – учителя, врачи и т.п., а также часть национальной буржуазии. Особенно в тяжелом положении оказывается молодежь. Городские безработные в своей основной массе (до 50–75%) это люди до 25 лет. Люмпенизируется и молодая интеллигенция в лице дипломированных специалистов, которым после упразднения существовавшего до середины 1980-х гг. распределения выпускников вузов трудно найти подходящую работу. В этих условиях значительные масштабы приобретает «утечка

умов». Те, кто не смог выехать за границу, продолжают находиться на иждивении родственников или друзей, пополняют ряды НФС или становятся безработными. Так армию «новых маргиналов» пополняют слои интеллигенции, получивших образование и профессиональную подготовку.

В самом бедственном положении оказываются женщины и дети. По данным ООН к 2025 г. более 50% детей в Африке будут горожанами, и более 60% из них будут жить в бедности.³⁰

Итак, формирование социальных структур современного типа в африканском городе сопровождается не столько решительной трансформацией старых социальных общностей, сколько ростом беднейших, низших слоев и групп, доля которых в крупных городах и столицах африканских государств достигает 30–40%. Пределы маргинализации все более значительной части городского населения пока не просматриваются, но очевидно, что экономическая нестабильность, высокие темпы прироста городского населения, огромные масштабы сельско-городских миграций, нищенские условия, в которых находятся на грани выживания от трети до половины населения африканских городов, обрекают общество на деградацию.

Увеличивающееся в африканских городах количество озлобленных, отчаявшихся людей, разбухание люмпенизированного населения до критической массы осложняет общую социально-политическую обстановку во многих африканских странах. Трущобы и сквоттерские поселки, где скапливаются социально неустроенные и незащищенные низшие слои, в основном молодежь, представляют своеобразные «зоны риска», будучи источником постоянной экономической и социальной напряженности в обществе. Волна преступности захлестнула африканские города, где процветают, особенно среди молодежи, проституция, воровство, бандитизм. Деструктивные процессы в сознании и настроении маргинальной массы не проходят бесследно для любого общества, грозя если не полным разрывом социальной ткани, то ее значительным ослаблением и расползанием.

Маргинальные массы горожан участвуют в массовых беспорядках, широких волнениях и бунтах городского населения, ко-

торые стали повсеместными в Африке. Очевидная направленность социальной трансформации африканского общества в сторону маргинализации все более значительной части населения приводит к тяжелым политическим и экономическим последствиям, затрагивающим в условиях глобализации все большее число стран. Война и насилие стали самым распространенным способом ведения политики на Африканском континенте. Африканские конфликты все более перерастают национальные границы, а африканские беженцы и нелегальные мигранты стали одной из основных мировых проблем.

Негативные последствия бурных урбанизационных процессов на континенте поставили африканские правительства перед необходимостью поисков эффективных путей решения проблемы. Правительства большинства африканских стран пытаются целенаправленно воздействовать на процессы урбанизации.

Однако, как показывает практика, данное воздействие не всегда оказывается успешным.

Пытаясь регулировать городской рост в Африке, правительства ряда африканских стран зачастую искажали объективные процессы урбанизации, выбирая места для строительства государственных предприятий и создавая специальные экономические зоны по политическим, а не экономическим соображениям. Так крупнейшее государственное предприятие в Египте – металлургический комплекс в Хелуане – был размещен недалеко от столицы страны Каира, а не вблизи источника сырья. В результате сделанного выбора грязное сталелитейное производство размещено практически в центре крупнейшего сосредоточения людей в стране (Большой Каир), что не только повысило расходы на транспортировку сырья, но и создало огромные экологические проблемы для местного населения.

Африканские государства, которые создавали и создают специальные экономические зоны, предлагая льготную систему налогообложения, на деле поощряют экономическую деятельность в том или ином привилегированном районе в ущерб другим. Например, если либерализация торговли изначально осуществлялась в прибрежных районах, что было характерно, на-

пример, для ряда государств Западной Африки, внутренние регионы этих стран оказывались в крайне невыгодном положении. По сути дела политика преимущественного развития определенных районов или городов способствует закреплению дуальной экономики с современными городами на побережье и поставленными в невыгодное положение остальными частями страны. Прибрежные города Египта, например, которые первыми выиграли от политики «открытых дверей», а также такие города как Порт-Судан, Лагос, Аккра и ряд других до сих пор сохраняют свои преимущества, несмотря на то, что их специальный статус отменен.

Но самой главной скрытой формой искажений, привносимых правительством той или иной страны в процесс территориального размещения производства и роста городов, служит бюрократическая централизация принятия решений и масштабная коррупция, свойственная большинству африканских государств. Бюрократы в центральном правительстве хотели бы жестко контролировать процесс выдачи различных лицензий, разрешений, кредитов и ссуд. В этих условиях производители стремятся разместиться в столицах или других бюрократических центрах с тем, чтобы иметь возможность эффективно решать бюрократические проблемы. В 1990-е гг. Марокко, АРЕ и Тунис провели либерализацию рынков капитала и экспортно-импортных операций, создав новые возможности для малых и средних компаний. Однако функции выдачи разрешений остались централизованными, и концентрация малых и средних компаний в крупных городах этих стран выросла.

Неутешительные итоги прежних попыток африканских правительств предотвратить миграцию из сельских районов в города или ускорить рост городов в конкретных районах позволяют сделать однозначный вывод: на сегодняшний день большинство исполнительных органов стран Африки не способны принимать решения о том, где должны проживать люди и размещаться производство. В вопросах местонахождения идеальная правительственная политика заключается в обеспечении равных условий, с тем, чтобы крупные, средние и малые города и сель-

ские районы могли на равной основе конкурировать друг с другом.

Однако проведение такой политики требует не просто отмены субсидий и налоговых льгот. По мере урбанизации страны следует расширять инвестиции в государственную инфраструктуру. Для промышленного производства в отдаленных городах и районах необходимы средства современной связи, дороги и электроснабжение, с тем, чтобы там стало возможным производить конкурентоспособную продукцию, вывозить ее на основные рынки и общаться с покупателями и продавцами. Именно центральному правительству принадлежит ключевая роль в принятии решения о том, производить ли такие инвестиции и, если да, то где и когда. Чтобы сопротивляться давлению в пользу сосредоточения инвестиций в столице, или одном-двух крупных городах, необходимы также институциональные механизмы, позволяющие другим регионам участвовать в принятии решений о распределении средств. Задача по созданию таких механизмов также должна возлагаться на центральное правительство.

Как показала практика, другие репрессивные меры африканских правительств по регулированию урбанизационных процессов, такие как разрушение трущоб, уничтожение городских огородов, запрет уличной торговли, бродяжничества и нищенства и т.п. также не дают ожидаемого эффекта. Поэтому современными правительствами африканских стран необходимо сделать упор на выработку комплексной политики в области демографии и людских ресурсов, направленной на смягчение последствий безработицы и масштабов бедности. Здесь и законодательное регулирование миграционных потоков и поощрение малого бизнеса и предпринимательства, и стимулирование трудоемких производств, и организация общественных работ, и развитие малых и средних городов, и рост профессиональной подготовки трудовых ресурсов и многое другое. Правительства государств Африки при помощи мирового сообщества пытаются компенсировать социальные издержки структурной перестройки экономики и последствия финансово-экономического

кризиса, принимая специальные программы по борьбе с бедностью и социальной защите наиболее уязвимых групп городского населения. Такие усилия со стороны африканских правительств будут необходимы и в дальнейшем, хотя заметного воздействия на положение вещей они пока не оказали. Очевидно, что для решения проблем африканских городов, которые все более приобретают международный характер, потребуются усилия всего мирового сообщества.

4.3. Социально экономические особенности процесса урбанизации в Африке на примере конкретной страны (Египет)

Объектом исследования данного параграфа, призванного показать особенности африканской урбанизации на уровне «отдельно взятой страны», выбрана Арабская Республика Египет – страна древней городской культуры, на примере которой можно изучить специфику развития африканских городов как в исторической ретроспективе, так и на современном временном отрезке.

Изучение различных сторон процесса урбанизации на конкретном материале Египта представляет и практический интерес, поскольку способствует выяснению перспектив дальнейшего развития экономики конкретной страны в зависимости от количественных и качественных аспектов городского роста, что позволяет прогнозировать тенденции формирования и изменения народнохозяйственной структуры, а также давать объективную оценку государственной политике того или иного африканского государства в социальной сфере.

Выбор АРЕ в качестве объекта исследования был определен также тем, что автор данной диссертационной работы неоднократно бывала в Египте, где работала в различных университетах, научных центрах, а также в ряде министерств и ведомств АРЕ. Собранные в ходе этих поездок материалы позволяют наполнить те или иные теоретические выкладки конкретным фактическим содержанием.

В интересах более полного и глубокого раскрытия темы в данном параграфе подвергаются анализу некоторые аспекты исторического развития египетских городов, включая греко-римский период, средние века, а также колониальную эпоху и период независимого развития. В то же время особый акцент делается на изучение периода последних трех десятилетий 20 века и первого десятилетия XXI века, когда экономическая и социальная составляющая египетского общества, как и ряда других государств Африки подверглись структурной трансформации в ходе реализации программы реформ в соответствии с рекомендациями Международного Валютного Фонда для развивающихся, в том числе для африканских стран, а также в условиях усиления процессов глобализации.

Египет – один из первых очагов цивилизации на Земле – имеет давнюю городскую традицию, которая, в отличие от Европы, практически не прерывалась на протяжении ряда тысячелетий, а лишь подвергалась определенным изменениям в результате воздействия различных факторов исторического, экономического и социально-политического порядка. Египетское докапиталистическое общество было не аграрным, как принято говорить, а аграрно-урбанистическим: доля городских жителей во всем населении страны достигала в греко-римском Египте, а также Египте VII–XIV вв. по меньшей мере 20–30%³¹.

Египетская цивилизация уже на ранних этапах развития имела в своем распоряжении компактный ареал плодородных земель, который в сочетании с ирригационной системой дал жизнь необычайно продуктивному и высокоинтенсивному сектору хозяйства, сконцентрировавшему значительное производящее земледельческое население. Все это давало возможность «выхода» огромного прибавочного продукта и открывало перспективу быстрого роста городского населения, повышения его удельного веса. Уникальная комбинация природных, хозяйственно-экономических и социально-политических причин дала жизнь не аграрному, как принято говорить, а аграрно-урбанистическому обществу.

Население Египта производило и потребляло в условиях колоссального богатства природных условий и факторов, что создавало возможность вырабатывать или прямо получать от природы неповторимое богатство продуктов и изделий сельского хозяйства и ремесла. Этим в значительной степени объясняется глубокая дифференциация земледелия, многообразие выращиваемых культур, развитие животноводства, а также высокая степень специализации ремесленного производства в Египте. Вместе с тем, плодородие земель, интенсивный тип хозяйства заложили основы преимущественного развития и живучести мелкого производства, которое в условиях высокой производительности труда, обеспечивающейся главным образом действием природного фактора, позволяло получать значительный «выход» прибавочного продукта и в небольших по размеру хозяйствах.

Важнейшей особенностью урбанизации в Египте было возникновение уже на ранних этапах развития египетского общества крупных городов, которые в силу своих размеров становились многофункциональными центрами и создавали собственную сложную систему разделения труда. Высокая концентрация населения в нескольких больших городах также является отличительной особенностью египетской урбанизации, имеющей исторические корни (как в греко-римский период, так и в средние века более 50% горожан проживало в двух-трех-четырех крупных центрах).³²

Зависимость египетской экономики от орошения, относительная сложность сельскохозяйственных работ привели к необходимости централизованного государственного управления и контроля за функционированием ирригационной системы. Это в свою очередь способствовало как выдвиганию столичного города в качестве главного административного и руководящего центра страны, так и раннему развитию административной функции у других городов Египта. Таким образом, возникновение многочисленного бюрократического аппарата, осуществляющего регулирование и контроль за всем циклом сельскохозяйственных и оросительных работ, было объективно обу-

словлено их сложностью. В то же время значительный сельскохозяйственный прибавочный продукт и налаженная система его изъятия и перераспределения способствовали разбуханию бюрократии, усилению ее паразитического начала.

Растущий разрыв в уровнях жизни богатых и неимущих, наиболее ярко проявляющийся в городах, вынуждал правящие классы Египта прибегать к такому средству поддержания политической стабильности, как бесплатные выдачи горожанам продуктов питания и других жизненно важных предметов (одежды, обуви и т.п.), что могло быть, на наш взгляд, как натуральной формой вознаграждения за труд, так и формой государственных субсидий, способствующих сохранению социально-политической стабильности в городах.

Система орошаемого земледелия Египта создавала возможности едва ли не круглогодичной сельскохозяйственной занятости деревенского населения. В этих условиях домашние сельские промыслы не получили широкого развития в докапиталистическом Египте, и местами сосредоточения большинства видов не-сельскохозяйственной деятельности стали города. При этом высокая степень товаризации сельского хозяйства, достигнутая уже на начальных этапах развития египетского общества, стимулировала развитие денежных связей между городом и деревней. Все это привело к рано сложившейся экономической противоположности между городом и деревней в Египте, которая усиливалась социальным разрывом между ними: подавляющее большинство представителей господствующего класса проживало в городах. Дополнительной причиной глубокого отчуждения городского и сельского населения была их культурная, этническая, лингвистическая неоднородность, их происхождение из разных мест.

Рано сложившаяся поляризация египетского общества по линии город–деревня, низкий социальный статус сельского населения затрудняли и ограничивали миграцию сельских жителей в города. По нашему мнению, в греко-римском и средневековом Египте как сельское, так и городское население воспроизводилось в основном за счет естественного прироста, т.е. преимущественно на своей собственной основе.

В отличие от Европы, население которой, не располагая особо благоприятными агроклиматическими условиями, должно было активно изыскивать новые, технические и организационно-экономические, способы и методы развития производства, Египет как бы довольствовался относительно высоким уровнем производства, отвоёванным им у природы еще в древности, что при прочих равных условиях способствовало постоянному воспроизводству традиционных социально-экономических и политических структур как в городе, так и в деревне. При этом, концентрация больших масс натуральных продуктов и денежных средств, изъятых из деревни, в руках господствующих классов, позволяла им, с одной стороны, поддерживать социальную стабильность в городах, а с другой – содержать и укреплять многочисленный аппарат контроля и подавления, что в свою очередь создавало общественно-политические условия, препятствующие возникновению новых социально-экономических форм.

В конце XVIII – начале XIX вв. на мировое, в первую очередь европейское, развитие начинает оказывать влияние новый фактор – переход от экстенсивной к интенсивной экономике. Промышленная революция в странах Запада повлекла за собой прогрессирующее увеличение производительности труда, постепенно уменьшала отношение живого труда к овеществленному, переменного капитала к постоянному.

В этих условиях действие демографического и природного факторов как главных условий экономического роста значительно ослабело.

К тому же бурное развитие промышленности в европейских странах в XVIII–XIX вв. изменило соотношение земледельческого и неземледельческого труда: основным производителем прибавочного продукта стал труд промышленного работника. Быстрое увеличение технического, а значит и экономического потенциала европейских государств, абсолютный рост их богатства объективно способствовали росту численности населения этих стран. Быстроразвивающиеся экономики Европы постоянно нуждались в притоке материальных и человеческих ресурсов, что послужило объективной основой колониальных завоеваний.

Закабаление Египта иностранным капиталом и установление там колониального режима в период разложения средневекового общества глубоко затронули все стороны социально-экономического развития страны. В первую очередь, они сказались на процессе урбанизации: изменился ее механизм, вступили в действие новые факторы роста городского населения, существенно отличающиеся от традиционных.

После оккупации Египта в 1882 г. Англия за довольно короткий срок превратила эту страну в свой аграрно-сырьевой придаток и придала его экономике исключительно монокультурный характер.

В условиях высокой товарности египетского земледелия и его колониальной зависимости от Великобритании значительная часть прибавочного продукта, производимого в сельском хозяйстве Египта, потреблялась за его пределами. К тому же, вследствие постоянного снижения мировых цен на хлопок в XIX – начале XX вв., египетские производители не получали за свой труд достаточной денежной компенсации. Иными словами, излишек сельскохозяйственной продукции, потребляемый внутри страны, сократился и был уже недостаточен для поддержания высокого удельного веса городского населения, нуждающегося в продуктах питания, следствием чего явился все увеличивающийся импорт зерновых в страну.

Колониальная политика англичан нарушила и другой объективный фактор роста числа горожан: экспорт в Египет дешевого английского текстиля и других товаров массового пользования привел к разрушению ремесла и домашнего промысла. Так, в середине XIX в. промышленность, строительство и ремесло с учетом домашних промыслов сосредоточивали не менее 25–30% экономически активного населения³³, в то время как в 1907 г. соответствующий показатель уже не превышал 11%³⁴. Между тем в сельском хозяйстве в 1882 г. было занято около 62%, а в 1907 г. уже 69% самодеятельного населения страны³⁵.

Все перечисленные выше факторы привели к тому, что в Египте на рубеже XIX и XX вв. наметилось заметное отставание роста числа жителей городов от роста сельского населения.

Так, в 1897–1907 гг. среднегодовой темп прироста городского населения равнялся 1,1%, а сельского – 1,7%. В этих условиях произошло понижение удельного веса горожан во всем населении страны с 20,1% в 1897 г. до 19,1% в 1907 г.³⁶. В некоторых городах в 1897–1907 гг. наблюдалось даже абсолютное сокращение численности населения: небольшое – в Танте, Заказике и Гизе, значительное – в Кене, Асьюте, Думьяте и др.³⁷.

Вместе с тем, уже на данном этапе развития страны появились новые причины, повлекшие за собой в дальнейшем постоянное, хотя и неравномерное увеличение доли жителей городов во всем населении Египта. Наиболее важными из них для анализа процесса урбанизации являются возникновение относительного аграрного перенаселения и рост, хотя и ограниченный и непостоянный, спроса на рабочую силу в городах.

Иными словами, колониальная политика Великобритании коренным образом изменила характер и механизм урбанизации, а также трансформировала старые и создала новые предпосылки роста городского населения.

Если в доколониальную эпоху высокопродуктивное сельское хозяйство, производившее значительный излишек прибавочного продукта, могло свободно поддерживать относительно высокий удельный вес городских жителей, то в условиях колониальной зависимости, нарушившей вызревание элементов капиталистических производственных отношений на базе внутренней эволюции египетского общества и переориентировавшей сельское хозяйство Египта на монокультуру хлопка, излишек сельскохозяйственной продукции потреблялся в условиях неэквивалентного обмена преимущественно за пределами страны и производился в форме, удобной для такого рода потребления. В этих условиях внутренние запросы городских жителей в продуктах питания стали удовлетворяться в основном за счет импорта продовольствия, поскольку местное производство уже не отвечало потребностям горожан.

Сложившаяся под решающим воздействием внешнеэкономического фактора – спроса на хлопок на мировом рынке – монокультурная экономическая структура обнаружила свою осо-

бую уязвимость после того, как экстенсивные факторы повышения продуктивности земледелия себя исчерпали и начал действовать механизм аграрного перенаселения (начало XX в.). Рост городов в значительной степени стал осуществляться за счет миграций сельских жителей из деревни в город. Однако в условиях колониальной зависимости, тормозившей развитие местной промышленности, перелив рабочей силы из сельской местности в города не сопровождался быстрым ростом городской занятости, особенно в отраслях материального производства, увеличивал армию полностью или частично безработных, способствовал разбуханию непромышленного сектора.

Колониальная направленность египетской экономики усилила тенденцию концентрации городского населения страны в двух крупных центрах. Неравномерность и узость социально-экономического развития, ограниченного крупными городами, где сосредоточивался иностранный и национальный капитал, и основные людские ресурсы, привели к огромному разрыву между ними и обширной сельской периферией.

В последние десятилетия процесс урбанизации в Египте протекал под влиянием новых факторов и тенденций как внутреннего, так и внешнего порядка, что привело к существенным изменениям в самом механизме городского роста в одной из крупнейших по численности населения стран Африки.

Египет, остававшийся на протяжении тысячелетий крестьянской страной с абсолютным преобладанием сельского населения, всего за полвека послевоенного развития стал, по существу, страной городской. К началу XXI века удельный вес горожан Египта приблизился к 50% рубежу, а с учетом 3–4 млн жителей, которые покинули Египет и нашли приложение своему труду в арабских нефтедобывающих и некоторых западных государствах, преодолел его.³⁸

Среднегодовой темп прироста городского населения в Египте, составивший за последние 20 лет 2,5%, практически не отличался от общемирового уровня, но был выше, чем в странах Европы, Северной Америки и России, где он колебался в пределах от 0,1 в Италии до 1,3 в Канаде, и ниже, чем во всех араб-

ских странах, где данный показатель наиболее высок в Омане (11,1%), в Йеменской Республике (7,4%), ОАЭ (7%), Саудовской Аравии (6%) и Иордании (5,4%). По темпам прироста городского населения Египет уступал в исследуемом периоде также Эфиопии (5,4%), Китаю (4,3%), ДРК (3,4%), Индии (3%) и Бразилии (2,9%). Лишь в Кувейте (2,4%) и в Аргентине (1,8%) темпы прироста городского населения были ниже аналогичных показателей в АРЕ.³⁹

Городское население Египта пополнялось из двух основных источников: внутреннего (естественный прирост городского населения) и внешнего (сельско-городские миграции).

При сохраняющейся высокой рождаемости египетского населения на уровне 30–40 промилле,⁴⁰ что было обусловлено устойчивостью архаичных общественных отношений, резкое снижение смертности, как следствие достижений мировой медицины, вызвало соответствующее увеличение естественного прироста населения как в городе, так и в деревне. Демографический фактор оказал двойное влияние на процесс урбанизации в АРЕ. С одной стороны, он привел к расширению ее масштабов на основе относительно высокого естественного прироста горожан, а с другой – увеличил отток из деревни в город сельского населения, которое в условиях быстро растущей его численности при крайней ограниченности земельного фонда в АРЕ оказалось «избыточным».

Со второй половины 1980-х гг. в АРЕ наметились определенные предпосылки для снижения остроты демографической проблемы. Темпы прироста населения сократились с 2,8% в 80-е гг. до 1,9% в 2007 г. Такое сокращение темпов демографического роста было связано по преимуществу с уменьшением показателей рождаемости с 35 до 25 промилле⁴¹, материальные и психологические предпосылки которого вызревали в ходе экономического и культурного строительства. Прежде всего, такие предпосылки складывались в процессе разложения патриархального уклада, особенно в семейных отношениях, под воздействием процессов модернизации, структурной перестройки экономики и урбанизации, а также благодаря распространению

образования среди молодежи, эмансипации женщин и т.п. Все это говорит о том, что демографический кризис отнюдь не фатален и может быть преодолен. В ближайшие десятилетия речь будет идти скорее о скорости процесса демографического перехода и соответственно о цене, которую заплатит государство и народ Египта за переход к рациональному типу воспроизводства населения. Чем короче этот путь, тем ниже цена, и демографическая политика является необходимым инструментом оптимизации демографических процессов в обществе.

Вместе с тем некоторое сокращение темпов прироста населения Египта к началу XXI века еще не означает потерю актуальности демографической проблемы в обозримом будущем. Ожидаемое понижение относительного прироста населения АРЕ по крайней мере до середины нынешнего века останется недостаточным, чтобы привести к уменьшению абсолютной величины этого прироста из-за удвоившейся в 1975–2000 гг. общей численности жителей АРЕ. Согласно среднему прогнозу, опубликованному Бюро переписей США, к 2050 г. население Египта достигнет 113 млн человек.⁴² Таким образом, численность населения египетских городов в ближайшие десятилетия во многом будет расти за счет естественного прироста населения. По нашим подсчетам, в настоящее время около 55% прироста городского населения АРЕ дает естественный прирост и 45% – миграция.⁴³

Миграции сельских жителей в города определяются как факторами притяжения (индустриализация, расширение сферы обслуживания, возможность удовлетворения в городах качественно новых потребностей, желание мигрантов получить больший доход), так и возрастающим воздействием факторов выталкивания из деревни. Это, как правило, связано как с усилением земельного голода в условиях сокращения темпов прироста обрабатываемых площадей и ускоренного роста сельского населения, так и с резким сокращением капиталовложений в земледелие и, наконец, с воздействием ускорившегося развития капитализма «сверху» и «снизу», на процесс расслоения крестьянства.

Наличие двух разнородных типов причин перемещения сельских жителей в города (выталкивание деревней и притяжение го-

родом) обусловили два вида миграции трудовых ресурсов. К первому относится переселение представителей обездоленных слоев деревенского населения, которые направляются в города в поисках работы, ко второму виду принадлежит миграция лиц с более высоким экономическим и социальным статусом.

Рассматривая социально-экономические последствия миграции, следует подчеркнуть, что значительная часть мигрантов сравнительно быстро находила себе работу. При этом большинство мигрантов улучшало свое материальное положение (средние доходы мигранта в АРЕ до и после миграции соотносились как 1:2)⁴⁴, повышало свой профессиональный статус. Вместе с тем, определенная часть мигрантов находила приложение своему труду в неформальном секторе экономики, концентрировавшем в Египте около трети городской занятости, или вообще оставалось без постоянной работы, пополняя ряды маргиналов. На наш взгляд, неправомерны как утверждения о безусловно положительном характере миграции, так и заявления о том, что в ходе миграции происходило простое перемещение безработицы и неполной занятости из сельской местности в города, порождая феномен «сверхурбанизации». В конкретных условиях Египта в последние 20–30 лет процесс миграции из деревни в город имел неоднозначные последствия для различных категорий мигрантов, которые в ряде случаев улучшали свое социально-экономическое положение. В то же время в ходе миграции в ряде случаев происходило перемещение традиционного деревенского уклада жизни в города, порождая такой социальный феномен как «деревня в городе».

Растущее влияние процесса урбанизации на всю социально-экономическую жизнь страны обусловлено не только и даже не столько абсолютным ростом численности городского населения, сколько той огромной ролью, которую играют города в складывании качественно новой структуры занятости, в преобразовании всей системы материальных и духовных запросов жителей того или иного государства.

В ходе урбанизации за два-три десятилетия Египет из аграрно-крестьянской страны превратился в страну с абсолютным

преобладанием несельскохозяйственной занятости: к 2007 г. удельный вес лиц, трудовая деятельность которых связана преимущественно с сельским хозяйством, не превышал 20%.⁴⁵

Таким образом, в процессе урбанизации в период между переписями населения 1960 г. и 2006 гг. происходило перераспределение занятости, в первую очередь, мужской, между городом и деревней в пользу города. При этом города обнаруживали также более высокие темпы роста экономической активности населения и усиливающееся вовлечение женщин в сферу наемного труда.

Урбанизация значительно расширила рамки наемного труда (в 2007 г. свыше 75% всех занятых в народном хозяйстве составляли лица, работающие по найму)⁴⁶ и тем самым внесла немалый вклад в формирование современной структуры занятости.

Особенно быстро удельный вес наемных рабочих увеличился в городах: в соответствии с данными всеобщих переписей населения в 1986 г. он составил 76,1%, а в 2006 г. – уже 81,4%.⁴⁷ Все это свидетельствует об особой роли, которую играют города в перестройке социальной структуры. При этом разрыв между удельным весом наемных работников в городе и в деревне составлял еще в 1976 г. около 37 процентных пунктов. К настоящему времени разрыв в доле лиц наемного труда между городом и деревней продолжает оставаться достаточно высоким, однако имеет постоянную тенденцию к сокращению: в 1986 г. он не превышал 21 процентного пункта, а в 2006 г. снизился до отметки 16. Все это свидетельствует о капитализации и модернизации сельскохозяйственного производства в Египте.⁴⁸

Таким образом, к началу XXI века наемный труд играл ведущую роль в производственном процессе не только в городе, но и в деревне. Однако не следует забывать о двух факторах, которые не учитываются в египетской статистике, но оказывают самое непосредственное влияние на структуру занятости в АРЕ. Во-первых, речь идет о недоучете в сельской местности труда женщин-домохозяек, которых с полным правом можно отнести к категории семейных работников. Во-вторых, часть

сельскохозяйственных рабочих в Египте продолжает эксплуатироваться не только капиталистическими, но и полуфеодальными методами и сохраняет остатки собственности или хозяйства и тем самым не может быть полностью отнесена к категории наемных работников. Вместе с тем, общая тенденция распространения более современной структуры занятости и расширения масштабов применения наемного труда как в городе, так и в деревне, безусловно, имела место в Египте в последние 20-30 лет.

Велика прогрессивная роль города и в складывании нового типа потребления, для которого характерна ломка старых потребительских привычек и возникновение потребностей более высокого порядка.

Города значительно расширили количественные масштабы потребления (по нашим подсчетам, в 2000-е годы удельный вес городских жителей Египта не превышал 50%, а доля горожан во всем потребительском фонде страны составила примерно 75%)⁴⁹, а также внесли весомый вклад в структурную перестройку системы потребностей в сторону сокращения расходов на питание, на товары первой необходимости и расширения затрат на предметы длительного пользования, на образование, здравоохранение и культурный отдых, что, в конечном счете, отражало прогрессивные сдвиги в развитии «человеческого фактора» Египта.

При анализе бюджетов египетских семей обращает на себя внимание тот факт, что даже среди наименее обеспеченных горожан расходы на образование в два раза выше, чем в деревне. У горожан со средним уровнем дохода этот разрыв увеличивается до 4-х раз. Желание получить образование является одной из важнейших причин миграции в город, особенно среди молодежи. Конечно, у богатых и бедных семей возможности продолжения учебы различны, однако многие городские семьи предпочитают экономить на других статьях расходов, справедливо полагая, что образование их детей окупится в будущем сторицей.

То же самое можно сказать и о медицинском обслуживании. Если в деревне в среднем на лекарства и лечение тратится око-

до 1,2% семейных бюджетов, то в городе – 2,4%. Учитывая тот факт, что в абсолютном выражении доходы горожанина в 1,9 раза выше, чем у жителя сельской местности, разрыв в реальных расходах на образование составляет 3,8 раза.⁵⁰

Сравнивая доходы городских и сельских жителей АРЕ в целом, приходим к выводу, что в городе средний уровень дохода в 2000-е годы был примерно в 2 раза выше, чем в деревне⁵¹. Однако повышение уровня доходов в городах нивелируется гораздо большими расходами, связанными, во-первых, с более высокими ценами, а, во-вторых, с возникновением целого ряда потребностей, необходимости в удовлетворении которых в деревне не существовало (транспорт, квартплата и т.п.). В связи с этим черта бедности установлена в городе на более высоком уровне. Вместе с тем, неравномерность в распределении доходов между богатыми и бедными семьями в городе значительно больше. Так, по нашим подсчетам, коэффициенты концентрации Лоренца, характеризующие эту неравномерность, в 2000-е годы в городах составляли 0,49 единицы, а в деревнях – 0,37 единиц.⁵² Следовательно, именно в городах противоречия социально-экономического развития проявляются во много раз отчетливее. И именно в городах концентрация богатства на одном полюсе египетского общества и нищеты – на другом выражены наиболее ярко.

Помимо показателя, характеризующего дифференциацию доходов жителей города и деревни, значительный интерес представляет также коэффициент неравномерности потребления. По нашим подсчетам данный индикатор составил в сельской местности 0,35, а в городской – 0,40 единиц.

В первую очередь обращает на себя внимание тот факт, что в отличие от доходов, потребительские расходы распределяются более равномерно между различными слоями египетского общества как в городе, так и в деревне. Вместе с тем, хотя дифференциация потребления в городе остается более глубокой по сравнению с аграрными районами страны, разрыв между коэффициентами концентрации Лоренца, рассчитанными по сельским и городским потребительским расходам, значительно

меньше. На наш взгляд, это может быть связано с субсидированием некоторых продуктов питания (в первую очередь, хлеба) в городах, мерой, к которой все еще вынуждено прибегать правительство Египта с целью поддержания потребления городских низов на определенном минимальном уровне, а значит, и с целью стабилизации социально-политической ситуации в египетских городах.

При этом противоречие между новыми потребностями населения и реальным уровнем потребления в городах выражено ярче еще и потому, что городская жизнь по сравнению с сельской дает более широкий простор для возникновения качественно новых запросов, а невысокий уровень жизни большинства горожан объективно ограничивает возможности их удовлетворения. Иными словами, на одном полюсе общества возникает безудержное непроизводительное потребление, на другом – спрос беднейших слоев стоит ниже самых крайних границ их физической потребности.

Новые потребности, к которым относятся, в первую очередь, современные товары и услуги, например, желание получить хорошее образование, купить современный автомобиль, компьютер, пользоваться интернетом и мобильным телефоном, затрагивают, как правило, городскую элиту, средние слои, а также в той или иной степени индустриальный пролетариат, связанный с современным сектором экономики. Потребление же городской бедноты остается крайне ограниченным как по своей структуре, так и по способу удовлетворения основных запросов и осуществляется в основном за счет традиционного сектора экономики. В то же время разрыв в возможностях потребления между бедными и богатыми наиболее ощутим в городе, где огромное по численности население сосредоточено на весьма ограниченном территориальном пространстве, а богатые магазины, дома, автомобили доступны взору любого бедняка ежедневно и ежечасно.

Такой ограниченный спрос на современные товары и услуги, формирующийся в основном за счет зажиточной верхушки египетского общества, сужает возможности местной промыш-

ленности, многие предприятия которой работают с хронической недогрузкой. Одновременно диверсификация потребностей египтян в результате воздействия демонстрационного эффекта расширяет абсолютные и относительные объемы импорта потребительских товаров, произвести которые на конкурентно способном уровне местная промышленность не в состоянии. При неблагоприятной конъюнктуре мирового рынка рост импорта ведет к росту дефицита торгового баланса, увеличению внешнего долга и другим неблагоприятным последствиям для египетской экономики.

Быстрый рост населения города и деревни повышает актуальность таких социально-экономических вопросов, как продовольственная проблема, поддержание и увеличение уровня потребления, жилищная проблема, рост расходов на образование и медицинское обслуживание.

Проблема ускоренного роста городов тесно связана и с экологией. В последнее время появляется все больше доказательств того, что во взаимоотношениях человека и природы происходят качественные изменения, свидетельствующие о пересечении критических порогов в природных системах. Особенно это актуально для территории, где концентрация населения небывало высока (это, в первую очередь, относится к крупным городам), а значит и негативное воздействие человека на окружающую среду намного интенсивнее, чем во многих странах мира. Если не удастся изменить существующие тенденции, уменьшив давление жителей Египта на среду их обитания, быстрое увеличение населения АРЕ и, прежде всего, городского может привести в ближайшее время к тому, что под угрозой окажется само существование биосферы. При этом следует учитывать, что разрушение природной сферы происходит как вследствие экономического развития и роста материальных потребностей, так и в результате сохранения элементов отставания в развитии, в первую очередь роста абсолютной бедности, когда повседневная борьба за выживание вынуждает бедные семьи египетских феллахов доводить до истощения почвы, лишь бы получить урожай в этом году, а существующих за чертой

бедности городские семьи жить в немыслимых жилищных условиях, нарушая тем самым стабильность экосистем городов, повышая опасность различных заболеваний.

Урбанизация в Арабской Республике Египет, отражая качественные изменения в социально-экономической и общественно-политической жизни страны, фокусирует одновременно все сложности и противоречия египетского общества, неравномерность его развития.

Одним из проявлений этой неравномерности в ее территориально-пространственном аспекте стал усилившийся в последние годы разрыв между городом и деревней по целому ряду социально-экономических показателей: производительности труда, доходам, социально-бытовым условиям, медицинскому обслуживанию, образовательному уровню населения, способам проведения досуга. При этом постепенно изменялась также структура и характер материально-вещественных потоков между городом и деревней. Разумеется, город по-прежнему был заинтересован в поступлении из деревни продовольствия и традиционных видов сырья для текстильной и пищевой промышленности. Однако в силу отмеченных ранее факторов возрастающую роль в продовольственных и, отчасти, сырьевых поставках стал играть импорт из других стран. Иными словами, традиционная связь между городом и деревней все в большей степени переносилась из внутренней во внешнюю сферу и выступала как связь египетских городов, с одной стороны, и «деревней», а точнее сельским хозяйством развитых стран – с другой. К тому же появление новых отраслей промышленности (металлургии, машиностроения, химического производства) означало усиление их зависимости от поступления минерального, а не сельскохозяйственного сырья, а также комплекующих изделий и других промышленных товаров, производимых в самом Египте или за его пределами. Все это означало, что роль сельского хозяйства в его прямых связях с национальной промышленностью объективно относительно уменьшалась. Одновременно, по мере расширения воздействия «зеленой революции», процессов механизации и химизации сельского хозяйства последнее оказы-

валось в своих связях все более зависимым от национальной промышленности, а также от импортных поставок из-за рубежа. Такой «асимметричный» тип зависимости усиливал экономическое размежевание города и деревни, что, в конечном счете, вело к усилению различий в интересах многих слоев сельских и городских жителей АРЕ.

В ходе урбанизации усиливались социальные контрасты и в самих египетских городах. При общем более высоком по сравнению с сельской местностью уровне жизни горожан, неравномерность в распределении доходов между ними значительно больше. Именно в городах концентрация богатства на одном полюсе египетского общества и нищеты – на другом – выражена наиболее ярко.

Процесс урбанизации в Египте сопровождался ростом безработицы и неполной занятости в городах: к 2007 г. число египтян, полностью или частично лишенных работы, достигало по некоторым оценкам 25%, причем большинство их было сосредоточено в городах.⁵³ Важным элементом в структуре городской занятости продолжал оставаться «неформальный сектор», обеспечивающий работой около трети городского населения страны, но при этом существенно снижающий общий уровень производительности труда в экономике.

Расширение масштабов потребления, повышение его качества в ходе урбанизации – процессы, безусловно, прогрессивные. Вместе с тем в результате воздействия «демонстрационного эффекта», затрагивающего в первую очередь городских жителей, в условиях социально-экономических трудностей, переживаемых страной, разрыв между все возрастающими потребностями и ограниченными возможностями национального производства увеличивался. Частично противоречие между производством и потреблением в Египте разрешалось путем импорта товаров и услуг. При этом на смену зависимости в основных и особенно промежуточных товарах, а также предметах длительного пользования, потребности в которых вследствие успехов политики индустриализации Египет уже сейчас удовлетворяет на 40–60% за счет местного производства, пришла новая, про-

довольственная, зависимость, затрагивающая самые основы процесса потребления египтян, что давало западным партнерам АРЕ мощные рычаги для оказания давления как на внутреннюю, так и на внешнюю политику крупнейшей страны арабского мира. В последние 20 лет в результате роста урожайности сельскохозяйственных структур, повышения закупочных цен на продовольственные культуры, освоения новых земель удалось повысить темпы прироста сельскохозяйственного производства почти в 2 раза.⁵⁴ Однако это повышение все равно было недостаточным для удовлетворения потребностей 80-миллионного населения страны. Египет по-прежнему импортирует значительную часть продовольствия, в том числе более 50% пшеницы. Существенный прогресс в аграрной сфере Египта может быть обеспечен не только в результате совершенствования материально-вещественных факторов развития сельскохозяйственного производства, но и при условии трансформации архаичных общественных отношений, сохраняющихся в большинстве египетских деревень.

Одним из проявлений противоречивого характера урбанизационного процесса в Египте является также гипертрофированное развитие двух крупнейших городов – Большого Каира и Александрии, концентрировавших к началу XXI века 70% городского населения страны, 73% промышленного потенциала, около 70% всех капиталовложений, свыше 65% городской занятости, 70% лиц с высшим образованием.⁵⁵ Небывалая концентрация экономических и людских ресурсов на сравнительно небольшом территориальном пространстве до предела обостряет жилищную, транспортную, экологическую проблемы. Многомиллионные Каир и Александрия по-прежнему остаются основными очагами социально-политической нестабильности в стране.

Осознание важной роли урбанизации в социально-экономическом развитии и обострение ее проблем стали основными причинами активизации государственной политики по регулированию роста городов, которая сводилась в АРЕ к трем направлениям: разработке программ по снижению рождаемости,

введению в оборот новых земель и преимущественному развитию мелких и средних городов, в том числе городов спутников вокруг столичного мегаполиса. Однако, как показывают приведенные выше факты, несмотря на определенные успехи, достигнутые страной за последние 20 лет, в снижении темпов прироста населения, особенно городского, освоению новых земель, развитию городов-спутников вокруг Каира, проблемы, связанные с быстрым увеличением жителей Египта, в том числе и в городах, в ближайшие 2–3 десятилетия останутся одними из самых острых.

Неутешительные итоги прежних попыток ряда африканских государств предотвратить миграцию из сельских районов в города или ускорить рост городов в определенной местности позволяют сделать однозначный вывод: правительства не способны принимать решения о том, где должны проживать люди и размещаться компании. В вопросах регулирования городского роста наиболее разумная, на наш взгляд, политика государства должна заключаться в обеспечении равных условий для развития, с тем, чтобы крупные и мелкие города могли на равной основе конкурировать друг с другом.

Проведение такой политики связано не просто с отменой субсидий и налоговых льгот, но и с расширением инвестиций в государственную инфраструктуру. Для развития промышленного производства в удаленных районах необходимы межрегиональные средства коммуникации, дороги, электроснабжение, банковское обслуживание. Только в этом случае станет возможным производить там конкурентно способную продукцию, вывозить ее на основные рынки и общаться с покупателями и продавцами. Именно национальным правительствам в Африке должна принадлежать ключевая роль в принятии решения о том, производить ли соответствующие инвестиции в данном регионе и, если да, то когда.

В целом, процесс урбанизации в африканских государствах привел к глубоким сдвигам в жизни миллионов людей, которые на протяжении довольно короткого промежутка времени сменили профессию, место и тип поселения, характер труда, обще-

ственно-бытовую среду обитания, социальную принадлежность, многие материальные и духовные запросы. Возникающее в ходе этих изменений противоречие между новыми условиями жизни горожан и традиционным характером их представлений и привычек, сложившихся на протяжении многих веков, неизбежно ведет к росту напряженности в африканских городах, массовым выступлениям представителей самых различных классов и социальных групп городского общества. Недовольство значительной части населения, в первую очередь, городского, так называемыми ценностями западной цивилизации и новыми социально-экономическими условиями своего существования проявляется сегодня как в умеренных (обращение к религиозным ценностям ислама) так и в экстремальных формах (терроризм). Социальная напряженность в африканских городах многократно усилилась в результате мирового финансово-экономического кризиса. Именно городская экономика большинства государств Африки, в отличие от сельской местности, где сохраняются элементы полунатурального хозяйства, является составной частью мирового рынка и подвержена всем его колебаниям. Попытки руководства африканских государств сгладить остроту социальных проблем, многократно усилившуюся в годы «политики структурных реформ», используя продовольственные поставки по каналам «помощи», расширяя масштабы занятости путем увеличения численности государственных служащих и поощрения эмиграции рабочей силы за рубеж, до недавнего времени были достаточно реальными. Однако в условиях спада мировой экономики и резкого ухудшения положения в развитых странах масштабы реальной помощи последних Африке резко сократятся. В новых условиях именно африканские города, особенно крупные, могут стать эпицентрами масштабных социальных протестов.

Усиление противоречий африканской урбанизации в последние годы, своеобразное переплетение традиционных и современных, внутренних и внешних факторов роста городов во многом обуславливает необходимость радикального преобразования многих составляющих социально-экономической и поли-

тической структуры Африки, а также ее положения в системе мирохозяйственных связей. Решение острых проблем, связанных с ускоренной урбанизацией и ее последствиями, возможно лишь на основе комплексного подхода, требующего изменения динамики, характера и направленности воспроизводственных процессов в рамках всего народного хозяйства африканских государств.

¹ На пороге XXI века. Доклад о мировом развитии. Всемирный банк. М., 2000. С. 116.

² State of World Population 2007. Unleashing the Potential of Urban Growth. UNFPA. N.Y., 2007. P. 26.

³ Shukka V. Urbanization and Economic Growth. Delhi, 1996. P. 87.

⁴ Рассчитано нами на основе национальной статистики стран Восточной Европы и ряда Африканских стран.

⁵ World Population Prospects. The 2007 Revision. U.N., N.Y., 2008. P. 1.

⁶ Ibidem.

⁷ Ibid. P. 2.

⁸ Ibidem.

⁹ Ibid. P. 4.

¹⁰ O'Connor A. The African City. L., 1983. P. 271.

¹¹ Ibid. P. 6.

¹² См., например, World Bank. World Development Report 1999/2000. Wash., 2000; J. D. Tarver, Urbanization in Africa: A Handbook. L., 1995.

¹³ Todaro M. Economic Development in the Third World. N.Y., 1989. P. 286.

¹⁴ The African Cities Report 2008. P. 7.

¹⁵ Данные получены нами во время опроса мигрантов из Танзании в 2006-2007 гг.

¹⁶ Urbanization in the Developing World: Current Trends and Need Responses. Wash., 1992. P. 1.

¹⁷ The African Cities Report 2008. P. 6; African Economic Outlook 2010. OECD/ADB. Addis Ababa, 2010. P. 21-22.

¹⁸ Мельяницев В.А. Развивающиеся страны в эпоху перемен. М., 2009. С. 163.

¹⁹ Human Development Report 2009. U. N., N.Y., 2009. P. 196-198.

-
- ²⁰ *Абрамова И.О.* Арабский город на рубеже тысячелетий. М., 2005. С. 169.
- ²¹ African Economic Outlook 2010. OECD/ADB. Addis Ababa, 2010. P. 35.
- ²² The African Cities Report 2008. P. 180-183.
- ²³ Human Development Report 2009. P. 176.
- ²⁴ The Journal of Development Studies. L., 2006. Vol. 42. No 5. P. 675.
- ²⁵ *Ela J.-M.* La ville en Afrique noire. P., 1993. P. 137.
- ²⁶ Africa Development. Dakar. 2005. Vol. XXX, No 2. P. 87.
- ²⁷ African Development Indicators 2009. The World Bank. Washington, 2009. P. 312.
- ²⁸ Economic Report on Africa, 1994. U.N. ECA, N.Y., 1994. P.39
- ²⁹ Economic Report on Africa, 2007. U.N. ECA, N.Y., 2007. P. 56.
- ³⁰ Economic Report on Africa, 2007. U.N. ECA, N.Y., 2007. P. 62.
- ³¹ Рассчитано нами по: *Крюгер О.О.* Сельскохозяйственное производство в эллинистическом Египте. Зерновые культуры // Из истории материального производства античного мира. Изв.ГАИМК. Вып. 108. М., Л., 1934. С. 12.; *Grauford D.J.* An Egyptian Village in the Ptolemai Period. L., 1971. P.34.; *Crouchley A.E.* The Economic Development of Modern Egypt. L., N.Y., Toronto, 1938. P.4.; *Clark C.* Population Growth and Land Use. N.Y., 1968. P. 679.; *Большаков О.Г.* Средневековый город Ближнего Востока. VII - сер. XIII в. М., 1984. С. 23.
- ³² *Issawi Ch.* Economic Change and Urbanization in the Middle East. P.103. *Рашид аль-Барави.* Халят мыср аль-иктисадийя фи-ахд аль-фатимийин. (на араб. Яз.) Каир, 1948. С. 9.
- ³³ *Rivlin H.A.* Op. cit. P. 174.
- ³⁴ Census of Population of Egypt. 1907. Cairo, 1910. P. 157.
- ³⁵ *Фридман Л.А.* Указ. соч. С. 53.
- ³⁶ *Farid J.A.* Population of Egypt. Cairo, 1948. P. 19.
- ³⁷ *Crouchley A.E.* Op. cit. P. 169.
- ³⁸ www.census.gov/cgi-bin/=EG
- ³⁹ Рассчитано по: www.worldbank.org
- ⁴⁰ African Development Indicators 2006. The World Bank. Wash. 2006. P. 313.
- ⁴¹ Statistical Yearbook. CAPMAS. Cairo, 2007. P. 68.
- ⁴² www.census.gov
- ⁴³ Рассчитано по материалам переписей населения АРЕ за 1996 и 2006 гг.

⁴⁴ The Preliminary Results of Internal Migration. Differentiations Survey of 2007. Cairo, 2007. P. 45.

⁴⁵ Ibid. P. 103.

⁴⁶ Ibid. P. 126.

⁴⁷ www.census.gov/cgi-bin/=EG

⁴⁸ Рассчитано по материалам переписи населения АРЕ за 1976-2006 гг.

⁴⁹ Egypt Human Development Report. Institute of National Planning. Cairo, 2007. P. 52.

⁵⁰ Household Income and Expenditure Survey 2005/06. CAMPAS. Cairo, 2007. P. 72.

⁵¹ Ibid. P. 65.

⁵² Ibid. P. 69.

⁵³ Аль-Ахрам. 13.04.2008.

⁵⁴ www.sis.gov.eg/yearbook2007

⁵⁵ National Bank of Egypt. Economic Bulletin. Cairo. 2008. N 1. P. 19.

ГЛАВА 5

МИГРАЦИЯ АФРИКАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ КАК ЭЛЕМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ МИРА

5.1. Роль миграций в современной экономике: опыт системного анализа

Стремление осмыслить место и роль международной трудовой миграции и одной из ее основных частей – африканской – в формирующейся новой экономической модели мира привело к необходимости рассмотрения данного феномена, в первую очередь, во взаимосвязи с объективными тенденциями формирования как мировой экономики в целом, так и международного рынка труда. Именно эти две социально-экономические категории определяют новое качество миграционных процессов.

Функционирование современного рынка труда обеспечивается расширением глобальной мобильности двух факторов производства: труда и капитала. Международная миграция рабочей силы является одним из необходимых условий формирования и бесперебойного функционирования мирового рынка труда. Без нее невозможно добиться снижения производственных затрат и повышения конкурентоспособности национальных экономик. В ответ на несовпадение трудовых затрат и вознаграждения за проделанную работу рабочие «голосуют ногами». Перелив рабочей силы из страны в страну в рамках глобальной экономики способствуют повышению эффективности рынка труда, снижая его среднюю стоимость.

Если существуют два региональных рынка труда; Север и Юг, и эти рынки нанимают рабочих одинаковой квалификации,

но текущая зарплата на Севере выше, чем на Юге, то некоторые рабочие южане переезжают на Север, где они могут получать более высокую зарплату и, предположительно, достичь более высокого уровня «полезности» для общественного производства. При этом отток рабочих с Юга на Север с течением времени приводит к перераспределению рабочей силы данной квалификации в пользу Севера, что, в конечном счете, выражается в росте зарплат на Юге и в ее снижении на Севере. Если бы в мире существовала полная свобода передвижения рабочих с одного рынка труда на другой, мировое хозяйство, в конечном итоге, имело бы повсеместно одинаковую зарплату.

Одинаковая зарплата в условиях конкурентного равновесия оказывает большое влияние на рентабельность. Теория спроса на рабочую силу показывает, что при конкурентном равновесии зарплата соответствует стоимости предельного продукта труда. По мере переселения рабочих в регионы, обеспечивающие им лучшие возможности, они устраняют региональные различия в зарплате. Поэтому рабочие данной квалификации имеют одинаковую стоимость предельного продукта труда на всех рынках. Распределение рабочих по фирмам, которое уравнивает стоимость предельного продукта на всех рынках, является *эффективным* распределением, так как оно увеличивает национальный доход.

В общей сложности, в конкурентной экономике миграция и рентабельность тесно связаны. «Невидимая рука» ведет рабочих, стремящихся обеспечить себе лучшие возможности, к осуществлению той цели, о которой никто заранее не думал: к эффективному размещению ресурсов.

Еще в 1932 г. сэр Ричард Хикс утверждал, что «различия в чисто экономических преимуществах, особенно различия в зарплате, являются главной причиной миграции».¹ Практически все современные исследования по миграции используют эту гипотезу в качестве отправной точки и рассматривают миграцию рабочей силы как особый тип капиталовложений. Рабочие рассчитывают ценность имеющихся возможностей на всех рынках

труда, принимают во внимание стоимость переезда и выбирают любой из тех вариантов, который дает максимальную прибыль.

Предположим, что имеется два рынка труда, на которых определенный рабочий может найти себе занятие. В данное время этот рабочий трудится в регионе i и рассматривает возможность перебраться в регион j . Рабочему t лет и он в настоящее время зарабатывает w_{it} долларов. Если бы он переехал, то заработал бы w_{jt} долларов. Переезд из i в j обойдется ему в M долларов. В стоимость этой миграции входят транспортные расходы на переезд рабочего и его семьи, а также выраженные в долларовом исчислении «психические издержки» – боль и страдания, которые неизбежно случаются, когда человек уезжает от своих родных, соседей и социальной среды.

Как и все другие человеческие капиталовложения, решение о миграции принимается с учетом нынешнего размера заработка за время всей рабочей карьеры в сравнении с альтернативной возможностью. В этом случае чистая выгода миграции выражается формулой:

$$(1) \quad \text{Чистая прибыль} = \sum_{k=t}^T \frac{w_{jk} - w_{ik}}{(1+r)^{k-T}} - M,$$

где r – учетная ставка, а T – возраст выхода на пенсию. Рабочий переселяется, если чистая прибыль положительна.

Из приведенной выше формулы вытекают следующие простые выводы:

1.1. Улучшение экономических возможностей в месте назначения увеличивает чистую прибыль миграции и повышает вероятность того, что рабочий переедет.

2.2. Улучшение экономических возможностей на месте нынешнего проживания уменьшает чистую прибыль миграции и снижает вероятность того, что рабочий переедет.

3.3. Увеличение стоимости переезда уменьшает чистую прибыль миграции и снижает вероятность переезда.

Иными словами, миграция имеет место тогда, когда есть верный шанс, что рабочий возместит свои затраты. В результа-

те мигранты будут стремиться переезжать из малоодоходных в высокоодоходные регионы, и чем больше разница в оплате труда между регионами, тем большим будет число мигрантов.

Легальные миграционные потоки самым непосредственным образом связаны с квалификацией рабочего. Высококвалифицированные рабочие переезжают в те регионы, где «плата за квалификацию» высока, а малоквалифицированные рабочие живут в регионах, где разница в оплате между квалифицированным и неквалифицированным трудом не является принципиальной.

Конечно, приведенное нами простое уравнение не учитывает целого ряда других факторов, влияющих на миграцию.

Многие исследователи эмпирическим путем пытались определить, какие переменные влияют на размер и направление миграционных потоков², и выделили следующие факторы:

Возраст. Миграция характерна в основном для молодых рабочих. С экономической точки зрения трудящиеся старшего возраста располагают меньшим периодом времени, в течение которого они могли бы окупить средства, вложенные в миграцию. Более короткий период выплаты уменьшает чистую прибыль от миграции, следовательно, вероятность миграции снижается.

Образование. Миграция характерна для более образованных рабочих. Рабочие с более высоким уровнем образования могут самостоятельно ознакомиться с возможностями трудоустройства на альтернативных рынках труда, сокращая, таким образом, расходы на миграцию. Кроме того, рынок для лиц с высоким уровнем образования может быть более емким. Например, это касается таких специальностей, как медицинский работник, преподаватель высшей квалификации, специалист по компьютерным технологиям.

Расстояние. Большие расстояния сдерживают миграцию, так как связаны с большими расходами на переезд, что увеличивает общую стоимость миграции. В то же время в современных условиях глобальной экономики и быстрого развития транспортных средств значение данного фактора постоянно снижается.

Другие переменные. Некоторые исследователи утверждают, что именно безработные больше склонны к миграции, чем лица, имеющие работу. Психологически, первым нечего терять, однако с точки зрения экономической активности последние могут иметь преимущества. Другие исследователи говорят о привлекательности проживания в той или иной стране и регионе, имея в виду климатические, культурные, политические и другие преимущества. В этом случае мигрант согласен на более низкую зарплату, предпочитая проживать в более привлекательном месте, обеспечивающем более высокое качество жизни данного индивидуума. Наконец, ряд исследователей показывают связь между внешними миграциями и социальными льготами, предоставляемыми в данной стране и регионе.³ Безусловно, все эти экономические факторы влияют на масштаб, характер и интенсивность миграционных потоков, однако решающее воздействие продолжает играть разница в оплате труда.⁴

Не следует, однако, забывать, что большинство решений о миграции принимаются не отдельными рабочими, а их семьями. Поэтому решение о миграции основывается, как правило, не на том, будет ли данный член семьи жить в большем достатке на новом месте, а на том, улучшатся ли в ходе миграции условия существования всей семьи⁵.

Предположим, что семья состоит из двух человек – мужа и жены. Пусть ΔPV_H составляет изменение нынешней стоимости потока заработков мужа, если ему предстоит географическое перемещение из региона i в регион j . И пусть ΔPV_W – то же для его жены. Если бы мужчина был холост, он бы мигрировал, если ΔPV_H положительна. Подобная ситуация повторяется и для женщины, если она не замужем.

Семейная ячейка (т.е. муж и жена) переедут, если чистая прибыль для семьи будет позитивной, или если $\Delta PV_H + \Delta PV_W > 0$.

В этом случае, оптимальное решение для семейной ячейки будет не обязательно совпадать с положительным эффектом для жены и мужа по отдельности. Предположим, например, что жена одна найдет работу, но потери ее мужа превысят ее при-

быль, так что $\Delta PV_H + \Delta PV_W < 0$. Следовательно, в данной ситуации переезд для семьи не является оптимальным.

Анализ показывает, что брак, как правило, сдерживает миграцию, так как вновь приобретенные после переезда доходы мужа или жены перевешиваются потерями партнера. Анализ также показывает, что миграция не обязательно дает преимущества всем членам семьи по отдельности, выдвигая на первый план улучшение условий жизни семьи в целом.

Влияние миграции на экономику страны пребывания зависит от целого ряда факторов. Весьма полезно, на наш взгляд, сравнить текущие заработки вновь прибывших иммигрантов (подсчитанные на момент исследования) с текущими заработками иммигрантов, которые прибыли несколько лет тому назад, а также с заработной платой коренного населения. Исследования, проведенные нами в Германии в 1993–1998 гг., показали, что заработки недавно прибывших иммигрантов из Марокко и Туниса были существенно ниже, чем заработки коренных жителей. И наоборот, иммигранты, которые находились в принимающей стране в течение двадцати или тридцати лет, зарабатывали больше, чем местные жители.⁶

Это явление можно объяснить следующим образом. Когда мигрант впервые прибывает к новому месту назначения, у него недостаёт ряда качеств, которые ценятся работодателями принимающей страны, включая знание языка, умение ориентироваться в конкретных трудовых и жизненных реалиях данной страны, наличие необходимых документов и дипломов, требуемых к предъявлению именно в данной стране, а также информацию о лучших рабочих вакансиях. По мере того, как мигранты больше узнают о стране пребывания, их «трудовой капитал» растёт и делается сопоставимым с «трудовым капиталом» коренных рабочих. Иными словами, происходит экономическая ассимиляция, выражающаяся в том, что зарплата иммигрантов начинает сравниваться с зарплатой местных рабочих, а впоследствии и превышать ее, так как мигранты в экономическом плане, более активны и мобильны, чем коренное население.

Вместе с тем, уровень квалификации современных мигрантов в первую очередь из развивающихся стран существенно ниже, чем у мигрантов 20–30-летней давности. Это связано с небывалым притоком малоквалифицированной рабочей силы из стран Третьего мира, в том числе нелегальных мигрантов, что обусловлено ухудшением социально-экономических условий жизни в ряде развивающихся государств.

Невысокая производительность труда таких мигрантов, относящихся по своему статусу к «вновь прибывшим», может свидетельствовать о том, что они изначально обладают сравнительно низким экономическим потенциалом, а значит и будут иметь более низкие заработки до тех пор, пока не повысят свою квалификацию.

Так, например, в Соединенных Штатах волны иммигрантов, нахлынувшие в страну в 1980-е – 1990-е гг., были относительно менее квалифицированы, чем те, которые прибыли в 1960-е – 1970-е гг, и, соответственно, имели в среднем более низкую зарплату.⁷

Различия в квалификации иммигрантов в разных странах и степень их экономической адаптации во многом обусловлены различиями в миграционной политике стран-доноров и стран-реципиентов.

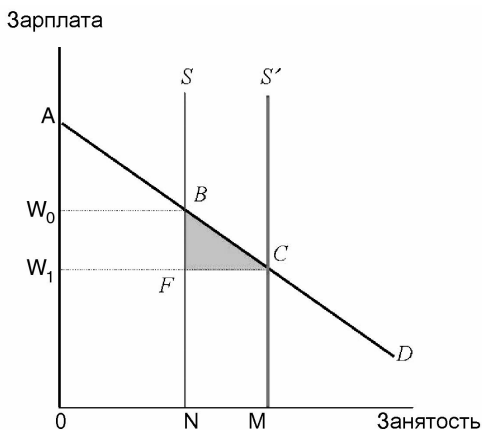
Приток иммигрантов на определенный рынок труда, как правило, приводит к снижению заработка рабочих со сходной квалификацией и к повышению зарплаты рабочих тех специальностей, которые становятся более ценными с учетом миграции. Например, наплыв иностранных рабочих низкой квалификации в какую-нибудь местность сокращает экономические возможности для местных низко квалифицированных рабочих, так как все они сталкиваются с более жесткой конкуренцией на рынке труда. В то же время высококвалифицированные коренные жители значительно выигрывают от миграции. Они могут получить за мизерную цену услуги, которые раньше выполняли сами (например, покраска стен дома, стрижка газона, уборка помещения, приготовление еды и т.п.), тем самым освободить время для дополнительного производ-

ства товаров и услуг, которые больше соответствуют их высокой квалификации.

Миграция оказывает воздействие и на географические параметры рынка труда. Например, руководители фирм и предприятий будут стремиться переместить старое или открыть новое производство в районы скопления дешевой рабочей силы, т.е. в тех городах, которым отдают предпочтение мигранты. При этом эти фирмы создают дополнительные вакансии и для коренного населения, что, в конечном счете, способствует смягчению неблагоприятного эффекта иммиграции на заработную плату коренных жителей этих городов.

В то же время в ряде случаев приток мигрантов извне побуждает местное население в условиях возросшей конкуренции на рынке труда перемещаться в другие районы страны, способствуя более равномерному распределению рабочей силы по всей стране и росту ее мобильности.

Попробуем оценить, какую выгоду получает страна пребывания от притока мигрантов. Рассмотрим анализ стандартного понятия «спрос-предложение» представленный в чертеже 1.

Чертеж 1. Выгоды от иммиграции для принимающей страны.

Кривая предложения труда обозначена как S , а кривая спроса на труд – D , при этом имеется N коренных рабочих. Равновесие конкурентного рынка предполагает, что N коренных рабочих были наняты за зарплату w_0 .

Предположим, что иммигранты прибыли в страну, а основной капитал остаётся фиксированным, так что кривая спроса не меняется. Если мы допустим, что производительность иммигрантов и коренных рабочих одинакова, кривая предложения смещается к S' и рыночная цена снижается до w_1 . Национальный доход теперь отображается в области трапецоида $ACMO$. Чертеж показывает, что совокупная зарплата, выплаченная иммигрантам, отображена в области прямоугольника $FCMN$, так что увеличение национального дохода, выпавшее на долю коренных рабочих, отображено в области треугольника BCF . Этот треугольник представляет собой *иммиграционный излишек* и составляет увеличение национального дохода, который произошел в результате иммиграции и достался коренному населению.

Почему принимающая страна извлекает выгоду в случае притока мигрантов на рынок труда? Потому что рыночный размер зарплаты равняется уровню производительности последнего нанятого иммигранта. В результате иммигранты увеличивают национальный доход на большую сумму, чем было затрачено на их трудоустройство. Иначе говоря, все нанятые иммигранты, кроме последнего, вносят больший вклад в экономику, чем получают в виде зарплаты.

Имитационный характер этой модели для Соединенных Штатов состоит в том, что чистая выгода от иммиграции довольно небольшая. Если увеличение предложения (рабочей силы) на 10% снижает зарплату на 3%, то прибыль от иммиграции составит что-то в порядке 0,1% ВВП. Однако даже эта небольшая чистая прибыль подтверждает тот факт, что происходит переход богатства от коренных рабочих к работодателям, которые пользуются услугами иммигрантов⁸.

Произведенный нами экономико-статистический анализ позволяет сделать некоторые обобщения.

Во-первых, перемещение рабочей силы из страны в страну обусловлено в первую очередь разницей в заработной плате работников сходной квалификации.

Во-вторых, приток большого количества квалифицированных кадров в экономики стран-реципиентов способствует сдерживанию роста заработной платы национальной рабочей силы.

В-третьих, в результате проникновения на рынки труда большого количества неквалифицированных рабочих и использования их в тех сегментах, в которых национальная рабочая сила предпочитает не работать, в них сохраняется низкий уровень оплаты труда (особенно в случае использования нелегальных мигрантов).

В-четвертых, именно поиском более дешёвой рабочей силы, позволяющей снижать издержки производства, определяется движение капитала вширь – как правило, в места наибольшего скопления мигрантов.

В-пятых, даже в результате притока неквалифицированных мигрантов общая экономическая ситуация в стране улучшается, так как высоко квалифицированные специалисты за счет привлечения дешевого труда мигрантов освобождают дополнительное время на работы, требующие их высокой квалификации, и тем самым, увеличивают национальный доход, так как квалифицированный труд обладает более высокой рентабельностью.

В целом, миграция играет существенную роль в формировании нового международного разделения труда и формировании глобального рынка трудовых ресурсов.

Большинство промышленно развитых стран столкнулись с сокращением рождаемости, сопровождающимся увеличением продолжительности жизни и, соответственно, старением населения. Миграция является важным источником дополнительных трудовых ресурсов. Уже сейчас в основных странах приёма мигранты составляют от пяти до двадцати пяти процентов экономически активного населения. Миграция по линии Юг-Север оказывает позитивное влияние на возрастную структуру населения. Трудящиеся мигранты в основной массе находятся в активном трудоспособном возрасте.

Миграция смягчает как общую, так и структурную недостаточность трудовых ресурсов. В результате использования труда иностранцев повышается эластичность рынка труда, поскольку «новые иммигранты» отличаются от коренного и ранее иммигрировавшего населения гораздо большей региональной мобильностью. Однако иммиграция увеличивает эффективность рынка труда, если этот рынок гибкий, но может несколько усугубить его недостатки, если он не обладает данным качеством. В Европе, где рынок труда отличается большей жёсткостью, чем в США, иммиграция оказывает на него незначительное негативное влияние.

Исследуя проблему влияния иммиграции на занятость и безработицу в принимающих странах, автор, основываясь на исследованиях, проведённых в Африке и странах ОЭСР, приходит к выводу, что воздействие иммиграции на занятость весьма скромное. Конкретные данные о жёсткой корреляции между миграцией и безработицей отсутствуют, т.к. мигранты чаще занимают специализированные сегменты рынка труда, увеличивая, таким образом, общее число рабочих мест. Это тем более относится к использованию труда высококвалифицированных мигрантов.

В результате диспропорций, возникших на рынке труда в связи со старением населения, в последнее время наблюдается конвергенция в секторе услуг иностранной и национальной занятости. Количество рабочих мест, занятых иностранцами, увеличилось в секторе образования и, в еще большей степени, в секторе здравоохранения. В секторе здравоохранения работают около 11,5% всех иностранных работников в США, 14% в Великобритании, 19% в Швеции, и 21% в Норвегии. Сближению структуры занятости национальной и иностранной рабочей силы в сфере услуг способствует и быстрое развитие технического прогресса⁹.

Оценки влияния иммиграции на экономический рост неоднозначны. Большинство проведённых исследований свидетельствует о том, что влияние иммигрантов на рост позитивно. Так, для США увеличение в уровне чистой миграции на 1 п.п. связано с увеличением темпов роста на 0,1%. Увеличение населения

на 1% за счет иммиграции может привести к 1,15%-му росту ВВП¹⁰. Создавая добавленную стоимость в стране пребывания, иммигранты сами потребляют произведенные там товары и услуги. Возникающий мультипликационный эффект, в конечном итоге, способствует экономическому росту. Некоторые иммигранты вкладывают средства в собственное дело, что оказывает положительное влияние на экономику.

Иммигранты вносят значительный вклад в облегчение налогового бремени будущих поколений стран с низкой рождаемостью. В соответствии с Прогнозом ООН, коэффициент демографической нагрузки (т.е. отношение пожилых людей в возрасте от 65 лет и выше и детей, моложе 15 лет, к населению от 15 до 64 лет) при допущении нулевой миграции к 2050 г. для большинства индустриально развитых стран увеличится примерно вдвое, а для Японии – почти втрое.

Необходимость финансирования пенсионных программ приведет к росту налогов. Например, в Италии налоговая ставка вырастет примерно до 70% к 2050 г. Привлечение квалифицированных работников извне, увеличивающее налоговые поступления в бюджет, является, по сути, импортом дополнительных налогоплательщиков.

Анализ литературы свидетельствует, что большинство исследователей, изучавших фискальные последствия миграции, считают, что иммиграция положительно влияет на бюджет. В то же время принято считать, что неквалифицированные иммигранты становятся бременем для принимающего общества, так как они получают больше средств из бюджета, чем вносят в него в виде налогов. Фискальные последствия миграции могут отличаться на национальном и местном уровнях. Традиционно считается, что самым тяжёлым бременем на бюджеты более низкого уровня ложится нелегальная миграция. Впервые проведенный на уровне Штата Техас всесторонний финансовый анализ реально отразил влияние нелегальной миграции на бюджет данного штата и развитие его экономики. В докладе отмечено, что 1,4 млн нелегальных иммигрантов в 2005 финансовом году произвели стоимость на 17,7 млрд долл. США. При этом ими

было отчислено 1,58 млрд долл. в бюджет штата, что почти на 0,5 млрд долл. превосходит сумму, полученную ими в форме различных социальных услуг¹¹.

Развитые страны научились пополнять свои бюджеты за счет нелегальных мигрантов, удерживая подоходный налог путем регулярных вычетов из зарплаты. В 1984 г. каждый нелегальный рабочий в США отчислял более 1000 долл. США в год в форме подоходных налогов и выплат по социальному обеспечению в специальные фонды. За период с 1990 по 1998 гг. размер этих фондов в США составил более 20 млрд долл. В то же время нелегалы склонны скрывать сам факт своего существования и, как правило, не пользуются социальной помощью.

Экономические и политические последствия миграции гораздо более разнообразны, многоплановы и взаимосвязаны, чем принято считать. Мигранты поддерживают высокую конкурентоспособность экономик развитых стран и их инвестиционную привлекательность. В соответствии с прогнозами одного из наиболее авторитетных рейтинговых агентств Standard&Poor's, в большинстве развитых стран интенсивное давление на государственные финансы, связанное со старением населения, может стать причиной снижения суверенных рейтингов, достигнув критической черты к 2040 г. Эти финансовые проблемы могут быть в значительной мере смягчены с помощью миграции.

Иммиграция стимулирует развитие торговли. Бикультурные мигранты, объединенные международной социальной сетью, обладают серьезными естественными преимуществами в развитии торговли. 10%-ный рост числа иммигрантов, например в США, увеличивает экспорт в страны происхождения на 4,7%, а импорт – на 8,3%.

В странах приема мигранты используются и как прибыльный рынок, попавший в сферу интересов крупного корпоративного капитала. Например, некоторые из самых быстрорастущих сегментов рынка услуг: финансовой сферы, перевозок и телефонной связи – частные денежные переводы, этнический туризм и международные переговоры. Заметный спрос на услуги финансовых институтов, связи и транспорта, создаваемый

транснациональными сообществами мигрантов, одновременно приводит к ожесточенной конкуренции между крупными корпорациями развитых государств за контроль над ним. Мигранты несут существенные расходы в связи с использованием данных видов услуг, финансируя, таким образом, дальнейшие инновации и их внедрение.

При детальном рассмотрении проблемы обмена квалифицированными кадрами автор данной диссертационной работы, прежде всего, занимался изучением теоретических подходов экономистов, начиная с первой волны исследований, проводимых в 1960-х годах по «утечке умов», далее «оптимальной утечке умов», «циркуляции умов» и, наконец, «обратных связей».

Повышенный спрос на квалифицированные кадры в условиях недостаточной институализации данного процесса привели к оттоку данной категории работников из развивающихся стран. В целом «утечка умов» из этих государств составляет 12,9 млн человек, в том числе из Африки – 700 тыс. человек. Подготовка каждого ученого, или инженера, работающего на родине, обходится на треть дороже. Таким образом, расходы на производство человеческого капитала перекладываются на развивающиеся страны, а человеческий капитал высокого качества устремляется в страны ЕС, США, Канаду и другие развитые государства.

Страны приема мигрантов не только поощряют приезд высоко квалифицированных специалистов и упрощают их интеграцию в стране приёма, но также привлекают их капиталы, которые в основном прибывают из развивающихся государств и стран с переходной экономикой. Высококвалифицированный труд мигрантов способствует существенному повышению общественного производства в стране пребывания как в количественном, так и в качественном аспектах, обладая более высокой рентабельностью по сравнению с местной рабочей силой той же квалификации в результате экономии на издержках по его подготовке.

Таким образом, страны пребывания мигрантов в целом весьма выигрывают в экономическом плане в случае притока как

квалифицированной, так и неквалифицированной рабочей силы извне, а сама трудовая миграция становится необходимой частью эффективного функционирования экономик данных государств в условиях глобализации.

Что касается стран-экспортеров рабочей силы, то для них преимущества миграции проявляются в следующем.

Во-первых, у экспортеров рабочей силы появляется дополнительный источник валютного дохода от экспорта рабочей силы в форме поступлений от эмигрантов. Так, средства, поступившие только от африканских мигрантов на родину, составили в 2007 г. более 38 млрд долл.¹²

Во-вторых, при неблагоприятной экономической конъюнктуре и росте числа безработных трудовая миграция может в определенной степени решить проблему занятости в странах-донорах, если не в масштабах всей страны, то, хотя бы в ее отдельных регионах.

В-третьих, исследования, проводившиеся Международной организацией труда в странах-экспортерах рабочей силы, свидетельствуют о том, что бывшие эмигранты проявляют большую готовность к новым видам деятельности и принимают активное участие в развитии новых форм экономики. В некоторых африканских странах, например, вернувшиеся мигранты сумели наладить выращивание новых культур и внедрить новые методы производства, нашли более продвинутые способы совместных действий, используя кооперативы, а также время от времени выступали в роли агентов социальных отношений.

В-четвертых, дефицит рабочей силы, вызванный эмиграцией, может иногда стимулировать положительные технологические изменения, включая более рациональное использование рабочей силы и других ресурсов.

В-пятых, в научно-практическую разработку и реализацию многих проблем стран-экспортеров активно включаются международные организации. Так, в рамках ЕС рассматривалась возможность создания фонда со странами Африки, чтобы предотвратить массовую миграцию из этого региона. Из этого фонда должны были финансироваться программы по реализации

совместных проектов с целью создания новых рабочих мест, организации сети курсов переподготовки с использованием европейского опыта, улучшения системы образования и т. д.

Вместе с тем социально-экономические последствия миграции весьма неоднозначны как для стран-доноров, так и стран-реципиентов.

В первую очередь, большой потерей для стран-доноров является отъезд высококвалифицированных специалистов. Страны эмиграции теряют как свои начальные инвестиции в образование, так и налоговые поступления; изменяется природа налоговой базы, снижается прогрессивность налоговой шкалы, поскольку увеличивается упор на косвенные налоги, что переносит налоговое бремя на лица с более низким уровнем доходов. Ориентация на программы временного приема, большинство из которых выдвигают в качестве необходимого условия наличие диплома бакалавра, «выталкивает» молодых людей из образовательного процесса, в конечном итоге, снижая стоимость их человеческого капитала и превращая их в «чернорабочих» умственного труда. Массовый отток представителей наиболее дефицитных, с точки зрения стран-реципиентов, специальностей, работающих в отраслях, олицетворяющих научно-технический прогресс, грозит динамичному функционированию их и связанных с ними отраслей, что в свою очередь может сказаться на состоянии целых секторов экономики. Происходит замедление институциональных преобразований в обществе, которые обычно стимулируются наиболее образованными и прогрессивными гражданами.

В то же время можно утверждать, что проблемы, сопровождающие отъезд профессионалов из страны, могут либо аккумулироваться и обостряться, либо оборачиваться неоспоримыми преимуществами и явной выгодой для посылающих обществ в зависимости от того, каковы макроэкономические условия и инвестиционные возможности в странах исхода профессионалов; являются ли они пассивными наблюдателями «утечки умов», или продуманно позиционируют себя на рынке квалифицированного труда и в целом на глобальном экономическом

пространстве, воздействуя на движение потоков «интеллектуального капитала» и извлекая выгоды из него.

К негативным последствиям миграции для стран-доноров можно отнести также усиление зависимости их экономик от иностранного спроса не только на товары, но и на рабочую силу, что явно продемонстрировал финансово-экономический кризис 2007–2010 гг., в результате которого спрос на рабочую силу из-за рубежа существенно сократился.

Что касается стран-реципиентов, то тут, помимо таких негативных явлений, как осложнение ситуации на внутреннем рынке рабочей силы и замедление внедрения современных трудосберегающих технологий, следует обратить особое внимание на социально-экономические последствия нелегальной иммиграции. Нелегальные иммигранты, готовые работать на любых условиях, подрывают существующие в развитых странах социальные гарантии (минимальный уровень заработной платы, максимальная продолжительность рабочего дня и т.п.), а также требуют огромных финансовых расходов на пограничный контроль, создание лагерей беженцев, на социальные и медицинские услуги, а также на реадмиссию, в том числе на содержание под стражей, депортацию и т.п.

Массовый приток нелегальных иммигрантов является вызовом международной безопасности. Угрозы безопасности, которые могут быть как реальными, так и потенциальными, возникают на различных уровнях. Речь идет, с одной стороны, о безопасности принимающих обществ и государств, охватываемых миграционными потоками, а с другой – о безопасности людей, находящихся под воздействием этих потоков. При этом важнейшими составляющими безопасности являются: а) личная или индивидуальная безопасность, т.е. физическая безопасность в широком смысле слова, защищенность от неблагоприятных воздействий, б) социальная безопасность и, прежде всего, сохранение достойного социального статуса и системы гарантий и благ, накопленных социокультурной средой, в) экономическая безопасность, которая касается, прежде всего, занятости.

В настоящее время нелегалы, не имея стабильной занятости и желая вернуться в еще худшие условия на родину, пополняют маргинальные группы «изгоев общества», которые становятся источником преступности и терроризма.

Как известно, при достижении численностью иммигрантов определенной критической массы, они уже не пытаются ассимилироваться и усвоить новый образ жизни и язык, а создают замкнутые зоны обитания, стремясь сохранить свою идентичность, национальные традиции, религию, культуру. Во многих странах Европы образовались национальные анклав иммигрантов, интересы которых часто входят в противоречие с законами и традициями страны пребывания и создают социально-политический дисбаланс.

Нелегальная иммиграция создает реальные и потенциальные угрозы практически любому аспекту безопасности принимающего общества, вызывая деформацию его социальной, демографической и территориальной структуры, обострение конкуренции на местных рынках труда и жилья, образование целых секторов занятости, не поддающихся законодательному регулированию, столкновение этнических и субэтнических стереотипов и норм поведения, социальную и культурную маргинализацию и криминализацию общества, возникновение очагов социальной напряженности, рост ксенофобии и экстремизма.

Общая миграционная ситуация в Европе, которая характеризуется изменением национального, этнического, религиозного состава иммигрантов, резко обострилась в связи с массовым притоком мигрантов-мусульман. Иммигранты принесли с собой не только свой язык и обычаи, но и религию, преимущественно ислам. Мусульманская конфессия заняла прочные позиции в Европе, выйдя на второе место, как в католических, так и протестантских странах.

Это не могло не вызвать обострения социальных и этнополитических отношений между коренным населением и иммигрантами, способствовало усилению антииммиграционных настроений в обществе и в конечном итоге привело к массовым

выступлениям против проводимой миграционной политики. Важно отметить, что ультраправые силы ряда европейских стран, играя именно на проблеме иммиграции, смогли добиться в последнее время серьезных политических успехов (например, в Австрии, Дании, Франции), создав определенную угрозу позициям правящих партий. Это вынуждает правительства западноевропейских государств, которые реально осознают необходимость сбалансированного, комплексного и многостороннего подхода к управлению миграционными процессами, с учетом всех факторов, порождающих нелегальную иммиграцию, более активно искать новые пути решения проблем.

Нелегальная миграция все чаще рассматривается как один из возможных путей распространения международного терроризма. Кроме того, трагические события последних лет привели к необходимости выбора между свободой личности и безопасностью. Другими словами, нелегальная иммиграция серьезно затрагивает сферу как национальной, так и личной безопасности.

Таким образом, в конце XX и начале XXI вв. проблемы трудовой миграции приобретают первостепенное теоретическое и практическое значение. *Во-первых*, в результате острых демографических проблем промышленно развитых стран создаются диспропорции на рынках труда все большего числа государств. Вследствие этого не только развитие, но и само функционирование экономики невозможно без привлечения трудящихся мигрантов, в том числе из африканских государств. *Во-вторых*, увеличение продолжительности жизни, уменьшение рождаемости и грядущая волна расходов на пенсии способны захлестнуть бюджеты стран «золотого миллиарда». «Импортируя налогоплательщиков», стареющие общества облегчают свое налоговое бремя. *В-третьих*, миграция во многом нивелирует негативные последствия масштабной реструктуризации, происходящей во многих развивающихся странах мира, в том числе на Африканском континенте, что проявляется в увеличении числа безработных, усугублении проблем бедности и экономического неравенства. *В-четвёртых*, трудовая миграция сопровождается мощны-

ми потоками денежных переводов мигрантов, вносит вклад в дело борьбы с бедностью, способствует использованию дополнительных источников финансирования развивающихся, в том числе африканских, стран.

5.2. Африканская миграция: региональный вопрос или глобальная проблема?

Международная миграция рабочей силы является одним из ключевых понятий в современную эпоху глобализации. Перемещения рабочей силы между странами, обусловленные структурными сдвигами в экономике и переливами инвестиций, связывают национальные трудовые рынки в единый рынок, дополняя движение товаров и услуг в рамках создаваемого общего экономического пространства. При этом развитие процессов глобализации постоянно усиливает миграционные потоки.

По данным ООН, к 2010 г. общее число международных мигрантов, т.е. лиц, проживающих за пределами стран происхождения, превысило 200 млн человек, более чем удвоившись за последние 30 лет, и равнялось примерно 3% населения планеты. При этом около 33 млн мигрантов – выходцы с Африканского континента.¹³

Чаще всего происходит миграция из менее развитых стран Востока и Юга в более развитые страны Запада и Севера. В последней четверти XX века к традиционным центрам притяжения мигрантов – США, Канаде и Австралии – добавились новые. Это страны Западной Европы, Азиатско-Тихоокеанского региона, нефтедобывающие страны Ближнего Востока, Аргентина и Венесуэла в Латинской Америке, а также наиболее развитые африканские государства (Ливия, ЮАР, Ботсвана). Согласно статистике ООН 60% всех мигрантов сосредоточено в развитых странах, в то время как остальные 40% перемещаются по линии «Юг-Юг», т.е. из одной развивающейся страны в другую. Из них 49 млн проживают сегодня в Азии, 16 млн – в Африке и 6 млн – в Латинской Америке и Карибском регионе.¹⁴

В ближайшие 10–15 лет миграция из развивающихся, в том числе из африканских, стран будет увеличиваться, что обусловлено рядом факторов.

В первую очередь рост миграционных потоков по линии Юг-Север связан с процессом старения населения в развитых странах, который совпадает с быстрым ростом числа жителей в развивающихся странах. Среднегодовые темпы демографического прироста в последних составляли в 2000–2010 гг. 1,6%, т.е. были в 5,3 раза выше, чем в развитых государствах. Именно развивающиеся страны обеспечивают в настоящее время 95% мирового прироста населения, а в ближайшие 25 лет их вклад достигнет 100%. При этом темпы роста населения Африки южнее Сахары сегодня существенно выше, чем в других развивающихся странах и составляют примерно 2,5% в год. Сегодня на одну африканскую женщину детородного возраста в среднем приходится 5–6 детей против 1–2 в Европе. Как мы уже отмечали в гл. 3 диссертации, Африканский континент в ближайшие 20 лет, даже с учетом пандемии СПИДа, станет одним из основных источников роста мирового населения. Согласно оценкам экспертов ООН, население Африки увеличится с 794 млн в 2000 г. до 1,1 млрд в 2025 г. и до 2 млрд в 2050 г.¹⁵ По данным Всемирного Банка, глобальный рынок труда увеличился с 3 млрд человек в 2004 г. до 3,4 млрд к 2010 г. При этом в ближайшие 40 лет прогнозируется сокращение коренного населения трудоспособного возраста в большинстве развитых стран и, в первую очередь, европейских. Так, ежегодный прирост трудовых ресурсов составит 40 млн человек, при этом 38 млн этого прироста будут давать развивающиеся страны и лишь 2 млн – развитые. Чтобы компенсировать нехватку рабочих рук развитые страны будут привлекать мигрантов из развивающихся, в том числе из африканских, государств.¹⁶

При этом реализация программ либерализации и структурной перестройки экономики, рекомендованных МВФ и Всемирным Банком африканским государствам, не привела к увеличению занятости в этих странах. Напротив, возможности для африканского населения найти работу в своей стране в по-

следние 10 лет сократились. Все это привело к тому, что только с 1994 по 2007 гг. число работников в Африке южнее Сахары, доходы которых составляли менее одного доллара в день, увеличилось на 28 млн человек.¹⁷ Настоящим социальным бичом стала массовая безработица, в том числе среди молодежи, которая пополнила и продолжает пополнять ряды мигрантов. По оценкам экспертов ООН, количество рабочих мест, создаваемых в африканских государствах в последние 5 лет, лишь на 30-40% покрывает приток новых трудовых ресурсов. Сегодня безработица охватила, по неофициальным данным, 20–25% самодеятельного населения этих стран¹⁸. В этих условиях эмиграция представляется зачастую как единственное средство спасения от нищеты.

Но главной причиной трудовой миграции по линии Юг-Север продолжает оставаться неравенство доходов населения развитых и развивающихся стран. В 1975 г. среднедушевой доход в странах с высокими доходами был в 41 раз выше, чем в странах Африки, а сегодня этот разрыв равен 66.¹⁹ Поэтому именно в эмиграции многие африканцы видят единственный способ улучшения своих жизненных условий и условий своих семей.

С другой стороны, предприниматели развитых стран также заинтересованы в использовании труда иммигрантов. Это обусловлено, прежде всего, стремлением снизить производственные издержки (в частности, расходы на рабочую силу), а также с необходимостью привлечения рабочей силы в период роста производства и с дефицитом рабочих рук в производственных сферах, связанных с тяжелыми или неблагоприятными условиями труда. В эпоху глобализации экономики снижение производственных затрат является важнейшим условием конкуренции на внутреннем и внешнем рынках. Сегодня именно в странах Европейского Союза, куда направлены основные миграционные потоки из африканских государств, издержки на рабочую силу коренного происхождения в перерасчете на один час работы примерно на 20–30% выше, чем у их основных конкурентов (США и Японии), и в 2–3 раза выше, чем у промышленно развитых государств ЮВА (Гонконг, Тайвань, Сингапур,

Республика Корея)²⁰. Подобное положение болезненно воспринимается европейскими странами, поскольку их экономика в большой степени ориентирована на внешние рынки. Поэтому многие западноевропейские фирмы стремятся сегодня привлекать иммигрантов, в том числе и африканцев, к работе в экспортные отрасли экономики.

В последние годы все большую роль стали приобретать инфраструктурные факторы, такие, как развитие современных видов транспорта, что в значительной мере упрощает и удешевляет передвижение к «центрам благополучия» из отдаленной бедной глубинки, а также информационная революция, благодаря которой, жители африканских государств, получают знания о разрыве в уровне жизни между странами «золотого миллиарда» и бедными государствами мира и о его истинных масштабах. Под воздействием бурного развития средств массовой информации подобное знание стало важным элементом формирования массового сознания в самых отдаленных и бедных уголках мира, в том числе и на Африканском континенте.

Еще одной причиной усилия миграционных потоков из стран Африки служит отсталая структура занятости в ряде государств континента. Более половины трудоспособного населения Африки занято в мелкотоварном низкопродуктивном сельском хозяйстве, которое испытывает конкуренцию со стороны современного и субсидируемого государством аграрного сектора развитых стран. Миллионы крестьянских семей в Африке ежегодно разоряются и вливаются в ряды внутренних (деревня-город), региональных и международных мигрантов.

Нестабильная военно-политическая ситуация во многих африканских государствах также увеличивает масштабы как внутренней, так и внешней миграции. После 45 лет независимости Африка по-прежнему остается зоной кризисов. Ежегодно в мире отмечаются от 20 до 80 вооруженных конфликтов, причем 10–30 из них – на Африканском континенте. В 2010 г. конфликтами была затронута 1/4 африканских стран. И хотя удалось стабилизировать ситуацию в ряде конфликтных зон (Ангола, ДРК, Бурунди), тот же 2003 г. стал свидетелем кризисов в ЦАР,

Мавритании, Сан-Томе и Принсипи, Гвинее-Бисау, а 2004–2009 гг. – в Кении, Судане, Экваториальной Гвинее, ДРК, Руанде. Конфликты наносят колоссальный ущерб вовлеченным в них странам; их следствия – развал экономики, растущая бедность населения. Сегодня мировое сообщество является свидетелем разложения африканских государств. При этом восстановление эффективности государства каждой отдельной африканской страны достаточно проблематично, поскольку абсолютное большинство нынешних стран Африки не имело в прошлом стройной системы государственного управления, а многие даже не обладали основами государственности. Конфликты и кризис государственности в Африке ведут к росту потоков беженцев. Согласно данным Норвежского Совета по беженцам, опубликованным в 2008 г., около 15 млн (половина 29-миллионного числа перемещенных лиц) приходилось на Африку.²¹

Современная Африка – один из регионов наиболее активной миграции людей. Всего в 2007 г. общее число африканских эмигрантов составило 32,808 млн человек или 3,7% жителей Африканского континента. При этом в африканских странах с числом жителей менее 1 млн человек средняя доля мигрантов в населении составляла около 20%, т.е. практически половина людей трудоспособного возраста были эмигрантами. В странах же континента с числом жителей более миллиона человек лишь 5% жителей работали за пределами страны проживания.²²

Однако эта высокая миграционная подвижность характерна не только для последнего времени. Она традиционна: многие существующие ныне модели, а также направления африканской миграции сложились задолго до политического освобождения африканских колоний. Границы между последними устанавливались чиновниками колониальных держав в основном без учета традиционных экономических, этнических и культурных факторов, определявших многообразные (включая миграционные) связи местного населения. Такие границы не останавливали действие этих факторов ни в колониальном прошлом, ни в постколониальный период. Во многих случаях они являются весьма «пористыми» и игнорируются населением пригранич-

ных районов. Отсюда размытость, нечеткость различий между внутренней (внутристрановой) и внешней (трансграничной) миграциями, а также между легальными и нелегальными (не имеющими соответствующих документов) мигрантами.²³

Миграционные процессы в Африке, как и в других регионах, включают, прежде всего, экономическую, или трудовую миграцию – перемещение рабочей силы по экономическим мотивам между деревней и городом в рамках одной страны, между разными странами в пределах одного субрегиона или – реже – всего континента, наконец – за пределы последнего.

Межстрановая африканская трудовая миграция совершается, как правило, между государствами с разными уровнями экономического развития. Из стран с особо тяжелыми социально-экономическими условиями мигранты в поисках работы и лучшей жизни направляются в более благополучные государства. В каждом субрегионе имеются одна или несколько стран с относительно сильными экономиками, притягивающими работников из соседних менее развитых государств. Основные потоки африканской межстрановой миграции идут из внутриконтинентальных в прибрежные страны и из лишенных значительных сырьевых ресурсов в страны, обладающие таковыми. У этого «правила», однако, довольно много исключений. Например, континентальная Зимбабве до недавнего времени имела такой полюс притяжения мигрантов из соседних стран, как высокотоварное сельское хозяйство потомков белых поселенцев; Алжир экспортирует не только энергоносители, но и – в значительных количествах – рабочую силу, и т.д.

В соотношении отправляющих и принимающих стран явно преобладают первые. Крупнейшими экспортёрами мигрантов являются Алжир, Ангола, Бенин, Египет, Камерун, Марокко, Свазиленд, Тунис (арабские страны в этом перечне «поставляют» мигрантов в основном за пределы континента). Главными полюсами притяжения трудовой миграции выступают страны-экспортёры углеводородного и минерального сырья – Ливия, Габон, Конго (Киншаса), Конго (Браззавиль), Замбия, Кот-д'Ивуар, ЮАР, Ботсвана, а также (в меньшей мере) страны с от-

носителем развитым капиталистическим сектором сельского хозяйства – Кения, Зимбабве, Танзания. Сотни тысяч сезонных мигрантов из Сенегала, Буркина-Фасо, Бенина, Камеруна ежегодно направляются в Кот-д’Ивуар, Гамбию и Гану в период сбора урожая кофе, какао, арахиса, сорго и других сельскохозяйственных культур. Крупным миграционным центром является Нигерия в роли и принимающей, и отправляющей страны. В ряде случаев миграционные потоки идут одновременно в противоположных направлениях (миграции между Суданом и Эфиопией, Эфиопией и Сомали, Зимбабве и Замбией, и др.).

Вот несколько конкретных примеров по внутриконтинентальной африканской миграции.

В 2000-е гг. в ряде африканских государств были предприняты попытки привлечь к работе квалифицированных специалистов-африканцев. В качестве примера можно рассмотреть ситуацию в Бенине, где в 2000 г. начала работать группа экспертов ООН по проблемам миграции. В рамках программы «Миграция для Развития Африки» (Migration for Development in Africa) в 2000–2007 гг. в Бенине работало 259 высококвалифицированных специалистов из Бурунди, Конго и Руанды, причем сотрудничество с этими государствами в данной сфере ведется и в настоящее время. В рамках подобных программ в Бенине, помимо африканцев, работают высококвалифицированные специалисты и консультанты из европейских стран, главным образом из Франции, Италии и Португалии. В Бенине действует несколько образовательных программ по подготовке собственных квалифицированных кадров. Главными поставщиками образовательных услуг в республику являются вышеперечисленные страны ЕС, в особенности Франция, а так же Российская Федерация.²⁴ В настоящее время в различных регионах России проходят обучение более 80 студентов из Республики Бенин. Этот вид миграции рабочей силы имеет огромное значение для становления собственной научной базы государства, способной самостоятельно подготавливать квалифицированных кадров для работы на важнейших предприятиях страны. Гораздо более существенные масштабы имеет миграция неквалифицированного

населения. По данным ООН на 2007 г. в Бенине проживало 121 тыс. иммигрантов, что составляет приблизительно 1,6% численности населения. Величина чистой миграции Республики Бенин имеет отрицательное значение, то есть иммиграция превышает эмиграцию, вследствие чего Бенин является государством, принимающим иностранную рабочую силу. Основная масса неквалифицированного населения иммигрирующего в Бенин приходится на соседние республики, главным образом на Того, где достаточно нестабильна политическая система. Например в результате выборов в Того 24 апреля 2005 г. в Бенин иммигрировало 5754 человека, 750 из которых до сих пор живут в палаточном городке для беженцев в 80 км от Котону.²⁵

К группе стран и посылающих, и использующих трудовые ресурсы относится Буркина-Фасо. Экономика страны существенно зависит от доходов, получаемых мигрантами. Большая часть мужской рабочей силы мигрирует ежегодно в соседние страны для сезонной занятости. Экспорт рабочей силы происходит в основном в Кот-д'Ивуар и Гану для работы на плантациях кофе и какао, а также в качестве неквалифицированных рабочих в городах этих стран. Эмиграция рабочей силы в Буркина-Фасо значительно увеличилась в последние годы. В 2000-е гг. ежегодно мигрировали более 450 тыс. крестьян.²⁶

Правительство Кот-д'Ивуара негативно относится к притоку мигрантов из Буркина-Фасо. В недалеком прошлом центральные власти, одержимые идеей превосходства своей страны, клеймили позором, угрожали и изгоняли приезжих граждан других государств. Недавние волнения в Кот-д'Ивуаре и северной Гане привели к тому, что около 300 тыс. граждан Буркина-Фасо были вынуждены вернуться из Кот-д'Ивуара на родину – где их перспективы найти работу были весьма сомнительными.²⁷

Еще одной особенностью миграционных потоков в Западной Африке, связанной с наличием сезонности в сельском хозяйстве, является массовый приток мигрантов из Сенегала в Гамбию в период уборки арахиса и других культур. Этот период совпадает с окончанием сухого зимнего сезона (апрель, май,

реже июнь). В это время года Гамбия при всей своей перенаселенности испытывает недостаток рабочей силы. Это связано с трудоемкостью выращивания и сбора арахиса, риса, сорго и других культур, а также с низкой производительностью труда в данном секторе экономики. Количественно оценить данный поток крайне сложно по целому ряду причин. К ним относятся отсутствие системы слежения миграционных потоков, возможность свободного пересечения границ и тому подобное. В дождливый же сезон уже часть населения Гамбии, в основном крестьяне, мигрирует в Сенегал и другие страны Западной Африки. В Гамбии промышленность не так развита, как в том же Сенегале, поэтому крестьяне вынуждены искать заработок за пределами своей страны.

В 1970-е годы в связи с бурным ростом нефтяного сектора имел место масштабный приток рабочей силы из западноафриканских государств в Нигерию, однако в первой половине 80-х гг. из страны на фоне религиозных конфликтов были изгнаны свыше 2,7 млн выходцев из соседних африканских стран. Сегодня правительство Нигерии поощряет официальный экспорт трудовых услуг как в развитые страны, так и в соседние африканские государства. Неофициальная трудовая миграция осуществляется главным образом в соседние страны (Нигер, Чад), а также в ЮАР и Ливию.²⁸

Крупнейший в Африке импортер рабочей силы – ЮАР. Вплоть до 80-х годов XX века персонал южноафриканских шахт более чем на 3/4 состоял из иностранцев. С конца 70-х годов был взят курс на увеличение занятости собственной рабочей силы. Доля иностранных рабочих в горнорудной промышленности уменьшилась за 1973–1990 гг. вдвое – с 80 до 40%.²⁹

С ликвидацией режима апартеида иммиграционная политика страны претерпела существенные перемены. Увеличилась потребность в квалифицированных рабочих, техниках, менеджерах и других высокопрофессиональных кадрах. Дефицит таких кадров среди коренного населения ЮАР вызвал их привлечение из других стран, и не только африканских (в частности – «афроамериканцев» из США). ЮАР в известной мере заменила

Европу и Северную Америку в качестве пункта назначения для высокообразованных африканских эмигрантов, усугубив и без того серьезную проблему «утечки мозгов».

Что касается рядовой рабочей силы, то высокая безработица в ЮАР, превышающая в некоторых возрастных группах 40%³⁰, вынуждает власти страны изыскивать пути увеличения занятости негритянского большинства собственного населения. Правительство ЮАР усиливает также пограничный контроль, принимает меры по сокращению нелегальной иммиграции. Эффективность этой политики не может, разумеется, проявиться в короткие сроки. К тому же, ее проведение осложняется нежеланием дискриминировать в миграционном отношении соседние страны, особенно Мозамбик и Зимбабве, реально поддерживавшие борьбу против режима апартеида.

В последние годы весьма привлекательной страной для мигрантов стала Ботсвана. Эта страна быстро превратилась из страны-экспортера в страну-импортера рабочей силы. По своему развитию Ботсвана входила в 20 беднейших стран мира, доход на душу населения в 1966 г. составлял там всего 300 долл. США. Тысячи рабочих вынуждены были покинуть Ботсвану, чтобы работать по контракту в других странах Южной Африки.

Начиная с 1970-х гг. быстрый экономический рост Ботсваны потребовал притока дополнительной рабочей силы в страну, а весьма либеральное миграционное законодательство позволило привлечь рабочую силу со всего Африканского континента. Число эмигрантов из Ботсваны сократилось с 45735 в 1971 г. до 38606 в 1991 г. и до 28210 в 2001 г., а число легальных иммигрантов, живущих в Ботсване, возросло в три раза с 1971 г. по 1991 г. с 10861 человек до 29557 человек, и в шесть раз до 60716 человек в 2004 г.³¹ В последние годы приток рабочей силы в Ботсвану из соседних государств продолжает увеличиваться. В сложившихся условиях правительству Ботсваны пришлось пересмотреть миграционное законодательство в сторону его ужесточения. С одной стороны, это было связано со стремлением властей обеспечить работой собственных граждан, в первую

очередь, молодежь, образовательный уровень и квалификация которой за последние 10–15 лет существенно возросли в связи с крупными денежными вложениями государства в сферу образования и повышения квалификации граждан Ботсваны. С другой стороны, ужесточение миграционной политики было ускорено непредвиденным прибытием тысяч нелегальных иммигрантов из Зимбабве, уезжающих из политически и экономически нестабильной страны. Правительство Ботсваны отреагировало быстро, вводя новый контроль границ и более резкое наказание за незаконную миграцию.

Крупным центром притяжения африканских мигрантов была и остается Ливия. Специфика Ливии – нехватка национальной рабочей силы. Трудоспособное население Ливии составляло: в 1964 г. – 400 тыс. чел., в 1981 г. – 871 тыс., в 1991 г. – около 1 млн чел., 2004 г. – 1,2 млн чел.³² Поэтому ливийские власти в недавнем прошлом широко поощряли иностранную миграцию. Уменьшение притока нефтедолларов после 1982 г. и ухудшение международной обстановки вокруг Ливии в 90-х годах, особенно после принятия Советом Безопасности ООН санкций против этой страны в связи со взрывом самолета «Пан-Американ» над шотландским городом Локерби, в чем обвинялись ливийские граждане, привело к тому, что иностранная колония в Джамахирии стала быстро таять. После приостановки действия санкций в 1999 г. число иммигрантов в Ливии вновь увеличилось. Ливия занимает сегодня первое место среди стран Магриба по количеству иммигрантов. В ней проживают 2–2,5 млн иммигрантов (25–30% от общей численности населения), включая 1–1,5 млн африканцев. В этой стране живут более 500 тыс. египтян, 200 тыс. марокканцев, 60 тыс. тунисцев и 20–30 тыс. алжирцев.³³ Мигранты из арабских стран легче приспособляются на рынках труда Ливии, потому что они владеют языком. Обычно они работают в ресторанном и гостиничном секторах. Кроме работы в сфере услуг и на низкоквалифицированных должностях, многие иммигранты из арабских стран также заняты на работах, требующих большей квалификации, как в частном, так и государственном секторах. К по-

следним, в большинстве своем, относятся египтяне. Обычно миграция из арабских стран первоначально планируется как временная, но многие египтяне, тунисцы и марокканцы заводят в Ливии семьи и остаются навсегда.

После переориентации внешнеполитического курса М. Каддафи с арабских на африканские страны, гражданам африканских государств был предложен свободный визовый режим. Это стимулировало приток рабочей силы в Ливию из стран южнее Сахары. Мощный поток неквалифицированных рабочих рук из стран Тропической Африки порождает сегодня множество споров внутри ливийского общества. Иммиграцию из соседних с Ливией африканских государств связывают с ростом уровня преступности и распространением наркотиков, с проблемой создания конкуренции местной рабочей силе, с трудностями контроля за нелегальной иммиграцией в Европу через Ливию. Последняя проблема особенно актуальна сейчас, так как нелегальные иммигранты, следующие в Европу, часто остаются в Ливии на длительный период времени. В последние несколько лет в своей миграционной политике руководство Ливии все более отходит от panaфриканизма в сторону ограничения иммиграции для освобождения рабочих мест собственным гражданам. Это объясняется как высоким уровнем безработицы среди коренного населения (по некоторым оценкам он достигает 30%), а также ростом расходов государства на содержание иммигрантов которые достигают сейчас по некоторым оценкам 10% ВВП. Триполи настойчиво требует сокращения численности иммигрантов, особенно работающих без официально зарегистрированных контрактов. Такая политика руководства Ливии уже дала свои результаты: в период с 2001 по 2008 гг. число работающих ливийцев увеличилось на 15,6%, а численность иностранной рабочей силы уменьшилась на 53,7%.³⁴

Если говорить о межконтинентальной миграции, то основная масса африканских мигрантов направляется в Западную Европу (Францию, Италию, Испанию, Германию, Великобританию), США и в страны Персидского залива. Последние были главным центром притяжения мигрантов из Северной Африки

после так называемого нефтяного бума 1970-х годов. Однако к началу 1990-х годов направление миграционных потоков из североафриканских стран вновь претерпело изменения. В первую очередь, это было связано с иракско-кувейтским конфликтом и резким ухудшением экономической ситуации в Ираке, когда после операции «Буря в пустыне» страну покинуло более 1 млн арабских эмигрантов. Одновременно произошло резкое падение цен на нефть, что вынудило правительства стран Персидского залива предпочесть арабским специалистам существенно более дешевую рабочую силу из Южной и Юго-Восточной Азии. В этих условиях Западная Европа вновь стала привлекательной для североафриканских мигрантов.

Разделение африканской иммиграции между принимающими странами во многом определяется историческим (колониальная принадлежность страны эмиграции той или иной метрополии) и тесно с ним связанным лингвистическим факторами. Так, в Тропической и Северной Африке франкоязычные страны (бывшие колонии Франции) как экспортеры мигрантов в бывшую метрополию на порядок превосходят англоязычные. Примерно таково же – но с обратным превосходством – соотношение англо- и франкоязычных стран как источников миграции в Великобританию. Выходцы из бывших португальских колоний в Африке составляют большинство иммигрантов в Португалии.

Прибыв в чужую страну, эмигрант в большинстве случаев вынужден соглашаться на ту работу, которую предлагают и которая далеко не всегда соответствует его специальности и квалификации. Поэтому профессиональный состав работающих иммигрантов может значительно отличаться от такого состава до их выезда в эмиграцию. При этом существенное значение имеет то, куда прибывает эмигрант: в развитую западноевропейскую страну или в Аравийскую монархию.

Чаще всего уделом эмигрантов в развитых странах остается неквалифицированная либо малоквалифицированная работа. Принимающие страны не стремятся, да и не заинтересованы в том, чтобы повышать уровень их квалификации. Большинство африканцев заняты в обрабатывающей промышленности, тор-

говле и обслуживании. Вместе с тем, в Европе в последние годы наметился некоторый сдвиг в традиционной структуре занятости иммигрантов из Африки. Увеличивается процент африканцев, работающих в сфере услуг. Наблюдается снижение занятости в сталелитейной промышленности, металлообработке, автомобилестроении.

Главный поток афро-европейской миграции идет во Францию и (частично) далее к северу. В то же время сегодня возрастает роль – и транзитная, и принимающая – Испании и Италии, стран, которые в недавнем прошлом сами были поставщиками рабочей силы в более богатые европейские страны. Во Франции находятся около 97% алжирских, 68% тунисских и 47% марокканских иммигрантов³⁵, большинство иммигрантов из Сенегала, Конго (Браззавиль), Мали, Маврикия, Камеруна, других франкоязычных стран. Марокканцы оседают также в Голландии, Бельгии, Испании, Италии, Германии; тунисцы – в Германии и Италии. На линию англоязычные страны – Великобритания приходится лишь весьма скромная часть миграционного движения.

Крупным североафриканским экспортером рабочей силы является также Египет, испытывающий хронический разрыв между ростом трудоспособного населения и созданием новых рабочих мест в египетской экономике. По оценке МОТ, в 2008 г. число египетских эмигрантов достигало 3,5 млн человек.³⁶ Большинство из них работало в Ливии и Саудовской Аравии, однако доля мигрантов, отправляющихся на заработки в Европу, постоянно увеличивалась.

Мигрантами чаще всего являются трудоспособные, преимущественно молодые (до 35 лет), мужчины различного профессионально-квалификационного уровня – от неграмотных до специалистов с высшим образованием. Эмигранты из государств Северной Африки распределились по своему образовательному уровню следующим образом: неграмотные составляют 37%, с начальным образованием – 42%, с неполным средним и профессиональным – 14%, с полным средним и высшим – 7% от общего числа эмигрантов.³⁷

Что касается государств Западной Африки, территориально расположенных дальше от стран ЕС, то здесь цифры по эмигрантам несколько иные: неграмотные составляют всего 13% мигрантов, лица с начальным, неполным средним и профессиональным образованием – 24%, с полным средним – 26,6% и с неполным высшим и высшим образованием 30,2% от общего числа эмигрантов.³⁸ Как видно из этих данных, трудовые мигранты из Западной Африки имеют достаточно высокий уровень образования не только по сравнению со своими соотечественниками, но и с европейцами.

Что касается профессионального состава мигрантов, то он показан в таблице 5.2.1.

Таблица 5.2.1

Социально-профессиональный состав африканских мигрантов до эмиграции

Социально-профессиональный состав мигрантов-африканцев	%
Безработные	22,57
Учащиеся, в т.ч. студенты	6,5
Преподаватели	5,6
Инженеры	5,64
Технические работники и механики	7,9
Торговцы	18,08
Врачи и медсестры	1,9
Спортсмены	0,01
Водители транспортных средств	2,4
Прочие (военные, служащие, фермеры, с.-х. рабочие и др.)	29,4
Всего	100,0

Источник: рассчитано нами по данным www.oecd.org

Как видно из табл. 5.2.1 до переезда большинство мигрантов были работниками, обладающими достаточно высокими профессиональными навыками, труд которых, однако, не находил должного применения в своих странах, либо не давал дос-

таточной материальной отдачи. Так, например, к категории безработных, доля которых составляет почти четверть всех мигрантов-африканцев, относятся в основном молодые люди со средним или высшим образованием, которые не нашли себе достойной работы на родине.

Как же изменился профессиональный статус мигрантов после переезда?

Таблица 5.2.2

Профессиональный состав африканских мигрантов, нашедших работу в странах ОЭСР

Вид профессиональной деятельности	%
Юристы, врачи, высшие чиновники, менеджеры	8,1
Квалифицированные работники и инженеры	12,0
Техники	11,0
Мелкие служащие	9,0
Работники сферы услуг и торговцы	11,3
Грузчики и торговые работники	10,0
Квалифицированные рабочие на предприятиях	1,5
Квалифицированные сельскохозяйственные рабочие и рыбаки	6,9
Военные	0,5
Неквалифицированные работники	13,0
Прочие	1,0
Безработные	15,7
Всего	100

Источник: www.oecd.org

Следует сразу оговориться, что в таблице речь идет только об официально зарегистрированной занятости, в том числе о безработных, числящихся на бирже труда и получающих пособие. Это существенно искажает общую картину по африканской миграции, так как значительное число выходцев с Африканского континента являются нелегалами и либо заняты в неформальном секторе экономики. Либо остаются незарегистрированными безработными.

Вместе с тем, весьма интересен тот факт, что значительная часть африканцев (около 50%) занята квалифицированным трудом в промышленности, сельском хозяйстве и сфере обслуживания, а 20% иммигрантов из Африки – специалисты высшей категории. При этом с формальной точки зрения уровень безработицы среди мигрантов после переезда ниже. Иными словами, африканские мигранты, нашедшие применение своему труду после переезда в формальном секторе экономики, сохранили или в отдельных случаях улучшили свои профессиональные позиции.

Весьма примечательно, что общий подъем образовательного уровня африканцев является одним из факторов, ускоряющих вовлечение населения в миграционные потоки. Быстрый рост сети школьного и вузовского обучения повышает грамотность, информированность населения и усиливает социальную активность и мобильность жителей страны. Высокий уровень образования позволяет найти достойное и высокооплачиваемое место работы как внутри страны, так и за ее пределами, и тем самым повысить свой социальный статус.

Так, по нашим подсчетам, проведенным на основе анализа миграционных потоков из стран Северной и Западной Африки, можно прийти к выводу, что образовательный уровень мигрантов существенно выше, чем остальных африканцев. Так, уже 47% африканцев, переезжающих из деревни в город, 58% мигрантов внутри Африканского континента и более 75% мигрантов, выезжающих за пределы Африки грамотны. Еще больший разрыв наблюдается по линии среднего и высшего образования. Сегодня 29% всех африканцев, выезжающих за рубеж, имеют полное среднее, а 24% – неполное высшее и законченное высшее образование.³⁹

Еще выше показатели образовательного уровня африканских мигрантов, нашедших себе работу в странах ОЭСР. Так доля лиц со средним образованием среди трудоустроившихся мигрантов из стран Африки составляет 32%, а с высшим и неполным высшим образованием – 33%. При этом уровень образования у работающих женщин-африканок выше, чем у муж-

чин, хотя разница и не очень велика. Так, доля лиц мигрантов-мужчин со средним образованием, нашедших себе работу, составляет 31%, а с высшим и неполным высшим образованием – 32,6%. Аналогичные показатели по работающим в странах ОЭСР африканкам составляют 33,8 и 33,7% соответственно.⁴⁰ Совсем другая картина вырисовывается по африканским мигрантам, влившимся в ряды безработных. Если доля жителей Африки со средним образованием, не нашедших себе работу составляет 30,5% (в том числе 29,1% – у мужчин и 32,4% – у женщин), то удельный вес безработных обладателей высшего и неполного высшего образования из стран Африки лишь 16,9% (в том числе 17,6% – у мужчин и 15,9% – у женщин), что примерно в 2 раза меньше, чем у трудоустроившихся африканцев с университетскими дипломами.⁴¹ Иными словами, при прочих равных условиях, высшее образование значительно повышает шансы мигрантов найти работу.

Существует тесная связь между образовательным и квалификационным уровнем и целью мигранта, в свою очередь определяющей дальность его передвижения. Если «пределом мечтаний» малограмотного сельского бедняка обычно является более или менее стабильный городской заработок в своей стране, то выпускник университета стремится, естественно, найти адекватную работу. При невозможности этого на родине он направляется за границу, предпочтительно в экономически развитую часть мира. «Утечка мозгов» из Африки в Западную Европу и даже в Северную Америку увеличивалась по мере роста числа специалистов с высшим образованием, не находивших работу в собственных странах. По оценкам ЮНКТАД, среднегодовое число высококвалифицированных мигрантов, выезжавших из Африки, в 1960–1974 гг. составляло 1800, в 1975–1984 гг. – 4400, в 1985–1987 гг. – 23000, в 1990–1995 – 28 000, а в 1996–2006 – более 35 000 человек. Эксперты Всемирного Банка полагают, что в период 1960–2008 гг. из Африки эмигрировали более 700 тысяч специалистов разного профиля (30 проц. высококвалифицированных работников)⁴². Несмотря на то, что доля квалифицированных кадров в общей численности рабочей силы

к югу от Сахары не превышает 4%, на этих трудящихся приходится более 40% мигрантов. Уровень миграции квалифицированных кадров в пяти африканских странах превышает 50%, в том числе в Кабо-Верде – 67,5%, в Гамбии – 63,3%, на Сейшельских островах – 55,9%, на Маврикии – 56,2% и в Сьерра-Леоне – 52,5%.⁴³ На западном и восточном побережьях Африки очень высокий уровень миграции квалифицированных кадров (более 30%) наблюдается в Гане, Мозамбике, Кении, Уганде, Анголе и Сомали. По данным ООН, только в период с 2000 по 2004 г. из Африки в Великобританию переехали 16000 медицинских сестер. Из 600 врачей, подготовленных в Замбии, всего 50 практикуют на родине, а только в одном английском городе Манчестере докторов из Малави больше, чем во всей этой африканской стране.⁴⁴ И это не удивительно, поскольку разница в оплате составляет в среднем 30–40 раз. В среднем, один из четырех врачей и одна из 20 медицинских сестер, получивших образование в Африке, работает в странах ОЭСР. Некоторые африканские страны испытывают колоссальные трудности, связанные с отъездом квалифицированных медицинских работников за границу. Так, например, 29% врачей Ганы и 34% медицинских сестер Зимбабве работает за границей.⁴⁵

Отъезд высококвалифицированных специалистов является большой потерей для самих африканских государств. Сегодня страны Африки, по существу, дополнительно субсидируют развитие и без того богатых западных стран, избавляя их от дорогостоящей задачи готовить национальные кадры в тех масштабах, которые им необходимы. Учитывая возрастающий масштаб утечки мозгов в ряде африканских стран и негативный эффект в связи с отъездом высококвалифицированных кадров, страны назначения должны, видимо, сотрудничать со странами-источниками миграции с целью поиска оптимального решения данной проблемы.

Еще одной структурной составляющей африканской миграции служит студенческая миграция. В данном случае образование выступает важным социально-психологическим фактором миграции. По итогам полевых исследований, проводившихся

автором данной работы в АРЕ, Марокко, Италии, Германии, Испании и на Мальте в 2006–2008 гг. около четверти мигрантов-африканцев в возрасте 20–25 лет главной причиной переезда назвали стремление продолжить учебу.⁴⁶

По данным ЮНЕСКО, студенты из стран Африки южнее Сахары являются самыми мобильными в мире: каждый шестнадцатый африканец получает высшее образование за рубежом. В качестве сравнения можно привести данные по Северной Америке. Там лишь один человек из 250 предпочитает учиться за границей.⁴⁷

Таблица 5.2.3

Численность и основные направления студенческой африканской миграции (2007 г.)

Приток Отток	Франция	США	ЮАР	Велико- брита- ния	Германия	Порту- галия
Ботсвана		488	7012	700		
Египет	849	1822		799	1192	
Эфиопия		1060		263	566	
Гана		3288		2798	744	
Кения		7381		3083		
Маврикий	1893		1732	1646		
Мозамбик		93	815	71		1066
Нигерия		6140		5942	630	
Сенегал	8329	805			256	
ЮАР		1971		1408	196	
Танзания		1471	283	1053	115	
Уганда		696		885	121	
Прочие	97856	12273	26444	6841	18450	7470
Всего	108927	37488	36286	25489	22270	8536

Продолжение таблицы 5.2.3

Приток Отток	Авст- ралия	Марокко	Канада	Индия	Прочие	Всего
Ботсвана	792				479	9471
Египет					1883	6545

Приток Отток	Австралия	Марокко	Канада	Индия	Прочие	Всего
Эфиопия				225	1208	3322
Гана			222		1096	8148
Кения	1115		341	521	1707	14123
Маврикий	860			366	727	7224
Мозамбик	67				254	2366
Нигерия					2426	15138
Сенегал		435	246		606	10677
ЮАР	643				1401	5619
Танзания	119				866	3907
Уганда				93	659	2454
Прочие	1455	2782	2096	28	35299	211014
Всего	5051	3217	2905	1233	48611	300013

Рассчитано по: www.unesco.org; www.oecd.org

В табл. 5.2.3 приводятся данные по студентам из 12 африканских стран, обучающихся за рубежом, в основном в развитых странах Европы и Америки. Абсолютными лидерами по количеству студентов из стран Африки южнее Сахары, обучающихся за границей, выступают такие страны как Нигерия (15138 чел.), Кения (14123 чел.), Сенегал (10677 чел.) и Ботсвана (9471 чел.).

Основной поток студентов-африканцев направляется в Европу и другие развитые страны. Лидером в этом списке выступает Франция (36,3% всех студентов-африканцев), за ней следуют США (12,5%), Великобритания (8,5%) и Германия (7,4%). Весьма примечательно, что в качестве весьма привлекательной страны для африканцев с точки зрения получения образования служит ЮАР: более 12% всех африканцев, обучающихся за рубежом, учатся именно здесь.

Существенное влияние на направленность студенческой миграции из Африки оказало колониальное прошлое этих стран. Общность языка, значительное экономическое и культурное влияние бывших метрополий побуждают молодых людей из Южной и Восточной Африки получать образование в основном

в Великобритании, из Западной Африки – во Франции и Бельгии, а из Центральной и Северной Африки – во Франции, Италии, Испании и Германии.

Ежегодно такие страны, как Бенин, Габон, Коморские острова, Конго, ДРК, Кот-д’Ивуар, Мадагаскар и Сенегал отправляют молодых людей получать высшее образование во Францию и Бельгию. При этом каждая из перечисленных африканских стран «поставляет» не менее 2000 студентов. Еще более многочисленный поток желающих получить образование направляется во Францию из Марокко, Туниса и Алжира. Молодежь Анголы, Кабо-Верде и Мозамбика направляется на учебу в Португалию, в то время как выходцы из Ганы, Кении, Нигерии становятся студентами в США и ЮАР. В последние годы учеба в США стала весьма привлекательной и для жителей Марокко и Камеруна, традиционно франкоязычных стран. В 2007 г. в США обучалось более двух тысяч марокканцев и камерунцев.⁴⁸

Что касается специализации африканской молодежи, получающей высшее образование в странах ОЭСР (Организация экономического сотрудничества и развития), то самую большую группу (31,6%) составляют студенты, изучающие социальные науки, бизнес и юриспруденцию, за ними следуют будущие инженеры и строители (18,1%) и врачи (13,8%). Весьма примечательно, что всего лишь 0,5% африканцев изучают за рубежом сельскохозяйственные науки, а ведь именно аграрный сектор продолжает оставаться одним из основных структурообразующих секторов африканской экономики.⁴⁹ Во многом это связано, очевидно, со сравнительно небольшим заработком в данной отрасли экономики, по сравнению с возможностями в других секторах хозяйства.

Высокий уровень мобильности африканской студенческой молодежи послужил причиной того, что некоторые страны Африканского континента имеют большее число студентов за рубежом, чем внутри страны. Во многом это связано также с ограниченным числом высших учебных заведений в Африке. При этом студенты, обучающиеся за рубежом, часто выпадают из

национальной статистики по образованию. Например, в Кабо-Верде лишь 6% молодежи студенческого возраста, по данным национальной статистики, являются студентами, однако с учетом получающих высшее образование в зарубежных университетах, этот показатель увеличивается до 12%. Аналогичная ситуация сложилась в Ботсване и на Маврикии, где соответствующие индикаторы увеличиваются с 6 до 11% и с 17 до 24% соответственно.⁵⁰

Вместе с тем, не следует думать, что практически все африканцы предпочитают учиться в Европе или в Северной Америке. Значительное число студентов получают высшее образование, не покидая пределов континента. Самые большие возможности для обучения иностранцев предоставляет ЮАР, где число зарубежных студентов увеличилось с 12 500 в 1994 г. до 55000 в 2007 г.⁵¹ Большинство иностранных студентов в ЮАР (более 70%) – выходцы из стран САДК (Сообщество развития Юга Африки), что соответствует выполнению Протокола по образованию и обучению этой организации, предписывающего увеличение доступа к высшему образованию в регионе для всех молодых людей из стран-участниц САДК (всего 15 участников).

Другим крупным образовательным центром на территории Африканского континента выступает Каир. Ежегодно от 1000 до 2000 африканцев становятся студентами каирских высших учебных заведений. Только в университете Аль-Азхар в 2006–2007 учебном году обучалось 14854 иностранца, однако, в отличие от ЮАР, большинство из них приехали из Индонезии и Малайзии, в то время как доля африканцев не превышала 12%.⁵²

Для молодежи Западной Африки весьма привлекательными являются университеты Нигерии, Ганы, Камеруна и Сенегала, для молодых людей из Восточной Африки – высшие учебные заведения Уганды, Кении, Руанды и Танзании. В частности весьма популярным в данном регионе остается УниверситетMakerere (Makerere University), созданный в Уганде еще в 1922 г.

Характеризуя африканскую студенческую миграцию в целом, следует помнить, что в качестве основных стимулов для

получения образования за рубежом служат не его качественные характеристики, а совокупность социально-экономических и политических факторов «выталкивания» и «притяжения», традиционных и для других видов африканской миграции. Для молодых африканцев учеба за рубежом дает возможность вырваться из привычной среды обитания, повысить свой уровень жизни, а в дальнейшем – найти достойную работу, если получится – в Европе или Америке, а если нет, то, хотя бы, дома.

В то же время, помимо «утечки мозгов», значительный поток мигрантов из Африки (около 44,5%) либо неграмотен, либо имеет очень низкий уровень образования и квалификации. К сожалению, уровень неграмотности африканского населения все еще остается достаточно высоким и достигает сегодня 40%. Несмотря на то, что рост уровня грамотности в целом по Африке составил 10% по сравнению с 1990 г., в странах, расположенных к югу от Сахары, насчитывается 150 млн неграмотных взрослых (менее 60% взрослого населения этого региона умеют читать и писать). По оценкам ЮНЕСКО к 2015 г. число неграмотных в странах Африки, расположенных к югу от Сахары, может возрасти до 168 млн человек. Более того, около 38 млн детей, проживающих в этом регионе, не посещают школу, и почти две трети из них бросают учебу, либо заканчивают школу, так и не овладев основами школьных курсов.⁵³

Одной из насущных проблем африканских стран является продажа детской рабочей силы за границу. Детский труд активно используется в ряде африканских государств, так как позволяет экономить на издержках. Дети, как правило, оказываются наиболее бесправными и социально незащищенными работниками, согласными или принуждаемыми работать за минимальную зарплату, а зачастую просто за кусок хлеба. В мае 2004, правительства Буркина-Фасо и Кот-д'Ивуара сотрудничали, чтобы репатриировать 104 детей из Кот-д'Ивуара. В июне 2004, 10 детей из Нигера, возрастом 6–15 лет, были перехвачены букернийской полицией в Дори. Также в 2004 полиция арестовала 3 жителей Ганы за торговлю детьми. Еще в январе 2002 должностные лица ряда государств Западной и Центральной Африки

посетили встречу, организованную Правительством Кот-д'Ивуара, в сотрудничестве с ИНТЕРПОЛОМ, чтобы обсудить детскую торговлю в этом субрегионе.⁵⁴ Проблемы, которые были затронуты, включали предотвращение торговли и реабилитацию жертв торговли. Была разработана программа, известная как «Проект поддержки и реабилитации детей, подвергшихся худшим формам труда и торговли в сельскохозяйственном секторе». Она финансируется в соответствии с международной Программой по ликвидации детского труда (подразделение основанной в Женеве Международной организации труда). В итоговой декларации участники конференции обязались обмениваться скоординированной информацией о детской торговле.

Еще одной особенностью африканской миграции в последние 10 лет является ее феминизация. В прошлом в поисках работы дом покидали мужчины, в наши дни все большее число женщин, стремясь к экономической независимости, уезжают сами. Сегодня женщины составляют примерно 40% от общей численности трудящихся африканских мигрантов, а в некоторых странах удельный вес женщин среди всех трудовых мигрантов превышает 50% (см. рис. 5.2.1)⁵⁵. Необходимо отметить, что среди африканок, относящихся к категории трудовых мигрантов, становится все больше высококвалифицированных специалистов со средним и высшим образованием. В Европе развитие миграционной индустрии – частных агентств занятости, компаний по трудоустройству, кадровых агентств, а также самых разных легальных и нелегальных посредников – весьма способствовало росту женской трудовой миграции. В качестве иллюстрации на рис. 5.2.1 показан в динамике удельный вес женской миграции из стран Ближнего Востока и Северной Африки.

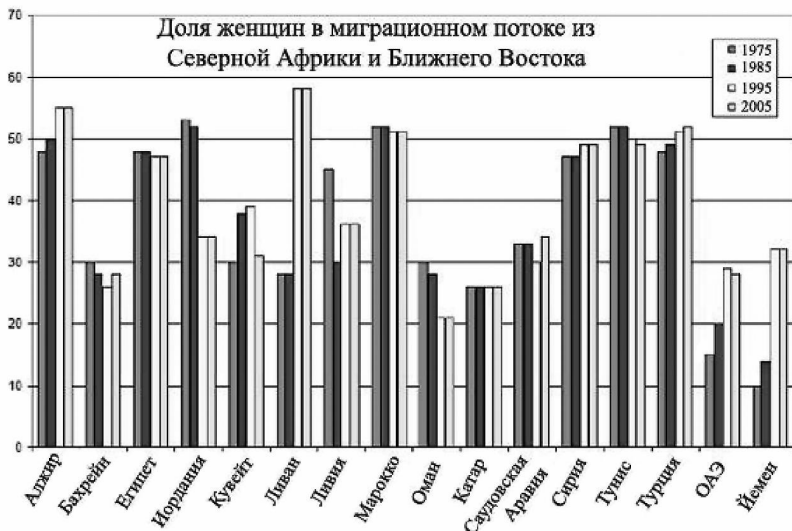

Рис. 5.2.1. Доля женщин в миграционном потоке из Северной Африки и Ближнего Востока (1975–2005 гг.).⁵⁶

В целом трудовая внутриконтинентальная и межконтинентальная миграция из африканских стран стала неотъемлемой чертой и важной структурной составляющей мирового рынка труда. Масштабы данной миграции, хоть и временно ограниченные мировым финансово-экономическим кризисом 2007–2010 гг., в ближайшие годы будут постоянно увеличиваться, а качественный состав мигрантов меняться в зависимости от экономических потребностей принимающих и посылающих стран. При этом последствия этой миграции будут неоднозначными как в социально-экономическом, так и в политическом и культурном плане как для стран-доноров, так и для стран-реципиентов.

5.3. Африканские беженцы и нелегальные мигранты

Наряду с экономической мотивацией, миграции вызываются политическими причинами (войны, межэтнические конфликты), а также экологическими бедствиями (засухи, наводнения и

т.п.): и то, и другое порождает потоки беженцев. Практически перманентная политическая нестабильность в разных субрегионах Африки делает эти потоки весьма заметной составляющей всей миграции. За 1960–1986 гг. число вынужденных переселенцев увеличилось в 13 раз – с 300 тыс. до 4 млн. Согласно некоторым оценкам, к 2009 г. масса африканских беженцев возросла до 20 млн чел. По масштабам этого феномена Африка далеко впереди других регионов: каждый второй беженец в мире – африканец⁵⁷.

Основная масса беженцев обычно не имеет средств для перемещения на большие расстояния. Это, а также стремление к возвращению при первой же возможности в места постоянного проживания, побуждает таких людей искать временное пристанище прежде всего в своей стране («внутренние» беженцы)⁵⁸ и только затем вне ее, в соседних странах. В 1990-е гг. в Эфиопии находились около 300 тыс. сомалийцев, в Заире (ныне ДРК) – 676 тыс. беженцев из лимитрофных стран, особенно из Руанды. Первое место по числу беженцев в Африке занимает Гвинея. В этой стране к началу 2000-х гг. находилось примерно 800 тыс. беженцев в основном из Либерии и Сьерра-Леоне, что составляло 10% населения этой африканской страны⁵⁹. Лишь малая часть всей армии вынужденных переселенцев оказывалась за пределами континента на положении «ищущих убежище» и «беженцев».

Таблица 5.3.1

География происхождения вынужденных мигрантов, искавших убежище в странах Европы по регионам мира, (тыс. чел.)⁶⁰

Регионы	1991	1995	2000	2007
Африка	58,3	90,9	58,9	85,1
Азия	142,7	122,4	131,1	198
Европа	93,4	319,7	135,4	137,3
Латинская Америка	6	7,3	3,9	5,5
Другие/неизвестно	7,8	5,4	5	15,3
Всего	308,2	545,7	334,3	441,2

Следует заметить, что подавляющая масса вынужденных мигрантов с Африканского континента в начале 2000-х годов (более 80%) претендовала на статус беженца в странах Европейского Союза. Их привлекательность объясняется высокими стандартами гуманитарной помощи и социально-экономическими возможностями, которые открываются здесь перед мигрантами. Финансовые затраты развитых стран на предоставление убежища беженцам достаточно велики. Дороговизна процедуры предоставления убежища объясняется тем, что включает в себя питание, размещение, затраты на юридическую помощь и финансовую поддержку мигрантов. Получение статуса беженца в данных государствах позволяет им получить такие условия жизни, которые не все из них имели дома.

По оценкам УВКБ ООН, страны Европы за период 1989–2007 гг. приняли в общей сложности около 6,3 млн вынужденных мигрантов различных категорий. География происхождения вынужденных мигрантов в Европе достаточно обширна и включает четыре континента, на которых происходили или продолжаются до сих пор этнические конфликты, гражданские войны, военные действия, террористические акции и крупные стихийные бедствия.

В последние годы существенно возросли масштабы нелегальной миграции из Африки в Европу. Ежегодно, по данным Международного центра по развитию миграционной политики (ICMPD), Средиземное море пересекает от 100 тыс. до 120 тыс. нелегалов, из которых 35 тыс. – из стран Африки южнее Сахеля. Тысячи людей погибают в море, не достигнув цели (по сведениям ICMPD, за последние 10 лет численность погибших могла превысить 10 тыс. чел.). Однако есть специалисты в области миграции, которые утверждают, что некоторые цифры завышаются в СМИ, и в действительности иммиграция исчисляется не сотнями, а десятками тысяч человек в год.

Даже официальные данные по численности иностранцев, нелегально пересекших границы государства, не могут быть отражены количественно точно. Несмотря на это миграционные

кризисы последних двух лет получили большой политический и общественный резонанс. В 2005 г. около 700 африканских мигрантов попытались прорваться на территорию испанских анклавов Сеуты и Мелильи в Марокко. В 2006 г. на Канарские острова прибыло более 31 тыс. африканцев (в основном выходцев из стран южнее Сахеля) – почти в 6 раз больше по сравнению с 2005 г.

В этой связи при обсуждении странами Европы и Северной Африки мер по организации и контролю перемещений людей особое внимание уделяется анализу миграционных маршрутов. При этом специалистам в области миграции приходится учитывать, что значительное число иммигрантов пользуется законными каналами въезда на европейскую территорию: туризм, транзитный проезд, въезд по служебным и частным делам, учёба, трудовые контракты, обращение о предоставлении убежища. Оставшись в стране по истечении срока действия визы, иммигранты попадают в категорию «нелегальных иммигрантов».

В то же время растёт численность иностранных граждан, использующих неофициальные каналы иммиграции: въезд через слабо контролируемые участки, при помощи поддельных документов или транзитных виз. Многие экономические мигранты и беженцы прибегают к услугам организаций, занимающихся незаконным провозом мигрантов через границу. Попытки европейских стран перекрыть въездной поток нелегалов из Африки, ограничив возможности нелегального въезда, во многом лишь способствуют увеличению масштабов нелегальной миграции, возникают новые миграционные маршруты.

Основными пунктами назначения подавляющего большинства нелегальных мигрантов из стран Северной Африки являются европейский континент, испанские анклавы Сеута и Мелилья, а также острова Атлантического океана и Средиземного моря.

Следует отметить, что важной составляющей нелегальной иммиграции из стран Магриба в Европу является транзитная миграция. Сегодня она приобрела значительные масштабы. По разным данным, ежегодно в Мавританию, Марокко, Тунис, Ал-

жир, Ливию прибывает от 65 тыс. до 120 тыс. граждан стран Африки южнее Сахеля, при этом 70–80% из них иммигрирует в Ливию, 20–30% – в Алжир и Марокко.

Для нелегальной иммиграции используются воздушные пути. Главные аэропорты Северной Африки, откуда нелегалы попадают в Европу, – аэропорт Касабланки (Марокко), Триполи (Ливия). Нелегальные мигранты нередко прячутся в багажном отделении, привязывают себя к шасси. Чтобы попасть в Европу люди готовы пойти на риск замёрзнуть до смерти в помещении для багажа или погибнуть из-за разреженного воздуха во время полёта. Этот маршрут не только опасный, но и очень дорогой. К тому же самолёты и аэропорты, как правило, хорошо оснащены современными системами безопасности. Ожидается, что численность нелегальных мигрантов, использующих воздушные пути для проникновения в Европу, будет сокращаться.

Гораздо большей популярностью пользуются сухопутные и морские пути. Поскольку они не менее опасны, растёт спрос на услуги контрабандистов, которые продают нелегалам поддельные паспорта, организывают морскую переправу, подкупают пограничные службы. Сети по перевозу и продаже мигрантов работают как в странах эмиграции, так и в странах приёма мигрантов.

Помимо опасностей, которые сопровождают мигрантов при длительном переходе через пустыню или морской переправе, им приходится опасаться торговцев людьми. По данным доклада ООН, опубликованном в испанской газете «El Pais», ежегодно в страны ЕС перевозят и продают до 240 тыс. граждан африканских стран. Опасность представляет и полиция стран иммиграции и транзита. Люди рискуют быть брошенными в пустыне за сотни километров без воды и пищи.

Однако даже смертельно опасное путешествие через пустыню или море не останавливает нелегальных иммигрантов, бегущих из стран, где отсутствуют условия для безопасной жизни, нет перспектив и уверенности в будущем. Усиление иммигра-

ционного контроля только заставляет их искать новые пути проникновения в Европу.

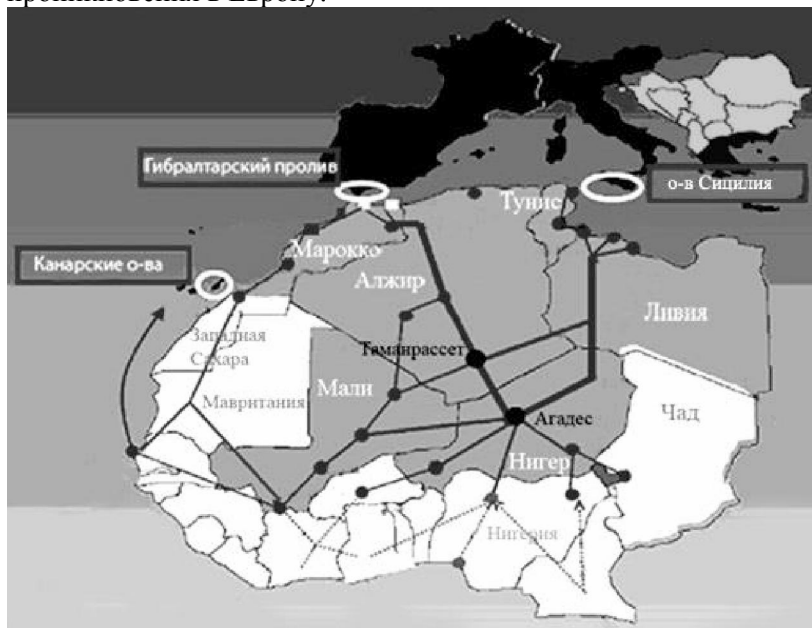

Рис. 5.3.1. Направления транзитной миграции из Африки.⁶¹

Существует несколько основных маршрутов незаконной иммиграции⁶². Один из наиболее оживленных – путь с западно-африканского побережья на Канарские острова. Плоты отправляются от берегов Западной Сахары (расстояние от берегов Западной Сахары до Канарских островов составляет около 240 км), от северного побережья Мавритании и южного побережья Марокко. Города Западной Сахары, привлекающие наибольшее число нелегальных мигрантов из стран Африки южнее Сахеля, – Дахла и Эль-Аюн. В Мавритании наиболее важный город для мигрантов – Нуадибу. В этих городах мигранты останавливаются на некоторое время, чтобы заработать денег на дальнейшее путешествие.

Проход от северного побережья Марокко до испанского материка стал практически невозможным из-за новых радарных установок и прибрежных патрулей, и опасный маршрут через океан до Канарских островов становится все более популярным среди иммигрантов, в числе которых граждане Сенегала, Гамбии, Гвинеи, Гвинеи-Бисау Кот-д'Ивуар, Ганы, Буркина-Фасо, Того, Бенина и т. д. Не достигнув побережья, за сотни километров до Канарских островов, многие из этих людей умирают в пути от голода, жажды или истощения. Иммигранты не могут обойтись без услуг контрабандистов, поскольку практически невозможно пересечь пустыню без транспорта и проводника.⁶³ Некоторые платят по несколько тысяч долларов перевозчикам в Мавритании, чтобы проплыть 900 км до Канарских островов. Путешествие в переполненных лодках занимает до 10 дней, и многие умирают в пути⁶⁴. Однако этот весьма опасный путь стал в последнее время одним из главных маршрутов для африканцев, стремящихся попасть на европейскую территорию. Если за 2006 год на испанские берега высадились около 5 тыс.⁶⁵ нелегальных эмигрантов, то только за первые месяцы 2007 года – уже более 10 тыс. Данная ситуация усугубляется тем, что власти Испании уже не могут справиться с потоком нелегалов самостоятельно. ЕС направляет в район Канарских островов дополнительные силы. Такое решение было принято после того, как испанская сторона признала, что не способна справиться с нынешним потоком иммигрантов, и запросила у своих коллег по европейскому блоку помощь. В результате этих действий район Канарских островов был оснащен дополнительными разведывательными самолетами и катерами с солдатами и полицией, а также медицинскими бригадами быстрого реагирования.

Другой маршрут нелегальной иммиграции – до Сеуты и Мелильи на севере Марокко, затем через Гибралтарский пролив в Испанию. Эта наиболее близкая к африканскому континенту страна сегодня является одним из основных пунктов назначения нелегальных мигрантов, которые часто используют её в качестве транзитного государства, чтобы попасть в другие страны Европы.

Правительство Марокко приняло меры по сокращению числа лодок и плотов, на которых контрабандисты живым товаром переплавляют беженцев на север через Гибралтарский пролив, однако одновременно резко возросло число попыток проникнуть на территорию Сеуты и Мелильи⁶⁶. По данным государственного информационного агентства Марокко «Магриб араб пресс» (МАП), с начала этого года в Марокко было пресечено более 4600 попыток проникновения на европейскую территорию, 130 сетей по перевозу и продаже мигрантов было ликвидировано⁶⁷.

В последнее время иммигранты стали чаще отправляться в Европу не с марокканской территории, а с берегов Ливии и Туниса. Нелегалы из стран Африки к югу от Сахары (в основном, беженцы из Нигера, Камеруна, Нигерии и др.) пытаются добраться на лодках до Пелагских островов (между Мальтой и Тунисом), до о. Сицилия и Мальта. Достичь этих островов стремятся также жители стран Африканского Рога (в основном Сомали и Эфиопии), использующих в качестве транзитной территории Судан. Из группы Пелагских островов наибольшее число нелегальных мигрантов привлекает о. Лампедуза – наиболее близкий к побережью Туниса остров. В Ливию и Тунис африканцы прибывают, как правило, используя Алжир в качестве транзитной территории.

Значительную миграционную нагрузку испытывает сегодня государство Мальта. В основном, на остров прибывают беженцы из стран, охваченных гражданской войной (Судана, Сомали). Многие из нелегальных иммигрантов, спасенных прибрежными патрулями Мальты, были высланы из Италии. По информации газеты «Times of Malta», с января 2007 г. года в страну прибыло около 700 незаконных мигрантов. По данным правительства численность нелегальных иммигрантов к концу года достигла 7 тыс. чел.⁶⁸

На Мальте в последнее время обострилась ситуация, связанная с проблемой нелегальной миграции и, более того, выводящая эту проблему в число острейших. Мигранты из Северной Африки, стремящиеся вплавь добраться до Италии, часто при-

нимают берега Мальты за вожделенную Сицилию. Здесь их арестовывает полиция и помещает в центры временного проживания. Нелегальные мигранты живут в бараках месяцами, ожидая решения своей участи. Интересно, что мигранты сами не хотят задерживаться на Мальте, они понимают, что в маленькой стране с жестким законодательством им практически не светит легализация и трудоустройство. Но Мальта, вступившая в ЕС, вынуждена координировать свои действия с другими странами, входящими в союз, и не может отпустить нелегалов на все четыре стороны. По мнению лидера партии «Имперская Европа», ультраправого политика Норманна Лоуэлла, «...североафриканские нелегалы не только угрожают внутренней безопасности Мальты, но также представляют собой «санитарную, культурную и генетическую угрозу для мальтийского народа». В настоящее время в Ливии и других странах Северной Африки скопилось порядка двух миллионов беженцев, которые ждут «своего часа», чтобы перебраться через Средиземное море и высадиться на Мальте, в Италии и других странах Европы.

Страны Северной Африки являются как транзитными территориями, так и странами – источниками нелегальной иммиграции в Европу. Основными странами приема нелегалов являются Италия, Испания, Франция, Португалия и Нидерланды. Среди незаконных иммигрантов большинство составляют (в порядке убывания) марокканцы, алжирцы, тунисцы; растёт численность нелегально проникающих в Европу египтян. Прозрачность границ между странами Магриба, близость Испании к Марокко, Туниса к Италии способствуют увеличению масштабов неконтролируемой миграции в регионе Средиземноморья. Безработица, экономические и социальные проблемы в странах Северной Африки, гражданские войны, этноконфессиональные конфликты, бедность в странах Африки (Судане, Конго, Либерии, Сьерра-Леоне и др.) – факторы, играющие основную роль в принятии решения рискнуть жизнью, чтобы достичь Европы.

В настоящее время, с точки зрения нелегальной иммиграции в Европу, Ливия является одной из наиболее важных стран Магриба и стран Африки южнее Сахары (основной перевалоч-

ный пункт для мигрантов – город Эль-Джауф). Это обусловлено возможностью достаточно свободного пересечения границ Ливии с другими африканскими странами (например, границы на юге Ливии, в пустынных районах особенно трудно контролировать), а также политикой Триполи, направленной на налаживание двусторонних отношений со странами Африки. В то же время, санкции ООН, проблемы на рынке рабочей силы страны способствовали росту негативного отношения к иностранцам и увеличению числа стычек между гражданами Ливии и эмигрантами из стран Центральной Африки.

В Ливии основными центрами по организации нелегальной миграции располагаются в портах Триполитании. Как правило, граждане этой страны пытаются незаконно въехать на территорию Италии, используя в качестве транзитной территории о. Мальта.

Между Италией и Ливией существует договор о совместном патрулировании территориальных вод силами безопасности. В то же время Ливия сохраняет соглашения с партнерами в Центральной Африке о свободном визовом режиме, как части политики сближения со странами Африканского Союза. Это способствует росту значения Ливии как транзитной страны для мигрантов из африканских стран.

Возрастает роль Туниса как транзитной страны для нелегальных эмигрантов из стран Африки южнее Сахары. Тунис – небольшая страна, урбанизованная, что для мигрантов, преодолевающих опасные путешествия через пустыни Ливии или Алжира, имеет большое значение. Страна имеет достаточно обширную систему портов и расположена близко к Италии (до Лампедузы, самого южного острова страны – около 113 км).

Основными центрами организации нелегальной миграции в Тунисе являются города Набуль, Сус, Монастир, Махдия, Сфакс, Меденин. 60% нелегальных мигрантов из Туниса и других стран используют для транзита города Тунис, Арьяна, Мануба, Бен-Арус, а также Набул и Бизерту. Эти города имеют обширные международные связи, значимы с экономической и демографической точки зрения. Тунисский аэропорт

Картаж – основной центр нелегальной миграции для марокканцев, а также граждан стран Африки южнее Сахеля и др. Пункты отправления нелегалов расположены на протяжении 300 км вдоль побережья страны. Три основные зоны отправки нелегальных мигрантов: побережье от г. Солимана до г. Сиди-Дауда, побережье к югу от мыса Эт-Тиб от порта Эль-Хавария до Келибии, восточное побережье от г. Мензель-Темим до г. Хаммамет. Из портов Туниса нелегалы, в первую очередь, стремятся добраться до южного побережья острова Сицилия или до островов Пантеллерия, Лампедуза, Линоза. Среди мигрантов распространен маршрут от побережья в районе порта Махдия до о. Лампедуза, откуда можно добраться до Мальты, а оттуда до Сицилии (г. Рагуза)⁶⁹.

Перевозчики нелегалов играют важную роль в незаконной миграции. Они платят рыбакам за старые лодки, нередко бросают мигрантов из других стран на островах в территориальных водах Туниса (например, на Зембре), убеждая их, что это итальянские Лампедуза или Линоза. Однако специалисты отмечают, что в последние годы деятельность перевозчиков в Тунисе менее активна⁷⁰.

Наряду с Марокко, Ливией и Тунисом, Алжир и Египет также выступают в качестве важных транзитных территорий и источников нелегальной миграции. Тысячи египтян, в основном молодых людей, ежегодно пытаются незаконно проникнуть в Европу⁷¹. Некоторые используют побережье Египта, прибегая к услугам контрабандистов, однако большинство перебирается сначала в Ливию или в Тунис и лишь затем в Италию. Через Суэцкий канал идёт поток непостоянной миграции из Бангладеш и Шри-Ланки в Европу. В надежде проникнуть на европейскую территорию в Египет прибывают беженцы из Судана, Сомали, Эритреи и Эфиопии

Через Алжир мигранты пересекают Сахару (в качестве транзитных городов чаще всего служат г. Таманрассет на юге и г. Магния на севере страны), перебираются в Марокко (основной транзитный город – Уджа). Среди нелегалов в основном граждане стран Западной Африки и стран южнее Нигера – Нигерии,

Камеруна. По этому маршруту мигрантов, как правило, перевозят через пустыню на грузовиках⁷².

В 2004 г. Испания и Италия сообщили о прибытии 29 тыс. иммигрантов из стран Африки. В 2005 г. эта цифра возросла до 34 тыс., в 2006 г. до 57600 чел., в 2007 г. – 60300 чел. Данных по нелегальной миграции немного и они не всегда достоверны, однако выше упомянутые цифры указывают на тенденцию роста числа нелегальных мигрантов, пытающихся пересечь воды Средиземного моря и попасть в Европу. Как следствие растёт прибыльность бизнеса по перевозу мигрантов.

Наряду с традиционными способами проникновения североафриканских нелегалов в Европу достаточно часто используются более изощренные пути. Одна из причин увеличения масштабов незаконного перемещения людей кроется в широком использовании интернета для рекламы трудоустройства на Западе. Достаточно распространенным путем въезда в европейские страны остается фиктивный брак с гражданами страны иммиграции. Однако в последние годы растет число иностранцев, использующих неофициальные каналы пересечения границ без документов или с помощью поддельных документов, получить которые им помогают организации, специализирующиеся на подобных услугах. К услугам фирм, занимающихся незаконным провозом иностранцев через границу и их нелегальным трудоустройством, прибегают в первую очередь экономические мигранты и беженцы, не имеющие шансов на легальный въезд. Плата за нелегальную иммиграцию составляет от нескольких сотен до десятков тысяч долларов в зависимости от страны назначения, дальности маршрута и длительности поездки. В последние годы бизнес на нелегальной иммиграции переживает настоящий бум. Ежегодно транснациональные преступные сообщества незаконно вывозят около 1 млн нелегалов. По оценкам ООН, мировые доходы от контрабанды людей составляют 5–7 млрд долл. в год.⁷³

Специфической чертой современной миграции является увеличение доли женщин (до 47,5%)⁷⁴ и детей в нелегальном миграционном потоке. Достаточно распространенным явлением

становится незаконное перемещение женщин, девушек и детей в целях сексуальной эксплуатации. По оценкам экспертов, ежегодно на мировой рынок интимных услуг поступает от 700 тыс. до 4 млн чел. Более точной статистики не существует по причине несовершенства миграционного контроля.

Что касается распределения африканских нелегальных мигрантов по странам происхождения, то по данным Министерства внутренних дел Марокко, мигранты, проникающие на его территорию из государств Западной Африки распределяются следующим образом:

Таблица 5.3.1

Распределение нелегальных мигрантов по стране происхождения

Страна происхождения	%
Нигерия	15,7
Мали	13,1
Сенегал	12,8
Кот-д'Ивуар	9,2
Гвинея (Конакри)	7,3
Камерун	7,0
ДРК	6,0
Гамбия	4,9
Гана	4,5
Либерия	3,8
Сьерра-Леоне	3,1
Прочие	12,6
Всего	100

Источник: AMERM-Afvic Study (2007), with EU support

Как видно из этих данных, более 40% всех нелегалов – выходцы из трех африканских стран, экономическое положение которых весьма далеко от благополучного, Нигерии, Мали и Сенегала. Весьма примечательно, что все эти страны относятся к так называемой категории «несостоявшихся государств» (failed states).⁷⁵

Достаточно интенсивны потоки нелегальных мигрантов также из Кот-д'Ивуара, Гвинеи и Камеруна. При этом большинство нелегальных мигрантов используют территорию Марокко в основном как транзитную, стремясь перебраться дальше – в Испанию, Италию или на Мальту. Эти страны зачастую также оказываются лишь промежуточным этапам следования незаконных мигрантов в более благополучные страны ЕС – Францию, Германию, Нидерланды, Великобританию. Отдельные счастливицы добираются до Скандинавских государств, миграционная политика которых все еще достаточно лояльна.

В переговорах с африканскими странами ЕС всегда увязывал предоставление им каких-либо преференций с принятием на себя обязательства по реадмиссии мигрантов (возвращение нелегальных мигрантов в ту последнюю страну не член ЕС, с территории которой они прибыли). Соглашения о реадмиссии подписаны у Испании с Алжиром, Марокко, Мавританией и Нигерией, а у Италии – с Алжиром, Ливией, Марокко и Нигерией. В целом, страны Юга Европы настаивают на более жесткой миграционной политике. Однако эти усилия наталкиваются на противодействие более удаленных государств, таких как Швеция, Дания, Норвегия.

В настоящее время 80% европейцев выступают за усиление контроля на внешних границах ЕС, при этом, правда, 56% не против целевого приглашения иностранных рабочих и специалистов.⁷⁶ Опросы общественного мнения показывают, что европейцы все чаще заявляют о необходимости защиты собственной культуры, собственного образа жизни.

Каковы же основные направления борьбы с незаконной миграцией в Европе? Во-первых, это введение более строгих законодательных актов и правовых норм, регулирующих въезд и пребывание иммигрантов, включая унификацию стандартов визовых документов и сроков получения статуса беженцев. Многие европейские страны, стремясь сократить незаконный приток иммигрантов в страну, в том числе под видом беженцев, ужесточили законы, регулирующие получение последними официального статуса. Наиболее значительные перемены про-

изошли в Германии, в которой законодательно исключено автоматическое право для всех иностранцев на получение убежища. Аналогичные изменения в законодательствах и других европейских стран привели к сокращению числа претендентов на получение статуса беженца.

Во-вторых, предусматривается усиление контроля за общими границами, проведение совместных операций вдоль границ, создание общей консульской системы и единой пограничной службы, позволяющей взять под охрану контрольно-пропускные пункты на автомагистралях, в аэропортах, на морских и железнодорожных вокзалах. Для упрощения контроля за пребыванием и перемещением иностранцев планируется уже в ближайшее время создать общий банк въездных виз и подготовить списки стран, граждане которых должны иметь визы для въезда на территорию Евросоюза или смогут пользоваться безвизовым режимом передвижения. Программа формирования общей политики в области совместного управления границами государств ЕС включает также разработку общего свода законов о порядке пересечения внешних границ и подготовку практического руководства для пограничных служб.

Новый план борьбы с нелегальной миграцией включает организацию совместных полицейских сил берегового патрулирования, которые должны более эффективно охранять достаточно протяженные береговые границы таких стран как Италия и Испания. Все больше внимания должно уделяться укреплению границ в горных и лесных районах. Между некоторыми странами ЕС частично даже восстанавливаются внутренние границы. Так, с 1996 года введен пограничный контроль между Францией и странами Бенилюкса, а также между Испанией и Португалией.

В целом, можно сказать, что странам ЕС удалось принять компромиссный план проведения единого курса на противодействие нелегальной иммиграции, который включает ряд мер по выявлению и пресечению проникновения нелегальных мигрантов в страны Евросоюза, в том числе транзитным путем. Важно отметить, что заключительный документ, получивший название

«Севильская декларация», направлен на ограничение притока нелегальных мигрантов. Предусматривается ужесточение мер против международных преступных групп, занимающихся контрабандой и незаконной перевозкой людей в Европу, а также возможность оказания давления на страны, которые не сотрудничают по проблеме прекращения потока нелегальных иммигрантов и возвращения своих граждан на родину (например, Марокко, Турция, Албания). В соответствии с принятой программой государства ЕС должны более активно высылать нелегальных мигрантов, причем приоритетным будет считаться добровольное возвращение иммигрантов. Таким образом, речь идет о попытке интегрировать предложенные меры в единую внешнюю политику и, прежде всего, в политику безопасности ЕС.

Критики стратегии усиления контроля за миграционными потоками утверждают, что эти планы просто не могут обеспечить желаемого эффекта. Выход они видят в другом: весь Запад должен помочь себе, помогая социальному и экономическому развитию Африки, чтобы там появились возможности трудоустройства, постепенно повышался уровень жизни, что приведет к сокращению масштабов межконтинентальной миграции.

В целом, массовый приток легальных и нелегальных мигрантов из африканских государств в Европу и Америку, с одной стороны, позволил сгладить остроту проблемы нехватки рабочей силы в «непрестижных» сферах национальной экономики развитых стран, но с другой – создал массу социально-экономических проблем.

Этнические анклавные выходцев из африканских стран интегрировались в общественную, политическую и экономическую структуру стран-реципиентов как замкнутые образования, не ассимилируясь в ней, но, тем не менее, претендуя на все социальные услуги. Кроме того, эти анклавные часто выступали опорой для формирования и бурного развития криминальных структур, теневой экономики и, в некоторых случаях, террористической деятельности. В конце 90-х годов все это привело к обострению межэтнических конфликтов в странах-реципиентах.

Конечно, было бы преувеличением абсолютизировать тенденцию «анклавности» иммигрантских общин. Будучи основной для иммигрантов последней волны, она тем не менее не является единственной, и принцип ассимиляции не утратил своей актуальности. Одним из существенных критериев здесь служит рост такого показателя, как смешанные браки. Вместе с тем эта встречная тенденция не меняет общей картины усиления изоляции переселенцев. Во многом это связано с тем, что этнические общины постоянно пополняются новыми поступлениями мигрантов. К тому же этим общинам свойственен очень высокий естественный прирост, заметно превышающий общестрановые показатели принимающей страны.

В этой связи Евросоюз, по всей видимости, нуждается в новой концепции, рассматривающей миграцию не столько в негативном, сколько в позитивном ключе. Совершенно ясно, что политика резкого ограничения миграции не соответствует ни экономической, ни демографической ситуации в Европе и в других развитых государствах. Вместо того чтобы пытаться предотвратить иммиграцию, нужно, с одной стороны, контролировать ее в соответствии с потребностями принимающих стран в трудовых ресурсах, поощряя трудовую и ограничивая нелегальную миграцию, а с другой – воздействовать на причины, порождающие массовый исход африканцев из их собственных стран.

В феврале 1994 г. в знаменитой работе «Приближающаяся анархия» Роберт Каплан предсказал общемировой кризис в результате разложения государств в регионе Западной Африки, что приведет к мощному «иммиграционному выбросу». Мигранты из Африки, писал он, будут пытаться добраться до благополучных государств Магриба и Европы. Сегодня эти предсказания сбываются. Демографический взрыв на Африканском континенте сопровождается крахом государственных структур и массовой эмиграцией населения. Решение этой проблемы может быть найдено только тогда, когда возобновится экономическое и социальное развитие стран Африки, что невозможно без совместных усилий африканских государств и всего мирового сообщества. Между тем в мировой практике уже накоплен

большой «отрицательный» опыт помощи странам Африки. На сегодняшний день наиболее значительные международные программы помощи действуют в Бурунди, Кот-д'Ивуаре, Конго, Судане, Сьерра-Леоне и Либерии. Анализ их неудач свидетельствует, что государства региона, переживающие внутренний кризис, требуют не краткосрочных программ, рассчитанных на немедленное получение результата, а помощи, имеющей долгосрочный и комплексный характер.⁷⁷

5.4. Роль денежных переводов в социально-экономическом развитии африканских государств

Основным фактором международной трудовой миграции, оказывающим существенное влияние на улучшение экономического положения РС и совершенствование, как их, так и глобальной финансовой архитектуры, являются потоки денежных переводов мигрантов.

Как было показано нами в предыдущих параграфах, значительная часть жителей развивающихся, в том числе и африканских, стран сменили страну пребывания в поисках заработка. Денежные переводы мигрантов на родину часто становятся не только важнейшим дополнительным (а порой и основным) источником регулярных доходов для их семей, но и валютных поступлений для государства происхождения в целом. Международные организации и финансовые институты относят трансграничные переводы мигрантов к числу важных факторов развития и обеспечения финансовой стабильности целого ряда государств Азии, Африки и Латинской Америки.

Как любой международный трансферт, пересылаемые через границу мигрантами суммы отражаются в платежных балансах страны-ремитера и страны-реципиента.

В платежном балансе показатели, связанные с трудовой миграцией, отражаются как реальные и денежные потоки и классифицируются по нескольким статьям. При этом «счет текущих операций» включает различные операции с товарами (в т.ч. товары вывозимые/ввозимые мигрантами) и услугами, а также до-

ходы и текущие трансферты, связанные с трудовой миграцией. В первую очередь речь идет о такой статье баланса, как – «оплата труда работников» (*compensation of employees*), включающая заработную плату, жалованье и другие выплаты в наличной или натуральной форме за работу, выполненную нерезидентами для резидентов и оплаченную последними (сюда попадают и выплаты резидентов в пенсионные, страховые и другие фонды, связанные с наймом на работу нерезидентов, т.е. иммигрантов). Статья «денежные переводы работающих» (*workers' remittances*) раздела «текущие трансферты средств», осуществляемые иммигрантами, живущими и работающими за границей, по крайней мере, в течение года, резидентам своей прежней страны, включает в себя все текущие трансферты средств, осуществляемых как в денежной, так и в натуральной формах. В разделе операций с капиталом «трансферты, связанные с миграцией» (*migrants' transfers*), представляют собой оценочный денежный эквивалент стоимости имущества мигрантов, перевозимого (или оставляемого на родине) при перемещении в другую страну; в строгом смысле, «трансферты, связанные с миграцией» не являются результатом операций между двумя контрагентами, а представляют собой компенсирующую компоненту по отношению к потокам товаров и изменениям в финансовых активах и обязательствах, возникающих вследствие миграции на срок не менее года.⁷⁸

За последние годы в научном мире, в правительственных органах, в международных организациях, в предпринимательских кругах интерес к проблемам денежных трансфертов из страны в страну резко возрос. Это связано, очевидно, с тем, что денежные переводы – это крупный, устойчивый и антициклический источник внешнего финансирования для многих стран, в первую очередь, беднейших. Сегодня, в условиях мирового финансового кризиса актуальным становится вопрос, как изменятся объем, направленность и роль денежных переводов в мировом и региональном развитии. Это особенно важно для развивающихся экономик, в том числе для африканских государств, где переводы составляют существенную долю в личных

потребительских расходах населения и дают возможность выжить беднейшим его слоям, а также значительному числу людей в зонах политических конфликтов и стихийных бедствий.

Общий объем денежных переводов за 2007 год составил в целом по миру, по оценке экспертов Всемирного Банка, 318 млрд долл. США, что более чем втрое превышает объем денежных переводов за 1990 год (105 млрд) и на 7% больше, чем в 2006 году.⁷⁹ При этом в развивающиеся страны было отправлено свыше 240 млрд долл. США. Причем это лишь официально учтенные суммы денежных трансфертов. Истинный размер учтенных и неучтенных денежных переводов, совершаемых через официальные и неофициальные каналы мигрантами из развивающихся стран, существенно выше. По оценке за 2006 год, общий объем денежных переводов в развивающиеся страны, включая неучтенные трансферты, был на 44% больше учтенных переводов (300 против 208 млрд долл. США по первоначальной оценке, которая впоследствии была увеличена до 221 млрд долл. США). В целом, объем формальных и неформальных трансфертов мигрантов в развивающиеся страны примерно в 3 раза превышает размеры официальной помощи развитию, предоставляемой государствам Азии, Африки и Латинской Америки и составляет около 65% прямых иностранных инвестиций в развивающиеся экономики мира.⁸⁰

Важно и то, что доля трансфертов, направляемых в развивающиеся страны в совокупном объеме денежных переводов быстро возрастает. Если в 1990 г. их удельный вес составлял около 55%, то в начале текущего десятилетия достиг 60%, а в 2007 г. – 75%.⁸¹

Таблица 5.4.1

Основные потоки официальных денежных переводов мигрантов в развивающиеся страны (млрд долл. США)

Год	2002	2003	2004	2005	2006	2007	Прирост 2002-2007
Восточная Азия и Тихоокеанский	29	35	39	47	53	58	97%

Год	2002	2003	2004	2005	2006	2007	Прирост 2002-2007
регион							
Восточная Европа и Центральная Азия	14	17	21	29	35	39	175%
Латинская Америка и страны Карибского бассейна	28	35	41	49	57	60	115%
Ближний Восток и Северная Африка	15	20	23	24	27	28	86%
Южная Азия	24	30	29	33	40	44	81%
Африка южнее Сахары	5	6	8	9	10	11	116%
Все развивающиеся страны	116	144	161	191	221	240	107%

Рассчитано по: www.worldbank.org

В табл. 5.4.1 представлены данные, характеризующие распределение денежных переводов по различным регионам развивающихся стран. По объему получаемых трансфертов продолжают лидировать страны Латинской Америки и Карибского бассейна (25% всех поступлений в 2007 г.), с небольшим отрывом за ними следуют Восточная Азия и Тихоокеанский регион (24%), а также Южная Азия (18%). В то же время темпы прироста объема денежных переводов наиболее высоки в странах Восточной Европы и Центральной Азии (175% прироста за последние 5 лет), а также в Африке южнее Сахары (116%) и Латинской Америке (115%).

Доля денежных средств, переводимых мигрантами из стран Африки южнее Сахары по официальным каналам, хотя и продолжает оставаться незначительной на фоне трансфертов в другие регионы мира, но, все же, имеет тенденцию к росту (4,3% или 5 млрд долл. в 2002 г. и 4,6% или 11 млрд долл. в 2007 г.). Вместе с тем, большинство исследователей сходится в том, что большая часть трансфертов поступает на Африканский континент.

нент неофициально. Для более точной и объективной оценки объема, структуры и основных форм использования денежных переводов африканских мигрантов необходимо охарактеризовать количественную и качественную составляющие африканской миграции в целом.

Всего в 2007 г. общее число африканских эмигрантов составило 32,808 млн человек или 3,7% жителей Африканского континента. При этом в африканских странах с числом жителей менее 1 млн человек средняя доля мигрантов в населении составляла около 20%, т.е. практически половина людей трудоспособного возраста были эмигрантами. В странах же континента с числом жителей более миллиона человек лишь 5% жителей работали за пределами страны проживания.⁸²

По данным IFAD (*International Fund for Agricultural Development*), общий объем денежных переводов африканских мигрантов, как внутри-, так и трансконтинентальных, достиг в 2007 г. 38,611 млрд долларов. Если сравнить эту цифру с данными Всемирного Банка (11 млрд в 2007 г.), то она больше в 3,5 раза. Такая разница в показателях обусловлена двумя факторами. Во-первых, эксперты ВБ не учитывали внутриконтинентальные переводы мигрантов. Как правило, в платежных балансах африканских государств занижены данные именно по внутрирегиональным денежным трансфертам. Во-вторых, специалисты IFAD постарались отразить и неформальные переводы, удельный вес которых во всем потоке трансфертов на континенте достигает, по разным оценкам, от 45 до 70%.⁸³

По данным IFAD, больше всего денег поступило в Североафриканский регион – 17,614 млрд долл. или 45,6% всех трансфертов. На втором месте находятся страны Западной Африки – 10,399 млрд долл. или 27% всех денежных поступлений мигрантов. В Восточную Африку было переведено 5,929 млрд долл. (15,3%), в Центральную Африку – 2,690 млрд долл. (6,9%), а в Южноафриканский регион – 1,979 млрд долл. (5,1%).⁸⁴ Следует сразу отметить, что в страны Северной Африки деньги поступали в основном из-за пределов континента – из стран Евросоюза, США и с Аравийского полуострова. Исклю-

чение в этом потоке составляли денежные трансферты из Ливии в АРЕ, Тунис и Марокко, а также из АРЕ в Судан, но их доля в общем объеме переводов была относительно невелика. Что касается Западной Африки, то тесные социокультурные связи способствуют перемещению рабочей силы между странами в этом субрегионе, поэтому более двух третей трансфертов приходится там на внутрирегиональные потоки: из Кот- д'Ивуара, Гамбии, Ганы и Нигерии деньги поступали в Сенегал, Буркина-Фасо, Бенин, Камерун и другие западноафриканские страны. В регионе Южная Африка деньги переводились из ЮАР и Ботсваны, которые активно привлекают рабочих мигрантов из соседних стран, а также из Европы и Северной Америки. В остальные страны Африканского континента переводы поступали как из африканских государств, так и с других континентов.

Денежные переводы африканских эмигрантов родственникам в страну, которую они временно покинули, приводят к тому, что происходит увеличение объема ВВП в стране эмиграции и его уменьшение в стране иммиграции. Как известно, ВВП отличается от ВВП на сумму доходов от использования ресурсов данной страны за рубежом (переведенная в страну прибыль вложенного за рубежом капитала, имеющейся там собственности, заработная плата граждан, работающих за рубежом за минусом аналогичных вывезенных из страны доходов иностранцев. В некоторых африканских государствах денежные трансферты составляют значительный процент ВВП: в среднем за период 2000–2007 гг. данный показатель в целом по Африке составил 3,5%, а в 2007 г. – уже 5%, что примерно соответствовало размерам этого индикатора по другим развивающимся странам.

Таблица 5.4.2

Объем денежных переводов в страны Африки и их доля в ВВП в 2007 г.

	Млн долл.	% в ВВП		Млн долл.	% в ВВП
Северная Африка					

	Млн долл.	% в ВВП		Млн долл.	% в ВВП
Алжир	5399	4,7	Гана	851	6,6
Египет	3537	3,4	Гвинея	286	8,6
Ливия	134	0,3	Кабо-Верде	391	34,2
Марокко	6116	10,7	Кот-д'Ивуар	282	1,6
Судан	769	2,0	Мавритания	103	3,9
Тунис	1559	5,1	Мали	739	12,5
Всего	17614		Нигер	205	5,8
Восточная Африка			Нигерия	5397	4,7
Бурунди	184	22,8	Сенегал	667	7,5
Замбия	201	1,8	Сьерра-Леоне	168	11,6
Зимбабве	361	7,2	Того	142	6,4
Кения	796	3,8	Всего	10399	
Коморские острова	85	21,1	Центральная Африка		
Маврикий	356	5,5	Ангола	969	2,2
Мадагаскар	316	5,7	Габон	60	0,6
Малави	102	4,6	ДРК	636	7,4
Мозамбик	565	7,4	Камерун	267	1,5
Руанда	149	6,0	Конго	423	5,7
Сомали	790		Чад	137	2,1
Танзания	313	2,4	ЦАР	73	4,9
Уганда	642	6,9	Экваториальная Гвинея	77	0,9
Эритрея	411	37,9	Всего	2690	
Эфиопия	591	4,4	Южная Африка		
Всего	5929		Лесото	355	24,1
Западная Африка			Свазиленд	89	3,4
Бенин	263	5,5	ЮАР	1489	0,6
Буркина-Фасо	507	8,2	Всего	1979	
Гамбия	87	17,0	Вся Африка	38611	5

Составлено: по данным IFAD за 2007 г.

Как видно из табл. 5.4.2, в девяти государствах Африки доля денежных переводов превышает 10% ВВП. Это такие государства, как Эритрея (37,9%), Кабо-Верде (34,2%), Лесото

(24,1%), Бурунди (22,8%), Коморские острова (21,1%), Гамбия (17%), Мали (12,5%), Сьерра-Леоне (11,6%) и Марокко (10,7%). Очевидно, что для первых пяти государств данного списка денежные переводы служат основной структурообразующей частью ВВП и главным источником валютных поступлений в страну.

Что касается абсолютных величин, то по объему получения денежных переводов на Африканском континенте лидируют Марокко (6116 млн долл.), Алжир (5399 млн долл.), Нигерия (5397 млн долл.), АРЕ (3637 млн долл.) и Тунис (1559 млн долл.). Весьма примечательно, что четыре из вышеперечисленных стран относятся к субрегиону Северная Африка, при этом Марокко, лидер по объему денежных трансфертов, и по доле денежных переводов в ВВП занимает девятое место в списке африканских государств. Марокканцы составляют сегодня существенную часть иммигрантской общины во Франции, Испании, Италии и Германии, а деньги, посылаемые ими на родину, служат одним из основных источников поступления иностранной валюты в страну.

Если говорить о средневзвешенных показателях, то в 2007 г. каждый африканец, работающий за пределами страны основного проживания, перевел на родину 1177 долл. США. Денежные переводы в перерасчете на душу населения составили в Африке 44 доллара.

Для нас также существенный интерес представляет вопрос, как денежные переводы африканцев соотносятся с другими финансовыми потоками, поступающими в страны Африки. Удельный вес трансфертов мигрантов по отношению к африканскому экспорту равнялся в 2007 г. 27%.⁸⁵ В том же году официальная помощь развитию Африки (ОПР) составила 38,7 млрд долл. США, то есть примерно равнялась общей сумме денежных переводов – 38,6 млрд долларов. ОПР странам Африки южнее Сахары достигла в том же году 34,2 млрд долл., в то время как общий объем трансфертов мигрантов в страны Тропической Африки не превышал 20,997 млрд, т.е. был примерно в 1,6 раза меньше. Обратная картина наблюдается в Североафриканском

субрегионе. Там в 2007 г. ОПР равнялась 4,5 млрд долл., а объем денежных переводов превысил 17,6 млрд долл.⁸⁶ Что касается прямых иностранных инвестиций (ПИИ), то в 2007 г. Африка получила рекордный объем ПИИ – 53 млрд долл., что было обусловлено сырьевым бумом 2006–2007 гг. Таким образом денежные переводы на Африканский континент достигли в 2007 г. 73% от объема ПИИ. Аналогичное соотношение составило по Североафриканскому субрегиону 78%, а по странам Африки южнее Сахары – 67%.⁸⁷ И хотя до сегодняшнего дня ОПР и ПИИ превышали денежные переводы, последние отличались большей устойчивостью. Относительная стабильность денежных переводов означает, что при прочих равных условиях они потенциально могут облегчить доступ к международному капиталу и уменьшить стоимость его заимствования.

Как сказываются переводы мигрантов на социально-экономическом развитии Африки? На наш взгляд, необходимо рассмотреть воздействие денежных трансфертов на изменение положения домашних хозяйств (микроуровень) и экономики в целом (макроуровень). Денежные трансферты увеличивают средства домашних хозяйств, способствуют росту потребления и оборотного капитала в семьях мигрантов, они обладают эффектом мультипликатора благодаря увеличению расходов получателей переводов. Данные по Египту и Марокко, полученные нами в ходе полевых исследований в этих странах в июне и декабре 2008 г., позволяют прийти к выводу, что переводы носят антициклический характер и помогают сгладить потребление и благосостояние семей мигрантов, особенно небогатых крестьян, которые обычно являются наиболее ущемленной социально-экономической группой.

При этом взаимосвязь между денежными переводами и бедностью не является однонаправленной. Ведь именно бедность и отсутствие экономических возможностей стимулируют сначала миграцию, а, как следствие, и приток денежных переводов. Во время опросов, проведенных нами в Италии в 2006 г. мигранты из Эфиопии, Сенегала и Сомали рассказывали, что деньги на их миграцию собирали целой деревней. При этом денежные пере-

воды этих мигрантов на родине также используются сообща, на нужды всей общины и представляют собой своеобразную «отдачу» на совместные инвестиции в миграцию своего односельчанина. Более бедные домашние хозяйства, среди которых есть работники-мигранты, чаще получают стабильное дополнение к своим доходам из-за границы, что также подтверждает факт взаимосвязи высокого уровня бедности с *большим* объемом денежных переводов. Кроме того, в результате анализа было обнаружено, что даже при учете воздействия бедности на денежные переводы в модели, где бедность и денежные переводы определяются одновременно и эндогенно, снижающий бедность эффект денежных переводов сохраняется.

Межстрановой анализ показывает, что рост объема переводов на 10% на душу населения приводит к снижению доли бедных в стране на 3,5%. По некоторым подсчетам, именно благодаря переводам доля бедных среди населения Египта уменьшилась на 6%, Марокко – на 8%, Уганды – на 11%, Ганы – на 5%, Лесото – на 7%.⁸⁸ Таким образом, денежные переводы мигрантов реально влияют на позитивную трансформацию социальной структуры стран эмиграции, уменьшая низший социальный слой и увеличивая долю среднего класса. Большинство африканских мигрантов, опрошенных нами в ходе полевых исследований в Италии, Испании, Германии и на Мальте⁸⁹, отмечают очень плохое (около 25%) или плохое (почти 50%) материальное положение, которое было у них на родине до миграции. Анализ субъективных оценок мигрантами своего материального положения до и после миграции однозначно говорит о том, что миграция помогла большинству мигрантов поправить свои материальные дела и перебраться из группы с низшим доходом в группу с более высоким доходом. В результате количество людей с «очень плохим» и «плохим» материальным положением уменьшилось в 2,2 раза, причем группа с «очень плохим» положением практически опустела, а группа мигрантов со «средним» материальным положением – значительно выросла.

Хотя денежные переводы используются в значительной своей части на потребление – на покупку еды, одежды, товаров

длительного пользования – определенная их часть расходуется домашними хозяйствами на образование и здравоохранение, т.е. может рассматриваться как вложение в человеческий капитал. В Тунисе и Марокко, например, примерно 20% опрошенных нами семей мигрантов (всего опрошено 167 семей) сказали, что потратят большую часть полученных трансфертов на образование детей. В домохозяйствах Ганы, Нигерии, Судана и Эфиопии, которые получают переводы, дети при рождении отличаются большим весом и лучшими показателями здоровья, чем новорожденные в других домохозяйствах.⁹⁰

Часть средств, полученных семьями мигрантов из-за рубежа или накопленных и привезенных собой самими мигрантами, вкладывается в малый бизнес – в основном, строительный, а также в торговлю, гостиницы и ресторанное дело. На это уходит около примерно 20% суммы всех денежных переводов в Северной и Западной Африке.⁹¹ Например, при возвращении на родину мигранты из Буркина-Фасо инвестируют деньги в экспорт-импорт, транспорт или гостиницы. Большинство крупных отелей в столице страны – Уагадугу – принадлежат людям, жившим долгое время за пределами Буркина-Фасо. Такая же ситуация характерна и в отношении транспортных компаний.⁹² Иными словами денежные переводы становятся источником накоплений и капиталовложений, что, в свою очередь, оказывает стимулирующее воздействие на местную и национальную экономику стран-экспортеров рабочей силы.

Что можно сказать о воздействии денежных переводов на экономический рост стран Африки? Ответ на этот вопрос зависит от того, как домашние хозяйства используют поступающие переводы, какая их доля идет на потребление, а какая на накопление, как миграция сказывается на предложении труда и объеме выпуска продукции внутри страны-донора, а также от того, способствуют ли денежные переводы углублению финансового рынка. По мнению экспертов МВФ С. Гупты, К. Патилло и С. Ваг, которые исследовали ответное предложение труда со стороны домашних хозяйств-получателей денежных переводов, трансферты мигрантов ведут к замедлению экономического

роста, так как сокращают потенциальный рынок труда в странах эмиграции.⁹³ Однако с точки зрения воздействия денежных переводов на инвестиционные каналы, когда трансферты служат заменой доступа к финансированию, либо улучшают его возможности, можно говорить о том, что денежные переводы стимулируют экономический рост. В ряде африканских государств в домашних хозяйствах с невысокими доходами денежные переводы используются в качестве залога лицами, которым нужен начальный капитал для открытия своего малого предприятия и которые прежде не могли прибегнуть к услугам формального финансового сектора. В странах Африки южнее Сахары именно отсутствие доступа большинства населения к формальным банковским услугам тормозит углубление финансового рынка и препятствует развитию малого и среднего бизнеса, на который в африканских государствах возлагаются большие надежды.

Денежные переводы могут способствовать повышению доступности финансирования как для их получателей, так и для самих мигрантов. Доступ к банковским счетам для мигрантов и их семей, оставшихся на родине, не только дает им возможность использовать более дешевые и безопасные каналы для денежных переводов, но также позволяет сэкономить больше средств. Банки, частные фирмы и микрофинансовые институты в АРЕ, Марокко, Тунисе, Эфиопии, Гане уже предлагают потребительские и ипотечные кредиты под залог денежных переводов, а также другие продукты микрокредитования.

Денежные трансферты позволяют повысить доступ не только к внутренним национальным, но и к международным финансам в странах-источниках миграции. Использование крупными банками в некоторых странах (например, в АРЕ или в Марокко) переводов в иностранной валюте в качестве залога позволяет им выпускать международные облигации по более низким процентным ставкам и с более длительным сроком погашения. Доходы страны-экспортера рабочей силы далеко не ограничиваются переводами эмигрантов из-за рубежа, хотя они и составляют их основную долю. В числе прочих доходов, которые увели-

чивают совокупный ВВП и благоприятно сказываются на платежном балансе, – налоги, накладываемые на фирмы по трудоустройству за рубежом, прямые и портфельные инвестиции мигрантов в экономику родной страны, сокращение расходов на обучение, здравоохранение и других расходов социального характера, которые покрываются для мигрантов другими странами. Возвращаясь на родину, мигранты, по некоторым оценкам, привозят с собой столько же накоплений, сколько ими было переведено через банки.

Однако, как и в случае любой другой формы внешних финансовых потоков, трансферты мигрантов создают риск повышения реального обменного курса и могут нанести ущерб конкурентоспособности экспорта страны-получателя, что всегда необходимо учитывать при формировании экономической политики государства.

Конечно, денежные переводы, особенно те, которые посылают квалифицированные работники-мигранты, связаны с «утечкой мозгов». По данным МОТ в среднем более 20% населения стран Африки в возрасте старше 15 лет, имеющих образование выше среднего, работает в странах ОЭСР, тогда как в другом регионе эмиграции – Южной Азии – данный показатель не превышает 10%.⁹⁴ Эксперты Всемирного Банка полагают, что в период 1960–2005 гг. из Африки эмигрировали более полумиллиона специалистов разного профиля (30% высококвалифицированных работников)⁹⁵. Несмотря на то, что доля квалифицированных кадров в общей численности рабочей силы к югу от Сахары не превышает 4%, на этих трудящихся приходится более 40% мигрантов. Уровень миграции квалифицированных кадров в пяти африканских странах превышает 50%, в том числе в Кабо-Верде – 67,5%, в Гамбии – 63,3%, на Сейшельских островах – 55,9%, на Маврикии – 56,2% и в Сьерра-Леоне – 52,5%.⁹⁶ На западном и восточном побережьях Африки очень высокий уровень миграции квалифицированных кадров (более 30%) наблюдается в Гане, Мозамбике, Кении, Уганде, Анголе и Сомали. По данным ООН, в период с 2000 по 2006 г. из Африки в Великобританию переехали 20000 медицинских

сестер. Из 600 врачей, подготовленных в Замбии, всего 50 практикуют на родине, а только в одном английском городе Манчестере докторов из Малави больше, чем во всей этой африканской стране.⁹⁷ И это не удивительно, поскольку разница в оплате труда составляет в среднем 30–40 раз. Отъезд высококвалифицированных специалистов является большой потерей для самих африканских государств. Сегодня страны Африки, по существу, дополнительно субсидируют развитие и без того богатых западных стран, избавляя их от дорогостоящей задачи готовить национальные кадры в тех масштабах, которые им необходимы. Реальные потери африканских государств от утечки квалифицированных кадров достигают десятков миллиардов долларов. Однако некоторые аналитики полагают, что возможность получения более высокой заработной платы за границей в действительности приводит к росту предложения на квалифицированных работников в самих африканских государствах, в частности на медицинских работников и инженеров. Более того, приобретя опыт работы за рубежом и повысив свою квалификацию, мигранты привозят этот опыт домой, в результате чего страна бесплатно получает дополнительные квалификационные кадры.

Хотя денежные переводы могут облегчать выход домашних хозяйств на формальные финансовые рынки, в случае Африки лишь небольшая их часть попадает в формальный сектор. Объясняется это, прежде всего, тем, что официальные переводы имеют один существенный недостаток, их оплата нередко превышает 20% от величины переводимой суммы. Именно по таким расценкам работает, например, известная межбанковская система Western Union и другие крупные операторы денежных переводов. Поэтому мигранты активно используют неофициальные системы переводов, в которых оплата существенно ниже и составляет примерно 0,25–1,25% от общей суммы. К тому же, даже если у мигрантов есть официальный доступ к банкам в стране пребывания, то у получателя такого доступа может и не быть. Наконец, значительная часть мигрантов из Африки – нелегалы, которые предпочитают не иметь никакого дела с офи-

циальными институтами, в том числе и финансовыми. Еще одной причиной ограниченного использования формальных каналов перевода служит тот факт, что количество операторов денежных переводов (ОДП) весьма ограничено. Так, например, в Западной Африке 70% трансфертов проходят всего через одного ОДП, который является монополистом⁹⁸ и устанавливает высокую оплату за услугу перевода денег. В итоге многие мигранты чаще прибегают к посредничеству импортно-экспортных фирм и магазинов и торговцев наличной валютой, которые не ведут учета своих операций. Другой, полуофициальный или неформальный метод состоит в том, чтобы доверять деньги другу, родственнику или знакомому, которые возвращаются в страну и берут на себя обязательство передать деньги нужному получателю. Некоторые из этих денег никогда не доходят до получателя. Эти перевозчики денег по пути подвергаются кражам, они должны давать многочисленные взятки представителям власти (полицейские посты, проверки, таможни, жандармы, разного рода военные, систематические обыски, конфискации документов, которые обратно нужно выкупить). В Западной Африке для внутрорегиональных мигрантов весьма распространенным способом служит передача денег через водителей грузовиков. Наконец, мигранты сами могут привезти заработанные средства во время своих визитов домой. Но наиболее распространенной и значимой системой неофициальных денежных переводов служит в последние годы хавала. Строго говоря, то, что в современной литературе именуется единым термином «хавала», на самом деле представляет собой огромное многообразие реальных путей неформального денежного трансферта, в основе которых лежит простая, основанная на взаимном доверии «протосхема», из которой выросли столь различные и общепринятые сегодня финансовые инструменты как вексель и аккредитив.

Хавала – это быстрый, высокоэкономичный и надежный перевод денег мигрантов во всемирном масштабе, особенно для людей с низкими доходами. Понять привлекательность хавалы легче, исследуя отдельную передачу в ее рамках. Так, имми-

грант из Буркина-Фасо заплатил часть пересылаемой суммы хаваладару в Кот-д'Ивуаре. В течение суток денежный перевод мигранта будет доставлен хаваладером из Буркина-Фасо в его родную деревню, где получатель должен назвать код, переданный ему родственником-мигрантом, например, по мобильному телефону. Все это выглядит так, как будто «деньги» просто погружаются на одной стороне границы и без каких-либо осложнений выныривают с другой ее стороны. В случае переводов мигрантов родство, этнические связи и личные отношения между хаваладаром и мигрантом делают эту систему более удобной и привычной. Гибкий режим работы и близость хаваладара ценятся мигрантским сообществом. Многие сообщества мигрантов являются исключительно мужскими. Жены и другие члены семьи остаются в родной стране, где традиционно поддерживают минимальные контакты с внешним миром. Хаваладар, которому доверяют, известный в деревне и знакомый с кодексом поведения, является приемлемым посредником, защищающим женщин от прямых деловых контактов с банками и другими агентами.

И развитые, и развивающиеся страны заинтересованы в формировании эффективных систем денежных переводов мигрантов, которые бы вовлекли в свой оборот те средства, которые сейчас идут по неофициальным каналам. Это касается как частного банковского сектора, так и государств, и самих мигрантов.

Во-первых, речь идет об экономической выгоде для стран выхода и назначения. Пока доминирующие на глобальном рынке финансовые системы, такие как Western Union, явно оказываются невыгодными для мигрантов.

Во-вторых, все более очевидной становится связь различных международных финансовых транзакций с вопросами национальной и личной безопасности. На этой почве много как реальных опасностей, так и спекуляций для получения политических дивидендов и пропаганды экстремистских идей. С увеличением числа мигрантов, миграция и все, что с нею связано, все теснее соотносится в общественном сознании с угрозами

криминогенного характера, и в первую очередь с угрозой терроризма. Возможность использования каналов перевода денег мигрантов для финансирования терроризма связана с рядом причин. Даже в случае перевода денег по официальным каналам, большая численность мигрантов и высокая частота переводов затрудняют контроль за ними со стороны соответствующих органов. Деньги мигрантов поступают их родственникам, и проследить их дальнейшее использование не представляется возможным. Суммы, переводимые мигрантом, как правило, небольшие, что также затрудняет контроль за их использованием со стороны как финансовых, так и правоохранительных органов. Здесь срабатывает схема, сходная с той, которая используется при отмывании денег: пересылка небольших сумм по различным банковским адресам. К тому же большая часть денег мигрантов все еще переводится по неофициальным каналам, к которым прибегают как нелегальные, так и значительная часть легальных мигрантов, пытающихся экономить на издержках по оплате переводов. В этом случае контроль за использованием этих средств практически невозможен. Поскольку значительную часть мигрантов составляют нелегалы, их положение бывает крайне уязвимым. В этих условиях, используя факторы давления и запугивания, существует возможность их вовлечения в противоправные действия, в том числе для переправки с их помощью денежных средств, которые в дальнейшем могут быть использованы в преступных целях. В ходе миграции происходит формирование так называемых «иноземных» этнических анклавов, которые носят все более закрытый характер, игнорируют законы страны размещения и оказывают давление на членов своей общины, требуя подчинения и выполнения соответствующих обязательств, в том числе и финансовых.

Вот почему так важно способствовать перемещению основных потоков денежных переводов в официальное русло.

Правительства стран происхождения мигрантов прилагают значительные усилия к тому, чтобы стимулировать национальные банки к активному участию в бизнесе денежных переводов за счет открытия зарубежных филиалов в развитых странах и

введения на законодательном уровне особых условий обслуживания соотечественников, живущих за рубежом. Приобщаясь к цивилизованным формам денежных операций через услуги по пересылке денег, мигранты будут скорее предъявлять спрос на другие возможные финансовые услуги (кредитование, страхование, операции с ценными бумагами и т.п.). В конечном итоге это может стимулировать более активные формы использования полученных за рубежом доходов на родине – переход к более прогрессивным и цивилизованным формам потребления, а затем и к инвестированию капиталов.

Инновации в финансовой сфере являются ключевым инструментом привлечения денежных переводов в официальную финансовую систему и, прежде всего, в банки, а это означает рост их возможностей в финансировании реальной экономики. Недавно телефонные операторы, имеющие сети более чем в 100 странах, объявили о том, что они смогут предоставить своим клиентам возможность посылать деньги домой, используя форму простого текстового сообщения. Если у получателей денег нет банковского счета, перечисленная сумма может быть преобразована в предоплаченную дебетовую карту, которая может напрямую использоваться для совершения покупок. Наиболее выгодно применять эти технические новшества там, где сети розничных банковских услуг развиты недостаточно. Недавно южноафриканский банк *First Rand Bank* приобрел компанию *Celpay* – поставщика банковских услуг через сотовые телефоны для осуществления подобных операций в Замбии, ДРК и Нигерии.⁹⁹

Многие корпорации разрабатывают стратегию бизнеса, ориентирующуюся на денежные переводы. Например, создана новая ниша для бизнеса. Она возникла благодаря тому, что мигранты платят транснациональным фирмам за товары длительного пользования с прямой поставкой их родственникам и партнерам в странах происхождения.

Некоторые африканские страны для привлечения средств мигрантов и регулирования денежных потоков используют особые финансовые инструменты, такие как суверенные облигации

для диаспоры, выпущенные в начале 50-х годов Израилем для своей американской общины, а впоследствии и другими странами – Ливией, Марокко, Ливаном, Пакистаном и Филиппинами. Будущие потоки денежных переводов мигрантов используются многими африканскими странами в качестве гарантии при получении заемных средств на международном рынке ссудного капитала путем выпуска облигаций, обеспечиваемых денежными переводами.

Предварительные оценки показывают, что страны Африки южнее Сахары могут получать ежегодно до 3 млрд долл. США за счет сокращения стоимости международных переводов мигрантов, до 10 млрд долл. – за счет выпуска облигаций для зарубежной диаспоры и 17 млрд долл. США за счет секьюризации будущих переводов и других поступлений. Все эти механизмы могут быть использованы для накопления средств на различные проекты, например на строительство жилья для малообеспеченных слоев населения или развитие производственной и социальной инфраструктуры и предприятий малого бизнеса.¹⁰⁰

Итак, денежные переводы африканских мигрантов на родину за последние 10–15 лет имели постоянную тенденцию к росту, служили одним из важнейших источников валютных поступлений значительного числа африканских государств и оказывали глубокое, хотя и неоднозначное влияние на социально-экономическое развитие стран Африки. Интеграция домашних хозяйств-получателей переводов в формальный финансовый сектор – лишь первый шаг на пути к их наиболее эффективному использованию. Несмотря на то, что значительная часть денежных средств, получаемых из-за рубежа, используется на потребительские нужды, так называемая «сберегательная» часть трансфертов растет и достигает в некоторых случаях 40%.¹⁰¹ Поэтому задача хозяйственных органов – заставить работать эти сбережения в интересах национальной экономики в качестве инвестиций. Это особенно актуально в условиях разразившегося в 2008 г. мирового финансового кризиса. Как показывают предварительные данные обследования денежных трансфертов из европейских стран в Африку, в самом начале кризиса – в

сентябре-ноябре – поток переводов не только не уменьшился, но даже возрос.¹⁰² Это связано с тем, что многие мигранты закрыли свои счета в банках стран пребывания и тем или иным способом постарались переправить деньги на родину. По нашим оценкам, объем средств, переведенных африканцами на родину в 2008 г. должен стать рекордным. Однако в среднесрочной перспективе в условиях кризиса приток мигрантов из развивающихся стран в развитые государства должен сократиться, а значит, сократится и масштаб денежных переводов. В этих условиях африканским государствам важно оптимально использовать средства, накопленные и переведенные мигрантами в предыдущие успешные годы. Именно денежные переводы могут способствовать смягчению текущих бюджетных ограничений как домашних хозяйств, так и народного хозяйства в целом. А обширный и пока еще неосвоенный рынок денежных переводов открывает перед держателями мелких сбережений возможность начать свое вхождение в формальный финансовый сектор, открыть свое собственное дело и тем самым дать новый стимул к развитию национальной экономики как на микро, так и на макроуровнях.

* * *

Говоря об особенностях миграции в эпоху глобализации, следует выделить два основных момента. С одной стороны, наблюдается концентрация квалифицированных кадров в наиболее интенсивно развивающихся странах, регионах, секторах, и, соответственно, их дальнейшая «элитизация»; но при этом легальная миграция все более перерастает в нелегальную. Таким образом, одна категория иностранной рабочей силы в рамках мирового рынка труда заменяется другой – более дешёвой, управляемой и незащищенной, попадающей в страну «через чёрный ход». К последней, в значительной степени, можно отнести африканских мигрантов.

С другой стороны изменяются функции миграции. К традиционным экономическим функциям миграции таким, как: обеспечение количественного и качественного соответствия между

спросом и предложением рабочей силы, достижение необходимого уровня территориальной мобильности; повышение производительности труда и пр. миграция выполняет новые экономические, социальные, культурные и политические функции, такие как: смягчение асимметрии современного мира; борьба с бедностью и отсталостью; обеспечение гарантий получения заемных средств странами происхождения на международном рынке ссудного капитала; содействие инвестициям; совершенствование мировой финансовой архитектуры; создание условий для развития торговли, туризма; втягивание стран происхождения в сферу глобальных процессов. Многие страны, в первую очередь, африканские, прорываются в глобальную экономику именно благодаря мигрантам.

На нынешнем этапе развития экономики международная трудовая миграция превратилась из временного явления в структурный элемент экономики большинства стран мира, стала неотъемлемой частью современной системы мирового хозяйства. При проведении сбалансированной макроэкономической политики она способна обеспечить возможность устойчивого развития для стран-реципиентов, доноров и всего мирового хозяйства в посткризисном мире.

¹ Hicks R. *The Theory of Wages*. L., 1932. P. 12.

² Greenwood Michael J. "Internal Migration in Developed Countries" in Mark R. Rosenzweig and Oded Stark, editors, *Handbook of Population and Family Economics*, Volume 1B. Amsterdam: Elsevier, 1997. P. 647-720.

³ Brueckner Jan K. "Welfare Reform and the Race to the Bottom: Theory and Evidence," *Southern Economic Journal* 66 (January 2000): 505-525.

⁴ Здесь мы абстрагируемся от неэкономических факторов миграции, таких, например, как войны, конфликты, диктаторские режимы и ряд других

⁵ Mincer Jacob. "Family Migration Decisions," *Journal of Political Economy* 86 (October 1978): 749-773.

⁶ См.: *Абрамова И.О.* Африканская миграция: опыт системного анализа. М., 2009. С. 260-281.

⁷ *Borjas George J.* "The Economics of Immigration," *Journal of Economic Literature* 32 (December 1994): 1667-1717.

⁸ *Borjas George J.* "The Economic Benefits from Immigration," *Journal of Economic Perspectives* 9 (Spring 1995): 3-22.

⁹ Иначе обстоит дело с «виртуальной миграцией». Аутсорсинг, представляющий собой «миграцию рабочих мест», ведёт к сокращению именно в сегменте традиционной занятости местного населения. В то же время, страны, использующие аутсорсинг бизнес-процессов, получают преимущества в экономическом росте и создании новых рабочих мест.

¹⁰ *Ratha D.* Workers' Remittances: an Important and Stable Source of External Development Finance //Global Development Finance. – Wash. DC: WB, 2003.

¹¹ *C. Keeton Strayhorn.* Undocumented Immigrants in Texas: A Financial Analysis of the Impact to the State Budget and Economy/ Special Report. Texas, Dec.2006., Exhibit 18. P. 20.

¹² International Monetary Fund, Balance of Payments Statistics Yearbook, 2007. Washington, DC

¹³ Human Development Report 2009. U.N. 2009. P.6.

¹⁴ Ibid. P. 7.

¹⁵ www.unfpa.org/modules/briefkit/English/ch05.html

¹⁶ www.worldbank.org

¹⁷ Africa Renewal. United Nations Department of Public Information. N.Y. Vol. 21, No. 4, January 2008, P.16.

¹⁸ www.ilo.org

¹⁹ Global Economic Prospects. Economic Implications of Remittances and Migration. The World Bank. Wash., 2006, P. 6

²⁰ Stalker P. Workers without frontiers: The impact of globalization on international migration. – N.Y., 2000. P. 59.

²¹ Human Rights Watch World Report. 2008. Africa: overview.– <http://www.hrw.org/wr.Africa.html>.

²² www.ifad.org/events/remittances

²³ *Потемкин Ю.В.* Миграции в Африке/ Страны Африки 2002. М., 2002. С. 60-62.

²⁴ www.sas.upenn.edu/African_Studies/Country_Specific/Benin.html

²⁵ <http://www.hrw.org/wr.Africa>

-
- ²⁶ www.sas.upenn.edu/African_Studies/Country_Specific/Burkina.html
- ²⁷ Ibid.
- ²⁸ www.sas.upenn.edu/African_Studies/Country_Specific/Nigeria.html
- ²⁹ *Stalker P.* Op.cit. P. 236.
- ³⁰ International migration policies. P. 154.
- ³¹ www.gov.bw
- ³² www.libia-olafur.com
- ³³ www.edt.it/lonelyplanet/microguide/text/054/
- ³⁴ www.indexmundi.com/es/libia/
- ³⁵ C. de Wenden. *L'immigration en Europe.* P., 1999. P. 32.
- ³⁶ www.ilo.org
- ³⁷ По данным VII Европейской региональной встречи МОТ (Будапешт, 14-18 февраля 2005 г.)
- ³⁸ *Regional Challenges of West African Migration. African and European Perspectives.* OECD. 2009, P. 107.
- ³⁹ http://stats.oecd.org/wbos/Index.aspx?DataSetCode=DIOC_OCCUPATION_DET
- ⁴⁰ Рассчитано нами по: http://stats.oecd.org/wbos/Index.aspx?DataSetCode=DIOC_OCCUPATION_DET
- ⁴¹ Рассчитано по предыдущим данным
- ⁴² www.wdsbeta.worldbank.org
- ⁴³ *Global Economic Prospects. Economic Implications of Remittances and Migration.* The World Bank. Wash., 2006, P. 91.
- ⁴⁴ Ibid. P.97.
- ⁴⁵ *Global Economic Prospects. Economic Implications of Remittances and Migration.* The World Bank. Wash., 2006, P. 78.
- ⁴⁶ Исследования проводились в рамках гранта РФНФ № 06-02-0283а «Миграционные потоки Юг-Север: уроки для России». Всего опрошено 308 мужчин и 124 женщины в возрастной категории от 20 до 25 лет. Страны происхождения – Марокко, Тунис, Египет, Сенегал, Нигерия, Эфиопия, Гана.
- ⁴⁷ www.un.org/apps/news/story.asp?NewsID=186993&Cr=educat&Cr1
- ⁴⁸ *Open Doors.* (2008). Report for International Educational Exchange. N.Y. 2008. P. 23.
- ⁴⁹ http://stats.oecd.org/wbos/Index.aspx?DataSetCode=DIOC_OCCUPATION_DET
- ⁵⁰ Рассчитано нами по: www.unesco.org; www.oecd.org
- ⁵¹ *Department of Education. HEMIS Data, South Africa (June 2008).*

⁵² *Said M.E., Kamel M.M.* Egypt. Chapter in African Higher Education: the International Dimension. Cairo, 2008. P. 89.

⁵³ Human Development Report 2009. U.N. 2009. P. 68.

⁵⁴ Exploitation and Abuse of Children Migrants Workers. Booklet 4. ILO, 2004. P. 15-16.

⁵⁵ www.worldbank.org/womenmigration

⁵⁶ Данные Всемирного Банка, www.worldbank.org/womenmigration

⁵⁷ www.worldbank.org

⁵⁸ В Анголе, например, по оценкам, в 1997 г. их число превышало 1,2 млн при всем населении 12,2 млн; в Либерии многолетняя гражданская война, продолжавшаяся до 1997 г., нередко ставила в такое положение треть населения; в Сомали внутренняя миграция порой охватывала до 3/4 населения (Africa South of the Sahara. 2001. L., 2000. P. 163, 659, 1024).

⁵⁹ C.de Wenden. L'immigration en Europe. P., 1999. P. 68.

⁶⁰ УВКБ ООН за 2008 год, <http://www.unhcr.org/cgi-bin/texis/vtx/home>

⁶¹ International Organization for Migration (2007) World Migration 2006: Managing Migration, Challenges and Responses for People on the Move. IOM

⁶² <http://news.bbc.co.uk/2/hi/europe/6228236.stm>

⁶³ <http://www.ru.nl/socgeo/html/files/migration/migration5.pdf>

⁶⁴ <http://news.bbc.co.uk/2/hi/europe/6228236.stm>

⁶⁵ UNDP (2007) Human Development Report 2007. United Nations Development Programme.

⁶⁶ http://news.bbc.co.uk/hi/russian/news/newsid_4295000/4295750.stm

⁶⁷ www.map.ma/eng/sections/imp_general/security_forces_arre3411/view

⁶⁸ www.timesofmalta.com/core/article.php?id=267628&hilite=illegal+migrants

⁶⁹ Hassen Boubakri. Transit migration between Tunisia, Libya and Sub-Saharan Africa: study based on Greater Tunis. 2004, Council of Europe (<http://www.coe.int/>).

⁷⁰ Ibidem.

⁷¹ BBC, «Egyptians risking all to enter Europe», 2/07/2007

⁷² David van Moppes, (2006), «The African Migration Movement: Routes to Europe», 17/05/2007

⁷³ International Migration Report 2006: A Global Assessment. United Nations. N.Y., 2009. P. 24.

⁷⁴ Ibid. P. 5.

⁷⁵ Подробнее см.: *Абрамова И.О., Фитуни Л.Л., Сапунов А.Л.* «Возникающие» и «несостоявшиеся» государства в мировой экономике и политике. М., 2007.

⁷⁶ www.imo.org

⁷⁷ <http://www.theatlantic.com/magazine/archive/1994/02/the-coming-anarchy/4670/>

⁷⁸ IMF. Balance of Payment Manual, 5 ed., 1995, Wash., DC. P. 75, 82, 84.

⁷⁹ www.worldbank.org/prospects/migrationandremittances

⁸⁰ *Dilip Ratha.* Leveraging Remittances for Development. Wash., 2007. P. 8.

⁸¹ <http://migration.ucdavis.edu/Data/remit.on.www/remittances.html>

⁸² www.ifad.org/events/remittances

⁸³ См., например: *Azam P., Gubert F.* Migrants' Remittances and the Household in Africa: A Review of Evidence//Journal of African Economies. 2006. V. 15, Issue 2, P. 426-462; *Konseiga A.* New Patterns in Human Migration in West Africa. Bonn, Center for Development Research. 2005.

⁸⁴ Рассчитано нами по www.ifad.org/events/remittances

⁸⁵ Рассчитано нами по данным IFAD и World Bank за 2007 г.

⁸⁶ Рассчитано по предыдущим данным и по www.oecd/dac/stats

⁸⁷ Рассчитано по предыдущим данным и по www.unctad.org

⁸⁸ www.worldbank.org/prospects/migrationandremittances

⁸⁹ Опросы проводились в 2005-2008 гг. Всего опрошено 316 мужчин в возрастной категории от 25 до 35 лет, работающих на крупных промышленных предприятиях, в строительстве или в сфере услуг европейских стран. Страны происхождения – Марокко, Тунис, Египет, Сенегал, Нигерия, Эфиопия, Гана.

⁹⁰ www.entrepreneurnewsonline.com/2007/08/diaspora_remitt.html

⁹¹ *Azam P., Gubert F.* Migrants' Remittances and the Household in Africa... P. 437.

⁹² *Mutume G.* African Migration: from Tensions to Solutions//Africa Renewal. Vol. 19, No. 4. January 2006. P.16.

⁹³ *Гунта С., Патилло К., Ваг С.* Как заставить работать денежные переводы в Африке//Финансы и развитие. Июнь 2007. С. 41-42.

⁹⁴ www.ilo.org

⁹⁵ www.wdsbeta.worldbank.org

⁹⁶ Global Economic Prospects. Economic Implications of Remittances and Migration. The World Bank. Wash., 2006, P. 91

⁹⁷ www.iom.int

⁹⁸ www.ifad.org

⁹⁹ www.mediaclubsouthafrica.com

¹⁰⁰ www.worldbank.org/prospects/migrationandremittances

¹⁰¹ Global Economic Prospects. Economic Implications of Remittances and Migration. The World Bank. Wash., 2006, P. 124.

¹⁰² www.alernet.org/thenews/

Глава 6

Трудовые ресурсы Африки: динамика и качественные сдвиги

6.1. Современное состояние мирового рынка трудовых ресурсов

В отечественной науке существуют различные определения рынка труда. Одни исследователи трактуют его, например, как куплю-продажу рабочей силы, другие – как куплю-продажу рабочей силы и рабочих мест, третьи – как совокупность учреждений и организаций, занимающихся вопросами занятости и трудоустройства, профессиональной подготовки и переподготовки кадров. Нередко понятия рынка труда и занятости рассматриваются как тождественные. Во всех этих определениях отсутствует главное свойство рынка труда, а именно то, что здесь формируется спрос и предложение рабочей силы. В этой связи наиболее адекватным, на наш взгляд, является следующее определение: рынок труда – это динамичная система, в которой на основе взаимодействия субъектов рынка труда происходит формирование спроса и предложения рабочей силы¹.

На динамику спроса и предложения рабочей силы влияет совокупность факторов экономического, социального и демографического характера, что связано с особенностями потребительских свойств этого товара. Его реализация не может быть отложена на долгосрочную перспективу, ибо затрагивает жизненные интересы его владельцев. Рабочая сила не может быть в значительных объемах перемещена в пространстве в иные, более выгодные экономические условия. Наконец, общество не в

состоянии в полной мере контролировать процесс воспроизводства населения, в силу чего предложение рабочей силы носит дискретный характер. Само формирование и функционирование рынка труда решающим образом зависит от состояния и развития экономики страны (региона). В связи с этим представляется необходимым рассмотреть количественные и качественные характеристики африканского рынка труда (уровни, характер и динамику занятости и безработицы, связь с бедностью и т.п.) в период его формирования.

Продолжающаяся глобализация рынка труда привлекает все большее внимание как политиков и бизнесменов, так и специалистов-исследователей. При этом все они задаются вопросом, какое влияние оказывает быстро растущая армия рабочей силы из стран с формирующимися рынками на оплату труда и занятость в странах с развитой экономикой.

В данной главе мы попытаемся дать наше видение и интерпретацию этих проблем. Хотя главным объектом исследования данной монографии является африканская экономика, мы сочли не просто допустимым, но крайне важным для полноценного понимания происходящих в ней процессов применить широкий подход, дающий более полную картину происходящего в глобальном контексте. При этом нам представляется необходимым не просто описать «картинку» происходящего, но и раскрыть механизм «передачи воздействия», ведущий к трансформации действующей глобальной модели движения и использования трудовых ресурсов и вызреванию новой. Речь идет о новых процессах внутри таких известных явлений мировой экономики, как конкурирующий импорт готовой продукции, перевод производства промежуточной продукции в офшорные зоны и иммиграция.

В контексте нашего исследования одним из ключевых является вопрос о том, насколько быстро растет глобальное предложение рабочей силы, и каковы конкретные проявления глобализации рынка труда? В какой мере последние тенденции в динамике соотношения различных видов труда и оплаты труда в странах с развитой экономикой могут быть обусловлены ме-

нящимся глобальным предложением рабочей силы, технологическими изменениями и реформами рынков труда? Наблюдались ли различия в воздействии на мировой рынок труда между отраслями, ориентированными преимущественно на квалифицированную или неквалифицированную рабочую силу? И, наконец, какие политические решения могут помочь странам с развитой и развивающейся экономикой решить проблемы, связанные с дальнейшей глобализацией рынка труда?

Рынки труда во всем мире продолжают испытывать воздействие глобализации и быстро развивающегося технического прогресса. Эти перемены сопровождаются появлением серьезных проблем, однако меняющаяся экономическая среда создает и дополнительные возможности для тех людей, которые стремятся улучшить свою жизнь. Анализ последствий мирового финансово-экономического кризиса 2007–2010 гг. позволяет прийти к выводу, что потрясения в одном экономически сильном регионе (а именно, в развитых странах и государствах ЕС, и прежде всего в Соединенных Штатах), в отличие от предыдущих кризисов мировой экономики, хотя и оказывают влияние на другие страны, в частности те, которые относятся к категории формирующихся рынков, однако характер этого влияния не имеет линейного характера. Это можно объяснить возросшей экономической мощью новых игроков на мировом рынке, их меньшей зависимостью друг от друга, а также укреплением региональных связей и, в связи с этим, усилением самостоятельности. Тем не менее, необходимо самым внимательным образом следить за факторами, способными представлять опасность для мировой экономики в ближайшие годы, поскольку до сих пор нет однозначного ответа на вопрос, каким образом рынки труда во всем мире отреагируют даже на небольшое замедление темпов роста или на возможную неопределенность в развитии.

В последние годы усилилась интеграция всех регионов в мировую экономику, а экономические позиции ряда развивающихся стран усилились. Даже беднейшие регионы мира становятся более активными участниками международного рынка, что в значительной мере отражается и на их собственных рын-

ках труда. Многие исследователи и политики высказываются весьма оптимистично даже об экономическом прогрессе в странах Африки южнее Сахары. Тем не менее, как показывают результаты нашего анализа, в мире все еще существует огромный дефицит так называемого «достойного труда», т.е. труда, позволяющего обеспечить средний уровень жизни. Если вспомнить, что пятеро из каждых десяти человек на планете относятся к категории незащищенных занятых², а четверо из десяти живут вместе со своими семьями в бедности, несмотря на то, что работают³, то те трудности и проблемы, которые предстоит преодолеть мировому сообществу в этом направлении, кажутся весьма значительными. Основной парадокс общественного развития заключается в том, что экономический рост не приводит автоматически к прогрессу в сфере труда. Для того чтобы экономический рост приносил пользу всем слоям населения и не усиливал неравенство, требуется активное вмешательство государства и принятие превентивных решений, способствующих тому, чтобы меры в области рынка труда заняли центральное место в стратегии развития и в макроэкономической политике. Иными словами, экономическое развитие станет устойчивым только в том случае, если страны будут использовать свои рынки труда так, чтобы рост экономики оборачивался на пользу не отдельным социальным прослойкам, а всему населению. Только в этом случае – в условиях обеспечения полной и производительной занятости и достойного труда для всех – можно будет говорить о сокращении масштабов нищеты и повышении уровня жизни мирового населения.

Для анализа тенденций развития мирового рынка труда, на наш взгляд, следует достаточно подробно остановиться на докризисном десятилетии, так как именно в этот период воздействие глобализации было наиболее ощутимым, а количественные и качественные показатели рынка трудовых ресурсов еще не подверглись основательной ломке вследствие мирового финансово-экономического кризиса.

За последние два десятилетия глобальный рынок рабочей силы фактически увеличился в четыре раза. В 2007 г. во всем

мире все еще сохранялись достаточно высокие темпы роста мирового ВВП – 5,2%.⁴, которые обеспечивали стабильность глобального рынка труда и рост числа занятых: в 2007 г. работу имели 3,0 млрд людей в возрасте от 15 лет и старше, т.е. прирост составил 1,6% по сравнению с предшествовавшим годом и 17,4% по сравнению с 1997 годом.⁵ Из более чем 45 млн новых рабочих мест, созданных в период 2006–2007 гг., 28% приходилось на Южную Азию, 21% – на Африку, 16% – на Восточную Азию и лишь 4% – на развитые экономики. Иными словами, сегодня более 90% мирового прироста трудовых ресурсов приходится на страны Азии, Африки и Латинской Америки. Уровень производительности повысился больше, чем уровень занятости, что также повторяет тенденцию предыдущих лет. Общая численность безработных составила в 2007 г. 189,9 млн чел., лишь ненамного увеличившись по сравнению с 2006 годом. Уровень безработицы во всем мире остался прежним – 6,0%.

Проблемы, связанные с рациональным и эффективным использованием трудовых ресурсов, остались практически теми же. Речь идет не только о довольно слабом влиянии экономического роста на процесс создания рабочих мест. В 2007 г. в мире по-прежнему насчитывалось 486,7 млн трудящихся, которые зарабатывали недостаточно для того, чтобы они сами и их семьи могли выбраться за черту бедности в 1 долл. США в день, а 1,3 млрд занятых были не способны преодолеть порог бедности в 2 долл. США в день. Другими словами, из каждых десяти работников четверо продолжали жить в бедности, несмотря на то, что имели работу.

Обратимся теперь к такому показателю, как доля занятых в общей численности населения трудоспособного возраста (15 лет и старше), который называется также коэффициентом занятости. За период с 1997 по 2007 гг. данный индикатор во всем мире в целом незначительно уменьшился. В 2007 г. он составил 61,7%, что почти на 1% меньше, чем в 1997 г. Самым высоким данный показатель был в Восточной Азии – 74,9% в 1997 г. и 71,9% в 2007 г., а самым низким – в государствах Северной Африки – 43,7% в 1997 г. и 45,3% в 2007 г. Среди молодежи (в воз-

расте от 15 до 24 лет) коэффициент занятости снизился существенно: с 50,6% в 1997 г. до 47,8% в 2007 г. Отчасти такое снижение можно объяснить возросшей долей учащейся молодежи. Однако в некоторых регионах данному снижению способствует также все большее распространение среди молодых людей такого явления, как потеря надежды на трудоустройство. Зачастую, именно молодым людям, впервые выходящим на рынок труда, наиболее сложно найти работу. При этом самый низкий процент занятых среди молодежи также характерен для государств Северной Африки – 28,9% в 1997 г. и 27,4% в 2007 г., а самый высокий – для стран Восточной Азии – 68,3 и 63% соответственно.

Продолжает сохраняться и разрыв в сфере занятости между мужчинами и женщинами: в 2007 г. доля занятых среди женщин трудоспособного возраста не превышала 49,1% (49,5% в 1997 г.), а аналогичный показатель среди мужчин составил 74,3% (75,7% в 1997 г.). Весьма примечательно, что как и в ситуации с молодежью, самые высокие показатели женской занятости характерны для государств Восточной Азии (68,7% в 1997 г. и 65,2% в 2007 г.), а самые низкие – для стран Североафриканского субрегиона (19,9 и 21,9% соответственно). При этом в 2007 г. работали или искали работу 52,5% всех женщин трудоспособного возраста (этот показатель называется «уровень экономической активности»), что на 1% меньше, чем десять лет назад. Последнее объясняется главным образом увеличением числа женщин, получающих образование, что, несомненно, должно расширить их возможности на рынке труда. Уровень экономической активности мужчин снизился с 80,4% в 1997 г. до 78,8% в 2007 году.⁶

Что касается распределения занятости по секторам, то в 2007 г. в мире в целом сектор услуг еще больше опередил сельское хозяйство по доле занятых: на его долю приходилось уже 42,7% всех рабочих мест против 37,5% в 1997 г., а на долю сельского хозяйства – только 34,9% против 41,4% в 1997 г. Однако по регионам уровень занятости в сельском хозяйстве дает существенный разброс от почти 65% в Африке южнее Сахары и

48% в Южной Азии до 4% в развитых государствах. В свою очередь, в промышленности в мире в целом в 1997–2007 гг. наблюдалась тенденция к небольшому росту удельного веса занятых. В 2007 г. в этом секторе было сосредоточено 22,4% всех рабочих мест против 21,1% в 1997 г.⁷ Весьма примечательно, что в развитых странах в распределении занятости по секторам наблюдалась иная картина. Там доля занятых в сельском хозяйстве была почти на порядок ниже, чем в мире в целом, и составила 6,1% в 1997 г. и 3,9% в 2007 г. Такой большой разрыв с остальным миром по числу занятых в аграрной сфере компенсировался существенно более высоким удельным весом занятых в секторе услуг – 65,6% в 1997 г. и 71,5% в 2007 г. Доля занятых в промышленности в развитых странах в 1997 г. была самой высокой в мире и равнялась 28,3%, однако к 2007 г. она сократилась до 24,5%, и по этому показателю вперед вырвались регионы Восточная Азия (26,9%), Центральная и Восточная Европа и СНГ (26,1%) и Ближний Восток (25,5%). Таким образом в мире в целом наблюдается общая тенденция увеличения доли занятых в сфере услуг в основном за счет сокращения аграрной занятости, которая сопровождается одновременным небольшим относительным ростом занятых в промышленности в регионах, относящихся к категории формирующихся рынков. При этом в развивающихся странах преобладает производственная занятость (промышленность плюс сельское хозяйство), в то время как в развитых странах большинство населения трудится в секторе услуг, т.е. в распределительной сфере.

Обратимся теперь к такой категории, как «работающие бедные». С 1997 по 2007 гг. число лиц данной категории, живущих на 1 доллар США в день сократилось с 612,6 млн до 486,7 млн человек, а число лиц, живущих на 2 доллара в день – с 1363,1 до 1294,6 млн человек.⁸ Эта, безусловно, положительная тенденция, омрачается тем фактом, что большинство этих бедных проживает в странах Третьего мира. Больше всех их в Южной Азии (480 млн), в Восточной Азии (287 млн) и странах Африки южнее Сахары (253 млн). Эти цифры – еще одно подтверждение относительной независимости экономического роста и со-

циальных показателей развития государств. Ведь именно в этих регионах расположены страны, которые в исследуемый период имели самые высокие темпы экономического развития – Индия, Китай, ряд африканских стран. Для того чтобы сократить масштабы бедности работающего населения, необходимо более оптимальным образом использовать периоды экономического подъема для создания большего числа достойных и производительных рабочих мест. Сокращение безработицы и бедности работающего населения путем создания таких рабочих мест следует считать предпосылкой устойчивого экономического развития.

В 2007 г. 49,9% занятых относились либо к категории неоплачиваемых работников семейных предприятий, либо к категории лиц, работающих на индивидуальной основе. Доля таких незащищенных занятых оказалась лишь чуть меньше, чем десять лет назад, когда соответствующий показатель был равен 52,8%. Таким образом, тех гарантий, которые дает работа по найму, не имеет даже половина занятого населения мира. При этом больше всех незащищенных занятых в Южной Азии (80% в 1997 г. и 77,2% в 2007 г.) и в Африке южнее Сахары (77,2 и 72,9% соответственно). Если учесть, что в бедных регионах даже работа по найму может по-прежнему не обеспечивать всех компонентов достойного труда, то становится понятно, что лишь у меньшинства трудящихся людей планеты имеется работа, которая хорошо оплачивается, на которой соблюдаются основополагающие трудовые права и работники обладают правом голоса и определенными гарантиями на случай безработицы.

Очень важным показателем мирового рынка труда служит его производительность. С 1997 по 2007 гг. производительность труда в мире в целом увеличилась на 12%, при этом она возрастала во всех регионах за исключением Ближнего Востока. Наибольший относительный рост был отмечен в Восточной Азии, кроме того довольно заметный рост наблюдался также в странах Центральной и Юго-Восточной Европы (не членах ЕС) и СНГ. По данному показателю эти регионы достигли уровня стран Латинской Америки и Карибского бассейна. Однако меж-

ду развивающимися регионами и развитыми странами все еще существует огромный разрыв, который продолжает увеличиваться⁹.

На проведенном в 2000 г. Саммите тысячелетия международное сообщество под руководством ООН провозгласило восемь Целей развития тысячелетия. Первая из них заключается в ликвидации нищеты и голода. В результате повсеместного распространения мнения о том, что сократить бедность можно только в том случае, если у людей будет достойная и производительная работа, в 2006 г. в ряду задач, предусмотренных в рамках Цели развития тысячелетия № 1, появилась новая – **обеспечить полную и производительную занятость и достойный труд для всех, включая женщин и молодежь**. Такое сложное и многогранное понятие, как «полная и производительная занятость и достойный труд для всех» весьма непросто отразить в ряде показателей, которые должны соответствовать строгим критериям. Для этой цели были выбраны следующие четыре показателя, позволяющие оценивать успехи на пути к достижению Цели развития тысячелетия № 1: (i) коэффициент занятости; (ii) уровень незащищенной занятости; (iii) доля «работающих бедных» (живущих на 1 долл. США в день) в общей численности занятых; (iv) рост производительности труда.¹⁰ Их можно также использовать в сочетании с другими распространенными показателями (например, уровень безработицы, уровень заработной платы, распределение занятых по секторам экономики) для подробного анализа рынков труда в отдельных странах и регионах и выявления ключевых задач и проблем.

Анализ современного состояния мирового рынка труда был бы неполным без характеристики воздействия мирового финансово-экономического кризиса на его количественные и качественные показатели. К сожалению, по данному вопросу имеются лишь некоторые оценочные данные, которые, однако, вполне могут быть использованы для первоначального изучения проблемы перераспределения трудовых ресурсов в посткризисном мире.

Число безработных в мире в 2009 г. достигло почти 212 млн человек, что на 34 млн больше, чем в 2007 г., а уровень безработицы достиг 6,6%, что на 0,6 процентных пункта выше, чем в 2007 г.¹¹ Однако данный показатель давал существенный разброс от региона к региону. В 2009 г. уровень безработицы в странах с развитой экономикой и в государствах Европейского Союза подскочил до 8,4% (6,0% в 2008 г. и 5,7% в 2007 г.). По некоторым оценкам, численность безработных в регионе в период с 2007 по 2009 гг. возросла примерно на 14 млн чел., причем лишь в 2009 г. их численность увеличилась почти на 12 миллионов. При этом, в развитых странах занятость в промышленности сократилась в большей степени, чем занятость в сельском хозяйстве и сфере услуг.

В 2009 г. государства Центральной и Юго-Восточной Европы (не члены ЕС) и СНГ испытали наиболее серьезный шок по сравнению с другими регионами в плане снижения темпов экономического роста. В результате уровень безработицы вырос на 2,0 процентных пункта – с 8,3% в 2007 г. до 10,3% в 2009 году. Последний прогноз указывает на некоторое снижение уровня безработицы в 2010 г. – до 10,1%.

В странах Латинской Америки и Карибского бассейна доля безработных выросла на 1,2 процентных пункта.

В целом, две трети роста мировой безработицы в 2009 г. приходилось на три вышеперечисленных региона, где трудится лишь 30% мировой рабочей силы. В других регионах мира отмечен более низкий рост безработицы (0,5 процентных пункта или ниже).

С 2007 по 2009 г. число безработных молодых людей в мире возросло на 10,2 млн человек. Удельный вес безработных среди молодежи вырос в целом на 1,6 процентных пункта и достиг в 2009 г. величины в 13,4%. Это самый высокий показатель, по крайней мере, с 1991 г., когда начали приводить глобальные оценки по данному индикатору.

Ежегодно 45 миллионов юношей и девушек впервые выходят на рынок труда, поэтому меры по оздоровлению экономики должны предусматривать создание рабочих мест для молодежи. Осно-

вываясь на прогнозах МВФ, эксперты МОТ предполагают, что, судя по всему, безработица в мире в 2010 г. останется на высоком уровне – 6,5–6,7%. В то же время в докладе МОТ отмечается, что кризис в разной степени отразится на сфере занятости и перспективах восстановления рынков труда в разных регионах. Так, в странах с развитой экономикой и в государствах Европейского Союза в 2010 г. число безработных увеличится еще на 5 млн человек, в то время как в других регионах мира безработица либо незначительно сократится, либо останется на прежнем уровне.

Принятые государствами скоординированные меры стимулирования занятости, по мнению ряда экспертов, позволили предотвратить намного более серьезную социальную и экономическую катастрофу. И все же миллионы мужчин и женщин во всем мире по-прежнему не имеют работы, не получают пособий по безработице и не пользуются сколь-нибудь действенной социальной защитой. Как заявил Генеральный директор МОТ Хуан Сомавия на Всемирном экономическом форуме в Давосе в январе 2010 г., главная задача сегодня – обеспечить экономическое оздоровление без потери рабочих мест. Для этого необходимо принять столь же решительные политические меры по созданию и сохранению рабочих мест и доходов людей, как те меры, которые позволили спасти банковскую систему. Добиться этого можно, успешно сочетая государственную политику и частные программы инвестиций.

По данным МОТ, доля работников с незащищенной занятостью в мире может составлять в 2010 г. более 1,5 млрд чел., что эквивалентно половине общей численности мировой рабочей силы. По оценкам экспертов, в 2009 г. численность мужчин и женщин, имеющих нестабильную занятость, возросла по сравнению с 2008 годом на 110 млн человек.

Продолжают расти масштабы бедности: в 2008 г. 633 млн работников и их семей жили менее чем на 1,25 долл. США в день, а еще 215 млн работников в 2009 г. балансировали на грани бедности, рискуя впасть в нищету.

Предварительные оценки по производительности труда, рассчитанные на основе выработки на одного работника, указы-

вают на снижение производительности труда во всех регионах, за исключением Восточной Азии, Южной Азии и Северной Африки. Самое резкое падение выработки на одного работника зафиксировано в Центральной и Юго-Восточной Европе (не членах ЕС) и СНГ – 4,7%, что практически свело на нет позитивные результаты, достигнутые в этом регионе в первой половине 2000-х годов.

Снижение выработки на одного работника приводит к ухудшению условий труда, особенно в регионах, где и до кризиса производительность труда уже была сравнительно низкой (например, в странах Африки южнее Сахары).

Для решения всех этих проблем правительства, работодатели и работники при активном содействии МОТ приняли Глобальный пакт о рабочих местах, где изложен пакет сбалансированных и уже опробованных на практике мер, направленных на эффективное решение проблем занятости. Речь идет об активном расширении занятости, создании устойчивой системы социальной защиты, соблюдении стандартов в сфере труда и укреплении социального диалога. Глобальный пакт о рабочих местах активно поддержали руководители стран «Большой двадцатки», участники сессии Генеральной Ассамблеи ООН.

Подводя итог данному параграфу, следует еще раз подчеркнуть, что при усилении процессов глобализации и вовлечении в мировую экономику все новых и новых стран замедление темпов роста в развитых странах мира – вероятно, впервые в истории – не оказало прямого негативного воздействия на экономические показатели и характеристики рынков труда в остальной части мира. Даже если и существует риск снижения темпов развития мировой экономики в ближайшие годы, все равно существует также и вероятность того, что остальные регионы окажутся достаточно сильными и независимыми, чтобы компенсировать такой спад в промышленно развитых странах. Если предположение о том, что общемировые показатели роста больше не зависят от показателей только лишь в промышленно развитых странах, окажется верным, это будет означать, что те рабочие места, которые в результате замедления роста недополу-

чат развитые страны и государства ЕС, окажутся с лихвой восполнены рабочими местами, созданными в остальной части мира, в первую очередь, в странах с формирующимися рынками, что в ближайшие годы коренным образом изменит качество и структуру мирового рынка трудовых ресурсов.

6.2. Интеграция мирового рынка труда в условиях глобализации: вопросы теории

В 1990–2010 гг. в мире происходило дальнейшее углубление интеграции рынков труда. Такие разнопорядковые процессы и явления, как развертывание глобализации, распад мировой социалистической системы, появление в мировой экономике новых глобальных игроков-тяжеловесов – Китая и Индии, старение населения в развитых странах и ускоренный рост числа жителей в развивающихся государствах и многие другие факторы способствовали активному вовлечению новых значительных масс экзогенных трудовых ресурсов в экономику стран с «открытым рынком». Ускоренное развитие инновационных технологий и повышение эффективности господствующих моделей управления хозяйственной деятельностью в сочетании с постепенной отменой ограничений на трансграничную торговлю и движение труда и капитала создали возможность выделения отдельных производственных процессов и размещения их на большем расстоянии от рынков сбыта для все большего числа товаров и услуг. Важнейшей чертой нарождающейся новой глобальной модели использования трудовых ресурсов стало более чуткое и быстрое реагирование на стоимость рабочей силы в различных странах. Как было показано нами в главе 5, указанные процессы сопровождались повсеместным расширением трансграничных миграционных потоков.

Доступ стран с развитой экономикой к растущей армии рабочей силы из развивающихся стран обеспечивается различными путями, включая импорт конечной продукции, перевод производства промежуточной продукции в офшорные зоны и иммиграцию.

Продолжающаяся глобализация рынка труда способствует повышению оплаты труда в странах с развитой экономикой благодаря росту производительности и выпуска продукции, в то время как страны с формирующимся рынком также получают выгоды в виде растущей зарплаты. Вместе с тем, глобализация является одним из нескольких факторов, которые приводят к сокращению доли дохода, приходящегося на трудовые ресурсы, в странах с развитой экономикой. Быстрые технологические изменения оказывают большое воздействие на рынки труда, особенно на работников в отраслях с неквалифицированной рабочей силой. При этом в странах, проводивших реформы в целях снижения издержек на рабочую силу и повышения гибкости рынка труда, в целом наблюдалось меньшее снижение доли трудового дохода. В перспективе странам важно будет максимизировать выгоды от глобализации рынка труда и технологических изменений и при этом прилагать усилия к решению проблемы воздействия на распределение доходов. В этой связи государственная политика в области трудовых ресурсов должна быть направлена на улучшение функционирования рынков труда, расширение доступа к образованию и повышению квалификации и обеспечение адекватных систем социальной защиты.

Важнейший вопрос, который необходимо рассмотреть в данном параграфе, заключается в том, как открытие экономики Китая, Индии и стран бывшего Восточного блока, наряду с изменением мировой демографической ситуации, повлияло на глобальное предложение рабочей силы. На этот вопрос нелегко ответить, так как здесь многое зависит от исходных допущений относительно того, какая часть рабочей силы вышеперечисленных стран участвует в глобальном рынке труда или потенциально могла бы составить конкуренцию рабочей силе, уже представленной на этом рынке.

Наиболее простой, на наш взгляд, количественный метод для определения «степени интернационализации рабочей силы» заключается в расчете соотношении экспорта данной страны к ВВП. Иными словами, чем больше доля экспорта в ВВП, тем сильнее вовлеченность рабочей силы данного государства в ме-

ждународное разделение труда, и, соответственно, в глобальный рынок трудовых ресурсов. Конечно, этот показатель является косвенным, так как напрямую он свидетельствует, скорее, об участии данной страны в мировой торговле. Однако в условиях глобализации взаимосвязь различных факторов производства все время возрастает. Поэтому, чем активнее выходит та или иная страна на мировой рынок со своей продукцией, тем большая часть рабочей силы данной страны вовлечена в глобальный рынок труда. Согласно этому показателю, степень интернационализации рабочей силы увеличилось более чем в четыре раза в период с 1980 по 2009 год, причем наиболее активно этот процесс шел после 1990 года. При этом, примерно половина прироста глобального рынка труда приходилась на Восточную Азию и, прежде всего, Китай, благодаря значительному увеличению населения в трудоспособном возрасте и росту внешней торговли данной страны, тогда как на Южная Азия и бывший Восточный блок играли меньшую роль в этом приросте. Хотя большую часть абсолютного прироста глобального предложения рабочей силы за последние 30 лет составляли работники, не имеющие высшего образования, доля работников с высшим образованием на мировом рынке труда увеличилось примерно на 50%, в основном за счет стран с развитой экономикой, но также и Китая.

Доступ стран с развитой экономикой, испытывающих все возрастающий дефицит трудовых ресурсов в условиях старения населения, к этой растущей армии рабочей силы может обеспечиваться двумя основными способами – либо за счет импорта товаров и услуг, либо за счет иммиграции. Очевидно, что первый способ играет основную роль, так как внешняя торговля продолжает оставаться более важным сегментом международных отношений и развивается быстрее, чем мировые миграционные процессы, не в последнюю очередь из-за сохранения жестких ограничений на иммиграцию в большинстве стран. Достаточно привести тот факт, что удельный вес миграции в населении мира уже на протяжении 20 лет не превышает трехпроцентного рубежа, в то время как доля экспорта в ВВП в ряде го-

сударств превышает 50%. Например, в Китае данный показатель составлял 67% в 2007 г.¹² Аналогичная ситуация наблюдается в развивающихся странах и странах с формирующимся рынком, где отношение экспорта к ВВП в общем случае значительно выше, чем отношение числа эмигрантов к местной рабочей силе. Тем не менее, за последние два десятилетия иммиграция в ряд крупных стран Европы (Германию, Италию и Соединенное Королевство), а также в США существенно увеличилась. Доля иммигрантов в рабочей силе США в настоящее время близка к 15% и, следовательно, сопоставима с долей импорта в ВВП. В других странах доля иммигрантов по-прежнему значительно меньше доли импорта в ВВП, но она не является пренебрежимо малой и имеет тенденцию к росту.

Что касается внешней торговли, с начала 1990-х годов доля продукции развивающихся стран в импорте товаров обрабатывающей промышленности стран с развитой экономикой удвоилась. Значительная часть этого прироста была достигнута за счет Китая. Кроме того, увеличивался вклад развивающихся стран в мировую торговлю в целом. Эти структурные изменения в сфере торговли принесли выгоды всем ее участникам. После открытия экономики Китая, Индии и стран Восточного значительно вырос общий объем мировой торговли, и существенно расширились возможности экспорта как для стран с развитой экономикой, так и для развивающихся стран. При этом импорт развивающихся стран рос быстрее, чем импорт стран с развитой экономикой, а доля экспорта из стран с развитой экономикой в развивающиеся страны увеличивалась. Помимо этого, хотя цены на импортную и экспортную продукцию имели тенденцию к снижению по отношению к ценам на выпускаемую продукцию, условия торговли для стран с развитой экономикой улучшились. Наиболее примечателен факт существенного улучшения условий торговли Японии в конце 1980-х годов. Однако значительное снижение цен на импортную продукцию в то время было обусловлено главным образом сильным повышением курса йены при одновременном падении цен на нефть и не было напрямую связано с глобализацией.

Экспорт из стран с формирующимся рынком и развивающихся стран характеризуется высоким динамизмом. Это касается как продукции, производство которой требует высокого уровня квалификации (квалификационнoемкой), так и продукции, не требующей определенного уровня знаний и навыков (неквалификационнoемкой). Весьма примечательно, что доля развивающихся стран в мировом экспорте квалификационнoемких товаров и услуг в последние годы возрастала. И вновь именно Китай лидировал в этом процессе благодаря высоким темпам экономического роста и последовательной политике по увеличению доли квалификационнoемких товаров в его экспортной корзине. В настоящее время в Китае уделяется повышенное внимание подготовке квалифицированных кадров, огромные средства вкладываются в образование и в НИОКР.¹³ Структура экспортной корзины Индии также быстро меняется в пользу услуг с высокими требованиями к квалификации, но вес этой страны в мировой торговле данным видом товаров пока остается небольшим.

В эпоху глобализации изменились и условия торговли так называемой промежуточной продукцией.

Снижение барьеров для трансграничной торговли и потоков капитала, а также технический прогресс в области транспорта и связи способствовали переводу фирмами части своего производства за границу, где затраты меньше – процесс, называемый передачей производства по субподряду (аутсорсингу) в офшорные зоны, или проще, офшорной деятельностью. Тем не менее, и вопреки некоторым распространенным представлениям, объем производимых в офшорных зонах товаров, которые составляют примерно половину совокупного импорта (остальную часть составляет импорт конечной продукции), возрастал несколько медленнее, чем общий объем внешней торговли. Кроме того, масштабы офшорной деятельности по отношению к экономике в целом по-прежнему достаточно ограничены. В странах с развитой экономикой импорт промежуточных товаров (кроме энергоносителей) обрабатывающей промышленности и сектора услуг в 2007 г. (последнем году, за который имеются

данные) составлял примерно 5% валового выпуска продукции. По сравнению с началом 1980-х годов, эти доля увеличились лишь незначительно. Доля офшорного производства промежуточных товаров в валовом выпуске продукции составляет диапазон от 12% в Нидерландах до примерно 2–3% в США и Японии. Таким образом, в США и Японии офшорная деятельность носит относительно ограниченный характер, впрочем как и степень открытости внешней торговли.

При этом именно обрабатывающая промышленность развитых государств в большей степени затронута офшорной деятельностью, так как последняя в большей степени ориентирована на внешнюю торговлю.

В странах Группы семи, Австралии, Дании и Нидерландах, доля импортных промежуточных товаров обрабатывающей промышленности в валовом выпуске продукции обрабатывающей отрасли увеличилась с 6% в 1980 г. до 10% в 2007 г., причем в последние годы выборки этот прирост был несколько больше. В 2007 г. интенсивность офшорной деятельности в обрабатывающей промышленности составляла от 4% в Японии до примерно 25% в Канаде (самый высокий уровень). Импорт промежуточных товаров в секторе услуг в экономике в целом остается низким, составляя 1% валового выпуска продукции, хотя интенсивность офшорной деятельности в секторе услуг в последние годы возросла в ряде стран, включая Германию, Канаду и Нидерланды.

Интересно, что расширение офшорной деятельности стран с развитой экономикой происходит в основном за счет импорта именно квалификационным товаров. Это явление можно объяснить несколькими причинами. Во-первых, в связи со сравнительным преимуществом стран с развитой экономикой в области производства продукции с высокими требованиями к квалификации товары, традиционно производимые отраслями, ориентированными на неквалифицированную рабочую силу (например, текстильной промышленностью), с большей вероятностью импортируются как конечная, а не промежуточная продукция. Отрасли, участвующие в расширении импор-

та промежуточной продукции – это производство электронного оборудования, других машин и оборудования, а также химических, резиновых и пластмассовых изделий. Следует отметить, однако, что в офшорные зоны развитыми странами, как правило, переводятся наименее квалификационнoемкие стадии производства высокотехнологичной продукции. Во-вторых, значительная часть импорта (как конечной, так и промежуточной продукции) в страны с развитой экономикой по-прежнему поступает из других стран с развитой экономикой и обычно включает больше квалификационнoемких, чем неквалификационнoемких продуктов. В-третьих, как отмечалось ранее, глобальное предложение рабочей силы с более высоким уровнем образования возросло по отношению к рабочей силе с более низким уровнем образования, что также увеличило удельный вес квалификационнoемкой продукции, в том числе и промежуточных товаров.

Быстрый рост глобального предложения рабочей силы, который проявляется в расширении экспорта из стран с формирующимся рынком и развивающихся стран самым непосредственным образом сказывается на динамике и структуре трудовых рынков стран с развитой экономикой. Учитывая, что экспорт из стран с формирующимся рынком и развивающихся стран производится с большими затратами труда (особенно неквалифицированного), традиционная теория торговли утверждает, что интеграция этих стран в мировую экономику должна оказывать понижающее давление на заработную плату (скорректированную по производительности) работников в странах с развитой экономикой. Об этом мы уже подробно писали в главе 5 монографии. Следовательно, доля национального дохода, приходящаяся на трудовые ресурсы (так называемая доля труда) должна сокращаться. Тем не менее, работники в странах с развитой экономикой все же могут выиграть, если позитивное влияние расширения внешней торговли и повышения общей производительности труда на национальный доход (размер целого «пирога») больше, чем негативное влияние на долю этого дохода, приходящегося на трудовые ресурсы. Многочисленные

исследования, в которых приводятся данные о выгодах от внешней торговли, показывают, что такой прирост национального дохода в развитых странах действительно может быть значительным. В некоторых работах утверждается, что повышение производительности труда в результате расширения масштабов торговли промежуточной продукцией может быть даже больше, чем от торговли конечной продукцией, так как торговля промежуточной продукцией приводит не только к росту конкуренции среди производящих отраслей, но и к сокращению себестоимости производства в отраслях, использующих эту продукцию.

Однако эмпирические данные о влиянии офшорной деятельности на производительность труда носят неоднозначный характер.

Что показывают эти данные? Если брать долю совокупного труда в стоимости конечной продукции, то с начала 1980-х годов в странах с развитой экономикой наблюдалось ее сокращение. При этом доля совокупного труда сократилась больше, чем доля оплаты труда наемных работников, что отражает сокращение доли других категорий работников в совокупной рабочей силе (к другим категориям работников относятся самостоятельно занятые лица, работодатели и работники семейных предприятий). Весьма примечательно, что в 1970-е гг. в мире наблюдалась обратная тенденция – доля наемного труда в мировой экономике сокращалась, а доля нанимателей, индивидуальных предпринимателей и семейных работников росла. Особенно ярко это проявилось в европейских государствах и в Японии. Сегодня мы наблюдаем прямо противоположную тенденцию. Сокращение доли совокупного труда в национальном доходе начиная с 1980 года гораздо более заметно в Европе и Японии (примерно 10 процентных пунктов), чем в англосаксонских странах, включая США (примерно 3–4 процентных пункта). При этом в Европе наиболее сильное сокращение данного показателя наблюдается в Австрии, Ирландии и Нидерландах.

Весьма примечательно, что сокращение доли совокупного труда в основном происходит за счет отраслей, ориентированных на использование неквалифицированной рабочей силы.

Это явление связано как с уменьшением доли труда внутри этих отраслей, так и со сдвигом в структуре производства от отраслей с неквалифицированной рабочей силой к отраслям с квалифицированной рабочей силой. В противоположность этой тенденции, доля труда в общем доходе в отраслях с квалифицированной рабочей силой возросла, особенно в англосаксонских странах, где она с 1980 по 2007 г. повысилась примерно на 6 процентных пунктов. Таким образом, несмотря на сокращение доли труда в целом, начиная с 1980 г. реальная оплата труда устойчиво возросла во всех странах с развитой экономикой, причем с середины 1990-х годов этот рост ускорился. Эта тенденция отражает как рост занятости, так и повышение роли квалифицированного труда в экономике, что, в конечном счете, ведет к росту реальной оплаты труда в расчете на одного работника, причем для англосаксонских стран больший вес имеет общий рост занятости, а для европейских государств – рост реальной оплаты труда в расчете на одного работника. Вместе с тем, начиная с середины 1990-х годов рост занятости ускорился также и в Европе, при этом в росте реальной оплаты труда именно этот экстенсивный фактор стал играть основную роль, опередив рост реальной оплаты на одного работника. Весьма примечательно, что именно в 1990-е гг. резко увеличилась миграция в европейские государства как из стран Восточной Европы и СНГ, так и из развивающихся стран, в результате которой существенно возрос приток неквалифицированной рабочей силы в страны ЕС. Рост предложения неквалифицированного труда привел к незначительному росту реальной заработной платы на одного занятого при одновременном росте общей заработной платы данной категории работников за счет увеличения их количества. В то же время в странах ЕС в исследуемый нами период занятость росла быстрее в отраслях, использующих квалифицированную рабочую силу, нежели чем в отраслях, не требующих труда высокой квалификации, что еще раз подтверждает общемировую тенденцию изменения пропорций между неквалифицированным и квалифицированным трудом в сторону последнего. Даже в США, несмотря на устойчивый характер за-

нятости неквалифицированных работников, прирост реальной оплаты труда на одного работника в отраслях с неквалифицированной рабочей силой был очень низким, а разрыв в доходах между отраслями с квалифицированной и неквалифицированной силой увеличился примерно на четверть.

Что касается стран с формирующимся рынком, то в них, в условиях глобализации рынка труда, на первых этапах развития происходит отток квалифицированной рабочей силы в страны с развитой экономикой, что ведет к росту удельного веса неквалифицированной занятости в совокупном трудовом доходе. Постепенно, в условиях роста дефицита квалифицированных кадров и улучшения общей экономической ситуации в стране, начинается обратный приток специалистов высшей квалификации в национальную экономику, их заработная плата растет, и пропорции в совокупном трудовом доходе начинают медленно смещаться в сторону квалифицированного труда. Однако обратный приток высококвалифицированных специалистов может начаться лишь тогда, когда привлекательность работы на родине, включая материальный достаток, социальные и психологические факторы, перевесит те преимущества, которые получает работник высшей квалификации в развитых странах. В условиях мирового финансово-экономического кризиса, при росте безработицы в странах ЕС и США, начались процессы перемещения высококвалифицированных специалистов в сторону новых центров мирового развития – Китая, Индии, Бразилии и некоторых других. Одновременно наблюдается возврат специалистов в ряд африканских государств, что обусловлено ростом безработицы в европейских странах в условиях кризиса.

В целом, в последние два десятилетия численность фактической глобальной рабочей силы резко возросла, как мы отмечали выше, она увеличилась в четыре раза. Ожидается, что в предстоящие годы расширение масштабов мирового рынка труда будет продолжаться. По прогнозам ООН, к 2050 г. численность населения в трудоспособном возрасте во всем мире возрастет на 40%, а фактическое глобальное предложение рабочей силы к 2050 г. может вновь увеличиться более чем вдвое. При этом

степень открытости внешней торговли будет продолжать повышаться, особенно это касается сектора услуг. Практически полностью рост армии трудовых ресурсов будет обеспечен за счет стран Азии, Африки и Латинской Америки, при этом у последней будет весьма скромная роль. Доступ стран с развитой экономикой к глобальной армии рабочей силы будет обеспечиваться как за счет внешней торговли, так и иммиграции. Внешняя торговля продолжает оставаться основным каналом «доступа» к глобальному рынку труда и расширяется быстрее, главным образом из-за сохранения жестких ограничений на иммиграцию во многих странах. Рост оффшорного производства, видимо, будет продолжать расширяться, тем более, что вопреки распространенным представлениям, удельный вес оффшорного производства промежуточной продукции в экономике в целом все еще незначителен, хотя обрабатывающая промышленность затронута им в большей степени, так как ею производится больше внешнеторговых товаров.

Интеграция работников из стран с формирующимся рынком и развивающихся стран в глобальный рынок рабочей силы принесла существенные выгоды странам с развитой экономикой. Возможности для экспорта значительно расширились. Интеграция обеспечила доступ к более дешевым импортным товарам и дешевому труду, и позволила компаниям развитых стран функционировать более эффективно. Это привело к увеличению производительности и выпуска продукции и способствовало росту реальной оплаты труда. В случае стран с формирующимся рынком продолжающаяся интеграция рабочей силы в глобальный рынок труда принесла выгоды работникам благодаря быстрому росту заработной платы в обрабатывающей промышленности. Вместе с тем, глобализация рынка труда оказывала негативное воздействие на долю национального дохода, приходящегося на трудовые ресурсы, в странах с развитой экономикой (долю труда). Однако интернационализация трудовых ресурсов была не единственным фактором, влиявшим на изменение структуры национального дохода в последние два десятилетия. Быстрые технологические изменения стали главным факто-

ром, вызвавшим сокращение удельного веса труда, в первую очередь неквалифицированного, в мировой экономике.

На этом фоне усиливающаяся глобализация рынка труда ставит важные задачи перед правительствами стран с развитой и развивающейся экономикой. И те и другие должны стремиться к тому, чтобы использовать выгоды, создаваемые растущей армией рабочей силы, и избежать негативных последствий этого процесса. Поскольку именно внешняя торговля служит основным каналом доступа к глобальному рынку труда, необходимо продолжать двигаться в направлении ее либерализации, обеспечивая при этом достаточную гибкость национальных экономик, которые должны сохранить возможность адаптации к требованиям глобализации и адекватно реагировать на них. В то же время важно полностью осознавать издержки, связанные с адаптацией, и задача любого государства – обеспечивать поддержку тем, кто испытывает на себе негативное влияние глобализации рынка труда. Рациональная государственная политика в этой сфере должна, на наш взгляд, осуществляться в следующих трех направлениях:

1. Повышение эффективности функционирования рынков труда. Здесь, в первую очередь, речь идет о сокращении налогов, которое позволит работникам фактически получать большую долю своей номинальной заработной платы. Следует также строго следить за тем, чтобы размер пособий по безработице, с одной стороны, не удерживал работников от поисков работы, а с другой, помогал им адаптироваться к требованиям, предъявляемым глобализацией. Важное значение при этом имеют также продолжительность выплаты пособий по безработице и требования, связанные с доступностью рабочих мест. Кроме того, процессу адаптации способствует государственная политика, способствующая повышению гибкости экономики, что позволяет работникам более свободно перемещаться из стагнирующих отраслей экономики в динамично развивающиеся отрасли. Особое внимание в данном процессе следует уделять развитию инфраструктуры, а также профессиональной переподготовке специалистов.

2. Одним из ключевых направлений трансформации глобальной модели рынка труда является облегчение доступа к образованию и повышению квалификации работников, особенно в странах с развивающейся экономикой.

Для того чтобы не отставать от быстрых технологических изменений в экономике, а также для дальнейшего развития инновационных технологий, необходимо развивать профессиональные навыки работников. Отрасли, ориентированные на использование квалифицированной рабочей силы способны лучше адаптироваться к меняющимся условиям, связанным с информационно-технологической революцией, чем отрасли с неквалифицированной рабочей силой. Кроме того, как показывает мировой опыт, в странах, которые раньше других начали применять современные технологии и проводить обучение работников в этой области, наблюдалось меньшее сокращение доли труда. Высококвалифицированные специалисты в развитых странах столкнутся в ближайшие годы с конкуренцией со стороны растущей армии квалифицированной рабочей силы из стран с формирующимся рынком, особенно из Индии и Китая, которые за меньшую оплату будут готовы проделать работу того же качества. И, это, пожалуй, будет одна из основных проблем, стоящей в ближайшие годы перед странами «золотого миллиарда».

Следует также помнить, что основной количественный прирост рабочей силы будет происходить в странах третьего мира, где охват населения образованием, а также его качество существенно отстают от западных стандартов. Это может привести к тому, что квалификация работников, подготовленных в развивающихся странах, будет не соответствовать современным требованиям, и заполнить вакансии высококвалифицированных специалистов будет попросту нечем. Поэтому западным государствам, видимо, придется хотя бы частично «взвалить» на себя бремя профессиональной подготовки специалистов из развивающихся стран.

Помимо увеличения расходов на образование и повышение квалификации, важнейшее значение имеет качество этих рас-

ходов. Опыт показывает, что оценка и адресный характер повышения квалификации важны для максимизации его воздействия.

3. Другой важный вектор государственной политики в сфере трудовых ресурсов – обеспечение адекватной социальной защиты работников. Это включает в себя обеспечение адекватной поддержки доходов, облегчающей процесс профессиональной трансформации, но не препятствующий ему, а также достойное медицинское и пенсионное обслуживание. Все это позволило бы повысить гибкость экономики, облегчив перемещение работников из стагнирующих отраслей в динамично расширяющиеся. Здесь могут возникнуть определенные трудности, связанные как с возрастом работников, вынужденных менять профессию, так и с уровнем их образования. При этом достаточно сложно (даже в теоретическом отношении) провести различие между потерей работы в результате глобализации и потерями, обусловленными другими причинами, так как большинство национальных рынков труда характеризуются высокими коэффициентами текучести рабочей силы и неустойчивостью доходов. В любом случае следует четко соблюдать ту грань социальной поддержки, которая позволяет работнику адаптироваться к новым условиям труда, но не дает ему возможности уклониться от поиска новой работы. Яркий пример тому – пособия по безработице в странах ЕС, размер которых позволяет значительное время неплохо существовать и откладывать поиск нового рабочего места.

Правительствам развитых стран следует постоянно учитывать тот факт, что глобальное развитие трудовых ресурсов будет происходить за пределами государств Европы и Америки, а сложности и противоречия этого развития будут иметь общемировой характер и решаться только совместными усилиями.

6.3. Рынок труда и занятость в странах Африки

Рынок труда играет особую роль в формировании рынков в Африке, поскольку труд – решающий фактор общественного

воспроизводства, обуславливающий эффективность экономической деятельности. В то же время это самый сложный и взрывоопасный рынок, чреватый социальной напряженностью и катаклизмами, преодоление которых, как свидетельствует вся мировая практика, не под силу одним только рыночным факторам, для этого необходимо государственное регулирование.

Современное положение на рынке труда в Африке является кризисным. В основе этого лежит ряд факторов, важнейший из которых – резкая несбалансированность между быстрым ростом трудоспособного населения и созданием рабочих мест, выражающаяся в огромном превышении предложения рабочей силы над спросом. Кризисное состояние рынка труда усугубляют также высокая доля занятых в сельской местности, широкое распространение неполной занятости, нарастание сельской миграции в города и разбухание неформального сектора, рост безработицы среди образованной молодежи и «утечка умов», огромные масштабы крайней нищеты и бедности среди работающих.

Тенденция к развитию кризиса рынка труда и занятости в Африке проявилась еще в начале 1970-х годов, но до конца десятилетия назревание кризиса оставалось незаметным из-за относительно быстрого расширения возможностей трудоустройства в современном и неформальном секторах. Однако в 80-е годы ситуация на рынке труда резко ухудшилась. К основным причинам незанятости африканского населения («демографический взрыв» и огромный дисбаланс между спросом и предложением квалифицированной рабочей силы) добавились замедление экономического роста и социальные последствия структурных реформ. Не случайно в 1991 г. впервые Организация африканского единства (ОАЕ) на уровне глав государств и правительств приняла Декларацию о кризисе занятости в Африке, в которой признавался чрезвычайный характер проблемы.

С тех пор кризисное положение на африканском рынке труда еще более усугубилось. Колоссальные масштабы безработицы, неполной занятости и нищеты на континенте не имеют аналогов ни в предшествующем периоде, ни в других развиваю-

щихся регионах, при этом налицо тенденция к их дальнейшему расширению. Ежегодные темпы роста безработицы и неполной занятости выросли с 10 до 14%. Уровень безработицы превышает в отдельных странах 40% экономически активного населения, а доля безработной молодежи колеблется от 60 до 80% всех безработных¹⁴. Почти половина (49%) африканцев проживает за чертой бедности. При этом Тропическая Африка – единственный регион, где на протяжении последней четверти XX в. наблюдался не прогресс, а регресс в уровнях и динамике среднедушевого дохода.

Являясь самым бедным континентом мира, Африка отличается и самым бурным ростом населения: среднегодовой прирост населения за последние 40 лет был самым высоким в мире, при этом самые высокие показатели рождаемости и прироста населения отмечены в беднейших странах. Сам по себе значительный демографический рост не является неблагоприятным фактором национального развития, хотя в условиях отставания темпов роста экономики он может вызывать (и вызывает) отрицательные последствия, затрудняя решение таких насущных проблем, как занятость, продовольственное обеспечение, образование, здравоохранение и т.п. Одним из демографических показателей, оказывающим ограничительное воздействие на формирование трудовых ресурсов, является, в частности, возрастная структура населения. В среднем по Тропической Африке население в возрасте до 15 лет составляет около 45% (соответствующие показатели для Восточной и Южной Азии – 26 и 35, а для Латинской Америки – 31%). По прогнозу ООН, к 2015 г. доля африканцев, не достигших трудоспособного возраста, несколько сократится, однако по-прежнему будет высокой (42%)¹⁵.

Происходящий в Африке бурный демографический рост обуславливает, в свою очередь, быстрый рост трудоспособного населения, что еще более усложняет ситуацию на рынке труда. Так, в 1980–2000 гг. численность рабочей силы в странах Тропической Африки возрастала в среднем на 2,6% в год. Несмотря на ожидаемое снижение данного показателя до 2,2% в период с

2000 по 2010 г., регион будет занимать второе место в мире по темпам ее роста. Столь высокие темпы роста трудоспособного населения в африканских странах дают огромный абсолютный прирост. Так, по оценкам МОТ, всего за 30 лет (с 1965 по 1995 г.) общая численность трудовых ресурсов в возрасте от 15 до 64 лет в странах Африки южнее Сахары более чем удвоилась (с 102 до 214 млн человек) и, по прогнозу, к 2025 г. увеличится еще в 2,5 раза, составив почти 540 млн человек. В то же время в современном секторе создается лишь 5–10% всего числа новых рабочих мест, подавляющая их часть приходится на неформальный сектор и низко рентабельное сельское хозяйство¹⁶.

Такая ситуация на африканском рынке труда, когда спрос на рабочую силу в реальном секторе экономики очень низок или отсутствует вообще, а предложение рабочих рук чрезмерно велико, свидетельствует о существенных диспропорциях в развитии не только самого рынка, но и всей экономики континента в целом, что чревато серьезными последствиями. Расширение разрыва между ростом трудоспособного населения и созданием новых рабочих мест крайне обостряет реальные возможности обеспечения работой, продовольствием, повышения квалификации и т.д. К тому же все это происходит на фоне постоянно углубляющегося кризиса занятости в Африке. Иными словами, воспроизводство рабочей силы в количественном отношении намного превосходит существующие возможности ее эффективного использования, разрушая тем самым человеческий и трудовой потенциал как важнейший ресурс для развития.

Появившийся в последнее время оптимизм в отношении экономического развития стран Африки южнее Сахары оказался лишь частично разделенным на региональном рынке труда. Это произошло по многим причинам, в числе которых тот факт, что ускорение темпов экономического роста зачастую происходит в странах, богатых ресурсами. Но добывающие отрасли обычно не особенно способны обеспечивать высокую занятость, если только они не служат основой для развития перерабатывающей промышленности. То, что результаты экономического развития почти не отразились на ситуации на рынке тру-

да, является также следствием неустойчивого роста ВВП во многих странах. Такая неустойчивость препятствует улучшению положения на рынке рабочей силы. Кроме того, для того, чтобы экономический рост обернулся ростом занятости, необходимо время, а позитивные тенденции в экономике многих стран появились лишь совсем недавно. Ко всему прочему, политика развития зачастую по-прежнему остается сосредоточенной на макроэкономических переменных, и вопросам рынка труда в ней уделяется недостаточное внимание. Наконец, сдерживающим фактором, не позволяющим сокращать дефицит достойного труда, продолжает оставаться отсутствие в регионе эффективных институтов рынка труда.

Остановимся подробнее на анализе рынка труда в странах Тропической Африки с его основными характеристиками (занятость, безработица и неполная занятость). Для оценки возможностей занятости в международной статистике используются различные показатели, наиболее распространенными из которых являются доля занятых в общей численности населения и уровень безработицы.

Преимущество первого показателя заключается в том, что он содержит сведения о доле лиц трудоспособного возраста, занятых в производстве товаров и услуг, в составе всего населения, а также о распределении занятых по возрасту и полу. Данный индикатор охватывает все категории трудящихся, поэтому его использование способно отразить динамику доли лиц, занятых в экономике, и изменения в половозрастной структуре. Однако недостатком рассматриваемого показателя является то, что он не предоставляет информации о фактически отработанном времени: в большинстве случаев работа в течение более одного часа в день считается занятостью. В то же время имеются довольно значительные различия в характере работы в зависимости от категории занятости. Работа в течение восьми часов на крупном предприятии с сотнями занятых существенно отличается от спорадической, ведущейся урывками работы, характерной для многих видов неформальной деятельности и самозанятости. Сельскохозяйственные работы в зависимости от сезона и

погодных условий также характеризуются собственным ритмом. Все это говорит о том, что анализ количественных показателей в такой многофакторной сфере, как занятость населения, должен дополняться качественными характеристиками.

Несмотря на небольшое уменьшение, наблюдавшееся в период 1990–2010 гг., в странах Африки южнее Сахары по-прежнему сохранился высокий коэффициент занятости (второй по величине в мире). Большое значение коэффициента имеет прочную связь с широким распространением бедности, которая зачастую вынуждает малоимущих людей браться за любую работу независимо от ее качества. Кроме того, из-за отсутствия такой альтернативы, как образование трудиться приходится и значительной части молодежи.

Таблица 6.3.1

**Доля занятых лиц трудоспособного населения
(от 15 до 64 лет) в составе всего населения Африки (%)**

Группы	Годы	Вся Африка	Восточная Африка	Центральная Африка	Северная Африка	Южная Африка	Западная Африка
Все население	1980	72,0	81,9	76,8	56,9	66,4	74,0
	2000	71,5	80,3	74,5	59,8	66,3	72,3
	2010*	72,2	79,6	73,8	50,9	66,6	72,0
Мужчины	1980	88,0	89,9	89,0	84,2	85,3	89,4
	2000	85,8	88,2	86,3	82,3	82,4	86,8
	2010	85,2	87,5	85,1	82,8	81,7	85,6
Женщины	1980	56,4	74,1	65,2	29,6	47,6	59,0
	2000	57,4	72,5	63,1	36,7	50,5	58,1
	2010	59,2	71,8	62,8	26,1	51,6	58,6

* Оценка.

Источник: Decent Work for Africa's Development. ILO. Geneva, 2008. P. 8, www.ilo.org/public/russian/region/eurpro/moscow/info/publ/get08_rus.pdf

Данные таблицы свидетельствуют как об общих тенденциях, так и значительных различиях в занятости между странами Северной, Южной и Тропической Африки. В целом по Африке при относительно стабильном соотношении занятости ко всему населению (72%) в рассматриваемый период очевидна тенден-

ция к снижению данного показателя у мужчин (с 88 до 85%) и повышению его у женщин (с 56 до 59%). Общим является и то, что везде доля мужчин в рабочей силе превышает 80%.

Вместе с тем ситуация по пяти субрегионам континента разнится. Из данных таблицы видно, что самый высокий показатель соотношения занятости к населению отмечен в Восточной Африке (80,3%), а самый низкий (59,8%) – в Северной. Причем в Североафриканском субрегионе самый низкий коэффициент занятости в мире – не многим более 50%. Последнее обстоятельство в значительной степени связано с традиционно очень небольшой долей женщин-мусульманок и молодежи в рабочей силе стран этого субрегиона. Из каждых десяти женщин трудоспособного возраста в странах Северной Африки работают только две, а из каждых десяти молодых людей – менее трех, что даже меньше, чем в середине 1990-х гг.

Тревожной тенденцией последних лет, характерной для африканских стран, является существенное снижение доли занятых во всем населении под воздействием пандемии ВИЧ/СПИДа. Так, на юге Африки только в период с 1995 по 2009 г. этот показатель у мужчин упал с 79,1 до 56,7%, то есть более чем на 2 пунктов, в том числе в Лесото – с 85,2 до 69,2% и в Ботсване – с 83,5 до 60,1%. В целом, по оценкам МОТ, в настоящее время в составе рабочей силы всего мира насчитывается 26 млн ВИЧ-инфицированных работников, из них более 70% проживают в Африке¹⁷.

Важной причиной различий в общем соотношении «занятость – население» между странами и регионами Африки служит разная степень участия женщин в общественном труде. В целом для развивающихся стран характерна более слабая вовлеченность женщин в общественную трудовую деятельность по сравнению с развитыми государствами. Вместе с тем ни в одном из развивающихся регионов в целом не наблюдается сокращения участия женщин в рабочей силе. В определенной степени это связано с тем, что происходящие глобальные изменения в структуре производства снижают барьеры для вступления женщин на рынок труда.

Что касается положения на Африканском континенте, то показатели в этой сфере ниже 50% зафиксированы в двух из пяти субрегионов – Северной и Южной Африке. Вместе с тем на Юге Африки в период после 1980 г. наблюдался быстрый рост участия женщин в трудовой деятельности, особенно в секторе услуг, чего нельзя сказать о странах Северной Африки, где доля занятых женщин имела тенденцию к сокращению.

Что же касается стран Тропической Африки, то их характерной особенностью является относительно высокая и быстрорастущая доля занятых среди женщин по сравнению с другими регионами – в конце первой декады XXI века удельный вес занятых женщин достиг 60%. Это явление эксперты МОТ уже назвали феноменом Тропической Африки. И хотя участие женщин в рабочей силе в этом регионе все еще ниже, чем в среднем в мире, оно стремительно растет.

Что касается распределения работающих женщин по статусу труда, то в 2007 г. доля неоплачиваемого женского труда в странах Тропической Африки составляла 20,1%, самозанятости – 39,2% и наемных работников – 40,7%¹⁸. Тропическая Африка является единственным регионом, где доля женщин, работающих бесплатно, не сократилась, а, напротив, повысилась за последние десять лет (на 3,6%).

Ни в одном регионе мира на условиях самозанятости не трудится такая значительная часть женщин, как в Тропической Африке (почти 40%). Самозанятость – это один из видов неформального труда, который характеризуется низким уровнем оплаты, плохими условиями и отсутствием защиты. Хотя женщины и мужчины приблизительно равно представлены в самостоятельной занятости, удел женщины, как правило, – неквалифицированный труд.

Помимо домашней работы и ухода за детьми и престарелыми, работающие женщины широко представлены в неформальной экономике и сельскохозяйственном секторе. По сравнению с мужчинами они получают более низкую заработную плату, не имеют гарантированной работы и лишены возможностей продвижения по службе. Несмотря на снижение ген-

дерного неравенства в области образования, в том числе на университетском уровне, этот процесс не сопровождается аналогичным увеличением доли женщин на постах специалистов и менеджеров.

Ключевой проблемой всех стран Африки является слом существующих стереотипов, препятствующих вовлечению женщин в трудовую деятельность. Опыт показывает, что женщины тратят больше средств на образование детей или сбережения, чем на обычное потребление. Поэтому обеспечение большего числа рабочих мест для женщин означает расширение потенциальных возможностей для африканских семей использовать труд как средство борьбы с нищетой.

Участие молодежи в возрасте от 15 до 24 лет в рабочей силе традиционно намного выше в странах с низкими доходами, хотя этот показатель постепенно снижается. Самый высокий уровень отмечался в 2007 г. в странах Тропической Африки – 65,2% (против 44,1% в Европейском союзе)¹⁹.

Что касается участия в рабочей силе людей старше 60 лет, то в глобальном плане этот уровень возрастает повсеместно, что связано с увеличением продолжительности жизни и низким уровнем рождаемости. В Африке этот показатель остается самым высоким в мире как в отношении пожилых женщин, так и пожилых мужчин. Около 49% людей старше 64 лет в Африке все еще работают, главным образом в сельском хозяйстве, в то время как в развитых странах эта доля составляет менее 10%.²⁰

Масштабы применения детского труда в Африке являются самыми значительными в мире. В странах Тропической Африки работает 29% детей в возрасте от 5 до 14 лет, то есть практически каждый третий ребенок (по сравнению с каждым шестым во всем мире)²¹. Это – яркое свидетельство неразрывной связи детского труда и нищеты. Перед бедной африканской семьей стоит острая дилемма: школа или работа для ребенка, и многие вынуждены выбирать второе. Вероятность доступа к начальному образованию у детей из беднейших семей ничтожна, причем у девочек она меньше, чем у мальчиков. Детский труд в Африке применяется преимущественно в неформальном секторе, на

фермах и на малых предприятиях. Дети выполняют трудоемкие виды работ, не требующие высокой квалификации, за мизерную плату. На семейных предприятиях и фермах детям, как правило, вообще не платят, так как своим трудом они заменяют взрослых членов семьи, работающих вне дома с целью повышения семейного дохода. Однако даже в условиях семьи детский труд может быть опасным и служить препятствием для обучения в школе.

Проблема сокращения масштабов применения и искоренения детского труда имеет как морально-этические, так и социально-экономические аспекты. Для ее решения необходимы расширение доступа к школьному образованию, повышение доходов семей путем создания более широких возможностей для занятости и заработка взрослым работникам и изменение отношения к труду детей со стороны всего общества в сочетании с соблюдением законов по регулированию детского труда.

Подавляющая часть африканского населения (от 2/3 до 3/4), как и полвека назад, проживает в сельских районах, в большинстве своем удаленных от главных центров экономической деятельности или расположенных на самых непродуктивных землях. При этом, чем беднее страна, тем в большей степени существование ее жителей зависит от сельского хозяйства. Так, 74% населения наименее развитых стран, страдающего от крайней нищеты, проживает в деревне. Работа на фермах составляет от 60 до 75% объема трудовой деятельности в сельских районах и вместе с мелким производством и услугами, связанными с сельским хозяйством, является основным источником средств к существованию жителей деревни.

Несмотря на определенные сдвиги в отраслевой структуре занятости, роль сельского хозяйства как ключевой сферы приложения труда в странах Тропической Африки в ближайшие десятилетия едва ли изменится – останется высокой доля занятых в сельском хозяйстве и будет увеличиваться их абсолютная численность. В 2007 г. 64,7% самодеятельного населения Африки южнее Сахары трудилось в сельском хозяйстве. Однако сельское хозяйство является скорее «пристанищем» так называемо-

го избыточного населения, чем фактором увеличения реального спроса на рабочую силу.

В государствах субрегиона Северная Африка доля занятых в сельском хозяйстве была вдвое ниже, чем в Тропической Африке, и составила в 2007 г. 32,8% – тенденция, свидетельствующая о прогрессивных сдвигах в структуре занятости этого субрегиона Африки.²²

Преобладание в аграрной экономике большинства африканских стран традиционных видов хозяйственной деятельности обуславливает огромное распространение неполной занятости, или относительного аграрного перенаселения. Низкий уровень развития производительных сил в деревне препятствует рациональному использованию рабочей силы, ведет к усилению разрыва между ее численностью и потенциальными возможностями производительного применения. В этом же направлении действуют сезонность сельскохозяйственных работ, низкая производительность аграрного труда в целом, социальные и институциональные условия жизни сельского населения, его традиции, привычки, образ мышления.

Все эти факторы, вместе взятые, сковывают инициативу сельских производителей, снижают эффективность традиционного сельского хозяйства и оказывают огромное депрессивное влияние на уровень занятости. При этом существующие экономические условия (недостаток капитала, отсутствие инфраструктуры, низкая техническая оснащенность труда и т.п.) способствуют сохранению традиционной системы социальных и прочих институтов, препятствующей более рациональному использованию рабочей силы. В результате работники, формально занятые, вносят незначительный вклад в повышение производства, рост доходов и улучшение условий жизни сельского населения. Налицо проблема неполного и неэффективного использования трудовых ресурсов в аграрной сфере.

К сожалению, в национальной и международной статистике отсутствуют современные данные о неполной занятости, или скрытой безработице, в сельском хозяйстве африканских стран. По данным ЭКА, в 2008 г. численность не полностью

занятых в африканской деревне превысила 200 млн человек, составив свыше 70% экономически активного сельского населения²³.

Такой беспрецедентный рост аграрного перенаселения в странах Африки можно определить как острейший кризис сельской занятости. В нынешнем своем состоянии аграрный сектор большинства стран континента не в состоянии обеспечить продуктивную занятость постоянно растущего трудоспособного населения. Это заставляет селян, в основном мужчин, перебираться в городские районы в поисках работы. Однако миграция неоднозначно влияет на занятость, производительность труда и уровень жизни сельского населения. С одной стороны, часть получаемого мигрантами в городе заработка переводится в сельскую местность. Эти переводы позволяют выжить многим жителям деревни, причем наиболее важны они для самых бедных семей, так как используются в основном на приобретение предметов личного потребления. С другой стороны, миграция, как правило, наиболее молодых и трудоспособных жителей ведет к усугублению сельской бедности. Отток мужчин из сельских районов вызывает нехватку там рабочих рук. В странах Тропической Африки многие беднейшие хозяйства из-за этого переходят в руки женщин (в некоторых странах до 40%). Такая «феминизация» сельского хозяйства ведет к углублению продовольственного кризиса в Африке.

Процесс перемещения рабочей силы протекает в исключительно тяжелых и уродливых формах. Масса отчаявшихся людей, не находящих применения своим рабочим рукам, ужасающая бедность, пауперизм и люмпенство – таково лицо современного африканского города. По некоторым оценкам, от 1/3 до 2/3 населения городов живут в трущобах и лачугах, в нищенских и антисанитарных условиях. Между тем нигде не происходит сколько-нибудь значительной обратной миграции из города в деревню. Парадокс состоит в том, что, пытаясь уйти от нищеты и безработицы в сельской местности, тысячи мигрантов пополняют ряды и без того огромной армии городских безработных. Таким образом, скрытое перенаселение деревни превраща-

ется в явную безработицу или неполную занятость в городе. Иными словами, происходит замена одной формы незанятости на другую, скрытой безработицы – на открытую.

Появление избытка рабочей силы в городах зависит не только от ее притока из традиционного сектора, но и от спроса на нее в современном секторе. В последнем используются капиталоемкие технологии и квалифицированные, технически грамотные кадры, поэтому он не может поглотить избыток неквалифицированной рабочей силы. Так, трудопоглощающая способность промышленного сектора в странах Африки остается незначительной. В 2007 г. удельный вес занятых в промышленности в странах Африки южнее Сахары не превышал 9,6%, а в государствах Северной Африки – 20,6%.²⁴ Более того, распространение современной техники лишает многих ремесленников и кустарей самостоятельного дела, часто вызывая потерю традиционной квалификации и даже исчезновение ряда профессий (например, кузнечное дело и гончарство, прядение и ткачество). Хотя переориентация рабочей силы на современную технологию протекает медленно и болезненно, она неизбежно приводит к деформации и ломке существующей структуры занятости и потребления.

Наиболее быстро растет занятость в сфере услуг (6% в год), особенно в торговле, включая мелкую торговлю неформального характера. В целом к концу первой декады нового тысячелетия в третичном секторе экономике было занято 25,7% трудоспособного населения стран Африки южнее Сахары (самый низкий показатель в мире!) и 46,6% трудящихся государств Северной Африки.²⁵ Из-за экономической и социальной неоднородности сферы услуг рост ее доли в обеспечении занятости наряду с позитивными отражает и негативные явления: расширяется скрытая безработица в городах, разбухает неформальный сектор, принимает массовый характер пауперизм и т.п. Таким образом, очевидная деформация структуры рынка трудовых ресурсов африканских стран составляет основу острейшей проблемы безработицы и неполной занятости, от которой страдают миллионы людей в Африке.

6.4. Безработица и неполная занятость в Африке: подходы к решению проблемы

Истинные размеры неиспользуемых трудовых ресурсов в любой развивающейся стране выявить очень сложно, поэтому приходится довольствоваться лишь приблизительными сведениями. Международная статистика располагает на этот счет весьма скромным объемом данных в отличие от прочих экономических и социальных показателей. Большое число оговорок и исключений затрудняет сравнительный анализ положения в этой области в различных странах и в разные периоды. К этому надо добавить несовершенство статистики в самих развивающихся странах – начиная с организации статистических служб, применяемой методологии исследования и кончая достоверностью полученной информации. Учет безработных в отдельных странах проводится по различным системам (на основе числа зарегистрированных на бирже труда, данных выборочных обследований, статистики профсоюзов и т.д.), что часто делает их несопоставимыми.

Наиболее обобщенным показателем, применяемым в международной и национальной статистике для характеристики незанятости населения, служит уровень безработицы, определяемый как доля безработных лиц в рабочей силе. Уровень безработицы широко используется в качестве показателя напряженности на рынке труда и его уязвимости, однако во многих развивающихся странах с высоким уровнем бедности и отсутствием систем социальной безопасности у бедняков нет иного выбора, как трудиться. Зачастую их труд имеет нерегулярный характер с низким уровнем производительности и оплаты труда, однако не подпадает под жесткое определение безработицы.

Согласно классификации МОТ, «безработным считается человек, не имеющий работы, ищущий работу в течение последнего периода времени и в настоящее время готовый к труду»²⁶. Речь идет о полной или так называемой открытой безработице, включающей лишь тех, кто зарегистрирован на бирже труда в качестве безработных. Однако в Африке биржи труда существ-

вуют далеко не везде, а там, где они есть, не охватывают всех нуждающихся в работе, особенно в сельской местности. В результате все оценки полной безработицы оказываются, как правило, сильно заниженными.

Но даже при таких оговорках имеющаяся информация говорит о весьма высоком уровне безработицы в странах Африки по сравнению с другими странами мира. Проведенный МОТ в конце 2000-х годов сравнительный анализ ситуации в этой сфере показал, что 2007 г. из всех лиц, проявлявших активность на рынке труда стран Африки южнее Сахары, 8,2% занимались безуспешными поисками работы. И по сравнению с 2006 годом этот показатель не изменился. Он стал лишь немного меньше, чем десять лет назад (когда он составлял 8,5%), но на целых 0,8% меньше по сравнению с максимальным значением 2002 года, когда многие страны региона переживали кульминационный момент в динамике уровня безработицы. И все-таки в 2007 г. безработных в регионе оказалось на 24,3% больше, чем за десять лет до этого. При этом уровень безработицы в регионе очень разный в зависимости от страны, и при наличии какой-либо системы социального обеспечения он зачастую становится выше. Так, например, в Малави он не превышал в конце 2000-х гг. 1%, в то время как в Ботсване был выше 30%.

В странах Северной Африки ситуация с безработицей также весьма острая. С 1997 по 2007 год численность безработных в субрегионе возросла почти на 25%, и уровень безработицы в 2007 г. составил почти 11% – это второй по величине результат в мире. Но, по крайней мере, в последние годы, после того, как он достиг своего максимума в 2001 г. (13,9%), этот уровень начал снижаться. И опять-таки, по данному показателю в гораздо худшем положении находятся женщины (в 2007 г. уровень безработицы среди женщин составил 16,2%, а среди мужчин – 9,0%) и молодежь (вероятность безработицы среди молодежи в 3,5 раза выше, чем среди взрослых). Молодые женщины в странах Северной Африки оказываются почти в безнадежной ситуации – уровень безработицы среди них достигает 32,2%. Но вряд ли можно считать намного лучшим и положение молодых муж-

чин – среди них этот уровень составляет 21,2%. При таких цифрах неудивительно, что среди молодежи в регионе особенно много людей, потерявших надежду на трудоустройство.²⁷

Небывало быстрыми темпами растет безработица в городах Африканского континента, особенно в Тропической Африке, где в отдельных странах уровень безработицы достигает 25% экономически активного населения (средний показатель для всего развивающегося мира – 6%). Примечательно, что во всех регионах уровень открытой безработицы в НРС выше, чем в остальных, что подтверждает неразрывную связь проблем занятости и нищеты. Африка и по этому показателю опережает страны Азии и Латинской Америки (14,8% против 4,5 и 8,1% соответственно).

Одна из наиболее явных трудовых потерь в городах африканских стран – безработица среди молодежи. По имеющимся оценкам, от 60 до 80% всех городских безработных составляют молодые люди, при этом доля безработных женщин повсеместно выше. Столь высокая концентрация безработных среди молодежи в известной мере объясняется сдвигами в возрастной структуре населения в сторону младших групп (15–24 года) в результате быстрого демографического роста, происходящего в Африке. Наибольшее беспокойство вызывает все возрастающее число безработных среди образованной молодежи. В отличие от Азии и Латинской Америки, в Тропической Африке жертвами безработицы становятся в основном молодые люди, окончившие начальную школу, хотя увеличивается незанятость и среди выпускников средней и высшей школы. В некоторых странах Северной Африки уровень безработицы среди образованной молодежи значительно выше, иногда в 2 раза, чем среди лиц без образования.

Серьезные диспропорции между системой подготовки кадров и реальными потребностями национального хозяйства привели к тому, что, с одной стороны, значительная часть дипломированных специалистов предпочитает праздность недостаточно престижной, на их взгляд, работе, а с другой – усиливается их эмиграция, прежде всего врачей и инженеров. По данным

различных социологических исследований, не все профессионалы покидают страну только по причине низких заработков, многие эмигрируют из-за того, что в стране просто нет работы: африканские, как, впрочем, и многие другие развивающиеся страны, часто готовят значительно больше дипломированных лиц, чем может принять их экономика. В результате молодые люди стоят перед выбором: работать в неформальной экономике или не работать вообще.

Спецификой африканских городов является неформальная занятость. По последним оценкам МОТ, доля неформально занятых в странах Тропической Африки составляет 72% городской рабочей силы (48% – в Северной Африке, 51% – в Латинской Америке и 65% – в Азии)²⁸. Столь высокий показатель по сравнению с другими регионами связан как с относительно слабым развитием современного сектора, так и с высоким приростом городского населения. Большая часть людей, вытесняемых из сельского хозяйства, оседает прежде всего в неформальной сфере мелкой торговли и обслуживания (уличные торговцы, разносчики, чистильщики обуви, мойщики машин и т.п.). По существу, для многих африканцев, мигрирующих в города в поисках работы, неформальный сектор – единственный источник хоть какого-то занятия, приносящего доход. В этом заключается феномен «псевдоразвития» Тропической Африки, сопровождающийся ростом неполной занятости в объемном и трудоемком секторе услуг. В основе данного явления лежит глубокая деформация социально-экономической структуры стран региона, отражающая их неспособность рационально использовать свои трудовые ресурсы.

Неформальной экономике посвящен ряд докладов МОТ, в одном из которых отмечается, что в развивающихся странах происходит «всепроникающая деформализация», или неуправляемый рост неформального сектора экономики, где работники наиболее уязвимы, а социальная защита минимальна. Труд в условиях городской неформальной экономики отличается низким уровнем профессиональной квалификации и производительности, низкими или нерегулярными доходами, большой продол-

жительностью рабочего времени, вредными условиями труда, отсутствием доступа к информации, кредитам, рынкам и т.д.

Большинство людей в странах Тропической Африки живут и трудятся в неформальном секторе экономики не по своему выбору, а лишь из-за необходимости выжить. Наемные и самостоятельно занятые работники, равно как и малые предприятия неформальной экономики, сталкиваются с одинаковыми проблемами, заключающимися в уязвимости, незащищенности и отсутствии стабильности. Не имея возможности найти другую работу или открыть свое предприятие в формальном секторе экономики, они попадают в условия, лишаящие их защиты, прав и возможностей, в результате чего они часто оказываются в тисках нищеты. Занятые в неформальном секторе в городах африканских стран не только практически лишены социальной защиты как со стороны работодателей, так и государства, но и исключены, как правило, из сферы образования и профессиональной подготовки, медицинского обслуживания и т.п.

Условия жизни и труда в сельских районах не лучше. Работники и их семьи живут на земле, подвергаясь растущему воздействию производственных рисков, связанных, в частности, с интенсивным применением химикатов, в том числе токсичных. При этом у сельских жителей отсутствуют возможности для получения образования и информации, необходимых для адекватной реакции на риски, с которыми они сталкиваются. Многие из них вообще никогда не обращаются к врачам из-за их отсутствия в близлежащих районах. Возникновение осложнений в связи с заболеваниями, широко распространенными в Африке, особенно среди сельского населения (такими, как малярия, туберкулез, ВИЧ/СПИД), в сочетании с вредными и опасными для здоровья людей видами работ, безусловно, оказывает разрушительное воздействие на человека и увеличивает смертность населения. Тяжелые условия жизни и труда неимущих слоев африканского населения и в городе, и в деревне создают порочный круг нищенского существования, для которого характерны плохое здоровье, ограниченная трудоспособность, низкая производительность труда и невысокая продолжительность жизни.

Специфической особенностью африканской бедности является то, что более половины проживающих в нищете людей – это лица трудоспособного возраста (от 15 до 64 лет). Безработица, безусловно, является серьезной проблемой для многих стран континента, однако не она определяет размеры и профиль бедности по доходам. Огромные масштабы неполной занятости в сочетании с низкой производительностью труда и ничтожными доходами лежат в основе неспособности людей заработать достаточно средств для удовлетворения своих (и членов семей) минимальных потребностей. Это особенно характерно для занятых в городском неформальном секторе и на сезонных работах в сельском хозяйстве. Другими словами, бедность и нищета в большинстве стран Тропической Африки в гораздо большей степени являются результатом недостатка или отсутствия возможностей работы, приносящей соответствующий заработок (доход), чем просто безработицы как таковой.

В связи с этим представляется более целесообразным для характеристики возможностей занятости (или, скорее, их отсутствия) пользоваться не показателями официальной безработицы, которые, как правило, низки в развивающихся странах, где бедные люди не могут себе позволить не работать вообще и изыскивают любые источники к существованию (в частности, в неформальной экономике), а такими показателями, как доля незащищенных занятых (неоплачиваемые работники семейных предприятий и лица, работающие на индивидуальной основе) и доля работающих бедных, то есть живущих менее чем на 2 долл. в день. Понятие «работающие бедные» введено в оборот относительно недавно – на 87-й сессии МКТ (1999 г.) и с тех пор широко используется как в исследовательских, так и в практических целях.

Доля незащищенных занятых (неоплачиваемые работники семейных предприятий и лица, работающие на индивидуальной основе) в странах Африки южнее Сахары по-прежнему превышает 70%, а доля наемных работников составляет лишь четверть всего занятого населения. Еще хуже обстоят дела среди женщин: доля незащищенных занятых среди них составляет

81,7%, и это значит, что из каждых десяти женщин лишь менее двух имеют работу со стабильным доходом и невысокой степенью экономического риска. Среди мужчин картина выглядит не намного лучше: к категории наемных работников относятся лишь трое из каждых десяти. Но в отличие от женщин среди них, по крайней мере, не так много неоплачиваемых работников семейных предприятий, вообще не имеющих никакого дохода. Среди женщин доля работников с этим статусом занятости составила 34,7%, а среди мужчин – 18,4%. В целом, за прошедший десятилетний период с 1997 по 2007 год доля незащищенных занятых как среди мужчин, так и среди женщин заметно уменьшилась, хотя изначально она была очень большой.

Определенные надежды были связаны с ростом производительности труда в африканских странах, имевшим место в первой половине 2000-х гг. Но страны Африки южнее Сахары не смогли сохранить те многообещающие темпы роста производительности труда, которые наблюдались в 2004 и 2005 гг. (более 2%), и в 2006 и 2007 гг. эти темпы оказались меньше 2%.

Между Африкой южнее Сахары и остальными регионами все еще сохраняется большой разрыв по производительности труда. В настоящее время условно-чистая продукция на одного работника в Африке южнее Сахары в 13 раз меньше, чем в развитых странах. Увеличению доходов среди значительной части населения препятствуют такие факторы, как изначально низкий стартовый уровень, а также медленный и неустойчивый рост производительности труда. Эта точка зрения подтверждается простым расчетом: если предположить, что годовая производительность на одного занятого составляет 5012 долл. США, а доля трудовых доходов в ВВП – 30,9%, то получается доход на одного занятого в 1500 долл. США в год или 4 долл. США в день. Поскольку в странах Африки южнее Сахары проживает в общей сложности 769 млн чел., а работу имеют только 297 млн, то выходит, что каждому работающему приходится содержать еще примерно 2,6 человека. Другими словами, каждый занятый на свои 4 долл. США в день должен содержать еще 2,6 человека, в итоге получается ежедневный доход на душу населения

примерно в 1,6 долл.²⁹ США. Поскольку известно, что доход распределяется среди занятых далеко не равномерно, этот простой расчет показывает, что при такой низкой производительности большинство людей живет в нищете.

Сохранение очень большой доли незащищенных занятых в сочетании с медленным ростом производительности, не способным обеспечить увеличение доходов населения, находит свое отражение в таком показателе, как доля «работающих бедных». Несмотря на то, что за период с 1997 по 2007 гг. доля «работающих бедных», живущих на 1 долл. США в день, сократилась на 4,3%, все равно в регионе более половины занятых по-прежнему не имеют достаточных заработков, позволяющих им самим и их семьям выбраться из нищеты. Ситуация в этой области в Африке южнее Сахары намного хуже, чем во всех остальных регионах. В 2007 г. менее чем на 2 долл. США в день там жили 85,4% всех занятых, и этот процент с 1997 года почти не изменился. Доли работников, живущих как на 1, так и на 2 долл. США в день, в странах Африки южнее Сахары самые большие в мире, и разрыв с остальными регионами продолжает увеличиваться. Общая численность «работающих бедных» (живущих как на 1, так и на 2 долл. США в день) за десятилетний период возросла. В 2007 г. «работающих бедных», живущих на 1 долл. США в день, стало больше на 20,4% (или на 26,6 млн чел.), а живущих на 2 долл. США в день – на 28,1% (или на 55,5 млн чел.). Большую озабоченность вызывает тот факт, что, несмотря на позитивные тенденции в экономике, наблюдаемые в последние годы, эти цифры продолжают расти. Только за 2006 и 2007 гг. численность «работающих бедных», живущих на 1 долл. США в день, увеличилась еще на 2,9 млн чел., а живущих на 2 долл. США в день – на 6,2 млн чел.

В странах Северной Африки ситуация не столь пессимистична.

Производительность труда среди занятого населения за последние десять лет увеличилась на 17%. Это не такой впечатляющий результат, как в азиатских, и особенно в восточноазиатских странах. Десять лет назад производительность труда в

Северной Африке была в два раза выше, чем в Восточной Азии, а в 2007 г. оба региона оказались почти на одном уровне (14775 долл. США в Северной Африке и 13423 долл. США в Восточной Азии).

Рост производительности может объясняться улучшением условий занятости, поскольку труд людей в такой ситуации становится более продуктивным, и кроме того он может приводить к повышению качества создаваемых рабочих мест. В странах Северной Африки рост производительности заметно отразился на ситуации с незащищенными занятыми: их доля в общей численности всех занятых сократилась за десять лет с 36,9% до 30,7%. Стоит отметить, что это сокращение происходило главным образом за счет улучшения условий занятости женщин. Их перемещение из группы незащищенных занятых, объединяющей в себе неоплачиваемых работников семейных предприятий и лиц, работающих на индивидуальной основе, в группу наемных работников происходило настолько интенсивно, что теперь доля последних среди занятых женщин почти сравнялась с аналогичной долей среди мужчин и составляет немногим меньше 60%. Это объясняется отчасти вложением значительных средств в женское образование в последние годы, а также тем фактом, что многие рабочие места для наемных работников находятся в государственном секторе, где женщинам устроиться на работу гораздо легче, чем в частном секторе.

В результате роста производительности труда и сокращения доли незащищенных занятых в регионе почти исчезло такое явление, как крайняя нищета работающего населения. Доля «работающих бедных», живущих на 2 долл. США в день, уменьшилась за десять лет на 8% и составляет теперь 42,0%.

Бедность, характерная для значительной части трудоспособного населения Африки, определяется состоянием рынка труда и является следствием: спроса и предложения труда; неравенства трудоспособного населения на рынке труда в доступе к продуктивной занятости; различий в рабочих местах, определяющих различия в уровнях заработной платы; экономической неопределенности и рисков в социально-трудовой сфере; трудо-

вой миграции и др. Эти объективно присущие рынку труда качества предопределяют формирование специфических форм бедности, а также характер и степень уязвимости экономически активного населения на рынке труда. В то же время многие формы бедности, такие, например, что ассоциируются с плохим здоровьем или старостью, связаны с механизмами рынка труда опосредованно, в большей степени реагируя на формальные и неформальные системы социальной поддержки, чем на доходы от занятости.

Существует и обратное влияние бедности на рынок труда. В условиях, когда организованные рынки труда в Тропической Африке еще крайне слабы и неэффективны, а две трети населения фактически живут и трудятся в неформальной экономике, то есть вне сферы действия формального, в том числе трудового, законодательства, именно бедность является катализатором неформального рынка труда. Она обуславливает накопление и консервацию неоправданно большого числа маргинальных, малопроизводительных и низкодоходных рабочих мест, не обеспечивающих прожиточный минимум занятых на них людей. В результате они не могут выделить достаточных средств для образования, профессиональной подготовки и переподготовки ни для себя, ни для своих детей, не говоря уже о других нуждах. В итоге формируется замкнутый круг застойного, неэффективного рынка труда с критической массой трудоспособных бедных.

Опыт большинства африканских стран свидетельствует, что экономические потрясения 1980–1990-х гг. и процессы структурной адаптации сопровождались ликвидацией значительного числа рабочих мест, ростом явной и скрытой безработицы, падением реальных доходов и прочими негативными факторами, чреватými социальным риском. В особо тяжелом положении оказались те, кто только приступил к трудовой деятельности (в частности, выпускники школ и вузов), а также наиболее уязвимые группы населения, которые не имеют ни каких-либо материальных резервов, ни доступа к социальному обеспечению.

Снижение доходов населения, в том числе в связи с замораживанием многих социальных программ, серьезно ограничило возможности получения образования и профессиональных навыков, обеспечения медицинскими услугами и жильем. Низкие доходы сузили трудовую мотивацию, а сокращение государственных расходов на образование, здравоохранение, жилищное строительство и питание привело к снижению качества и производительного потенциала людских ресурсов, особенно молодежи.

Ряды полностью и частично безработных, которые не удалось сократить в предыдущие периоды, пополнились новыми категориями. Это – уволенные, не нашедшие альтернативных источников существования; низкооплачиваемые, чьи реальные доходы упали; занятые в неформальном секторе, не выдержавшие конкуренции и потерявшие свои заработки; мелкие фермеры и занятые в домашнем хозяйстве, в основном женщины. В результате роста цен, сокращения затрат на социальные нужды и субсидий все эти достаточно многочисленные группы населения попали в разряд так называемых новых бедных. Что касается огромной массы африканцев, уже находившихся за чертой бедности, то для них, по образному выражению экспертов МОТ, структурная адаптация означала не что иное, как «еще одно закручивание гаек».

Из-за своей неспособности сократить бедность работающего населения вследствие низких темпов роста производительности труда и слишком медленного уменьшения доли незащищенных занятых в сочетании с ростом численности безработных Африка южнее Сахары считается не способной достичь Цели развития тысячелетия № 1 и добиться к 2015 г. сокращения доли людей, живущих в крайней нищете, вдвое. Во многих странах это объясняется скорее не существующими условиями экономической среды, а до сих пор незначительным влиянием экономического роста на процесс создания достойных рабочих мест. В предстоящие годы перед регионом будет стоять важная и трудная двойная задача: обеспечить создание дополнительных новых и достойных рабочих мест.

Что касается субрегиона Северная Африка, то если принять во внимание тот изначально низкий уровень бедности, с которого Северная Африка начинала, то становится понятно, что сокращение крайней нищеты вдвое – не самая насущная задача в регионе. Здесь следует сосредоточиться скорее на дополнительном интегрировании населения, особенно женщин, в рабочую силу, а также на повышении производительности труда, поскольку сравнительное преимущество региона заключается отнюдь не в дешевом труде и многочисленном человеческом капитале. Устойчивое экономическое развитие должно сопровождаться увеличением числа достойных рабочих мест, особенно в связи с тем, что в регионе наблюдаются высокие темпы роста численности рабочей силы. Добиться этого можно будет только в том случае, если страны продолжают курс на диверсификацию экономики и будут развивать не только традиционные отрасли, такие, как сельское хозяйство, разработка природных ресурсов, строительство и общественные работы, но и те сектора, которые могут обеспечить большее число рабочих мест лучшего качества, особенно для молодежи, и которые больше ориентированы на экспорт, отличаются значительной трудоемкостью и наукоемкостью.

В целом, из-за отсутствия в большинстве стран Африки социально ориентированного подхода к преодолению кризиса и проведению структурных реформ, отрицательное воздействие на рынок трудовых ресурсов оказалось более значительным и серьезным, чем предполагалось. Без преувеличения можно сказать, что успех любых структурных изменений в экономике зависит от того, насколько точно они отражают состояние рынка труда со всеми присущими ему особенностями. Обеспечение мобильности трудовых ресурсов, предоставление более твердых гарантий занятости, достижение гибкости заработной платы, улучшение условий труда и жизни бедных слоев населения неизбежно требуют времени и финансовых средств. Необходим социально ориентированный подход, уделяющий больше внимания структурным особенностям экономики и снижению отрицательных последствий тех или иных реформ. Решение этой

задачи непосредственно связано с коренными изменениями в экономической политике большинства стран Африки, включая политику в области занятости и борьбы с бедностью. Поэтому государству отводится особая роль в обеспечении продуктивной занятости трудовых ресурсов, особенно работающих бедных, смягчении издержек структурных реформ и оказании помощи обездоленному населению.

Универсального рецепта для всех стран континента не существует, однако активная политика в сфере рынка труда предполагает целый ряд мер: поиски работы, набор и трудоустройство; профессиональная подготовка; программы расширения занятости, в том числе проекты общественных работ; поддержка мелкого бизнеса и самостоятельной занятости; программы для молодежи, женщин и т.п.

В конечном счете подъем экономики африканских стран в существенной степени будет зависеть от состояния трудовых ресурсов как в городе, так и в деревне. Это непосредственно связано с улучшением жизни и труда всех африканцев, независимо от места проживания, рода занятий и уровня доходов, с сокращением оттока сельского населения в города, развитием мелкого предпринимательства на селе, предотвращением «утечки умов» из национального хозяйства, расширением потенциальных возможностей неформального сектора и т.д.

Поскольку большинство африканских стран не имеет систем социальной защиты от безработицы и бедности, наиболее эффективными представляются программы создания новых рабочих мест, особенно организация общественных работ. Это направление предполагает широкое применение ручного неквалифицированного труда на строительстве объектов инфраструктуры (сельских дорог, мелких ирригационных сооружений, дешевого жилья, школ, больниц и т.п.). Большое количество рабочей силы можно также занять на освоении новых земель, мелиорации, лесопосадках, почвовосстановительных работах. Различные проекты трудоемких общественных работ особенно эффективны в сельской местности. Однако и в африканских городах целесообразно расширять сферу общественных работ для низ-

ших слоев населения. Это могут быть такие простейшие виды работ, как укладка тротуаров, ремонт школ и больниц, выращивание овощей, изготовление игрушек, одежды и т.п.

Данные проекты преследуют тройную цель: создание рабочих мест, сокращение бедности и защиту трудящихся. Они рассчитаны на малоимущих и безработных, особенно в неформальном секторе. Вероятность успеха таких проектов, как правило, возрастает при более высокой мобильности трудовых ресурсов и при наличии традиций коллективного труда, характерных для африканского общества. Умелое использование трудоинтенсивных методов при строительстве объектов инфраструктуры доказало свою эффективность с точки зрения экономии средств, особенно иностранной валюты, и роста производительности труда. Так, данные сравнительных исследований, проведенных в Гане, Замбии, Лесото, Мадагаскаре и Руанде, свидетельствуют, что трудоинтенсивный вариант примерно на 10–30% дешевле использования оборудования, что он на 50–60% сокращает потребность в иностранной валюте и при таком же объеме инвестиций создает от двух до пяти раз больше рабочих мест³⁰.

Немалыми возможностями для трудоустройства обладает неформальный сектор, который вначале рассматривался как фактор, противоречащий развитию, как средоточие безработных и лиц, занятых всякого рода неопределенными и даже незаконными видами деятельности (спекуляция, проституция, воровство и т.п.). Лишь со временем стали признаваться неизбежность его существования и расширения, с одной стороны, и его большие резервы в плане создания новых рабочих мест – с другой. В настоящее время неформальный сектор становится ведущим в деле обеспечения занятости в африканских городах. В то же время остро стоит проблема повышения производительности труда в этом секторе, расширения индивидуальной трудовой деятельности, особенно молодежи.

Признание потенциальных возможностей неформального сектора можно рассматривать как положительный сдвиг в социально-экономической политике африканских правительств, однако фокусирование внимания лишь на беднейших городских

слоях без проведения аналогичной политики в аграрной сфере может способствовать дальнейшему оттоку сельских жителей в города. Фундаментальное решение проблем неполной занятости и нищеты на континенте требует радикальной трансформации сельского хозяйства, превращения его из стагнирующего в динамичный производительный сектор. Наряду с мерами по подъему сельского хозяйства с целью расширения занятости следует стимулировать нефермерскую трудовую деятельность в сельской местности. Речь идет о переработке сельскохозяйственной продукции, ее реализации и т.д. Можно предположить, что во многих странах Тропической Африки значение нефермерской деятельности будет возрастать по мере увеличения нагрузки на пахотные земли в связи с ростом населения.

Немаловажное значение в странах Африки придается и усилиям, которые косвенным образом способствуют обеспечению занятости и социальной защите населения. Это – программы в области образования и подготовки кадров, здравоохранения, обеспечения продовольствием и жильем, миграционная политика, меры по планированию семьи и др. Реализация всех этих программ требует целенаправленных усилий со стороны как национальных государств, так и международных организаций по сохранению необходимого уровня социальных расходов для удовлетворения основных нужд африканского населения. В целом существует множество вариантов программ по совершенствованию рынка труда и системы социальной защиты. Какая программа (или комплекс мер) будет признана наиболее предпочтительной, зависит от конкретных обстоятельств, социальных приоритетов и финансовых возможностей каждой африканской страны.

6.5. Человеческий капитал Африки в условиях глобализации

Сегодня социальный компонент стал безусловной основой стратегии развития всей мировой экономики. Если еще в прошлом веке человеческий потенциал во многом воспринимался

как бесплатный, возобновляемый и практически неограниченный ресурс, то сегодня в мире наблюдается совсем иная картина. Развертывание глобальной конкуренции за человеческий капитал, не уступающей по масштабу конкуренции за капитал финансовый и за мировые ресурсы, обозначило рубеж между индустриальной и постиндустриальной экономикой. Раньше считалось, что материальное производство содержит нематериальное за свой счет. В современном мире подобный подход уже не актуален: конкурентоспособность реального производства теперь зависит от предложения человеческого капитала в его количественном и качественном выражении. Многообразие воздействия человеческого фактора на социально-экономическую эволюцию наименее развитых стран и России пока что изучено недостаточно.

Для многих развивающихся стран, включая страны СНГ и Африки, проблемы демографии, оптимального использования рабочей силы, производительности труда, оттока квалифицированных кадров, образования, здравоохранения, повышения уровня жизни далеки от своего разрешения. В Африке мы наблюдаем противоречие между колоссальным приростом населения и качественной составляющей человеческого фактора. Демографическая «афроазиатизация» мира (в современном мире 95% прироста населения и прироста трудовых ресурсов приходится на страны Азии и Африки) вызовет в ближайшие годы и уже вызывает существенную трансформацию человеческого капитала в глобальных масштабах. Эти процессы затронут и Россию, где в условиях реального сокращения населения стоит задача количественной стабилизации человеческого капитала и сохранения его интеллектуального потенциала, по которому наша страна все еще вполне конкурентоспособна. Для этого необходимо увеличивать продолжительность жизни населения, снижать смертность, повышать качество образовательного процесса, развивать инновационную сферу. Социальная составляющая должна непременно учитываться в стратегии национального развития как развитых, так и развивающихся стран, что позволит им достигнуть устойчивых темпов развития, поднять в бли-

жайшие десятилетия уровень жизни своих граждан, добиться социальной и политической стабильности.

В получивших развитие в конце прошлого столетия теориях эндогенного роста именно человек выдвигается в центр современного воспроизводственного процесса, что нашло отражение в лавинообразном росте популярности теории человеческого капитала. Сегодня конкурентоспособность государства во многом определяется конкурентоспособностью населения страны. Она включает в себя человеческий капитал как главный ресурс страны, представляющий собой «количество и качество людей, пригодных по своим медицинским, психологическим, интеллектуальным, культурным, профессиональным параметрам для конкурентной борьбы». ³¹ В современном мире вектор цивилизационного развития меняет свое направление от роста производительности труда к увеличению продуктивности ресурсов и формированию их новых видов. При этом роль человеческого капитала в системе ресурсов государства постоянно повышается, что обусловлено целым рядом факторов, в том числе:

- модернизацией социально-политического состояния общества и совершенствованием его жизнеустройства;
- накоплением колоссального объема научной и технической информации;
- бурным ростом инновационной экономики, которая обеспечивает в развитых странах до 80% прироста ВВП;
- резким сокращением периода обновления знаний, ключевых технологий, так что на жизнь одного поколения приходится несколько смен технологий, теоретических знаний и практических навыков.

Человеческий капитал, формирующийся в странах Африки, по сравнению с развитыми государствами характеризуется относительно низкими параметрами жизнеспособности, сравнительно не высоким образовательным уровнем и во многом устаревшим образом жизни. Все это препятствует его успешной адаптации в настоящем и тем более формированию проектов будущего, сбережению окружающей среды и рациональному

использованию природных и финансовых ресурсов. Следовательно, пока не изменится качество (и количество) человеческого капитала в Африке, трудно ожидать там формирования эффективной социально-экономической системы.

Говоря о современных проблемах формирования человеческого капитала в Африке и в мире в целом, следует помнить о его количественной (демографической) составляющей. Как было показано во второй и третьей главах диссертации, прирост мирового населения в ближайшие десятилетия в значительной степени будет происходить за счет его африканской составляющей. При среднем прогнозе роста мирового населения к 2025 г. в Африке будет проживать пятая часть населения Земли. ***Быстрое увеличение численности африканского населения по сравнению с другими регионами мира приведет к тому, что количественная составляющая воспроизводства человеческого капитала сместится в сторону Африки.***

Происходящий в Африке бурный демографический рост обуславливает, в свою очередь, быстрый рост трудоспособного населения, что еще более усложняет ситуацию на региональном и мировом рынках труда. Так, общая численность трудоспособного населения в Африке южнее Сахары более чем удвоилась за последние 30 лет и, по прогнозам, к 2025 г. увеличится еще в 2,5 раза. В то же время в современном секторе создается лишь 5–10% всего числа новых рабочих мест, подавляющая их часть приходится на неформальный сектор и низкорентабельное сельское хозяйство, что самым неблагоприятным образом сказывается на качественных характеристиках человеческого капитала африканских государств.³²

Такая ситуация на африканском рынке труда, когда спрос на рабочую силу в реальном секторе экономики очень низок или отсутствует вообще, а предложение рабочих рук чрезмерно велико, свидетельствует о существенных диспропорциях в развитии не только самого рынка, но и всей экономики региона в целом, что чревато серьезными последствиями. Расширение разрыва между ростом трудоспособного населения и созданием новых рабочих мест крайне обостряет реальные возможности

обеспечения работой, продовольствием, повышения квалификации и т.д. К тому же все это происходит на фоне постоянно углубляющегося кризиса занятости в Африке. Иными словами, воспроизводство рабочей силы в количественном отношении намного превосходит существующие возможности ее эффективного использования, разрушая тем самым человеческий и трудовой потенциал как важнейший ресурс для развития.

Подавляющая часть африканского населения (от 2/3 до 3/4), как и полвека назад, проживает в сельских районах, при этом чем беднее страна, тем в большей степени существование ее жителей зависит от сельского хозяйства. Однако сельское хозяйство является скорее «пристанищем» так называемого избыточного населения, чем фактором увеличения реального спроса на рабочую силу. В нынешнем своем состоянии аграрный сектор большинства стран региона не способен обеспечить продуктивную занятость постоянно растущего трудоспособного населения.

Появление избытка рабочей силы в городах зависит не только от ее притока из традиционного сектора, но и от спроса на нее в современном секторе. В последнем используются капиталоемкие технологии и квалифицированные, технически грамотные кадры, поэтому он не может поглотить избыток неквалифицированной рабочей силы. Так, трудопоглощающая способность промышленного сектора в Африке не превышает 10% экономически активного населения континента. Хотя переориентация рабочей силы на современную технологию протекает медленно и болезненно, она неизбежно приводит к деформации и ломке существующей структуры занятости и потребления.

Наиболее быстро растет занятость в сфере услуг, особенно в торговле, включая мелкую торговлю неформального характера. И хотя труд в условиях городской неформальной экономики отличается низким уровнем производительности, низкими и нерегулярными заработками, а также отсутствием социальной защиты, для многих африканцев, мигрирующих в города в поисках работы, неформальный сектор, по существу, – единственный источник хоть какого-то занятия, приносящего доход. В этом

заключается феномен «псевдоразвития» Тропической Африки, сопровождающийся ростом неполной занятости в объемном и трудоемком секторе услуг. В основе данного явления лежит глубокая деформация социально-экономической структуры стран региона, отражающая их неспособность рационально использовать свой человеческий капитал.

Одна из наиболее явных трудовых потерь в городах африканских стран – безработица среди молодежи, особенно образованной. В некоторых странах уровень безработицы среди образованной молодежи значительно выше, иногда в два раза, чем среди лиц без образования. Серьезные диспропорции между системой подготовки кадров и реальными потребностями национального хозяйства привели к тому, что, с одной стороны, значительная часть дипломированных специалистов предпочитает праздность недостаточно престижной, на их взгляд, работе, а с другой – усиливается их эмиграция, прежде всего врачей, ученых и инженеров. В то же время вакансии на ряд специальностей в основном технического профиля заполняются иностранными специалистами.

В условиях, когда организованные рынки труда в Африке еще крайне слабы и неэффективны, а две трети населения фактически живут и трудятся в неформальной экономике, именно бедность является катализатором неформального рынка труда. Она обуславливает накопление и консервацию неоправданно большого числа маргинальных, малопроизводительных и низкодоходных рабочих мест, не обеспечивающих прожиточный минимум занятых на них людей. В результате они не могут выделить достаточной суммы средств для образования, профессиональной подготовки и переподготовки ни для себя, ни для своих детей, не говоря уже о других нуждах. В итоге формируется замкнутый круг застойного, неэффективного рынка труда с критической массой трудоспособных бедных и крайне низким качеством человеческого капитала.

Размеры вложений в человека как производителя и потребителя материальных и духовных благ всегда были и остаются важнейшим фактором экономического развития. Общепризна-

но, что инвестиции в человеческий капитал играют ключевую роль в повышении общественной производительности труда и ускорении темпов экономического роста. Решение проблем, связанных с развитием образования и здравоохранения в условиях критического состояния человеческих ресурсов, весьма актуально для Африки как наиболее бедного и отсталого континента планеты.

В последнее десятилетие, особенно в докризисный период, в связи с возобновлением на континенте экономического роста наблюдались позитивные сдвиги в развитии сферы образования. Наиболее заметным достижением стал почти 40%-ный рост показателя зачисления в начальные школы в Африке южнее Сахары, что явилось результатом эффективности государственной политики наряду с международной поддержкой. В 10 странах региона (Бенине, Замбии, Кении, Лесото, Мадагаскаре, Малави, Мали, Мозамбике, Танзании и Уганде) была упразднена плата за начальное образование, что открыло доступ к школьному обучению детей из малообеспеченных семей. Во многих странах были приняты меры по ликвидации преград для обучения девочек, в результате чего в Африке в целом снизился уровень гендерного неравенства в сфере образования. Показатель охвата населения обучением составил в 2007 г. в странах Северной Африки – 70%, а в странах Тропической Африки – 31%.³³ Ежегодный рост государственных ассигнований на образование в регионе составил 5%. Почти вдвое возросла и помощь доноров, предоставляемая на эти цели бедным странам³⁴.

Вместе с тем в Африке южнее Сахары около 40 млн детей начального школьного возраста все еще не посещают школу, а около 40% поступивших в первый класс не заканчивают ее. Большая часть этих детей – из бедных семей, где дилемма «школа или работа» решается в пользу последней. Совершенно очевидно, что, несмотря на значительный прогресс в 2000-е годы, обеспечение к 2015 г. всеобщего начального образования, как и гендерного паритета в образовании в качестве целей развития тысячелетия ООН (ЦРТ) в Африке в целом не будет достигнуто.

Уровень неграмотности среди взрослых африканцев (40%) – самый высокий в мире, причем абсолютное число неграмотных на континенте продолжает расти, хотя их доля постепенно снижается. Это означает, что практически двое из каждых пяти взрослых африканцев не обладают базовыми навыками грамотности, то есть не умеют читать и писать. Несмотря на то, что рост уровня грамотности в целом по Африке составил 10% по сравнению с 1990 г., в странах, расположенных к югу от Сахары, насчитывается 150 млн неграмотных взрослых (т.е. менее 60% взрослого населения этого региона умеют читать и писать). По оценкам ЮНЕСКО к 2015 г. число неграмотных в странах Африки, расположенных к югу от Сахары, может возрасти до 168 млн человек. Более того, около 38 млн детей, проживающих в этом регионе, не посещают школу, и почти две трети из них бросают учебу, либо заканчивают школу, так и не овладев основами школьных курсов.³⁵

Сравнительно низким продолжает оставаться индикатор охвата африканского населения обучением в высшей школе. В 2007 г. он составил в странах Африки южнее Сахары всего 5%, а в странах Северной Африки – 22%, в то время как аналогичный показатель по развитым странам достигал 63%.³⁶ Немалые различия по данному показателю существуют на страновом уровне – от 1% в Танзании и Мозамбике, 10% в Нигерии, 15% в ЮАР до 24% в Тунисе и 35% в Египте.³⁷

Среднее число лет обучения в Африке также продолжает оставаться достаточно низким (5,4 года), что в 3,5–4 раза ниже, чем в развитых странах (16,6 лет в Японии и 20 лет в США).³⁸

Нерешенной проблемой остается качество образования. Во многих африканских странах, особенно наименее развитых, школьная инфраструктура неразвита, учебные классы переполнены, отсутствует адекватная учебная среда. Широко распространенным явлением стала острая нехватка учителей и еще больший дефицит квалифицированных преподавателей, что негативно влияет на качество обучения. Так, число учеников в начальной школе, приходящихся на одного учителя, в странах Тропической Африки достигает 50 человек, что в 2,5–3 раза вы-

ше, чем в развитых странах.³⁹ При этом в средней школе невелик процент учащихся, получающих профтехобразование, а в высшей – мала доля студентов, изучающих естественнонаучные и технические дисциплины.

Существенно отстает Африка и по такому показателю, как число исследователей на 1 млн жителей. Данный индикатор в целом по Африке не превышает 108 человек (в ЮАР – 379 человек) против 5000 человек в развитых странах. В Африке южнее Сахары выпускается за год 1,7 научных статьи на 1 млн жителей (в ЮАР – 53), а в среднем по развитым государствам данный показатель достигает 580.⁴⁰

Сохраняет свою актуальность и проблема финансового обеспечения развития образования. Достаточно сказать, что, несмотря на немалые усилия африканских государств в текущем десятилетии по наращиванию вложений в эту сферу, в том числе за счет внешней помощи, уровень 1980 г. в 5,2% ВВП региона пока не достигнут (4,5% ВВП в 2007 г.), что свидетельствует о глубине спада в области финансирования образования в 80–90-е годы прошлого века. Еще более низкими остаются расходы африканских государств на НИОКР, доля которых в ВВП стран Тропической Африки не превышает 0,1–0,2%.⁴¹

Одной из основных проблем африканских государств в сфере образования и качественного роста человеческого капитала служит отток высококвалифицированных специалистов за рубеж. «Утечка мозгов» из Африки в Западную Европу и даже в Северную Америку увеличивалась по мере роста числа специалистов с высшим образованием, не находивших работу в собственных странах. По оценкам ЮНКТАД, среднегодовое число высококвалифицированных мигрантов, выезжавших из Африки, в 1960–1974 гг. составляло 1800, в 1975–1984 гг. – 4400, в 1985–1987 гг. – 23000, в 1990–1995 – 28000, а в 1996–2008 – около 40000 человек. Эксперты Всемирного Банка полагают, что в период 1960–2008 гг. из Африки эмигрировали более миллиона специалистов разного профиля (30 проц. высококвалифицированных работников)⁴². Несмотря на то, что доля квалифицированных кадров в общей численности рабочей силы к югу

от Сахары не превышает 4%, на этих трудящихся приходится более 40% мигрантов. Уровень миграции квалифицированных кадров в пяти африканских странах превышает 50%, в том числе в Кабо-Верде – 67,5%, в Гамбии – 63,3%, на Сейшельских островах – 55,9%, на Маврикии – 56,2% и в Сьерра-Леоне – 52,5%.⁴³ На западном и восточном побережьях Африки очень высокий уровень миграции квалифицированных кадров (более 30%) наблюдается в Гане, Мозамбике, Кении, Уганде, Анголе и Сомали. В среднем, один из четырех врачей и одна из 20 медицинских сестер, получивших образование в Африке, работает в странах ОЭСР. Некоторые африканские страны испытывают колоссальные трудности, связанные с отъездом квалифицированных медицинских работников за границу. Так, например, 29% врачей Ганы и 34% медицинских сестер Зимбабве работает за границей.⁴⁴

Отъезд высококвалифицированных специалистов является большой потерей для самих африканских государств. Сегодня страны Африки, по существу, дополнительно субсидируют развитие и без того богатых западных стран, избавляя их от дорогостоящей задачи готовить национальные кадры в тех масштабах, которые им необходимы.

В целом, хотя достижения последних лет очевидны, современное состояние образования в Африке не соответствует ни реальным экономическим потребностям стран региона в квалифицированных кадрах, ни оптимальному использованию человеческого капитала, что затрудняет дальнейшее самостоятельное развитие африканских государств. Абсолютный рост числа неграмотных, высокий процент «школьных потерь» (отсев и второгодничество), несбалансированность структуры подготовки квалифицированных кадров со спросом на них, непрекращающаяся «утечка умов», острый недостаток финансовых средств – все это требует усиления организационных мер национального государства, расширения его финансовых возможностей с целью снижения зависимости от внешней помощи в долгосрочной перспективе, тесной увязки политики в области образования с конкретными условиями и целями развития.

Помимо образовательного уровня важным аспектом качественного состояния трудовых ресурсов является состояние их здоровья. Подробно этот аспект проблемы анализировался нами в третьей главе диссертации, здесь же мы подчеркнем лишь тот факт, что государственные затраты на здравоохранение в подавляющем числе стран Африки явно недостаточны, чтобы обеспечить медицинское обслуживание быстро растущего населения. По оценкам ВОЗ, в 2007 г. 36 стран Тропической Африки расходовали на нужды здравоохранения менее 30 долл. США на душу населения, включая внешнюю помощь. Для сравнения, в том же году 16 стран с высоким уровнем доходов затратили на те же цели более 3000 долл. в расчете на одного человека⁴⁵.

Помимо крайней ограниченности финансовых ресурсов Африка испытывает острый дефицит медицинских работников, необходимых для предоставления адекватных услуг в области здравоохранения. На этот регион, где одна четвертая часть населения обременена болезнями, приходится менее одного процента общемировых финансовых средств, выделяемых на здравоохранение, и всего 3% мирового контингента медицинских работников.⁴⁶ Многие страны Африки, особенно наименее развитые, сталкиваются с абсолютной нехваткой врачей и медсестер. Не меньший удар по сфере здравоохранения в регионе наносит отток африканских медиков-профессионалов в промышленно развитые страны в поисках более высокой оплаты и лучших условий труда. В целом дальнейшее развитие национальных систем здравоохранения в Африке серьезно тормозится как из-за дефицита финансовых ресурсов и кадров, так и по социальным и институциональным причинам.

Совершенно очевидно, что стабильный экономический рост в Африке в ближайшие годы будет невозможен без развития человеческого фактора, без положительных сдвигов в условиях жизни и работы африканцев, без целенаправленных значительных инвестиций в человеческий капитал, прежде всего в такие его формы, как образование и здравоохранение.

Подводя краткий итог исследованию состояния и перспектив развития рынка труда в Африке, можно выделить несколько основных моментов:

1. В постиндустриальных технологических обществах, в новой экономике, основанной на знаниях, высококвалифицированные кадры, аккумулированный человеческий капитал играют ключевую роль. Усиливается конкуренция за обладание ограниченными человеческими ресурсами, наступает эра «борьбы за человеческие таланты». Большинство промышленно развитых стран испытывают сегодня дефицит в высококвалифицированных специалистах. При этом расходы на производство человеческого капитала перекадываются на развивающиеся, в том числе, на африканские, государства, а человеческий капитал высокого качества устремляется в страны «золотого миллиарда».

2. Сегодня центр формирования количественной составляющей человеческого капитала перемещается в Азию и Африку, при этом население последней в ближайшие десятилетия будет расти самыми высокими в мире темпами. Быстрым будет также рост трудовых ресурсов Африканского континента. Однако по своим качественным характеристикам: по уровню жизни и образования, состоянию здоровья, т. е. по тем показателям, которые имеют отношения к человеческому капиталу, трудовые ресурсы Африки будут существенно уступать не только западным государствам, но и быстро растущим азиатским странам. В качестве основных факторов, противодействующих системному формированию и развитию человеческого капитала на Африканском континенте можно назвать социально-экономическую отсталость, низкий уровень заработной платы большинства работников, заниженные бюджетные расходы на образование, здравоохранение и науку, преобладание инвестиций в воспроизводственный капитал и осуществление инвестиций в человеческий капитал по остаточному принципу. Все это ведет к несоответствию качества и количества человеческого капитала Африки требованиям развивающейся экономики. Отсутствие у большинства африканских государств системы социальной

адаптации населения к происходящим экономическим реформам затрудняет возможность эффективной реализации человеческого капитала для большинства африканцев.

3. Даже та небольшая часть африканских трудовых ресурсов, которая по своим характеристикам соответствует требованиям современного производства, т.е. является носителями современных знаний и способна к инновациям, используется в основном либо за пределами Африки – в развитых странах, где получает достойное вознаграждение за свой труд, либо в сферах африканской экономики, не соответствующих изначальной специализации. Не случайно, сегодня в ряде африканских государств высока доля безработных среди молодежи со средним и высшим образованием, а должности, требующие высокой квалификации, предпочтительно отдаются иностранцам.

4. При детальном изучении миграции квалифицированных кадров очевидны негативные последствия этого процесса. Страны Африки теряют как свои начальные инвестиции в образование, так и налоговые поступления. В то же время нельзя не видеть и положительных моментов перемещения квалифицированных кадров в развитые государства, которые мы квалифицируем как «отложенная отдача человеческого капитала». Как показывает практика, налоговые потери бюджета африканских государств вследствие отъезда высококвалифицированных кадров в определенной степени компенсируются их денежными переводами, которые стали одним из основных источников валютных поступлений. Помимо количественного увеличения ВВП переводы иностранной валюты от высокообразованных специалистов положительно сказываются и на хозяйственной структуре африканской экономики. Денежные трансферты квалифицированных африканцев, как правило, расходуются более производительно по сравнению с переводами неквалифицированных мигрантов, так как имеют относительно высокую инвестиционную составляющую. При этом молодые профессионалы-африканцы, возвращающиеся на родину, стремятся реализовать свой потенциал в более раннем возрасте, соединяя предпринимательский подход с инженерно-техническими знаниями.

5. Проблемы, связанные с наиболее рациональным использованием человеческого капитала, в условиях глобализации приобретают интернациональный характер, и максимальная отдача от использования человеческого ресурса все менее определяется местом его трудовой деятельности, а все более зависит от национальной политики в отношении миграции высококвалифицированных кадров.

6. В условиях рецессии мировой экономики отток квалифицированных африканских специалистов за пределы континента, где они испытывают жесточайшую конкуренцию со стороны местных специалистов, а также протесты со стороны европейских и американских профсоюзных объединений, постепенно будет снижаться. Сегодня альтернативой европейскому, американскому и ближневосточному рынкам высококвалифицированного труда для африканцев стали быстро развивающиеся страны самого Африканского континента – Габон, Ботсвана, Намибия, Ливия и ЮАР. Таким образом, в ближайшие годы «утечка мозгов» постепенно будет заменяться «внутриафриканской циркуляцией мозгов», а вектор перемещения человеческого капитала несколько сместится в сторону региональной составляющей.

7. Повышение качества и производительного потенциала трудовых ресурсов Африки – важная предпосылка экономического роста, без которого, в свою очередь, невозможно обеспечение достаточных ресурсов для инвестирования в человеческий капитал. В то же время, учитывая реальные финансовые возможности многих африканских государств, а также последствия глобального финансового и экономического кризиса, необходимо расширение масштабов внешней помощи всего международного сообщества и рост ее эффективности в деле оказания поддержки развития социальной инфраструктуры на континенте. Оказывая помощь Африке в сфере развития человеческого капитала, развитые государства помогают и себе, решая задачу обеспечения квалифицированными кадрами собственной экономики, развитие которой с каждым годом все больше и больше зависит от притока

трудовых ресурсов из-за рубежа, в том числе и с Африканского континента.

¹ Рынок труда и занятость. М., 2004. С. 9-10.

² Такой недавно появившийся показатель, как уровень незащищенной занятости, представляет собой долю лиц, работающих на индивидуальной основе, и неоплачиваемых работников семейных предприятий в общей численности занятых. Неоплачиваемые работники семейных предприятий и лица, работающие на индивидуальной основе, обычно не имеют формальных трудовых договоров, что позволяет использовать данный показатель для подтверждения или опровержения предположений о возрастающей неформализации рынка труда. Если доля незащищенных работников ощутимо велика, это может свидетельствовать о распространении бедности. Взаимосвязь данного показателя с уровнем бедности возникает потому, что незащищенные занятые обычно не имеют доступа к программам социального обеспечения и вспомоществования, оказывающим поддержку в трудные времена низкого экономического спроса, и зачастую не способны сделать достаточных накоплений, позволяющих пережить подобные времена им самим и их семьям. Для вышеуказанных двух групп работников характерна повышенная степень экономического риска. Данный показатель имеет следующие недостатки: 1) высокая степень экономического риска может быть характерна для некоторых групп людей даже несмотря на то, что они являются наемными работниками; 2) не охвачена такая категория людей, как безработные, хотя они также относятся к незащищенным; 3) для некоторых представителей двух групп с «незащищенным» статусом занятости высокая степень экономического риска может быть совсем не характерной. Тем не менее, несмотря на эти недостатки уровень незащищенной занятости отражает состояние занятости в неформальной экономике, особенно в наименее развитых странах и регионах. Но данные по незащищенной занятости необходимо рассматривать в сочетании с другими показателями рынка труда, такими, как уровень безработицы и доля «работающих бедных».

³ ILO, *Global Employment Trends Model*, November 2007, Geneva, 2008. P. 16.

⁴ <http://www.un.org/esa/policy/wess/wesp.html>

⁵ <http://www.ilo.org/public/english/employment/strat/kilm/index.htm>

⁶ <http://www.ilo.org/public/english/employment/strat/kilm/download/chap1a.pdf>

⁷ ILO, Global Employment Trends Model, November 2007.

⁸ <http://www.ilo.org/public/english/employment/strat/download/esp14.pdf>

⁹ www.ilo.org/public/russian/region/eurpro/moscow/info/publ/get08_rus.pdf

¹⁰ www.ilo.org/public/english/employment/strat/kilm/download/chap1a.pdf

¹¹ Здесь и далее используются материалы сайта МОТ www.ilo.org/public/info/publ/get10.pdf

¹² <http://www.opec.ru/1150410.html>

¹³ <http://www.opec.ru/1318911.html>

¹⁴ www.ilo.org/public/russian/region/eurpro/moscow/info/publ/get08_rus.pdf

¹⁵ Доклад о развитии человека 2007/2008. МОТ, Женева. 2008. С. 244-246.

¹⁶ Decent Work for Africa's Development. ILO. Geneva, 2003. P. 8–9.

¹⁷ Изменение моделей и структур в сфере труда. МОТ. Женева, 2006. С. 45.

¹⁸ www.ilo.org/public/russian/region/eurpro/moscow/info/publ/get08_rus.pdf

¹⁹ Ibidem.

²⁰ Изменение моделей и структур в сфере труда. МОТ. Женева, 2006. С. 48.

²¹ Труд как средство борьбы с нищетой. МОТ. Женева, 2007. С. 52.

²² www.ilo.org/public/russian/region/eurpro/moscow/info/publ/get08_rus.pdf

²³ Africa's Development. A Preliminary Perspective Study. ECA. Addis Ababa, 2008. P. 31.

²⁴ www.ilo.org/public/russian/region/eurpro/moscow/info/publ/get08_rus.pdf

²⁵ Ibid.

²⁶ Изменение моделей и структур в сфере труда. С. 25.

²⁷ www.ilo.org/public/russian/region/eurpro/moscow/info/publ/get08_rus.pdf

²⁸ Изменение моделей и структур в сфере труда. С. 37.

-
- ²⁹ *Lubker M., Labor Shares*. ILO. Technical Brief No. 1. Geneva. 2007.
- ³⁰ Инфраструктурные программы с высокой занятостью: трудовая политика и практика. МОТ. Женева, 2005. С. 13.
- ³¹ Стратегическая психология глобализации: психология человеческого капитала. / Под ред. А.И. Юрьева. СПб., 2006. С. 84-85.
- ³² *Decent Work for Africa's Development*. ILO. Geneva, 2003. P. 9.
- ³³ The World Bank. *World Development Indicators 2009*. P. 108-112.
- ³⁴ Всемирный доклад по мониторингу образования для всех (ОДВ) за 2008 г. ЮНЕСКО. Париж, 2008. С. 51, 57.
- ³⁵ Всемирный доклад по мониторингу Образования для всех (ОДВ) за 2008 г. ЮНЕСКО. Париж, 2008. С. 59.
- ³⁶ The World Bank. *World Development Indicators 2009*. P. 113-115.
- ³⁷ Ibidem.
- ³⁸ Ibid. P. 79-80.
- ³⁹ Ibidem.
- ⁴⁰ Ibid. P. 82.
- ⁴¹ Доклад по образованию, 2007. ЮНЕСКО. Монреаль, 2007. С. 9.
- ⁴² www.wdsbeta.worldbank.or
- ⁴³ *Global Economic Prospects. Economic Implications of Remittances and Migration*. The World Bank. Wash., 2006, P. 91.
- ⁴⁴ Ibid. P. 78.
- ⁴⁵ Доклад о состоянии здравоохранения в мире, 2008. Первичная медико-санитарная помощь. ВОЗ. Женева, 2008. С. 8.
- ⁴⁶ Там же. С. 16.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Развитие мировой экономики в начале XXI века ознаменовалось тектоническими подвижками в соотношении сил ведущих экономических центров силы. Отдельные страны, ранее относимые к Мировой периферии, стали обретать не характерную для них прежде экономическую мощь и геополитическое значение, в то время как традиционный Центр глобализированной экономики начал медленно утрачивать, по крайней мере, некоторые из рычагов управления мировым хозяйством, до сих пор безоговорочно находившихся в его распоряжении. Указанный процесс сопровождался обострением нерешенных внутренних проблем Центра и нарастанием противоречий созданного им экономического мироустройства. Последовательный распад на протяжении второй половины XX века устоявшихся экономических систем (колониальная система, мировая система социализма, однополярная неоконсервативная модель Вашингтонского консенсуса, воцарившаяся после распада СССР) сопровождалась чередой локальных и крупных региональных войн, вооруженных конфликтов и экономических потрясений. Апогеем последних стал глобальный финансово-экономический кризис 2008–2010 гг.

Многочисленные исследователи глобальных процессов, принадлежащие к разным научным школам и исповедующие различные методологические подходы почти безоговорочно согласны в том, что происходящие процессы означают смену эпох. Хотя в работах экономистов дается различная интерпретация причин и последствий происходящих перемен, абсолютное

большинство склонно видеть в происходящем назревающую смену модели мирового экономического развития.

При этом часть исследователей склонна интерпретировать такую смену как естественную осмысленную адаптацию ведущих экономик мира к меняющимся технологическим, природно-ресурсным и «народонаселенческим» (подразумевая под этим термином более широкую, чем чисто демографическую проблематику) сдвигам в развитии человечества. Другая часть склонна видеть в происходящем объективные стихийные изменения «скачкообразного», революционного (в философском смысле) характера, что означает большую, чем в первом случае вероятность непредвиденного развития событий, драматизм и остроту конфликтов и непредсказуемость результатов перемен. В любом случае, происходящие процессы изучаются в контексте общего процесса глобализации, который доминирует и определяет направления развития мировой экономики в последние несколько десятилетий.

Современная экономическая наука исходит из того, что определяющими чертами развития мировой экономики конца XX – начала XXI вв. стали такие системные процессы, как интернационализация, глобализация и интеграция. В своей основе эти процессы генерируются объективными потребностями саморазвития мировой хозяйственной системы. Протекающие в рамках глобализации объединительные экономические процессы уже определяют практически всю хозяйственную деятельность развитых стран. Процессы глобализации трансформируют мировую экономику в таком направлении, чтобы последняя преодолела бы внутренние разделительные мембраны государственных границ и в идеале (в реальном мире такое все-таки, думается, не достижимо) превратилась бы в интегрированное единое целое – огромную экономическую макроклетку с мощным ядром Центра, окруженным протоплазмой Мировой периферии. Роль последней – питать ядро, обеспечивать его дальнейшее развитие и рост, а также защищать от неблагоприятных внешних воздействий и способствовать заживлению внутренних патологий.

Как показывает опыт, диалектикой развития мировой экономики предопределена регулярность смены моделей глобального экономического развития. Когда мы говорим о глобальных моделях, то имеем в виду, прежде всего, устойчивые и повторяющиеся парадигмы построения международных общественных отношений, связанные с производством, обменом, распределением в мировом хозяйстве, сложившиеся на определенном историческом этапе развития человечества и в целом отражающие установившееся в мировой экономике соотношение сил при данном уровне и характере технологического и хозяйственного развития.

Важно подчеркнуть, однако, что смену моделей развития мировой экономики ни в коем случае не следует отождествлять с марксистским положением о смене общественных формаций. При смене моделей экономического развития не происходит принципиального изменения сущности отношений собственности и характера присвоения вновь создаваемой стоимости. Речь идет лишь о преодолении накопившихся, хотя и, бесспорно, весьма глубоких проблем, дисбалансов и несоответствий в мировой экономике, а также об изменении баланса сил уже действующих игроков. В ходе этого процесса происходят перемены институционального характера, однако «правила игры» кардинально не перекраиваются, а лишь корректируются.

С точки зрения системного анализа, модель мирового (глобального) экономического развития можно рассматривать как сложную систему, которая включает ряд относительно самостоятельных элементов-подсистем. Последние в свою очередь также имеют комплексную структуру, распадающуюся на еще более «мелкие» элементы. Другими словами, общая экономическая модель мира (глобальная экономическая модель) в каждый конкретный период времени состоит из ряда относительно самостоятельных, но взаимосвязанных и взаимозависимых отраслевых, секторальных и региональных моделей-подсистем. Важнейшими из них являются: глобальная финансовая модель (чаще именуемая мировой финансовой системой), глобальная модель торговых и обменных взаимоотношений, модель глобаль-

ного производства, глобальная модель воспроизводства народонаселения (трудовых ресурсов), модель институционального регулирования международных экономических отношений и проч. Указанные подсистемы не изолированы друг от друга. Более того, они не просто взаимосвязаны, а частично «накладываются» друг на друга, создавая своеобразные «зоны взаимного соприкосновения и совместного перекрытия».

Говоря о внутренней динамике общих моделей развития мировой экономики, следует отметить, что смена глобальной модели экономического развития не предполагает синхронной и одномоментной замены всех входящих в нее субмоделей-подсистем. Более того, некоторые из них продолжают сохраняться в старом виде в течение длительного времени, не только после полного вызревания остальных элементов новой модели, но даже после того, как последняя уже обрела доминирующие позиции в мировом масштабе. Весьма подвижны и даже волатильны глобальные валютная и торговая подсистемы. Модели глобального воспроизводства и мобильности народонаселения (трудовых ресурсов) – одни из самых консервативных. Это объясняется тем, что составляющие элементы системы сильно зависят от «поколенческих» стереотипов поведения, а сама смена моделей – прямая функция от смены поколений. На протяжении XX века они менялись довольно медленно, редко, а при смене сохраняли большую часть ключевых черт предыдущей модели. Для чистоты описания поведения указанных моделей необходимо, правда, констатировать, что к концу XX – началу XXI века наметилась отчетливая тенденция к ускорению их трансформации. Это, по-видимому, объясняется развертывающимися и углубляющимися процессами глобализации, интеграции и интернационализации, ликвидацией или снижением барьеров для трансграничного движения людских ресурсов.

Исходной посылкой нашего научного видения является то, что смена моделей – процесс более глубокий и менее подвижный, чем простая конъюнктурная перемена состояния рынка даже происходящая на длительных временных промежутках. Они знаменуют некие необратимые изменения, новые мирохозяйст-

венные реалии, фиксируемые в новом контексте отношений между участниками международного разделения труда. Что важно, последние вносят коррективы и в существующие в мировой экономике отношения господства и эксплуатации, в направления потоков прибылей от эксплуатации материальных, финансовых, трудовых и интеллектуальных ресурсов мира.

Какие же перемены грядут или уже материализуются в связи появлением новой мировой экономической модели в начале XXI века? О части из них можно слышать довольно часто. Так, например, о «новой мировой финансовой архитектуре» говорят представители правительств практически всех стран мира, как тех, которых винят в разразившемся в 2008 г. мировом финансовом кризисе, так и тех, которые стали его невольными жертвами. Другая зримая черта новой модели – изменившийся баланс сил в мировой экономике, появление новых игроков, еще недавно считавшихся отставшими в развитии государствами, которых теперь с различной степенью обоснованности прочат в экономические лидеры XXI века, способных заменить старых. Наконец, третья менее очевидная, но от этого не менее важная характерная черта – переход лидеров мировой экономики на постиндустриальные рельсы развития. Некоторые исследователи увязывают ее технологическое начало с созданием первого в мире микропроцессора (1971 г.), положившим начало эре современных компьютеров.

Самым важным изменением в существовавшей экономической модели мира стало возвышение крупных развивающихся государств. При этом рост генерируемый их ускоренным развитием уже стал создавать мультипликативный эффект для мировой экономики в целом. Кризис 2007–2010 гг. годов показал, что внутренний спрос в Китае становится фактором подъема мировой экономики в целом. Это качественный поворот от ситуации, когда рост китайской экономики в основном базировался на зарубежном спросе на продукцию этой страны. Для осознания всей глубины перемен следует изучить долгосрочные тренды в воздействии крупных развивающихся экономик на мировое хозяйство и формирование соответствующих моделей

глобального развития. Особенно значимым является исследование проекций будущих мировых демографических процессов в сравнении с прогнозируемыми тенденциями физического накопления капитала, роста производительности труда. Исследование этих вопросов позволяет в определенной степени прогнозировать основные направления эволюции и новой только возникающей модели мирового экономического развития.

Именно человеческий капитал ныне играет главную роль в определении темпов роста совокупной производительности факторов производства, поскольку непосредственно влияет на догоняющую и собственную инновационную активность.

И здесь наступает важнейший качественный сдвиг в экономической модели мира. В ближайшие тридцать лет может случиться так, что впервые в новой и новейшей истории крупнейшие экономики мира не будут одновременно и самыми богатыми (с точки зрения душевых показателей). Отсюда проистекают два ключевых императива времени: мировому бизнесу придется во многом менять господствующие деловые стратегии и адаптироваться к потребностям менее зажиточных, но более многочисленных потребителей, а в мировой политике и дипломатии может наступить эра преобладания позиций в целом более бедных стран и народов.

Прогнозы относительно экономического возвышения ряда развивающихся стран в первой половине текущего века строятся на положительной корреляции между быстрым ростом их населения и темпами роста их экономик. Другими словами, обращает на себя внимание то, что в экономические лидеры XXI века пророчат в первую очередь страны с особо крупным населением.

Если это утверждение верно и в отношении Африки, то быстрый демографический рост на Черном континенте должен в условиях глобализации послужить толчком, как минимум, к ускорению экономического развития, а как максимум к экономическому возвышению континента в целом. Полностью исключить такое развитие событий было бы неправильным. Достаточно задуматься над тем, что в то время как в Африке замещение

выбывающих из экономической активной жителей происходит на расширенной основе, в Европе, Японии и даже на Тайване, сравнительно молодом «экономическом тигре», доля молодых возрастов в общем населении быстро убывает. Даже в Китае и Южной Корее численность работающего населения достигнет пикового значения в наступающем десятилетии, после чего пойдет на спад, налагая при этом дополнительное бремя на системы социальной защиты, государственный бюджет и т.д.

Связь между демографическими показателями и соотношением факторов производства особенно важна в свете тех колоссальных изменений демографических показателей, которые имели место в той или иной стране и в мире в целом в XX веке. Именно разрыв между Севером и Югом по таким индикаторам, как возрастная структура, ОПЖ, темпы прироста населения, привел к интенсификации международной торговли, миграции и движения капитала. В ближайшие годы старение населения в западных государствах станет новым стимулом для ускорения и усиления потоков товаров, людей и капиталов между странами. Таким образом, воздействие демографических процессов на глобализацию еще более усилится. Несмотря на то, что в последние десятилетия наблюдался процесс интенсификации торговли между развитыми государствами, ускоренный рост населения в Азии и Африки через одно-два десятилетия сместит вектор международной торговли в сторону Востока и Юга. Одновременно рост экономически активного населения в развивающихся странах и его сокращение в странах ОЭСР с течением времени вызовет увеличение доли первых в производстве мировой промышленной продукции и, в конечном счете, будет способствовать росту импорта товаров из стран Азии и Африки в западные государства, что сократит долю торговли между самими странами ОЭСР.

На современном этапе трансформации мировой экономики будет постоянно возрастать роль демографического фактора. Развитие человечества в ближайшие десятилетия во многом будет зависеть от количественного и качественного роста народонаселения в развивающихся странах. Беспрецедентное ус-

корение роста населения в государствах Азии, Африки и Латинской Америки в 50–60-х гг. прошлого века вызвало смещение мировых пропорций распределения людских ресурсов в сторону стран с относительно низким уровнем социально-экономического развития. Несовпадение демографической и экономической составляющей мирового развития чревато обострением целого ряда проблем и служит предпосылкой разрушения старой и формирования новой модели мирового развития. Сегодня для предотвращения «демографического взрыва» нужны новые рычаги воздействия, так как современные проблемы в сфере народонаселения связаны не столько с его количественным ростом, сколько с изменением его возрастной структуры и с его размещением. Главные демографические проблемы XXI века – старение населения в развитых странах, ускоренный экономический и демографический рост в развивающихся странах и расширение масштабов международной миграции рабочей силы.

Во времена холодной войны мир подразделялся на так называемый «Первый мир», куда включались индустриально развитые страны Запада, «Второй мир», к которому относились социалистические страны и «Третий мир», охватывающий развивающиеся страны. Политические стратегии того времени сводились к противостоянию «Первого» и «Второго» мира, а также к борьбе между ними за «Третий мир». После окончания холодной войны данное деление перестало быть актуальным, США превратились в мировую супердержаву, которая сегодня начала сдавать свои позиции под давлением новых супергигантов – ЕС, Китая, Индии, и, в какой-то период, России.

Если бы при современном делении мира мы учитывали демографический фактор, то можно было бы выделить «Первый мир», куда бы вошли стареющие страны Запада и некоторые страны азиатско-тихоокеанского региона, включая Японию, Сингапур, Южную Корею и Тайвань, а также после 2030 г. и Китай, население которого после активного проведения политики «Одна семья – один ребенок» к тому времени состарится; «Второй мир» с быстрорастущими и экономически динамичны-

ми странами с оптимальной пропорцией молодого и пожилого населения (Бразилия, Иран, Мексика, Таиланд, Вьетнам, Индия и Китай до 2030 г.) и «Третий мир», куда бы вошли страны с ускоренным ростом населения, преобладанием в возрастной структуре молодых возрастов, с высокими темпами урбанизации, низким уровнем жизни и слабыми правительствами (большинство государств Африки). После 2025 г. центр мирового демографического роста переместится в Африку, где темпы прироста населения в настоящее время остаются самыми высокими в мире и составляют примерно 2,5% в год. При сохранении нынешних тенденций удельный вес Африки в населении планеты составит в 2025 г. 17%, а в 2050 г. – 21%, против 7% в 1820 г. и 6% в 1900 г.

В XXI веке количественный прирост трудовых ресурсов будет самым высоким именно на Африканском континенте. Однако по своим качественным характеристикам: по уровню жизни и образования, состоянию здоровья, т.е. по тем показателям, которые имеют отношения к человеческому капиталу, трудовые ресурсы Африки будут существенно уступать не только западным государствам, но и быстро растущим азиатским странам. В качестве основных факторов, противодействующих системному формированию и развитию человеческого капитала на Африканском континенте можно назвать социально-экономическую отсталость, низкий уровень заработной платы большинства работников, заниженные бюджетные расходы на образование, здравоохранение и науку, преобладание инвестиций в воспроизводственный капитал и осуществление инвестиций в человеческий капитал по остаточному принципу. Все это ведет к несоответствию качества и количества человеческого капитала Африки требованиям развивающейся экономики. Отсутствие у большинства африканских государств системы социальной адаптации населения к происходящим экономическим реформам затрудняет возможность эффективной реализации человеческого капитала для большинства африканцев.

Даже та небольшая часть африканских трудовых ресурсов, которая по своим характеристикам соответствует требованиям

современного производства, т.е. является носителем современных знаний и способна к инновациям, используется в основном либо за пределами Африки – в развитых странах, где получает достойное вознаграждение за свой труд, либо в сферах африканской экономики, не соответствующих изначальной специализации. Не случайно, сегодня в ряде африканских государств высока доля безработных среди молодежи со средним и высшим образованием, а должности, требующие высокой квалификации, предпочтительно отдаются иностранцам.

При детальном изучении миграции квалифицированных кадров за пределы Африканского континента отчетливо видны негативные последствия этого процесса. Страны Африки теряют как свои начальные инвестиции в образование, так и налоговые поступления. В то же время нельзя не видеть и положительных моментов перемещения квалифицированных кадров в развитые государства, которые мы квалифицируем как «отложенная отдача человеческого капитала». Как показывает практика, налоговые потери бюджета африканских государств вследствие отъезда высококвалифицированных кадров в определенной степени компенсируются их денежными переводами, которые стали одним из основных источников валютных поступлений. Помимо количественного увеличения ВВП переводы иностранной валюты от высокообразованных специалистов положительно сказываются и на хозяйственной структуре африканской экономики. Денежные трансферты квалифицированных африканцев, как правило, расходуются более производительно по сравнению с переводами неквалифицированных мигрантов, так как имеют относительно высокую инвестиционную составляющую. При этом молодые профессионалы-африканцы, возвращающиеся на родину, стремятся реализовать свой потенциал в более раннем возрасте, соединяя предпринимательский подход с инженерно-техническими знаниями.

Проблемы, связанные с наиболее рациональным использованием человеческого капитала, в условиях глобализации приобретают интернациональный характер, и максимальная отдача от использования человеческого ресурса все менее определяет

ся местом его трудовой деятельности, а все более зависит от национальной политики в отношении миграции высококвалифицированных кадров.

В условиях рецессии мировой экономики отток квалифицированных африканских специалистов за пределы континента, где они испытывают жесточайшую конкуренцию со стороны местных специалистов, а также протесты со стороны европейских и американских профсоюзных объединений, постепенно будет снижаться. Сегодня альтернативой европейскому, американскому и ближневосточному рынкам высококвалифицированного труда для африканцев стали быстро развивающиеся страны самого Африканского континента – Габон, Ботсвана, Намибия, Ливия и ЮАР. Таким образом, в ближайшие годы «утечка мозгов» постепенно будет заменяться «внутриафриканской циркуляцией мозгов», а вектор перемещения человеческого капитала несколько сместится в сторону региональной составляющей.

Повышение качества и производительного потенциала трудовых ресурсов Африки – важная предпосылка экономического роста, без которого, в свою очередь, невозможно обеспечение достаточных ресурсов для инвестирования в человеческий капитал. В то же время, учитывая реальные финансовые возможности многих африканских государств, а также последствия глобального финансового и экономического кризиса, необходимо расширение масштабов внешней помощи всего международного сообщества и рост ее эффективности в деле оказания поддержки развития социальной инфраструктуры на континенте. Оказывая помощь Африке в сфере развития человеческого капитала, развитые государства помогают и себе, решая задачу обеспечения квалифицированными кадрами собственной экономики, развитие которой с каждым годом все больше и больше зависит от притока трудовых ресурсов из-за рубежа, в том числе и с Африканского континента.

Для Африки, оказавшейся в эпицентре противоречивых мировых процессов, связанных, с одной стороны, со сменой модели общественного развития, а с другой – с глобализацией, про-

блема формирования и оптимального использования человеческого капитала приобретает первостепенное значение не только для успешного социально-экономического развития, но и для сохранения национальной идентичности и государственной целостности.

Главный вектор развития Африки (как, впрочем, и других стран с переходной экономикой, в том числе и России) должен быть направлен в сторону максимизации и оптимального использования социального компонента. Такой подход позволит повысить конкурентоспособность реального производства, которая в современном мире непосредственным образом зависит от предложения человеческого капитала. По нашему мнению, африканским государствам, выступающим на мировых рынках в качестве экспортеров природных ресурсов, необходимо использовать сверхприбыли монополий и, прежде всего, природную ренту, не для обогащения узкого круга экономической и политической верхушки (явление – характерное для большинства африканских государств), а для стимулирования развития предпринимательства в сфере новых технологий, для наращивания научно-технического потенциала, развития образования, здравоохранения и эффективного повышения общего уровня жизни населения. Только это позволит Африке достичь высоких показателей экономического развития и занять достойное место в новой глобальной экономике.

SUMMARY

Over the last couple of years, many scientific articles and even "express monographs" on the transformation of the world economy have been published around the world. Most of these publications were predictive. Their authors tried to predict what would happen in a year or two, how would the crisis affect the global economy as a whole and developing countries in particular. Readers were captivated by apocalyptic notes which dominated many predictions. The crisis was characterized as "unprecedented", the "deepest since the Great Depression", and even as a "turning point in the global economy."

Today, after more than two years since its inception, it becomes evident that the dreadfulness of the crisis has often been exaggerated by analysts. Indeed, the depth of the fall of financial indicators is impressive. However, the reduction in the levels of actual production, though obvious and significant, looks much more modest. Moreover, the timely departure from the liberal-market fundamentalism allowed the authorities of the leading world economies to apply quickly the levers of state regulation and seriously mitigate the most acute phase of the crisis and in some places reduce its duration.

Such a rapid transition into a phase of relative stabilization and, though uncertain, growth by itself reduced the political relevance of the grumble against banks around the world and of the rhetoric, which nearly got intense, about the need to restructure the global model of economic relations. The latter was subjected to harsh criti-

cism with the beginning of the crisis. A whole system of intergovernmental negotiations and consultations on the restructuring of the global financial architecture (including the redistribution of votes in the International Monetary Fund and attempts to replace the dollar as the world's reserve currency), global regulation of financial markets, and even on the introduction of a global tax on certain bank transactions was launched.

At some point, it seemed that the combined efforts of the young growing economies, notably of China, India, Brazil and also Russia and South Africa, which joined them, would make it all come true. However, no miracle occurred. Moreover, powerful China suddenly appeared much more circumspect and cautious in its actions than analysts from the North and Northwest expected. Having raised its position in the global economy and finance to the level desirable and achievable at this stage, Beijing chose "not to rock the boat further" in vain. The proposals to introduce a new world reserve currency were gradually muffled. Chinese authorities made tough public statements but, in fact, did not ignore Western demands to correct the exchange rate of the yuan in the light of the situation in China's foreign trade partners.

In short, the crisis, although it has stirred some deep processes of transformation of the global economic model, has clearly not brought the situation to the verge of its actual adjustment.

Against the backdrop of the above, the results of the impact of the crisis on African economies seem interesting and illustrative. This interest is, above all, due to an ambiguous situation on the continent arising from the vicissitudes of the rampant global economic and financial disaster and from the unique African phenomenon of "prosperity in poverty". Unlike other developing regions – Asia and Latin America – the economies of sub-Saharan Africa had been growing throughout 2008 and in 2009 the region as a whole managed to avoid a large-scale recession, at least in the real sector.

At the same time the population growth of developing countries, including Africa, will significantly influence the development of the world economy. Forty-two years ago, the biologist Paul Ehrlich

warned in *The Population Bomb* that mass starvation would strike in the 1970s and 1980s, with the world's population growth outpacing the production of food and other critical resources. Thanks to innovations and efforts such as the "green revolution" in farming and the widespread adoption of family planning, Ehrlich's worst fears did not come to pass. In fact, since the 1970s, global economic output has increased and fertility has fallen dramatically, especially in developing countries.

The United Nations Population Division now projects that global population growth will nearly halt by 2050. By that date, the world's population will have stabilized at 9.15 billion people, according to the "medium growth" variant of the UN's authoritative population database *World Population Prospects: The 2008 Revision*. (Today's global population is 6.83 billion.) Barring a cataclysmic climate crisis or a complete failure to recover from the current economic malaise, global economic output is expected to increase by two to three percent per year, meaning that global income will increase far more than population over the next four decades.

But twenty-first-century international security will depend less on how many people inhabit the world than on how the global population is composed and distributed: where populations are declining and where they are growing, which countries are relatively older and which are more youthful, and how demographics will influence population movements across regions.

Even as the industrialized countries of Europe, North America, and Northeast Asia will experience unprecedented aging this century, fast-growing countries in Africa, Latin America, the Middle East, and Southeast Asia will have exceptionally youthful populations. Today, roughly nine out of ten children under the age of 15 live in developing countries. And these are the countries that will continue to have the world's highest birthrates. Indeed, over 70 percent of the world's population growth between now and 2050 will occur in 24 countries, all of which are classified by the World Bank as low income or lower-middle income, with an average per capita income of under \$3,855 in 2008.

Many developing countries have few ways of providing employment to their young, fast-growing populations. Would-be laborers, therefore, will be increasingly attracted to the labor markets of the aging developed countries of Europe, North America, and Northeast Asia. Youthful immigrants from nearby regions with high unemployment – Central America, North Africa, and Southeast Asia, for example – will be drawn to those vital entry-level and manual-labor jobs that sustain advanced economies: janitors, nursing-home aides, bus drivers, plumbers, security guards, farm workers, and the like. Current levels of immigration from developing to developed countries are paltry compared to those that the forces of supply and demand might soon create across the world.

Exacerbating twenty-first-century risks will be the fact that the world is urbanizing to an unprecedented degree. The year 2010 will likely be the first time in history that a majority of the world's people live in cities rather than in the countryside. Whereas less than 30 percent of the world's population was urban in 1950, according to UN projections, more than 70 percent will be by 2050.

Lower-income countries in Asia and Africa are urbanizing especially rapidly, as agriculture becomes less labor intensive and as employment opportunities shift to the industrial and service sectors. Already, most of the world's urban agglomerations – Mumbai (population 20.1 million), Mexico City (19.5 million), New Delhi (17 million), Shanghai (15.8 million), Calcutta (15.6 million), Karachi (13.1 million), Cairo (12.5 million), Manila (11.7 million), Lagos (10.6 million), Jakarta (9.7 million) – are found in low-income countries. Many of these countries have multiple cities with over one million residents each: Pakistan has eight, Mexico 12, and China more than 100. The UN projects that the urbanized proportion of sub-Saharan Africa will nearly double between 2005 and 2050, from 35 percent (300 million people) to over 67 percent (1 billion). China, which is roughly 40 percent urbanized today, is expected to be 73 percent urbanized by 2050; India, which is less than 30 percent urbanized today, is expected to be 55 percent urbanized by 2050. Overall, the world's urban population is expected to grow by 3 billion people by 2050.

This urbanization may prove destabilizing. Developing countries that urbanize in the twenty-first century will have far lower per capita incomes than did many industrial countries when they first urbanized. The United States, for example, did not reach 65 percent urbanization until 1950, when per capita income was nearly \$13,000 (in 2005 dollars). By contrast, Nigeria, Pakistan, and the Philippines, which are approaching similar levels of urbanization, currently have per capita incomes of just \$1,800–\$4,000 (in 2005 dollars).

International terrorism might also originate in fast-urbanizing developing countries (even more than it already does). With their neighborhood networks, access to the Internet and digital communications technology, and concentration of valuable targets, sprawling cities offer excellent opportunities for recruiting, maintaining, and hiding terrorist networks.

During the Cold War, Western strategists divided the world into a "First World," of democratic industrialized countries; a "Second World," of communist industrialized countries; and a "Third World," of developing countries. These strategists focused chiefly on deterring or managing conflict between the First and the Second Worlds and on launching proxy wars and diplomatic initiatives to attract Third World countries into the First World's camp. Since the end of the Cold War, strategists have largely abandoned this three-group division and have tended to believe either that the United States, as the sole superpower, would maintain a Pax Americana or that the world would become multipolar, with the United States, Europe, and China playing major roles.

Unfortunately, because they ignore current global demographic trends, these views will be obsolete within a few decades. A better approach would be to consider a different three-world order, with a new First World of the aging industrialized nations of North America, Europe, and Asia's Pacific Rim (including Japan, Singapore, South Korea, and Taiwan, as well as China after 2030, by which point the one-child policy will have produced significant aging); a Second World comprising fast-growing and economically dynamic countries with a healthy mix of young and old inhabitants

(such as Brazil, Iran, Mexico, Thailand, Turkey, and Vietnam, as well as China until 2030); and a Third World of fast-growing, very young, and increasingly urbanized countries with poorer economies and often weak governments (including African countries).

The aging industrialized countries can also take various steps at home to promote stability in light of the coming demographic trends. First, they should encourage families to have more children. France and Sweden have had success providing child care, generous leave time, and financial allowances to families with young children. Yet there is no consensus among policymakers – and certainly not among demographers – about what policies best encourage fertility.

More important than unproven tactics for increasing family size is immigration. Correctly managed, population movement can benefit developed and developing countries alike. Given the dangers of young, underemployed, and unstable populations in developing countries, immigration to developed countries can provide economic opportunities for the ambitious and serve as a safety valve for all. Countries that embrace immigrants, such as the United States, gain economically by having willing laborers and greater entrepreneurial spirit. And countries with high levels of emigration (but not so much that they experience so-called brain drains) also benefit because emigrants often send remittances home or return to their native countries with valuable education and work experience.

One somewhat daring approach to immigration would be to encourage a reverse flow of older immigrants from developed to developing countries. If older residents of developed countries took their retirements along the southern coast of the Mediterranean or in Latin America or Africa, it would greatly reduce the strain on their home countries' public entitlement systems. The developing countries involved, meanwhile, would benefit because caring for the elderly and providing retirement and leisure services is highly labor intensive. Relocating a portion of these activities to developing countries would provide employment and valuable training to the young, growing populations of the Second and Third Worlds.

The changes in the global demographic picture are swift by historical standards and confront most countries with the problem of

mass migration. Demographically "aging" countries of the North face the burning issue of "compensating" for natural population decline with the inflow of people from southern regions that have relatively "excessive" population growth. Russia, which occupies one of the leading positions in the world in terms of physical "volume" of migration, still doesn't have a developed and implemented articulate migration policy. Meanwhile, the processes of depopulation have been taking place in a large number of Russian regions for many decades and have led to both an absolute decline in population and to the growing deficit of economically active population. Both have serious economic, social and political repercussions. Therefore the issue became one of the key obstacles to the country's overall development and directly affects the image of Russia in the modern world.

The monograph for the first time in domestic science aims to provide a comprehensive study of migration from the South and the East to the North and the West, as well as Africa's role in these processes. Particular attention is paid to the analysis of economic and other activities of immigrants, the impact of migrants' remittances on the balance of payments of donor and recipient countries, the issues of preservation of cultural and civilizational identity of a host society, the regulation of labour and reduction of illegal migration and associated criminal and shadow economy.

The intensification of migration flows from the South to the North is primarily associated with the aging of population in developed countries. Demographically "aging" countries of the North face the burning issue of "compensating" for natural population decline with the inflow of people from southern regions that have relatively "excessive" population growth. The processes of depopulation of a large number of European countries and Russian regions have been taking place for many decades and have led to both an absolute decline in population and to the growing deficit of economically active population. Both have serious economic, social and political repercussions.

Population shortfall in the North, including in Russia, doesn't of course mean inviting everyone to migrate to a new place without

any selection. In recent years, host countries have increased selectivity in terms of professional skills and qualifications of immigrants. Priority is given firstly to specialists capable of working in high-tech industries, and secondly to specialists in industries of middle technological level that lack sufficiently skilled manpower. The first kind of selection is more typical of Western Europe and the U.S., the second one - of Russia. In the latter case, specific mechanisms for the mobilization of labour resources, their territorial distribution and rational utilization have not been yet sufficiently developed.

However, the main cause of labour migration from the South to the North continues to be the income inequality of developed and developing countries. In 1975 the average per capita income in high-income countries was 41 times higher than in low-income countries, but presently this gap is equal to 66. Therefore, many Africans consider emigration to be the only way to improve their living conditions and the living conditions of their families.

On the other hand, entrepreneurs from developed countries are also interested in using immigrant labour. This is due, primarily, to the desire to reduce production costs (particularly labour costs) as well as to the necessity to mobilize manpower during periods of production growth and to a shortfall of workers in industrial sectors with harsh or adverse working conditions. In the era of economic globalization the reduction of production costs is essential to competition in domestic and foreign markets.

Another reason for the intensification of migration flows in African countries is the backward structure of employment in some states of the continent. More than half of the working population of Africa is engaged in small-scale low-productivity agriculture, which is facing competition from the modern and state-subsidized agricultural sector of developed countries. Millions of rural families in Africa go bankrupt each year and join the ranks of domestic (village - city), regional and international migrants.

Modern emigration from Africa is made up of very inhomogeneous flows, which fact clearly determines the differentiation of their socio-economic impact on host societies. Some of these flows

are initiated by a host country, and then they are subject to regulation, but a substantial proportion of immigrants is accepted on humanitarian grounds or arrives illegally, without being subjected to selection or control.

In the structure of migration, there are four main categories: economic migrants, reuniting family members, refugees and illegal migrants; the ratio between these categories varies in individual countries. Because of the relatively low proportion of migrants who are motivated by better employment opportunities, the volume and structure of immigration do not always correspond to the basic economic needs of a host society. Its impact on the level of economic activity and on the ratio of working and non-working population is twofold.

In terms of national composition of immigrants, groups that are ethnically distant from core populations of receiving countries tend to dominate. Ethnical differences are often accompanied not only by other types of demographic behaviour of migrants (e.g. large families), but also by considerable difficulties in the adaptation of migrants to their new environment.

The latter circumstance leads, on the one hand, to extra spending by host countries, and, on the other hand, to the active use of traditional and alternative ways of living by migrants, which facilitates wide dissemination of types of economic activities based on ethnic solidarity (ethnic economy). A “black labour” market also forms in host countries, which acts as a mechanism for using illegal labour migration in order to increase profits through using cheap labour.

Although the level of education and professional qualifications of immigrants, as well as of indigenous populations, has an obvious tendency to increase, in general it is usually lower than that of local residents, and the professional and qualification composition of immigrants is more polarized.

In recent years, besides quantitative changes, there took place significant qualitative changes in migration movements from the South to the North.

First of all, noteworthy is the increase in the proportion of young people, women and children in migration flows. For example, the proportion of youth (persons under 25 years) in the total number of African migrants exceeds 25%, while the proportion of women exceeds 30%, which suggests the feminization of migration.

The length of stay of migrants in countries of employment has also increased: it is now 10 years in the EU and more than 20 years in Germany.

There is also a growing migration of scientists and highly skilled workers. The "brain drain" from African countries annually exceeds 200,000 people. The total annual costs of this process are close to 50–60 billion dollars.

Migration with an aim to obtain professional education and training is also increasing. Such training is organized by the EU member states in order to penetrate EU markets with the help of cadres trained by them.

The scale of individual migration of professionals and businessmen is also increasing. A new category of business immigrants - investors from North African countries (mostly Libyans, Tunisians and Egyptians) – has emerged.

The monograph examined the overall economic impact of migration from Africa and demonstrated its effect on wages, welfare, labour market, production volumes, taxes and government spending in donor countries and recipient countries.

The assessments of the impact of immigration on economic growth are ambiguous. Most studies indicate that the impact of immigration on growth is positive. For example, in the EU an increase in the level of net migration by 1% leads to an increase in growth rates by 0.1%. A population increase of 1% owing to immigration can lead to an increase in GDP by 1.15%. While creating added value in host countries, the immigrants also are consuming goods and services. The resulting ripple effect ultimately contributes to economic growth. Some immigrants invest in own businesses, which makes a positive impact on the economy.

Average wages in host countries are decreasing due to the influx of migrants. As a result, the penetration of labour markets by a large

number of unskilled workers and their employment in those sectors, in which national work forces prefer not to work, maintain low wages (especially in case of employing illegal migrants).

Immigration levels affect the volume of tax revenues and public expenditures. Tax revenues grow at the expense of qualified professionals, as they have higher incomes and do not require public spending on their education. However, the majority of unskilled workers need government support, which increases public spending in recipient countries. The status of illegal immigrants keeps them from using social security benefits and welfare payments, so government spending on them is insignificant.

Migration affects the labour markets of labour exporting countries. Under adverse economic circumstances and when unemployment in African countries grows labour migration can to a certain extent solve the problem of employment and reduce social tensions in society.

Re-emigration of workers who received high qualifications abroad can contribute to GDP growth in a donor country. Studies conducted by the International Labour Organization in labour exporting countries suggest that immigrants are more ready for new activities and take an active part in the development of new forms of economy. In some North African countries, for example, returning migrants have managed to grow new crops and to introduce new production methods. Labour shortages caused by emigration can stimulate positive technological changes, including better use of manpower and other resources.

At the same time, the "brain drain" has negative consequences for a donor country, which not only loses its scientific potential, but also has to replace emigrants by making additional investment in education and training.

At present the share of the African continent in the total amount of official remittances is relatively small and amounts to 15%, while the share of sub-Saharan Africa is only 5%. The main recipients of remittances are countries such as Egypt, Morocco, Tunisia, Nigeria, Sudan, Uganda, Lesotho, Senegal and Mauritius. Remittances constitute a significant part of GDP in many countries. In particular this

applies to Lesotho (23%), Cape Verde (13.5%), Burkina Faso (6%) and Benin (4.5%). The African continent on the whole received about 42 billion money transfers in 2009. Given the fact that the banking system in African countries is not sufficiently developed, much of these remittances are received through unofficial channels. The preference given to unofficial money transfers is also due to the high cost of official transfers, which sometimes is 10-15% of the total amount of a remittance. According to the World Bank experts, the amount of unofficial remittances to African countries is 2–3 times the amount of funds transferred through official channels. In a country such as Uganda, for example, the share of official remittances is only 20% of all funds sent into the country by emigrants. In many African countries remittances play a significant role in social life. For millions of poor African families remittances make up nearly half of all cash income that they spend on improving housing conditions, on consumer goods, as well as on investments in setting up their own, primarily construction, businesses, as well as education and health.

The monograph analyzes the main features of the identity crisis of immigrants and native population and the possibility of overcoming this crisis on the basis of public policy on integration. It is concluded that the global financial crisis that erupted in the autumn of 2008 and transformed into an economic crisis dramatically changed the situation on the global labour market. It is not ruled out that the crisis could lead to a significant relative and even absolute reduction in international migration and to changes in the structure and direction of migration flows in the upcoming few years, thus affecting the socio-economic situation in Africa, the EU and Russia. The realistic assessment of contemporary migration processes between the South and the North, which is presented in this monograph, makes it possible to predict the results of the upcoming expansion in the reception of immigrants, so that the structure of immigration is the most adequate to the needs of the economy and society as a whole.

In the monograph the role of human capital in national development strategies of Africa has been researched. The global qualita-

tive and quantitative transformation of human capital was revealed, which had manifested itself in the shift of its numerical growth towards Asia and Africa. Demographic, social, and educational components of human capital have been studied. The necessity of use of international cooperation on the global scale and with African countries in the spheres of employment, education, and health were proved. It was shown on factual material accumulated during the field studies that human capital has direct bearing to social factors of force in individual states. In the countries with human values in focus societies are more consolidated. They play a more powerful role on the world arena compared with the states with atomized and non self-organized societies. The lack of definite social police leads to increased unemployment, lower standard of living, increased social and political tensions and finally to criminal economy.

The author came to the conclusion that the problem of human capital formation acquires particular importance at turning points of human development, connected with the changes of models of global development on the one hand, and process of globalization on the other. Such situation is relevant to Russia and Africa today.

The former only recently had been a leading country from the point of view of national wealth and human potential is now facing the decrease in population and widespread poverty. Africa, on the contrary, is the global leader in rates of population growth among all the continents. It cannot secure the adequate conditions for the development of its human potential.

The author came to the conclusion that Africa's and Russia's development vectors have to be oriented towards maximizing and optimal use of the social component. Such an approach will allow to increase the competitiveness of real production, which globally depends on the supply of human capital. Both Russia and Africa as net raw materials exporters have to use excessive profits of monopolies for stimulating entrepreneurship in the hi-tech spheres, for the increase of scientific and technical potential, education and healthcare as well as for the effective increase of the standard of living of the population. This will allow both of them to occupy an honorable place in the global division of labor.

БИБЛИОГРАФИЯ

Основные источники и справочная литература

1. Закон № 98-349 от 11 мая 1998 г. в отношении въезда, пребывания иностранных граждан во Франции и права убежища.
2. Право Европейского союза: документы и комментарии. 1960-2008 гг.
3. Материалы Совета Европы: «К стратегии управления миграцией», CDMG (2000) 11 rev, Брюссель, 2000.
4. Мировая статистика здравоохранения. 2009. Всемирная организация здравоохранения. 2009.
5. Africa's Development. A Preliminary Perspective Study. ECA. Addis Ababa, 2008.
6. African Bank for Development, African Development Report, African Bank for Development, Abidjan, 2008.
7. African Development Indicators. The World Bank. Washington.
8. The African Cities Report 2008: A Framework for Addressing Urban Challenges in Africa. N.Y., 2008.
9. African Economic Outlook 2010. OECD/ADB. Addis Ababa, 2010.
10. Assessing the impact of current financial and economic crisis on global FDI flows / UNCTAD. N.Y., Geneva, 2009.
11. Banque Marocaine du Commerce Extérieur. Annual Report 2006. Casablanca, 2007.
12. CARIM, Mediterranean migration 2005 report.
13. CARIM, Mediterranean migration 2006-2007 report.
14. CIA World Factbook 2007.
15. CIA World Factbook 2008.
16. Country Profile. Algeria. L., 2007.
17. Country Profile. Tunisia. L., 2006.
18. Department of Education. HEMIS Data, South Africa (June 2008).
19. Economic Report on Africa, 2007. U.N. ECA, N.Y.
20. Egyptian Federation of Industries. Annual Report. Cairo, 2007.
21. Eurostat Yearbook 2007, Europe in figures. 2007.
22. Eurostat Yearbook 2008, Europe in figures. 2008.
23. Exploitation and Abuse of Children Migrants Workers. Booklet 4. ILO, 2004.

24. Focus Migration. Country Profile: Spain. Hamburg, No. 6, August 2008.
25. Global Development Finance Report, 2006, Migrant Remittances.
26. Global Development Finance Report, 2007, Migrant Remittances.
27. Global Economic Prospects. Economic Implications of Remittances and Migration 2006. W., 2006.
28. Home Office, Secure Borders, Safe Haven: Integration with Diversity in Modern Britain, 2008.
29. House of Commons International Development Committee, Written evidence to the House of Commons International Development Committee, February 2004.
30. Human Development Report 2009, ILO. 2009.
31. Human Development Report 2010, ILO. 2010.
32. Human Rights Watch World Report. 2005. Africa : Overview. 2006.
33. International Monetary Fund, World Economic Outlook. W. April 2005.
34. International Monetary Fund, Balance of Payments Statistics Yearbook, 2007. Washington, DC.
35. International Organization for Migration, World Migration Report 2006.
36. International Organization for Migration, World Migration Report 2007.
37. International Organization for Migration, World Migration Report 2008.
38. International Organization for Migration, Migration, Challenges and Responses for People on the Move, 2007, Geneva.
39. International Labour Organisation (ILO) 2004. 'Towards a Fair Deal for Migrant Workers in the Global Economy'. International Labour Conference, 92nd Session.
40. ILO, Key Indicators of the Labour Market, 2003.
41. ILO, Key Indicators of the Labour Market, 2004.
42. ILO, Key Indicators of the Labour Market, 2005.
43. ILO, Key Indicators of the Labour Market, 2006.
44. ILO, Key Indicators of the Labour Market, 2007.
45. ILO, Key Indicators of the Labour Market, 2008.
46. Interior Ministry, Department of Migration and Border Surveillance. Rabat.

47. Migration Policy Institute, Hamilton K., Simon P., Veniard C. *The Challenge of French Diversity*. May 2007.
48. *L'immigrazione straniera: indicatori e misure di integrazione*. A cura di Antonio Golini. Bologna, 2006.
49. Migration Policy Institute / Migration information source, 2005.
50. Migration Policy Institute / Migration information source, 2006.
51. Migration Policy Institute / Migration information source, 2007.
52. Ministerio de Trabajo y Asuntas Sociales. Secretaria de Estado de Inmigración y Emigración, Anuario estadístico de Extranjería, 1999, 2000, 2001, 2002, 2003, 2004, 2005, 2006, 2007, 2008.
53. OECD, SOPEMI, Trends of International Migration, 2004.
54. OECD, SOPEMI, Trends of International Migration, 2005.
55. OECD, SOPEMI, Trends of International Migration, 2006.
56. OECD, SOPEMI, Trends of International Migration, 2007.
57. Open Doors. (2008). Report for International Educational Exchange. N.Y. 2008.
58. Regional Challenges of West African Migration. African and European Perspectives. OECD. 2009
59. The 2007 Report of the Andalusien Human Right Association. Seville. 2008.
60. State of World Population 2007. Unleashing the Potential of Urban Growth. UNFPA. N.Y., 2007.
61. The World Bank, Migrants' Capital for Small-Scale Infrastructure and Small Enterprise Development in Mexico. W., 2002.
62. The World Bank, Ratha. D. "Workers Remittances: An Important and Stable Source of External Development Finance", Global Development Finance: Striving for Stability in Development Finance, Vol. 1, Analysis and Statistical Appendix, Washington D.C.: 2003.
63. UNDP, Human Development Report 2004. United Nations Development Programme.
64. UN, World Economic and Social Survey 2004. International Migration. N.Y., 2004.
65. UN, World Population Policies 2007, United Nations, Department of Economic and Social Affairs, 2008.
66. UNCTAD. Handbook of Statistics. 2008.
67. U.S. Census Bureau. Global Population Profile.
68. World Development Indicators. N.Y. and Geneva, 2009.
69. World Economic Situation and Prospects 2009. N.Y., United Nations, 2009.

70. World Population Data Sheet. Population Reference Bureau. Washington, 2007, 2008.
71. World Population Policies 2007. United Nations, Department of Economic and Social Affairs, 2008.
72. World Population Prospects. UN.
73. World Urbanization Prospects: The 2007 Report.

Монографии, исследования, статьи

74. Абрамова И.О. "Исторические особенности и современные противоречия процесса урбанизации в АРЕ". "Арабский Восток: ислам и реформы", (сборник статей), ИИИиБВ и Институт Африки РАН, М., 2000.
75. Абрамова И., Штоль К. Арабская миграция в Германию: стимулятор экономического роста или социальная угроза? // Азия и Африка сегодня. 2003, № 8.
76. Абрамова И.О. Арабский город на рубеже тысячелетий. М., 2005.
77. Абрамова И.О. Африканская миграция: региональный вопрос или глобальная проблема? // Проблемы современной экономики, № 4(24). 2007.
78. Абрамова И.О. Страны Северной Африки: социальные сдвиги М., 1993.
79. Абрамова И.О. Арабский город на рубеже тысячелетий (на примере Египта). М., Восточная литература. 2005.
80. Абрамова И.О., Фитуни Л.Л., Сапунцов А.Л. «Возникающие» и «несостоявшиеся» государства в мировой экономике и политике. М., 2007 г.
81. Абрамова И.О. Африканская миграция: опыт системного анализа. М., 2009.
82. Абрамова И.О. Африка: социально-экономическая мобильность населения и проблемы образования // Азия и Африка сегодня. 2009. № 8. С. 40-45.
83. Абрамова И.О. Социально-экономические особенности африканской урбанизации (на примере Египта) // Проблемы современной экономики. 2009. № 3. С. 118-123.
84. Абрамова И.О. Денежные переводы мигрантов: роль в социально-экономическом развитии Африки // Мировая экономика и международные отношения. 2009. № 7. С. 82-90.

85. Абрамова И.О. Испания – новый центр притяжения африканских мигрантов // *Азия и Африка сегодня*. 2010. № 6. С. 18-24.
86. Абрамова И.О. Глобальный экономический кризис и страны Африки// «Мировая экономика и международные отношения». 2009. № 9. С. 90-98.
87. Баранник М.И. Обзор по проблеме незаконной трудовой миграции в Европе / *Организованная преступность, миграция, политика* под ред. А.И. Долговой. М.: Мировая экономика, 2006.
88. Бекетов Н.В. Экономическая глобализация и финансовые кризисы // *Проблемы современной экономики*. Спб., 2008, № 1(25).
89. Васильев А.М., Кукушкин В.Ю., Ткаченко А.А. "Приватизация. Сравнительный анализ: Россия, Центральная Азия, арабские страны (Институт Африки РАН) (М.: Восточная литература, 2002. – 312 с.)
90. Вестфаль В. Р. Миграция и внутренняя безопасность в концепции Европейского Союза / *Миграция и внутренняя безопасность. Аспекты взаимодействия*. М.: Экспо, 2003.
91. Виганд В. К. Африка. Национальное богатство и международное перераспределение ресурсов / Отв. ред. Фитуни Л.Л. М., 2004.
92. Глазьев С.Ю., Львов Д.С., Фетисов Г.Г. Эволюция технико-экономических систем: возможности и границы централизованного регулирования. М., 1992.
93. Глушенко Г.И. Влияние международной трудовой миграции на развитие мирового и национального хозяйства // М. ИИЦ Статистика России, 2006.
94. Глушенко Г.И. Миграция и развитие: мировые тенденции // *Вопросы статистики* 2008. № 2.
95. Гупта С., Патилло К., Ваг С. Как заставить работать денежные переводы в Африке//*Финансы и развитие*. Июнь 2007. С. 41-42.
96. Гхош Б. Миграция как глобальный вызов и европейская дилемма / *Глобализация: контуры XXI века*. М., 2002.
97. Демченко Т.А. Глобализация социально-экономических процессов. М.: Инфа-М, 2006.
98. Зайончковская Ж.А. Трудовая миграция в СНГ с позиций общества, семьи и личности / *Миграция населения* под ред. О.Д. Воробьевой. Вып. 2. М., 2001.
99. Ионцев В.А. Международная миграция населения и демографическое развитие России / *Международная миграция населения: Россия и современный мир*. 2000. Вып. 5.

100. Ионцев В.А. Международная миграция населения: теория и история изучения. М., 1999.
101. Киссинджер Г. Нужна ли Америке внешняя, политика? М., 2002.
102. Коданьоне К. Опыт иммиграционной политики Италии и некоторые уроки для России // Иммиграционная политика западных стран: альтернативы для России / Под ред. Г. Витковской. М., 2002. С. 134.
103. Красинец Е.С. Международная миграция населения в России в условиях перехода к рынку. М.: Инфо, 1997.
104. Кокшаров А.Н. Европа на игле иммиграции // Эксперт, 7 октября 2002.
105. Лопатов В. В. Экспортно-импортный потенциал стран Африки. М., 2004.
106. Малашенко А.И. Тень ислама над Европой // Международная жизнь, № 9, 2004.
107. Мельянцев В.А. Развивающиеся страны в эпоху перемен. М., 2009.
108. Мигас В., Нечай А. Закономерности современной международной миграции и особенности ее регулирования // Белорусский журнал международного права и международных отношений, № 7, 2002.
109. Мосейкин А.В. Нелегальная иммиграция как фактор экономического развития / Международная миграция населения: Россия и современный мир. 2002. Вып. 9.
110. Москвина М.В. Влияние миграции на социально-экономические проблемы / Миграция и внутренняя безопасность. Аспекты взаимодействия. М., 2003.
111. Переведенцев В.И. Международные миграции в глобализирующемся мире / Дилеммы глобализации. Социумы и цивилизации: иллюзии и риски. М., 2002.
112. Потемкин Ю.В. Гусаров В.И., Муштук О.З., Рыбалкина И.Г., Громова О.Б., Туманова Л.К. Социология производительности: африканский вариант / Ю.В. Потемкин, В.И. Гусаров, О.З. Муштук, И.Г. Рыбалкина, О.Б. Громова, Л.К. Туманова. М., 1996.
113. Потемкин Ю.В. Африка: социальные изменения на исходе XX века // Восток. 1994. № 2.
114. Потемкин Ю.В. Миграции в Африке // Страны Африки 2002. М., 2002.

115. Потемкин Ю.В. Социальный кризис в Африке: безысходность или переходность? Восток. 1999 № 4, с. 65.
116. Радаев В.В. Этническое предпринимательство: мировой опыт и Россия // Полис. 1993. № 5. С. 80.
117. Рощин Г.Е. Внешнеэкономические аспекты регулирования хозяйственного развития стран Африки. / Отв. ред. Морозов В.П. – М., 2004
118. Рощин Г.Е. Иностраннный капитал в экономике стран Африки.
119. Рыбаковский Л.Л. Миграция населения (вопросы теории). М.: Экономика, 2003.
120. Рязанцев С.В. Миграция в странах Европы, Международная Жизнь, № 6, 2003.
121. Рязанцев С.В. Влияние миграции на социально-экономическое развитие Европы: современные тенденции. М., 2005.
122. Соболева И.В. Парадоксы измерения человеческого капитала. М., Институт экономики, 2009.
123. Стратегическая психология глобализации: психология человеческого капитала / Под ред. А.И. Юрьева. СПб., 2006.
124. Тандонне М. Иммиграционная политика во Франции и проблема нелегальной миграции // Иммиграционная политика западных стран: Альтернативы для России / Под ред. Г. Витковской. М., 2002. С. 206-207.
125. Топилин А.В. Рынок труда России и стран СНГ: реалии и перспективы развития. М., 2004.
126. Тремасов К.В. Теория экономических колебаний // <http://www.finam.ru/investor/investments00014/>
127. Фитуни Л.Л. Бегство капитала из Африки. М., 2003.
128. Фитуни Л.Л. Длинные волны в мировой экономике и стадильность глобализации, М. 2004.
129. Черевичко Т.В. Миграционная динамика эпохи глобализации. Саратов, 2002.
130. Altonji, Joseph G. and Card, David. “The Effects of Immigration on the Labor Market Outcomes of Less-Skilled Natives,” in John M. Abowd and Richard B. Freeman, editors, Immigration, Trade, and the Labor Market. Chicago: University of Chicago Press, 1991, p. 201-234.
131. Awases M, Nyoni J, Gbary A and Chatora R. Migration of health professionals in six countries: a synthesis report. World Health Organiza-

tion, WHO Regional Office for Africa, Division of Health Systems and Services Development, Geneva, 2004.

132. Azam P., Gubert F. Migrants' Remittances and the Household in Africa: A Review of Evidence//*Journal of African Economies*. 2006. V. 15, Issue 2.

133. Baines. D. *Emigration from Europe, 1815-1930*. Cambridge, 1991.

134. S. Benhabib. *Reclaiming Universalism:Negotiating Republican Self-Determination and Cosmopolitan Norms/* Berkeley, CA. 2005.

135. Bently J. and Ziegler H. *Traditions and Encounters: A Global Perspective on the Past*. N.Y. 2000.

136. Berry B.J.L. *Long-wave rhythms in economic development and political behaviour //* London, 1991.

137. Black, R. *Making Migration More "Development-Friendly: Temporary Mobility Schemes*. 2004.

138. Borjas, George J. "Assimilation, Changes in Cohort Quality, and the Earnings of Immigrants," *Journal of Labor Economics* 3 (October 1985): 463-489.

139. Borjas, George J., Richard B. Freeman, and Lawrence F. Katz. "How Much Do Immigration and Trade Affect Labor Market Outcomes?" *Brookings Papers on Economic Activity* 1 (1997): 1-67.

140. Boubakri H., 'Le Maghreb et les nouvelles configurations migratoires internationales: mobilité et réseaux'. *Correspondances* No. 68, 2001.

141. Boubakri H., *Transit migration between Tunisia, Libya and Sub-Saharan Africa: study based on Greater Tunis, 2004*, Council of Europe.

142. Brown L. *Population Policies for a New Era*. Wash., 1993.

143. Butlin N.G. *Our Original Aggression: Aboriginal Population of Southeastern Australia, 1788-1850*. Boston and Sydney. 1983.

144. C. de Wenden. *L'immigration en Europe*. P., 1999.

145. Carrington W.J. and Detragiache E. *How Extensive is the Brain Drain? Finance and Development*, June/1999. *Mediterranean migration 2006-2007 report*.

146. Chiswick, Barry R. "The Effect of Americanization on the Earnings of Foreign-Born Men," *Journal of Political Economy* 86 (October 1978): 897-921.

147. Dilip Ratha. *Leveraging Remittances for Development*. Wash., 2007.

148. Dirlik, Arif. "Beijing Consensus: Beijing 'Gongshi.'" University of Oregon. <http://www.en.chinaelections.org/uploadfile/200909/20090918025246335.pdf>
149. Ehrlich P. *The Population Bomb*. Wash., 1968.
150. Geronimi E., L. Cachon and E. Texido 2004. 'Acuerdos bilaterales de migracion de mano de obra: Estudio de casos'. Working Paper 66S. Geneva: ILO.
151. Greenwood, Michael J. "Internal Migration in Developed Countries," in Mark R. Rosenzweig and Oded Stark, editors, *Handbook of Population and Family Economics*, Volume 1B. Amsterdam: Elsevier, 1997, pp. 647-720.
152. Gross D. *Immigration Flows and Regional Labor Markets Dynamics*. Wash., 1998
153. Harris, N. (2004) "Migration without borders: The economic perspective". Discussion Paper, UNESCO, Paris.
154. Haustein H.D. The pathway of dynamic efficiency: economic trajectory of a technical revolution // *The Long-wave Debate* / Ed. by T.Vasko. Berlin, 1987. P. 198-215.
155. Heinz W. From Guests to Permanent Visitors? From the German Guestworker Programmes of the Sixties to the Current Green Card Initiative for IT Specialists? 2002.
156. Hicks R. *The Theory of Wages*. L., 1932.
157. Jaet H., Ragot L., Rajaonarison D. L'immigration: quels effets économiques // *Revue d'économie politique*. 2007. № 4.
158. Joshua Cooper Ramo. *The Beijing Consensus*. The Foreign Policy Centre. L., 2004.
159. Kogane Y. Long waves of economic growth. Past and future // *Futures*. 1988. Vol 20. № 5. October. P. 536
160. D.R. Krauss, *Geografie dell'immigrazione*. Napoli, 2005.
161. Kuusi P. *This World of Man*. Pergamon Press. Oxford. 1985.
162. Maddison A. *The World Economy: A Millennial Perspective*. Paris, 2001.
163. Maddison A. *The World Economy: Historical Statistics*. OECD. Paris, 2003.
164. Mason A. *Population, Capital and Labor*. In: *Population Change and Economic Development in East Asia*. Stanford, 2001.
165. Mernissi F. *ONG Rurales du Haut-Atlas: Les Aït Débrouille Mar-sam*, Rabat. 2003.

166. Mincer J. Family Migration Decisions, *Journal of Political Economy*. N 86 (October 1978): 749–773.
167. S.Mohapatra, D. Ratha, Z. Xu, K. M. Vijayalakshmi Remittance Trends 2006 Migration and Development Brief 2. Development Prospects Group, Migration and Remittances Team. . – Wash. DC: WB, 2007.
168. Moppes D., *The African Migration Movement: Routes to Europe*, Radboud University Nijmegen, 2007.
169. Münz R. Migrants, labor markets and integration in Europe: a comparative analysis. Regional Report for the Global Commission on International Migration (GCIM), Working paper, Regional Hearing on Europe. Budapest, December, 2004.
170. Nanz K-P. *The Schengen Agreement: Preparing the Free Movement of Persons in the European Union* // Bieber R., Monar J. (eds.). *Justice and Home Affairs in the European Union: The Development of the Third Pillar*. Brussels: European University Press, 1997.
171. Philippe Fragues. State Policies and the Birth'Rate in Egypt: from socialism to liberalism// *Population and Development Review*. Vol. 23. N 1. 1997.
172. Park E. Robert Human Migration and the Marginal Man. In: *The Classic Essays on the Culture of Cities*. Ed. Richard Sennett. New York: Appleton-Century-Crofts, 1969.
173. *Poverty and Population Control* / Ed. by Bondestam L., Bergstrom S. ets. L., Acad. Press, 1980. IX.
174. Rasmussen H.K. *No Entry. Immigration Policy in Europe*. Copenhagen, 1997.
175. Roback, Jennifer. “Wages, Rents, and the Quality of Life,” *Journal of Political Economy* 90 (December 1982): 1257-1278.
176. Rodrik, Dani. *Goodbye Washington Consensus, Hello Washington Confusion?* Harvard University, January 2006
177. Said M.E., Kamel M.M. *Egypt*. Chapter in *African Higher Education: The International Dimension*. Cairo, 2008.
178. Santel B. Integriert oder randständig? Zur wirtschaftlichen Situation von Einwanderern in Deutschland. In. *IZA*, N 1, 2002, S. 24 (Bonn).
179. V. Shukka. *Urbanization and Economic Growth*. Delhi, 1996.
180. Simon J.L. *The Economics of Population Growth*. Princeton Univ. Press, Princeton (N.Y.), 1977.
181. Smith W. and Hallward-Driemeier M., *Understanding the Investment Climate* /IMF, Finance and Development, March 2005.

182. Sjaastad, Larry A. "The Costs and Returns of Human Migration," *Journal of Political Economy* 70 (October 1962): 80–93.
183. Spencer S. Recent Changes and Future Prospects in UK Migration Policy. Paper to be presented at the Ladenburger Discourse on Migration 14–15 February 2002
184. Stalker P. Workers Without Frontiers. The Impact of Globalization on International Migration, ILO, Lynne Rienner Publishers, USA, 2000
185. Storesletten K. Sustaining Fiscal Policy Through Immigration // *Journal of Political Economy*. 2000. № 2
186. Summers R., Heston A., Aten B., Nuxoll D. Penn World Tables. Cambridge, 1995.
187. Tarver J.D. Urbanization in Africa: A Handbook. L., 1995.
188. Todaro M. Economic Development in the Third World. N.Y., 1989.
189. H.Uilein «Menschen in der Illegalität – ein vernachlässigtes Problem», In: IZA, Münster, N 1, 2002, S. 40.
190. Urbanization in the Developing World: Current Trends and Need Responses. Wash., 1992.
191. Williamson J. What Washington Means by Policy Reform, // Williamson, John (ed.): Latin American Readjustment: How Much has Happened, Washington: Institute for International Economics 1989.
192. Williamson J. Globalisation, Labor Markets and Policy Backlash in the Past. In: *Journal of Economic Perspectives*. 1998, V.12 (4). P. 51-72.

Периодические издания

193. Азия и Африка сегодня
194. Аль-Ахрам (на арабском языке).
195. Бюллетень иностранной коммерческой информации (БИКИ).
196. Вопросы экономики
197. Восток
198. Международная жизнь
199. Мировая экономика и международные отношения
200. Проблемы современной экономики
201. Auslaender in Deutschland. Berlin.
202. Economist. L.
203. El Pais. Madrid.
204. Frankfurter Allgemeine. Frankfurt am Mein.

205. The Journal of Development Studies. L.
206. Journal officiel des Communautés européennes, P.
207. Revue d'économie politique. P.
208. Official Journal of the European Union, L.
209. The New York Times. N.Y.
210. The Washington Post. Wash.
211. The Washington Post. Wash.

Интернет сайты

212. www.bbc.co.uk
213. www.avert.org
214. www.census.gov
215. www.ifad.org
216. www.libia-olafur.com
217. www.medioclubsouthafrica.com
218. www.migrationpolicy.org
219. www.worldbank.org
220. www.ilo.org
221. www.immigratiedienst.nl
222. www.homeoffice.gov.uk
223. www.icmpd.org
224. www.migrationinformation.org
225. www.ifad.org
226. www.eui.eu
227. www.timesofmalta.com (по миграции)
228. www.fms.ru
229. www.oecd.org
230. www.un.org
231. www.unchs.org
232. www.unfpa.org
233. www.cia.gov
234. www.carim.org
235. www.unhcr.org
236. www.eurofound.europa.eu
237. www.ec.europa.eu
238. www.frontex.europa.eu

Научное издание

И.О. Абрамова

**Население Африки
в новой глобальной экономике**

*Утверждено к печати
Институтом Африки РАН*

Компьютерная верстка и дизайн
Г.М. Абишевой

Подписано в печать 12.12.10 Формат 60x84/16.
Бумага писчая. Гарнитура Таймс. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 30,9. Тираж 500 экз.
Заказ № 54

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии «CherryPie»

www.cherrypie.ru
Тел./факс: (495) 604-41-54
115114, Москва, 2-й Кожевнический пер., д. 12